

НЕКРАСОВСКИЙ
СБОРНИК

I

НЕКРАСОВСКИЙ СБОРНИК

Н. А. Некрасов. Гравюра И. Пожалостина с портрета И. Н. Крамского.
1878 г.

Ленинград. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(Пушкинский Дом)

НЕКРАСОВСКИЙ СБОРНИК

I

Под редакцией
А.М.Еголина, Н.Ф.Бельчикова, Б.И.Бурсова
и В.Е.Евгеньева-Максимова

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1951

МОСКВА ~ ЛЕНИНГРАД

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий сборник составлен, в основном, из докладов и сообщений, прочитанных на Всесоюзной Конференции по изучению жизни и творчества Н. А. Некрасова, которая была созвана Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР в январе 1950 г. и проводилась в Ленинграде, в последней квартире великого поэта. В этой квартире, одновременно являвшейся и местом работы редакции журнала «Современник» — органа революционной демократии, дата смерти Н. А. Некрасова — 8 января — ежегодно отмечается заседанием Ученого совета Института русской литературы. В сборник включены доклады, прочитанные на заседаниях Ученого совета, которые были посвящены 71-й (в 1949 г.) и 72-й (в 1950 г.) годовщинам со дня смерти Некрасова. Помимо того, в сборнике напечатан ряд работ, которые не были прочитаны в качестве докладов или сообщений.

В Некрасовской конференции, наряду с учеными старшего поколения, выступала и научная молодежь, представлявшая не только Москву и Ленинград, но и некоторые другие города Советского Союза.

Ученый совет Института русской литературы вынес решение проводить Всесоюзные Некрасовские конференции ежегодно с тем, чтобы на них подводить итоги и намечать перспективы изучения наследия Некрасова в научно-исследовательских учреждениях и высших учебных заведениях нашей страны.

Материалы этих конференций будут публиковаться в периодических сборниках, объединенных общим заглавием «Некрасовский сборник».

Настоящий сборник представляет собой I том этой серии. Он состоит из двух разделов — «Доклады» и «Сообщения». В первом разделе освещаются различные проблемы творчества Некрасова, во втором — сообщаются некоторые новые данные о его биографии, а также рассказывается о памятных местах, связанных с его жизнью и деятельностью.

ДОКЛАДЫ

Н. Ф. Бельчиков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА I ВСЕСОЮЗНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
Н. А. НЕКРАСОВА¹

Благодаря неустанным заботам партии и правительства и помощи Президиума Академии Наук СССР Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР имеет такое неоценимое сокровище, как Некрасовский музей, где будет проводиться наша конференция.

Мы все, собравшиеся здесь, можем считать для себя большим счастьем то, что имеем возможность в последней квартире поэта принести нашу скромную дань признательности и уважения его памяти. Здесь поэт жил, творил свои неумирающие произведения, общался в течение ряда лет с выдающимися деятелями эпохи 60-х годов. Здесь помещались редакции передовых журналов того времени: сначала «Современника», позднее — «Отечественных записок». Здесь создавались и отсюда выходили ожидавшиеся с нетерпением революционной молодежью боевые книжки этих журналов. В этой квартире год прожил Н. А. Добролюбов. Н. Г. Чернышевский иногда проводил здесь целые дни за работой. В квартире Некрасова бывали многие его великие современники: М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Н. Островский, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Г. И. Успенский, И. Н. Крамской и многие другие.

После смерти Некрасова в его квартире некоторое время жил знаменитый русский ученый — изобретатель электрической свечи — П. Н. Яблочков. Это была первая квартира в Петербурге, осветившаяся электричеством.

Благодаря неустанным заботам партии и правительства Мемориальный музей Некрасова стал действительно сокровищем среди замечательнейших музеев нашей великой страны.

В музее собраны личные вещи и подлинные прижизненные портреты Некрасова и его современников, автографы, скульптура, иллю-

¹ 15 января 1950 г.

страции, сделанные при жизни поэта и в наше время к его произведениям, первые издания произведений Некрасова.

Экспозиция музея на тему «Жизнь и творчество Н. А. Некрасова» ярко показывает любовь великого поэта-патриота к Родине, идейные и деловые связи поэта с революционерами-демократами — Белинским, Чернышевским, Добролюбовым.

В квартире-музее все напоминает о великих русских революционерах-демократах — Некрасове, Чернышевском, Добролюбове, о которых А. А. Жданов в своем докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» говорил:

«Некрасов называл свою поэзию „музой мести и печали“. Чернышевский и Добролюбов рассматривали литературу как святое служение народу... Как же можно забыть эти славные традиции?»¹

Задача Института и руководителей этого музея состоит в том, чтобы не только беречь и сохранять собранные в музее ценности, но и сделать музей действенным центром популяризации и изучения творчества Некрасова и литературного наследия революционных демократов.

Эта задача почетна и ответственна, ибо наследство революционных демократов высоко оценено в трудах наших вождей Ленина и Сталина, в исторических постановлениях ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. Творчество Некрасова входит в тот золотой фонд русской классической литературы, лучшие традиции которой восприняты и творчески перерабатываются нашей передовой, самой идейной в мире советской литературой.

Некрасов, оказывая благотворное влияние на развитие последующей литературы, создал целую творческую школу в русской литературе. Благотворное творческое воздействие Некрасова испытали великий поэт советской эпохи Владимир Маяковский и такие талантливые поэты нашего времени, как Твардовский, Исаковский и другие. Изучая и пропагандируя наследие Некрасова и других великих русских революционеров-демократов, мы выполняем завет великого Ленина, который в своей статье «Памяти Герцена» сказал:

«Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы...»²

Добрый посев, заложенный щедрой рукой Некрасова, дал обильные всходы. Вся советская страна чтит память поэта, который говорил:

¹ Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Госполитиздат, 1946, стр. 26.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 15.

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживет...

(«Зине», 1876)

Призывая своих современников служить народу и «великим целям века», Некрасов сам своим творчеством осуществил эти заветы, и поэтому он является для нас не только историческим деятелем прошлого, но и живым современником.

* * *

Конференция, посвященная изучению жизни и творчества Некрасова, должна стать значительной вехой в научной жизни Института и в деле развития некрасововедения. Она должна положить начало плодотворной и полезной традиции в жизни нашего научного отряда некрасововедов.

Конференция объединила многих ученых, исследователей жизни и творчества Некрасова. В числе участников и докладчиков на конференции присутствуют представители старейшего поколения, наши маститые некрасоведы, а также представлено и молодое поколение некрасововедов, работающих в Москве, Ленинграде, Карело-Финской ССР, Ярославской области и др.

Мы уже сейчас видим из программы заседаний конференции, что, подводя итоги изучению в области некрасововедения, участники конференции выдвигают в докладах новые, важные вопросы изучения творчества Некрасова.

Конференция представляет собой до известной степени смотр творческих сил некрасововедов и должна помочь Институту создать в Музее Некрасова такой центр, где все изучающие Некрасова могли бы получить указания, помощь и руководящие советы.

Перед изучающими творчество и жизнь великого поэта стоят значительные и большие задачи. При несомненных достижениях в этой области многие стороны в разнообразном литературном наследии Некрасова еще недостаточно обследованы, например его проза, драматургия, литературная критика.

Прочно утвердив в сознании исследователей, преподавателей, студентов вузов и широких кругов советских читателей ленинское понимание значения и смысла творчества Некрасова как великого поэта революционной демократии, некрасоведы еще не до конца раскрыли в своих работах смысл и значение слов Чернышевского в письме к Некрасову от 5 ноября 1856 г. о том, что Некрасов мог стать «в поэзии создателем совершенно нового периода».¹ И Некрасов совершил это великое дело, создав целое направление — некрасовскую школу.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, Гослитиздат, 1949, стр. 323.

Справедливость требует сказать, что в последние годы пробудился интерес к изучению школы Некрасова, его последователей в области поэзии. В вузовских программах появились указания о школе Некрасова. Вопреки мнению Н. Котляревского и других, считавших, что Некрасов не стал родоначальником нового направления в поэзии, современные некрасоведы (в первую очередь А. М. Еголин) уделяют большое внимание обследованию плодотворного влияния Некрасова на современных ему поэтов и литературу последующего времени. Если наше литературоведение ясно представляет значение пушкинских традиций в истории русской литературы, то в отношении роли некрасовских — сделано еще очень мало.

Необходимо раскрыть до конца, во всей полноте связь реализма Некрасова с народным творчеством. И все же эта тема не будет исчерпана и освещена до конца в выступлениях на конференции. В обильной литературе о Некрасове все еще остается в тени такая ценная черта в художественном творчестве Некрасова, как использование поэтом поэтических приемов народной поэзии. Так, в своей замечательной поэме «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов, утверждая право народа на революционное выступление против своих угнетателей, рисует героический образ народа. Народ олицетворен в образе богатыря, которому принадлежит будущее. Савелий — «сермяжный богатырь» — воплощает в себе мощь народа, могущество революционных сил русского крестьянства. Путь, рост сознания Савелия символизирует путь и рост сознания широких масс крестьянства: от покорности и от молчаливого терпения — к протесту и борьбе.

Образ богатыря, наделенный сказочно-былинными чертами, имеет реально-исторический колорит. Он имеет политический реальный аспект, связанный с идеей крестьянской революции. В этой трактовке былинного богатыря, олицетворяющего могущество революционных сил и устремлений народа, за Некрасовым следовал В. Маяковский.¹

Фольклорный образ, использованный Некрасовым для пропаганды идей революции, отражал конкретно-исторические черты эпохи. В. И. Ленин писал об этой поре освободительного движения: «...падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу».²

Некрасов сам признавал, что символ народа, богатыря-революционера, внушен был ему самим народом: «Передо мною никогда не изображенными стояли миллионы живых существ! Они просили любя-

¹ Подробнее о сходстве и отличии в этом Маяковского от Некрасова см. в статье: А. И. Метченко. Поэма В. В. Маяковского «150 000 000». «Уч. зап. Куйбышевск. Гос. пед. инст.», 1947, № 8, стр. 21—22.

² В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 65.

шего взгляда! И что ни человек — то мученик, что ни жизнь, то трагедия!».¹

Подобный прием знает и советская поэзия наших дней. Так, М. Исаковский, желая обрисовать величие массы, говорит о ее богатырских силах:

От бескрайной равнины Сибирской
До Полесских лесов и болот
Поднимался народ богатырский,
Наш великий советский народ.

Выходил он — свободный и правый,
Отвечая войной на войну,
Постоять за родную державу,
За могучую нашу страну.

(«Слава народу»)

То же читаем у В. Лебедева-Кумача в «Песне о Сталинграде»:

И, собрав богатырские силы,
Порасправивши грудь во всю ширь,
Всех несметных врагов
У родных берегов
Разгромил Сталинград-богатырь.

Поэзия Некрасова явилась ярким художественным воплощением великих идей революционной демократии и органически связана с эстетикой Чернышевского и Добролюбова. Последний, характеризуя былинны́ времени удельных междоусобиц и татарского ига, отметил, что народ в ту пору, не имея в окружающей действительности «никакого средства управиться с своими поработителями», все же «не оставлял мечтать о средствах освобождения». Эпическая песня была «...сначала горьким упреком настоящему, а потом, доставляя народу забвение и даже утешение, стала увлекать его и заставляла применять прежние события к современному течению дел».²

Поэтический прием, разработанный Некрасовым, является одной из предпосылок приближения поэзии к массам. Применение этого приема связано с огромными трудностями. «...Аллегорическая форма, — писал В. Г. Короленко о поэме Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“, — очень трудна именно вследствие своей легкости. Это парадокс только кажущийся. В объяснение я могу сослаться на стихотворный размер, каким написана некрасовская поэма „Кому на Руси жить хорошо“. Размер этот, введенный впервые Некрасовым и у него оригинальный, очень привлекает неопытных поэтов... Но дело в том,

¹ П. Безобразов. Воспоминания о Н. А. Некрасове. Газ. «Правда», Женева, 1883, № 20, 13 февраля, стр. 4.

² Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. I, 1934, стр. 216.

что этот стих, именно вследствие своей легкости, требует от Некрасовского таланта метких народных оборотов, ярких картин; нужно, чтобы образы своими переливами скрасили однообразие и монотонность стиха. Нужно, наконец, чтобы стиль был выдержан строго, чтобы фраза, требующая короткости, — была сжата, проста и образна.

«То же и с аллегорией. Нетрудно нарисовать белую даму в темной долине, указующую величавым жестом на отблеск зари. Нарисовать даже очень нетрудно, — но в высшей степени трудно заинтересовать этой старой знакомой читателя. Для этого нужна, во-первых, оригинальность идей, во-вторых — ее ясность и законченность, в-третьих — полная выдержанность образа.

«Если форма аллегории взята из природы, — нужно, чтобы природа по возможности нигде не искажалась: данное явление должно развиваться органически стройно, в своей обычной последовательности, и вместе с тем этот процесс должен быть проникнут насквозь отвлеченной идеей. Форма, образ и идея должны развиваться каждое по своим законам и все-таки вполне параллельно. Иначе явится или невыдержанность мысли, — если идея будет принесена в жертву образу, — или наоборот — невыдержанность образа. И тогда мы говорим, что аллегория притянута за волосы».¹

Некрасов в своей поэзии достигает изумительного единства содержания и формы. Новое содержание облечено у него в новую форму. Некрасов противопоставил ненавистной и подлой действительности мир народных сказаний, чарующий образ былинного эпоса, образ богатыря — человека высоких чувств, не изуродованного ни феодальным гнетом, ни властью капиталистического стяжательства. Ярко оппозиционный характер положительного коллективного героя, в котором Некрасов воплотил коллективную идею, идею политической борьбы масс, выражал чаяния и надежды народа и в то же время силу художественного таланта великого поэта. Некрасов в своей поэзии проводил теорию революционных демократов о жизненности и силе идейного искусства и ниспровергал тем самым теорию «чистого искусства», против которой боролись его единомышленники. Добролюбов писал: «Здесь мы расходимся с приверженцами так называемого *искусства для искусства*, которые полагают, что превосходное изображение древесного листочка столь же важно, как, например, превосходное изображение характера человека... Но мы никогда не согласимся, чтобы поэт, тратящий свой талант на образцовые описания листочков и ручейков, мог иметь одинаковое значение с тем, что с равною силою таланта умеет воспроизводить... явления общественной жизни».²

¹ В. Г. Короленко. Дневник, т. I, ГИЗ Украины, 1925, стр. 101, 102.

² Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. II, 1935, стр. 10.

Сила Некрасова в высокой идейности, передовой политической направленности, обеспечившей бессмертие его поэзии, сохраняющей свое обаяние и по сию пору.

* * *

Пожелаем конференции завершить свою работу изданием трудов, где были бы помещены не только доклады участников конференции, но и те материалы, которые связаны с именем великого поэта Некрасова и находятся в распоряжении Института и Музея Некрасова.

Позвольте от души пожелать успеха конференции и открыть ее заседания.

А. М. Еголин

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА НЕКРАСОВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ¹

Нет такой отрасли науки, которую не оплодотворила бы творческая мысль товарища Сталина. Для определения очередных и актуальных задач советского литературоведения имеют исключительное значение указания товарища Сталина на преобразующий характер передовых идей. Отсюда следует признание освободительной, революционизирующей роли за литературой, выражающей передовые идеи. Отсюда прямой долг исследователей литературы путем анализа произведений того или иного писателя устанавливать закономерности рождения новых идей в литературе из конкретной жизни общества. Отсюда обязанность историков литературы показывать идейное значение наследства писателей прошлого, вдохновляющую роль передовой литературы в духовной жизни общества. Наряду с этим, литературовед должен видеть, как реакционные произведения художественной литературы, выражающие старые идеи и служащие интересам отживающих сил, тормозили развитие общества, задерживали его продвижение вперед.

Товарищ Сталин указывает на особенно большую роль новых идей в деле мобилизации и организации масс в революционные эпохи. Учение товарища Сталина о роли идей — теоретическая база для борьбы с вульгаризаторами в области литературоведения, утверждавшими, что писатель занят только пассивным воспроизведением фактов жизненной действительности.

Из этих принципиальных положений товарища Сталина следует весьма плодотворный вывод для советских ученых, позволивший им разбить вульгарно-социологический взгляд на явления литературы. Лет двадцать назад среди многих литературоведов было распространено мнение, что писатели являются идеологами того или иного класса, не способными выйти за его рамки, что история литературы — выражение идеологии господствующих классов. По интерпретации

¹ Прочитано 15 января 1950 г.

Переверзева и его учеников выходило, что Пушкин — идеолог капитализирующегося дворянства, Гоголь — мелкопоместный дворянин и т. д. Творчество художников слова изучалось вне связи с народом и общественным движением эпохи. Великие русские писатели «прорабатывались» как защитники эксплуататорских классов. Монографии о классиках зачастую представляли собой как бы «дело по обвинению» Пушкина или Гоголя в отстаивании интересов дворянства, феодализма и т. д. Эти литературоведы зачастую использовали слабые стороны теоретических положений Г. В. Плеханова, как известно, выполнившего большую работу по популяризации марксизма, но в то же время допустившего грубые вульгарно-социологические ошибки.

Гениальные работы К. Маркса и Ф. Энгельса, ленинская теория отражения, статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», письма и многочисленные указания товарища И. В. Сталина писателям и литературным организациям создали основу марксистского литературоведения. Великое значение для литературоведения, как и для всех наук, имеют недавно опубликованные работы товарища И. В. Сталина по вопросам языкознания. В. И. Ленин и И. В. Сталин учат нас видеть в передовой русской литературе глубочайшее отражение социальной борьбы, выражение интересов, чаяний и настроений широких трудящихся масс.

Русские писатели создали бессмертные творения не только в силу своей гениальной одаренности, но и потому, что они дали в художественных образах глубокий анализ действительности.

На основе учения товарища Сталина легко разоблачить антимарксистскую сущность теории «единого потока», согласно которой вся классическая литература рассматривается как единое целое, без учета борющихся социальных сил в обществе. В соответствии с этой буржуазно-объективистской теорией, развитие литературы в прошлом протекало без антагонистических противоречий, без борьбы классов и партий.

Выступая против подобных «теорий», М. Горький в 1930 г. писал:

«Умники могут сказать, что старая литература „объединяет весь культурный мир“, и сошлутся на влияние Достоевского, все более растущее в Европе. Я предпочел бы, чтоб „культурный мир“ объединялся не Достоевским, а Пушкиным, ибо колоссальный и универсальный талант Пушкина — талант психически здоровый и оздоравливающий».¹

Рассматривая с точки зрения марксизма-ленинизма творчество Достоевского, партийная печать выступила против идеализации его реакционных взглядов некоторыми литературоведами. Известно, что Достоевский после каторги стал страстным врагом материализма,

¹ М. Горький. Литературно-критические статьи, 1937, стр. 397.

демократии и социализма. В произведениях Достоевского этого периода проводятся реакционные идеи, а в романе «Бесы» деятели революции изображены клеветнически.

Отсутствие партийного, большевистского отношения к литературе прошлого приводило к идеализации Достоевского, этого, по выражению Горького, «злого гения».

В. И. Ленин впервые раскрыл величие Л. Толстого. Он говорил, что из писателей Европы некого поставить рядом с ним. И. В. Сталин назвал имя Л. Толстого в числе величайших имен русской нации. Однако из такой высокой оценки Лениным и Сталиным творчества Толстого вовсе не следует, что можно допустить идеализацию толстовщины и не замечать тех реакционных сторон в его творчестве, которые со всей резкостью в свое время были осуждены Лениным.

Совершенно антинаучный характер имеет одностороннее подчеркивание положительных моментов в мировоззрении даже передовых писателей и игнорирование отрицательных, слабых сторон их деятельности. Подобное освещение явлений прошлого ведет к приукрашиванию истории, ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеющему.

Рассматривая наследство великих деятелей революционной демократии сегодня, в свете наших побед в борьбе за коммунизм, мы можем сказать: сила и обаяние этих писателей — в их безграничной преданности идее полноправия масс, идее народной революции. Эти идеи и явились основой революционного патриотизма Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Щедрина.

Ленин и Сталин высоко оценивали роль революционной демократии в истории нашего освободительного движения и развития общественной мысли. Но из этого не вытекает, что взгляды Белинского, Чернышевского и Добролюбова должны быть «подтянуты» ко взглядам основоположников марксизма, как это делают некоторые литературоведы.

Ленин указал на существенное различие идеологии революционных демократов и неизмеримо более передовой и прогрессивной идеологии пролетарской. «Социалистические мечтания, — писал В. И. Ленин, — превратились в социалистическую борьбу миллионов людей только тогда, когда научный социализм Маркса связал преобразовательные стремления с борьбой определенного класса».¹

В свете дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» особенно отчетливо видны недостатки в области литературоведения. Как философы, так и литературоведы не ведут иногда острой борьбы с врагами материализма, а без уничтожающей критики идейных пороков и ошибок в трудах отдельных ученых невозможно успешное развитие советского литературоведения.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 412.

Сведение истории литературы к чисто литературным, формальным аналогиям по сходству превращает историю литературы в узко специальную, крохоборческую дисциплину, лишенную подлинно научной основы.

В целях преодоления отставания нашего литературоведения необходимо широкое развертывание критики и самокритики в научной среде, в институтах, на кафедрах, в печати. В 1930 г. товарищ Сталин писал А. М. Горькому:

«Мы не можем без самокритики. Никак не можем, Алексей Максимович. Без нее неминуемы застои, загнивание аппарата, рост бюрократизма, подрыв творческого почина рабочего класса. Конечно, самокритика дает материал врагам. В этом Вы совершенно правы. Но она же дает материал (и толчок) для нашего продвижения вперед, для развязывания строительной энергии трудящихся, для развития соревнования, для ударных бригад и т. п. Отрицательная сторона покрывается и перекрывается положительной».¹

Товарищ Сталин определил ленинизм как высшее достижение русской культуры и показал ее ведущую роль в развитии социалистической культуры в СССР. По определению товарища Сталина, русский народ «является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза», он заслужил в Великой Отечественной войне «общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны».²

Высочайшая оценка Сталиным русской культуры послужила основой для громадной работы по пропаганде русской литературы как нашего национального достояния. Советские ученые в своих трудах раскрыли идейную глубину, широту и страстность в постановке социальных вопросов передовыми русскими писателями. Наши литературоведы показали, как велика была роль русской литературы в духовном развитии народа, как благотворно влияла она на развитие революционного движения в России.

В изучении литературы прошлого наблюдается нередко уравнительный подход, недоучет того, какими фактами исторической действительности данное произведение порождено и какие тенденции исторического процесса оно отражает. Это особенно наглядно проявлялось в многочисленных ошибках и искажениях при интерпретации патриотических идей и образов отдельных писателей. Исследователи забывали, что до Великой Октябрьской социалистической революции патриотизм был неразрывно связан с борьбой против царизма и что вне сочетания с освободительными стремлениями он превращался часто в свою про-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 12, стр. 173.

² И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946, стр. 196.

2 Некрасовский сборник

тивоположность, приводил к оправданию и утверждению рабства и угнетения.

Патриотические идеи и образы русской литературы прошлого должны изучаться и осмысливаться в свете ленинского учения о двух культурах. В. И. Ленин писал:

«Есть две нации в каждой современной нации — скажем мы всем национал-социалам. Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова».¹

В нашем социалистическом обществе впервые в истории полностью совпали интересы государства с интересами народа. Освобожденное от неизбежного при эксплуататорском строе противоречия, патриотическое чувство в советском обществе приобрело небывалое развитие.

Советский ученый должен отделять в истории любой национальной культуры прогрессивное от реакционного, брать все, что есть в ней передового, отбрасывая консервативное. В. И. Ленин писал: «... мы из каждой национальной культуры берем *только* ее демократические и ее социалистические элементы, берем их *только* и *безусловно* в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму *каждой* нации».²

Это положение Ленина является генеральной установкой в нашем изучении всей литературы прошлого.

В области науки реакционной идее «искусство для искусства» соответствует не менее реакционный принцип — «наука для науки». Трудно найти сейчас советского литературоведа, который стал бы защищать этот принцип. Но в практической работе этот принцип дает еще себя чувствовать в том, что некоторые ученые не делают различия между важными, существенными темами и темами неактуальными. Казалось бы, насколько актуальнее темы, связанные с вопросами критического реализма, со стилем революционно-демократической литературы, чем темы, связанные, например, с вопросами творчества дворянских поэтов начала XIX в. Однако некоторые литературоведы предпочитают брать для своих исследований именно такие малозначительные темы. Зачастую разработка какого-нибудь второстепенного вопроса из истории допушкинской литературы считается у нас подлинно ученым занятием, а разработка проблем советской литературы — занятием не ученым, это-де область критики.

Тормозом в развитии нашего литературоведения является также увлечение ученых частными вопросами, нежелание делать систематические обобщения. Некоторые ученые считают, что время для обобщений все еще не настало, что нужно еще накапливать материал.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 16.

² Там же, стр. 8.

Отсюда недостаточное количество у нас серьезных историко-литературных монографий, подводящих итоги изучения данной проблемы и дающих основу для дальнейшей работы.

В свете изложенных мною кратких положений из основных задач советского литературоведения ясными становятся задачи изучения творчества Некрасова.

Великая Октябрьская революция освободила сочинения Некрасова от тяжелых увечий, которые наносила этим сочинениям царская цензура. Каждая новая строка, публикуемая некрасововедами в советское время, показывает Некрасова как поэта крестьянской революции.

Советские литературоведы много и усиленно изучают творчество Некрасова. В области анализа и характеристики содержания некрасовского творчества налицо бесспорные достижения. Исходя из ленинских оценок, наши литературоведы правильно раскрыли идейный смысл и историческое значение поэзии Некрасова.

Значительная часть работ советских литературоведов создана под влиянием статьи Г. В. Плеханова, написанной к двадцатипятилетию со дня смерти поэта. Известно, что в свое время статья Плеханова имела крупное значение. Плеханов отметил демократический характер творчества Некрасова, противопоставил социальную направленность его поэзии творчеству дворянских писателей, не занимавшихся «крещеной собственностью» или изображавших народ «...мимоходом и только в той мере, в какой он нужен художнику для того, чтобы изобразить душевное состояние героя-дворянина...». Плеханов правильно подчеркнул громадное значение Некрасова как «поэтического выразителя целой эпохи нашего общественного развития».¹ Но, как и в некоторых других работах Плеханова, в статье о Некрасове, наряду с верными утверждениями, есть ряд положений, которые являются спорными или часто неверными.

В статье Плеханова о Некрасове содержатся серьезные ошибки в характеристике движущих сил буржуазно-демократической революции. В плехановской критике народничества не было понимания конкретных условий развития России. Для него характерны чрезмерная переоценка либерализма, а также неправильный взгляд на крестьянство.

В противоположность плехановской оценке В. И. Ленин подходил к критике народничества с точки зрения задач социалистической революции в России. Ставя вопрос о том, как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии, В. И. Ленин писал: «И на этот вопрос нельзя ответить, не приняв во внимание двойственный характер этого класса... Он является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т. е. борется против каких

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. X, стр. 379. В дальнейшем цитируется это издание.

бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества; он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении... Эти две стороны мелкобуржуазной программы следует строго различать и, отрицая какой бы то ни было социалистический характер этих теорий, борясь против их реакционных сторон, не следует забывать об их демократической части».¹

Своеобразие народнической литературы Плеханов объясняет, исходя из исторического и общественного положения разночинца. В соответствии с общим пониманием народничества как идеологии разночинной интеллигенции, Плеханов останавливается на характерных особенностях разночинца: преобладание общественных интересов над личными, стремление к изменению общественных отношений и т. п.

В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин отмечал, что в характеристике Герцена либеральная критика тщательно скрывала, «чем отличался *революционер* Герцен от либерала».² Как известно, Некрасов был убежденным демократом и расходился с либералами в несравненно большей мере, чем Герцен. Тем обязательнее для всякого критика противопоставить Некрасова либералам. Плеханов этого не делает. В своей статье о Некрасове он замалчивает некоторые сильные стороны его поэзии.

Плеханов затушевывает боевые черты революционной поэзии Некрасова, говоря о неверии Некрасова в народ, в его революционное дело. «Его народ, — пишет о Некрасове Плеханов, — не умеет бороться и не сознает необходимости борьбы» (X, 389). По мнению Плеханова, Некрасов рисовал исключительно безотрадные картины, косность инертной крестьянской массы.

В доказательство того, что Некрасов не верил в народ, Плеханов ссылается на стихотворение Некрасова «Размышления у парадного подъезда», которое заканчивается вопросом: что же значит бесконечный стон народа и не является ли народ духовно навеки почившим?

Но ведь здесь Некрасов говорит не вообще о безотрадности жизни крестьянина и его «стоне», а применительно к конкретным условиям социально-экономической действительности, породившим эту безотрадность. Песня-стон есть порождение тяжелой жизни крестьянина. Идеолог крестьянской демократии, Некрасов знает, что с изменением жизненных условий народа появятся и радостные песни. В заключительной части поэмы «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов пишет:

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 270

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 9.

О время, время новое!
Ты тоже в песне скажешься,
Но как?.. Душа народная!
Воссмеяся ж, наконец!..

(«Веселяя»)

Этот взгляд Некрасова близок к мыслям Чернышевского, объясняющим многие черты русского крестьянина внешними «обстоятельствами»:

«Когда пробуждается в нем усердие к делу, он обнаруживает чрезвычайно замечательную неутомимость и живость к работе. Но для этого бывает нужно ему увидеть себя самостоятельным, почувствовать себя освобожденным от стеснений и опеки, которыми вообще он бывает подавлен».¹

Плеханов подошел антиисторически и к оценке стиля некрасовской поэзии. Не видя закономерности появления нового стиля, он оказался в зависимости от эстетской критики, которая, с точки зрения своих канонов, осуждала враждебный ей стиль Некрасова.

В первых же строках своей статьи Плеханов чудовищно умаляет достоинства поэзии Некрасова, говоря о ней как о недостаточно сильной, «топорной работе». Отмечая неблагозвучие шипящих в «Рыцаре на час» («От ликующих, праздно болтающих, Обагряющих руки в крови, Уведи меня в стан погибающих За великое дело любви!»), неудовлетворительность «Размышлений у парадного подъезда» *«даже по своему внутреннему строению»* (X, 378) и т. д., Плеханов не понял, что особенности тематики, образов, языка Некрасова являются выражением определенного мировоззрения. Развенчивая Некрасова как поэта, Плеханов пытается опереться на Белинского:

«Наш гениальный критик В. Г. Белинский писал одному из своих московских друзей о Некрасове: „Что за талант у этого человека, и что за топор его талант!“ Эта восторженная похвала не лишена некоторой двусмысленности. Топор — очень полезное орудие труда; он составляет одно из первых по времени культурных приобретений человека. Но вещи, сделанные топором, обыкновенно неизящны; недаром мы говорим: „топорная работа“. И надо признать, что произведения Некрасова часто представляют собою именно такую работу» (X, 377).

На самом деле Плеханов дает ошибочную интерпретацию оценки Белинским поэзии Некрасова. Чтобы убедиться в том, что Белинский никакой «двусмысленности» в свой отзыв о стихах Некрасова не вкладывал, процитируем полнее упоминаемое Плехановым письмо. 19 февраля 1847 г. Белинский писал Тургеневу:

«Судя по „Хорю“, вы далеко пойдете. Это ваш настоящий род. Вот хоть бы „Ермолай и мельничиха“ — не бог знает что, безделка, а хорошо, потому что умно и дельно, с мыслию... Только, ради

¹ «Литературное наследство», кн. 3, 1932, стр. 89—90.

Аллаха, не печатайте ничего такого, что ни то, ни се, не то, чтобы не хорошо, да и не то, чтоб очень хорошо. Это страшно вредит тоталитету известности (извините за кудрявое выражение — лучшего не придумалось). А „Хорь“ вас высоко поднял — говорю это не как мое мнение, а как общий приговор.

«Некрасов написал недавно страшно-хорошее стихотворение. Если не попадет в печать (а оно назначается в 3 №), то пришлю к вам в рукописи. Что за талант у этого человека! И что за топор его талант!».¹

Белинскому импонировали демократические тенденции творчества Некрасова, ярко выраженная антикрепостническая направленность его стихотворений 40-х годов. Реалистическое изображение «петербургских углов», противопоставление забытых и голодных людей тем, у которых «наследственное есть», являлось беспощадным обнажением изнанки современной ему действительности. Творчество Некрасова во всей полноте воплощало в себе те идейно-художественные особенности, которые соответствовали эстетическим принципам «натуральной школы», развиваемым в этот период Белинским.

Белинский очень высоко оценивал те некрасовские произведения, которые печатались в середине 40-х годов. В своем письме к Герцену от 19 февраля 1846 г. Белинский замечает: «Ты прав, что пьеса Некрасова „В дороге“ превосходна; он написал и еще несколько таких же и напишет их еще больше...».² Или в письме к Тургеневу: «высоко ценю Некрасова за его богатую натуру и даровитость».³

Из этих отзывов видно, что Плеханов умалял значение поэзии Некрасова, не имея никаких оснований ссылаться на Белинского, который на основе известных ему немногих произведений поэта периода 40-х годов понял и высоко оценил художественные особенности нарождавшейся новой демократической поэзии.

Сильно исказили роль Некрасова в истории литературы некоторые исследователи, рассматривавшие его творчество вне связи с развитием русской поэзии. Откровенней других этот взгляд на Некрасова выразил Нестор Котляревский: «Предшественников он не имел, не имел и наследников. Школы не проходил и школы не создал. Исследователь, если он займется родословной Некрасова, будет избавлен от кропотливых разысканий. Он начнет эту родословную с него самого и на нем ее кончит».⁴

Часто критики прибегали к противопоставлению Некрасова Пушкину. Как правило, к вопросу подходили антиисторически. Обычно не учи-

¹ В. Г. Белинский, Письма, т. III, 1914, стр. 180—181.

² Там же, стр. 101.

³ Там же, стр. 179.

⁴ Н. А. Некрасов. Неизданные стихотворения, варианты и письма. Из рукописных собраний Пушкинского дома при Российской Академии Наук, П., 1922, стр. 12.

тывалось при противопоставлении двух поэтов различие эпох. В эпоху 20-х годов прошлого века передовой отряд дворянства, в лице декабристов и Пушкина, явился представителем отчетливо пробудившегося общественного сознания. Декабристы действовали при отсутствии развитого народного движения в стране. Тем не менее, «вслед Радищеву», Пушкин «восславил свободу» и в «жестокий век» работал над созданием народного искусства, близкого и понятного массам. Он пел и веселые песни, будучи «веры полн», и грустные, выражающие горе народа.

Пушкин пролагал пути к демократическому гуманизму. Ориентация Пушкина на демократическую тематику в 30-е годы, сочувственное отношение к обездоленным и угнетенным предвосхищали пути дальнейшего развития русской реалистической литературы. Настойчивый интерес Пушкина к взаимоотношениям помещиков и крестьян связывает великого поэта с демократической литературой 60-х годов. Истинными наследниками Пушкина в эпоху 60-х годов были поэты и писатели революционно-демократического направления.

В. И. Ленин говорил, что «хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством».¹

Щедрин и Некрасов развивали принципы пушкинского реализма в новых условиях. В поэзии великим преемником Пушкина в эпоху 40—60-х годов выступил Некрасов, развивавший в новых условиях ведущие черты пушкинской поэзии: идейность, народность, реализм, простоту и ясность выражения чувств и мыслей.

Поколение революционеров-демократов связано уже с иной эпохой, чем та, в которой жил Пушкин. О шестидесятниках по сравнению с дворянскими революционерами В. И. Ленин говорил: «Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом».²

Несмотря на обильную критическую литературу о творчестве Некрасова, его поэзия остается до сих пор мало изученной в эстетическом отношении. Гениальные замечания Чернышевского и Добролюбова о характере поэзии Некрасова не получили своего развития в литературоведческих трудах, посвященных творчеству Некрасова.

Успешному освоению лучших достижений литературы прошлого, пониманию принципов творческой практики великих русских писателей в сильнейшей мере мешал вульгарный социологизм, имевший в советском литературоведении широкое распространение. Безмерная социологизация литературных явлений вела к недооценке художественного наследства. М. Горький метко сказал по поводу подобных «проработок» классиков литературы:

«Посмотрите, как долго мы помним, что Пушкин писал лестные стихи Николаю I, Некрасов играл в карты, Лесков — автор романа «На но-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 494.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 15.

жах» и т. д. Это — злая память маленьких людей, которым приятно отметить проступок или недостаток большого человека, чтобы тем принизить его до себя».¹

Искренний художник, у которого идея переходила в кровь и в плоть, Некрасов создал великую поэзию «мужицкого демократизма». Некрасов сознавал значение своей поэзии, заявив в конце своего жизненного пути А. Н. Пыпину, что ему удалось после периода исканий найти в стихах «свой собственный род, не взятый ни у кого».²

Некрасов — это целое направление в русской поэзии, школа, с характерной для нее тематикой, образами, особенностями стиха, языка.

Творчество Некрасова направлялось по восходящей линии развития демократического сознания, от общих демократических мотивов в 40-е годы к мотивам революционной крестьянской демократии в 60—70-е годы. Белинский, первый учитель Некрасова, воспитывавший его в духе демократизма, воспринимается поэтом как борец за народ, за его счастье, за его светлое будущее.

Некрасов критически осваивал богатое наследие поэтической культуры, в первую очередь великих поэтов Пушкина и Лермонтова, а наряду с ними — Рылеева, Полежаева, Кольцова и многих других, явившихся предшественниками Некрасова.

Появление нового направления в русской поэзии, главой которого является Некрасов, было обусловлено выходом на историческую арену новых общественных групп, новых читателей, предъявлявших новые требования к литературе.

Среди дворянских поэтов находились талантливые люди, как Фет или А. К. Толстой, создавшие произведения высокого художественного мастерства. Но никто из них исторически не имел данных к созданию ценностей более высокого качества, чем Пушкин и поэты его школы.

И вот в этой-то обстановке властно выступил на литературную арену Некрасов, даровитейший поэт городских бедняков и многомиллионной крестьянской массы, пробуждающейся к сознательной жизни.

Некрасов ищет новые поэтические формы, понятные массам, «толпе». Понятию особого, замкнутого «поэтического» языка дворянских поэтов Некрасов противопоставляет демократический язык народных масс и разночинной интеллигенции. Он борется против «гладкости» привычных традиционных стихов. В 1850 г. Некрасов в критической статье писал:

«Наша литература, возникшая и укрепившаяся в самое короткое время, находится уже на той стелени, когда изящная форма почитается не достоинством, а условием необходимости... Пушкин и Лермонтов до такой степени усвоили нашему языку стихотворную форму,

¹ М. Горький, Статьи 1905—1916 гг., изд. 2-е, 1918, стр. 95.

² «Современник», 1913, кн. 1, стр. 231.

что написать теперь гладенькое стихотворение сумеет всякий, владеющий в некоторой степени механизмом языка; и потому гладкость и правильность стиха не составляет уже в наше время ни малейшего достоинства...».¹

Стихи поэта революционной демократии не укладывались в рамки и каноны старых литературных форм. Острое содержание требовало адекватной художественной формы, максимально выразительной, действенной. Некрасовская муза заговорила в «трудное» и «лихое» время «буйным языком». Некрасов услышал «музыку злобы» преисполненных гневом народных масс. Недаром Тургенев, отрицательно относившийся к поэзии Некрасова в период 60-х годов, все же заметил, что стихи его, собранные в один фокус, «жгутся».

Некрасов явился первым великим демократическим поэтом, достигшим в области нового стиля предельной высоты. Естественно, что могучая поэзия Некрасова наложила отпечаток на все последующее развитие русской поэзии.

В поэзии Некрасова органически сочетались передовые идеи и любовь к народу, правдивое изображение действительности и революционная страстность.

Некрасов был революционером в области искусства, так как он интересы народных масс, благо народа сделал исходными, определяющими моментами в оценке всех жизненных явлений. Все свои сокровенные думы и чаяния Некрасов связал с делом служения народу. В беседе с Пыпиным Некрасов одной фразой метко определил свое значение, заявив, что у него, как «ни у кого из наших писателей, не говорилось так прямо о „деле“ — не было рутинных пустяков».²

Некрасов создал особый стих, органически связанный с общим характером его поэзии — «музы мести и печали». Печальный стих Некрасова отражал настроения тяжести и гнета жизни, испытываемые народными плебейско-крестьянскими массами в условиях крепостнического строя. Этот некрасовский пронзительно-унылый стих ударял о людские сердца и звал лучших людей на борьбу с царящим злом. Недаром «Отечественные записки» писали, откликаясь на смерть поэта: «Маршем победным, друзья, нам звучат Скорбные песни поэта...».³

Задачу писателя в данной исторической обстановке Некрасов видел в том, чтобы «честно биться», «маску дерзостно срывать с глупца и негодая».

* * *

Советская наука о Некрасове, отбросив антинаучные измышления либерально-буржуазного некрасоведения, освободившись от искаже-

¹ «Современник», 1850, № 19, «Смесь», стр. 42—43.

² «Современник», 1913, кн. 1, стр. 231.

³ «Отечественные записки», 1878, № 1, стр. 226.

ний народнического, формалистического и вульгарно-социологического толка, впервые раскрывает, в свете ленинского понимания, историческое значение Некрасова как идеолога крестьянской революционной демократии.

Научные усилия в советском некрасововедении идут по трем направлениям: создание действительно полного, научно выверенного текста произведений Некрасова; разработка отдельных проблем его творчества, изучение его мастерства, его значения в истории русской литературы; накопление и систематизация различных архивно-документальных материалов о творчестве и биографии Некрасова.

Первостепенное значение имеет выпуск «Полного собрания сочинений и писем» Некрасова (Гослитиздат), начавшего выходить с 1948 г. и рассчитанного на 12 томов (уже вышло девять). Это издание — итог многолетней работы советских литературоведов по восстановлению искаженных цензурой текстов Некрасова, по розыску новых рукописных материалов поэта. Это — первое, подлинно научное издание Некрасова по своей полноте, точности, наличию обширных историко-литературных и текстологических комментариев. Выход в свет каждого тома «Полного собрания сочинений» Некрасова обогащает советскую культуру.

Большую научную ценность имеют три тома сборника «Литературного наследия», посвященные Некрасову [издание Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР]. Эти книги, представляющие интерес не только для литературоведов-специалистов, но и для самых широких кругов советских читателей, раскрывают некрасовские идеалы борьбы за свободу и утверждение народного счастья, показывают общественный и творческий путь поэта в условиях политической борьбы его времени, выясняют место Некрасова в русской поэтической традиции, борьбу Некрасова с реакционно-охранительной литературой за высокую идейность искусства.

Некрасовские томы «Литературного наследия» своими научными статьями теоретического характера и многочисленными документальными публикациями, относящимися к литературно-художественной, журнально-издательской, общественной деятельности Некрасова и его личной жизни, вносят ценный вклад в советскую науку о литературе.

До выпуска томов «Литературного наследия», посвященных Некрасову, и завершения «Полного собрания сочинений» положительную роль в деле ознакомления исследователей жизни и творчества Некрасова с частью рукописного фонда писателя сыграли научное описание и частичная публикация рукописей художественных произведений Некрасова, его переписки и документов сначала Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина в Москве, а затем Государственной публичной библиотекой им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Но и после завершения «Полного собрания сочинений» Некрасова не исчезнет надобность в таких книгах. Наоборот, давно назрела для советских литературоведов необходимость знать, чем располагает каждый из наших архивов по части литературного наследства великих русских писателей и, в первую очередь, наследства революционных демократов.

До сих пор советское литературоведение еще не имеет научной биографии Некрасова. Первой книгой В. Е. Евгеньева-Максимова «Жизнь и деятельность Некрасова» (т. I, Гослитиздат, 1947) положено начало для создания фундаментального монографического исследования на эту тему.

Ряд книг и статей в последние годы посвящено уяснению отдельных вопросов некрасовской биографии. В. Е. Евгеньеву-Максимову принадлежат: книга «Некрасов и Петербург», определяющая значение Петербурга в жизни и деятельности Некрасова; статья «Некрасов и Петербургский — Ленинградский университет», касающаяся пребывания Некрасова в университете; книга «Некрасов и театр», выясняющая связи Некрасова с театром.

Довольно богата советская наука общими работами о жизни и творчестве великого поэта революционной демократии.

Большое значение имел 125-летний юбилей со дня рождения Некрасова, сопровождавшийся появлением многих работ о Некрасове.

Среди работ о Некрасове, вышедших в последние годы, должен занять заметное место «Научный бюллетень Ленинградского государственного университета», включающий статьи ряда молодых некрасоведов и поднимающий очень разнообразные вопросы, например, «Некрасов и западная литература», «Некрасов и славянская литература», «Некрасов и литература народов СССР». Исследователь не пройдет мимо этой ценной книжки. Некоторые статьи лишь ставят отдельные вопросы, но сама постановка этих вопросов имеет большое значение, она наталкивает исследователей на новые мысли.

В дни Великой Отечественной войны работы о Некрасове вскрыли огромное патриотическое содержание его творчества, его пламенную любовь к Родине, чувство национальной гордости, веру в силу русского народа.

Постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и доклад А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», призвавшие поднять советскую литературу на новую идейно-художественную высоту, поставили проблему более широкого использования действительных принципов революционно-демократической эстетики вообще и, в частности, эстетики Некрасова.

В связи со 150-летием рождения Пушкина была отмечена преемственность двух великих народных поэтов в книге К. Чуковского «Пушкин и Некрасов» и в статье В. Е. Евгеньева-Максимова «Пушкин в освещении Некрасова».

Авторов работ, посвященных изучению отдельных проблем творчества, можно упрекнуть в том, что они нередко слишком узко понимали свои задачи. Преимущественное внимание либо уделялось раннему периоду творчества Некрасова (драматургия и проза), либо обходились главные вопросы. Я не хочу сказать, что этими вопросами не нужно заниматься, — каждая строка из наследия Некрасова для нас драгоценна, — но, наряду с этим, главное внимание нужно уделить поэту, который занимает первое место в истории русской поэзии после Пушкина. Конечно, драматургия Некрасова имеет выдающееся значение, но это не самое главное в его наследии. Драматургию и прозу Некрасова изучать нужно, но наряду с этим нужно в первую очередь изучать некрасовскую поэзию.

Работы о Некрасове на боковые темы выполняются хорошо, с полным знанием дела, но я хотел бы призвать исследователей направить свою энергию в первую очередь на изучение поэтического творчества Некрасова. Задачей нашей конференции является стимулировать усилия ученых по изучению коренных проблем некрасовского творчества. Если год от года наши конференции будут собирать все более и более широкий круг изучающих творчество Некрасова, будет создана полезная традиция, которая, как говорил Н. Ф. Бельчиков, несомненно, будет двигать дело вперед.

В Институте мировой литературы им. Горького Академии Наук СССР создается группа некрасоведов. Желательно было бы организовать известный обмен опытом; будем просить ленинградских литературоведов, изучающих Некрасова, выступить в Москве, в Институте мировой литературы и поделиться своими достижениями.

Конкретные задачи по изучению Некрасова весьма разнообразны и мне всех задач не перечислить, да это и не является моей целью, я затрагиваю только наиболее актуальные темы, которые ждут первоочередного разрешения.

Мне кажется, что нужно больше, чем это было до сих пор, работать над разрешением вопроса о роли Некрасова в освободительном движении нашей Родины. У нас имеются прямые указания В. И. Ленина о Некрасове. Ленин любил Некрасова, ценил его книги. Уезжая за границу, он не мог расстаться с томиком стихотворений Некрасова.

В. И. Ленин указывал «Правде», что нужно цитировать и растолковывать писателей старой народнической демократии, и дооктябрьская «Правда» за 11 месяцев (с ноября 1912 по октябрь 1913 г.) шесть раз выступала со статьями о Некрасове: четыре статьи, инструктивное письмо и обращение к культурно-просветительным организациям. Кроме того, если внимательно перелистать дооктябрьскую «Правду», то мы увидим, что Некрасов упоминается и по другим поводам. Один из авторов на страницах «Правды» говорит

о письмах Чернышевского, и тут же заходит речь о Некрасове. «Правда» пишет: «Так два великих русских писателя-гражданина, один — заживо-погребенный, другой — на пороге открытого уже гроба, обменялись словами последнего привета и любви...»¹ Чернышевский и Некрасов поставлены рядом.

Конечно, на тему о роли Некрасова в освободительном движении написано немало, но этого не достаточно, эту тему нужно все время иметь в виду.

Мне кажется, что к изучению Некрасова нужно подойти с той стороны, с которой характеризовал Некрасова А. А. Жданов в своем докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград». У Жданова есть два упоминания о Некрасове.

В журнале «Ленинград» за 1946 г. (№ 1—2) была помещена пародия А. Флита «Мой Некрасов», в которой автор высмеивает неудачный роман Е. Катерли о Некрасове, опубликованный в журнале «Звезда». Однако пародия является не чем иным, как глумлением над великим поэтом. А. А. Жданов по этому поводу говорит:

«Возьмите другое произведение — пародию на пародию о Некрасове, составленную таким образом, что она представляет из себя прямое оскорбление памяти великого поэта и общественного деятеля, каким был Некрасов, оскорбление, против которого должен был возмутиться всякий просвещенный человек. Однако редакция „Ленинграда“ охотно поместила это грязное варево на своих страницах».

И в другом месте:

«Некрасов называл свою поэзию „музой мести и печали“. Чернышевский и Добролюбов рассматривали литературу как святое служение народу. Лучшие представители российской демократической интеллигенции в условиях царского строя гибли за эти благородные высокие идеи, шли на каторгу, в ссылку. Как же можно забыть эти славные традиции? Как можно пренебречь ими, как можно допустить, чтобы ахматовы и зощенки протаскивали реакционный лозунг „искусства для искусства“, чтобы, прикрываясь маской безидейности, навязывали чуждые советскому народу идеи?!..»

«Ленинизм признает за нашей литературой огромное общественно-преобразующее значение».²

Вот с какой стороны важно подойти к изучению творчества Некрасова.

Затем я хотел обратить внимание на то, в какой связи и насколько актуальными признает образы Некрасова товарищ Сталин. В вышедших 12 томах сочинений И. В. Сталина мы находим несколько раз упоминание Некрасова. Произведения Некрасова И. В. Сталин и в дорево-

¹ «Рабочая правда», 1913, № 17, 1 августа.

² Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», 1946, стр. 21, 26.

люционное и в пореволюционное время цитирует в своих статьях, докладах, речах. Говоря о старой России, о ее отсталости, указывая на задачи хозяйственников, товарищ Сталин вспоминает «слова дореволюционного поэта: „Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь“».¹

В речи на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в августе 1927 г., беспощадно разоблачая оппозицию, товарищ Сталин употребляет некрасовское выражение из стихотворения «Убогая и нарядная»:

«Основное несчастье оппозиции состоит в том, что она до сих пор еще не может понять, почему она „дошла до жизни такой“».²

В статье «Вчера и сегодня» в 1917 г. товарищ Сталин использует слова Некрасова: «страсти улеглись» из стихотворения «Памяти Добролюбова».³ Эти же слова приводит товарищ Сталин в статье «Высекли себя».⁴

Товарищ Сталин, перефразируя слова из некрасовского стихотворения «Сеятелям», в прокламации 8 января 1905 г. пишет: «Давайте сеять доброе семя в широких массах пролетариата. Протянем друг другу руки и *сплотимся вокруг партийных комитетов!*».⁵

Очень важной задачей на сегодня является изучение Некрасова в связи с развитием русской поэзии второй половины XIX в.; затем изучение Некрасова в связи с пролетарской поэзией кануна 1917 года; изучение Некрасова в связи с советской поэзией. Из всех направлений поэзии прошлого самым живучим, самым плодотворным, самым действенным оказалось некрасовское направление. Многие современные поэты учились, учатся и будут учиться долгое время у Некрасова. Например, Демьян Бедный, В. И. Лебедев-Кумач, который мне говорил, что его и в школе называли «дедом Мазаем», А. Т. Твардовский, М. В. Исаковский, Я. Купала, Я. Колас, А. А. Сурков, А. А. Жаров и др. Как много общего у Маяковского с Некрасовым! Поэзия Маяковского созвучна творчеству Некрасова политическим пафосом, глубокой идейностью, ориентацией на народные массы.

Можно сделать заключение, что из поэтов прошлого, оказывающих самое большое воздействие на современную советскую поэзию, наряду с Пушкиным, является Некрасов. В изучении Некрасова является весьма актуальной такая тема, как «Некрасов и поэты нашего времени».

Важно изучить Некрасова в его борьбе с поэзией «чистого искусства». Это тема огромного значения, тут можно написать целую

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 328.

² И. В. Сталин, Соч., т. 10, стр. 72.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 80.

⁴ Там же, стр. 336.

⁵ И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 79.

книгу, потому что Некрасов символизирует высоко идейное направление русской литературы. Некрасов — первый и непревзойденный поэт революционно-демократического направления в России, его поэзия целое столетие являлась знаменем подлинной народности и патриотизма в литературе; выяснить его роль в развитии русской поэзии — дело первостепенной важности и для идейного и для художественного ее развития.

Важнейшим, основным заданием для некрасоведов является изучение художественных особенностей некрасовской поэзии. Некрасов — гениальный поэт, но он как поэт еще очень мало изучен.

Все литературоведы всегда будут признательны за те огромные усилия и плодотворный труд, которые затратили по нахождению текстов Некрасова В. Е. Евгеньев-Максимов и К. И. Чуковский. Они выполнили дело большой важности.

Недостатки в изучении Некрасова бросаются в глаза, когда сравниваешь некрасоведение с пушкиноведением. Если в области изучения творчества Пушкина даже отдельным произведениям посвящены целые исследования, то ничего подобного еще нет в отношении Некрасова. Возьмите гениальную поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», сколько тем в области художественной открывается для исследования, но у нас делаются только первые шаги к изучению этой поэмы.

В настоящее время ведутся работы в исследовательском плане В. Е. Евгеньевым-Максимовым над II и III томами биографии, — это будет большое исследование из жизни Некрасова. К. И. Чуковский работает над книгой «Некрасов-художник», в ближайшие год-два мы увидим опубликованной эту работу. Мною пишется работа о Некрасове и его школе, эта работа поставлена в план Академии Наук, она называется «Некрасов и русская революционно-демократическая поэзия».

Разрешите мне закончить свой доклад выражением надежды, что собравшиеся здесь, в квартире Некрасова, исследователи — и те, кто вел многие годы работу по изучению Некрасова, и молодые ученые — приложат все усилия к тому, чтобы действительно в ближайшие годы были созданы книги о творчестве великого русского поэта.

Известного рода гарантией этому является выход 12-томного Полного собрания сочинений Некрасова, трехтомника «Литературного наследия» и настоящая конференция, созванная Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) Академии Наук СССР.

В. Е. Евгеньев-Максимов

ПОЭТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ Н. А. НЕКРАСОВА¹

(Сборник «Последние песни»)

Находясь на *последней* квартире Николая Алексеевича Некрасова, вспоминая о *последних* днях его жизни, уместно будет остановиться на его *последней* книге.

Последней книгой Н. А. Некрасова была книга, выпущенная им в самом начале апреля 1877 г. и названная «Последние песни».

Прежде чем говорить об этой замечательной книге, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

К середине 70-х годов великий поэт революционной демократии приобрел такую популярность и такой авторитет среди прогрессивных кругов русской общественности, что воспринимался не просто как большая, а как гигантская фигура на горизонте русской литературы.

Показательно в этом отношении то, что говорит о предстоявшем свидании с Некрасовым один из его юных почитателей в своих воспоминаниях (Г. А. Мачтет): «Я знал, что через несколько дней я буду стоять лицом к лицу с тем, при одном имени коего склонялись наши молодые головы; буду говорить с тем, перед окнами кого мы выстаивали иногда целые часы, чтобы уловить его выход на улицу или хоть один силуэт за стеклом оконной рамы». И далее: «И этот роковой день, наконец, пришел... Я сидел и не верил, казалось, самому себе, своему счастью,— не верил: мои ли уши слышат, мои ли глаза видят... Но я не спал, не грезил,— великий поэт, разбудивший наши сердца и затепливший в них святые искры любви и веры, действительно предо мной..., пока говорил Некрасов, я только слухом, казалось, ловил его слова. Внутри колошилась такая масса смешанных чувств восторга, благодарности и любви к родному поэту...».²

Популярность Некрасова была обусловлена как прогрессивностью его общественных позиций,— кто не помнит замечательных слов так

¹ Прочитано 8 января 1950 г.

² Г. А. Мачтет, Полн. собр. соч., т. X, СПб., 1911, стр. 18—21.

любившего и ценившего Некрасова В. И. Ленина: «все симпатии его были на стороне Чернышевского»,¹ — так и исключительными яркостью и своеобразием его поэтического таланта. Советским литературоведением давно уже признано, что Некрасов не просто замечательный художник, а художник-революционер, художник-новатор.

Эту мысль прекрасно выразил такой тонкий критик, как А. В. Луначарский, писавший в статье «Н. А. Некрасов» (1921):

«Рыдая, грозя, он поднял рыдания и угрозы до степени высокой музыкальной и живописной красоты и ни на минуту их не ослабил... Не принижая ни на минуту... великих алтарей Пушкина и Лермонтова..., мы все же говорим — нет в русской литературе, во всей литературе такого человека, перед которым с любовью и благоговением склонялись бы ниже, чем перед памятью Некрасова».²

О новаторстве Некрасова как художника, в частности о его непревзойденном умении *говорить о народе и от имени народа языком самого народа*, пользуясь складом и ладом народно-поэтического творчества, — можно было бы (и следовало бы!) написать не одно, а несколько исследований.

В данный момент для нас важно другое: констатировать, что к середине 70-х годов Некрасов был ведущим русским поэтом. И вполне естественно, что, сознавая исключительность своей роли, он подумывал о подготовке к печати нового издания своих стихотворений, еще более обширного, чем последнее (шестое) издание 1873—1874 гг. Мало того, есть достаточные основания полагать, что он уже приступил к этой работе. Однако ей не суждено было закончиться: к началу 1876 г. Некрасов заболел, и заболел настолько тяжело, что ему было не под силу начать подготовку к печати нового издания. Ведь в шестом издании уже было шесть частей, распадавшихся на три больших тома, а задуманное седьмое издание должно было значительно превысить по своим размерам шестое. Тогда-то Некрасов пришел к решению выпустить отдельный сборник своих стихотворений, который, включив в себя стихотворения, не вошедшие в шестое издание, являлся бы дополнением к нему. Первоначально он, повидимому, предполагал назвать этот сборник «В черные дни», а затем остановился на другом названии — «Последние песни».

«Последние песни» — книга, представляющая огромный интерес и по своему содержанию и по своей композиции, по строго обдуманному и необыкновенно удачному размещению материала.³

Некрасов был не только великим поэтом, но и выдающимся редактором. Редакторский его талант прежде всего сказался на веде-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 287.

² Некрасов в русской критике. Составил А. Еголин, Гослитиздат, 1944, стр. 89, 90.

³ Необходимо отметить, что она ни разу не привлекала сколько-нибудь пристального внимания советских литературоведов.

³ Некрасовский сборник

нии им двух самых лучших журналов середины и второй половины XIX в. — «Современника» и «Отечественных записок». Однако с немалым блеском он проявился в составлении его собственных книг, т. е. собраний его стихотворений.

Необычайный успех первого собрания стихотворений Некрасова, вышедшего в исходе 1856 г., был обусловлен не только его политической остротой, не только высотой его художественного уровня, но и исключительно умелым отбором материала, исключительно умелым размещением этого материала.

То же самое приходится сказать о последующих пяти прижизненных изданиях стихотворений Некрасова — 1861, 1863, 1864, 1869 и 1873—1874 гг. И они могут быть рассматриваемы как образец высокого мастерства редактора-составителя.

Никогда, однако, это мастерство не проявилось ярче, чем при редактировании и составлении последнего издания стихотворений Некрасова — только что названных мною «Последних песен». «Последние песни» — сравнительно небольшая книжка. В ней всего 172 страницы. Это не препятствует, а скорее усиливает ее монолитность как в идеологическом, так и в художественном отношении. Прямо-таки поразительно, что подобную книжку удалось подготовить к печати и выпустить писателю, умиравшему в тяжких мучениях; мало того, писателю, вовлеченному в процессе подготовки к печати своей книги в небывало жестокую борьбу с цензурой, особенно теснившей его накануне смерти.

В свое время мне неоднократно приходилось останавливаться на фактах, характеризующих отношение царской цензуры к Некрасову, в частности, на фактах, относящихся к последнему периоду его жизни.

Здесь нет надобности повторять эти, уже прочно вошедшие в историко-литературный, а вместе с тем и в общественный обиход факты. Ограничусь лишь небольшой цитатой из разысканной мною много лет тому назад «заметки»¹ сестры поэта Анны Алексеевны Буткевич, — заметки, непосредственно касающейся истории «Последних песен».

«Почему многие стихи брата не вошли при жизни в „Последние песни“ и почему некоторые из вошедших были сокращены?.. Издавая „Последние песни“ в последний год своей жизни, брат выпустил из них все, что хотя сколько-нибудь могло быть поводом к столкновению с цензурой, относившейся к нему, во время болезни, крайне придирчиво... Несмотря на все усилия отстоять даже только что написанную в Крыму новую часть поэмы „Кому на Руси жить хорошо“ — „Пир на весь мир“, — усилия не увенчались успехом...»

¹ Сравнительно недавно эта заметка полностью была перепечатана в кн. 49—50 «Литературного наследства» (1946, стр. 174, 175).

*Милому Александру
Еракову*
ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ *На память
Некрасова*

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. НЕКРАСОВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная. № 2)

1877

Титульный лист сборника «Последние песни» 1877 г. С автографом:
«Милому Александру Еракову на память Н. Некрасов».
Ленинград. Из собрания Г. А. Бялого.

брат послал за цензором Петровым и битых два часа доказывал ему всю несообразность таких на него нападок... Петров выслушивал все упреки терпеливо. Понимал ли он всю скорбь поэта, которому заботливая цензура — в напутствии его в вечность — в последний раз залезала в мозг с своими адскими ножницами... — или просто томился бесплодностью прений, зная наперед, что: „хоть ты сейчас умри, а мы все-таки не пропустим“.

Упоминание о «Пире на весь мир» здесь не случайно. «Пир на весь мир» — произведение, написанное Некрасовым летом 1876 г., уже тогда, когда болезнь его приняла явно опасный для жизни характер, принадлежало к числу тех его произведений, которым он придавал особое значение. А потому повторное изъятие «Пира» сначала из текста «Отечественных записок», а затем, повидимому, и из текста «Последних песен» было особенно болезненно воспринято поэтом.

Однако этот удар, хотя и был исключительно тяжелым, не парализовал энергии Некрасова, и он, призвав на помощь свой поистине великий талант редактора-составителя, направил все усилия к тому, чтобы его «Последние песни» и без «Пира на весь мир» могли послужить своего рода *завещанием поэта* своим многочисленным читателям, среди которых преобладали читатели из рядов демократической интеллигенции.

Задача, встававшая в первые месяцы 1877 г. перед умирающим поэтом, была исключительно трудной. Десятки стихотворений, в том числе такие замечательные, как «Элегия», «Путешественник», «Смолкли честные, доблестно павшие», «Как празднуют трусу», «Что нового?», «Праздному», «Отрывок» («Я сбросила мертвящие оковы»), «Молодые лошади», «Вестминстерское аббатство» и др., Некрасов просто не рискнул представить в цензуру. В результате из более чем полсотни стихотворений, написанных им после выхода в свет шестой части последнего прижизненного издания его стихотворений (в 1873—1874 гг.), он внес в «Последние песни» только 22 стихотворения, составившие всего-навсего 2715 стихотворных строк.

Справедливость требует оговорить, что в данном случае наряду с цензурным воздействием и опасениями цензурного воздействия сыграли немаловажную роль и другие причины. А прежде всего то, что Некрасов подвергал материал, намеченный для «Последних песен», строжайшему отбору, руководствуясь не только цензурными соображениями. Стихотворения, не удовлетворявшие его художественному вкусу, он отбрасывал точно так же, как отбрасывал все недоделанное и не вполне завершенное. В иных случаях оставлял в стороне и такие стихотворения, которые по своему содержанию, жанровым особенностям и интонации не вполне подходили к сборнику и могли звучать в составе его, как некий диссонанс.

Сказанное я мог бы подтвердить рядом конкретных примеров. Не делаю этого для того, чтобы не утомлять внимания слушателей. Мне важно только одно: обосновать тот, с моей точки зрения, непреложный вывод, что Некрасову, невзирая на его тяжелую болезнь, особенно обострившуюся к моменту выхода сборника из печати, пришлось проделать в высшей степени сложную и трудоемкую работу, и он проделал ее поистине с величайшим успехом.

Сборник «Последние песни», несмотря на тяжкие увечья, нанесенные ему царской цензурой, поражает, как я сказал выше, *своей идеологической монолитностью и высоким художественным уровнем.*

Припомним прежде всего его содержание.

Отдел первый

Лирические стихотворения

Вступление к песням 1876—1877 годов

Сеятелям

Молебен

З — не

Пророк (Из Барбье)

Скоро стану добычею тленья

Дни идут

Друзьям

З — не

Музе

Уныние

Три элегии

Страшный год

Поэту

Утро

Поэту

Горящие письма

Приговор

Зине

Отдел второй

Современники

Часть первая: Юбиляры и триумфаторы

Часть вторая: Герои времени (траги-комедия)

Отдел третий

Из поэмы: Мать. Отрывки

Баюшки-баю

При поверхностном взгляде на содержание сборника возникает недоуменный вопрос: где же стихи для народа, которому, как известно, Некрасов посвятил свои лучшие произведения, о котором не уставал твердить в своих поэтических декларациях:

Я призван был воспеть твои страдания,
 Терпеньем изумляющий народ!
 («Неизвестному другу»)

Я лиру посвятил народу своему.
 («Элегия»)

Где же стихи о народе?

Эти стихи в «Последних песнях» есть, хотя изъятие «Пира на весь мир» помешало им занять в сборнике первенствующее место.

Вот, например, ярчайшая картинка из жизни народа в эпоху крепостного права, уже упраздненного, но своими пережитками не устававшего постоянно напоминать о себе:

Какая жизнь! Полотна, тальки, куры
 С несчастных баб; соседи — дикари,
 А жены их безграмотные дуры...
 Сегодня пир... псари, псари, псари!
 Пой, дочь моя! среди самого разгара
 Твоих рулад, не выдержав удара,
 Валится раб... Засмейся! всем смешно...
 («Из поэмы: Мать»)

Вот не менее потрясающая картина голодающего селения:

Холодно, голодно в нашем селении.
 Утро печальное — сырость, туман,
 Колокол глухо гудит в отдалении,
 В церковь зовет прихожан.
 Что-то суровое, строгое, властное
 Слышится в звоне глухом,
 В церкви провел я то утро ненастное —
 И не забуду о нем.
 Все население, старо и молодо,
 С плачем поклоны кладет,
 О прекращении лютого голода
 Молится жарко народ.
 («Молебен»)

Вот столь близкий всем, кто знает и любит Некрасова, волжский пейзаж, неразрывно опять-таки связанный с мыслью о бедствующем народе:

Чтоб отдохнуть душою несвободной,
 Иду к реке — кормилице народной...
 С младенчества на этом мне пути
 Знакомо все... Знакомой грусти полны
 Ленивые, медлительные волны...
 О чем их грусть?.. Бывало, каждый день
 Я здесь бродил в раздумьи молчаливом
 И слышал я в их ропоте тоскливом
 Тоску и скорбь сплутных деревень...

Приведенные стихи взяты из великолепной элегии Некрасова «Уныние». Однако и ее в нескольких местах коснулись «адские ножницы» царской цензуры.

Так, между прочим, погибли в цензуре строки, изображающие падеж скота и томящие душу поэта предчувствия, что снова надвигается голод:

Ужели бог не сжалится над нами,
Сожженных нив дождем не оживит,
И мельница с недвижными крылами
И этот год без дела простоят?
Ужель опять наградой будет плугу
Голодный год?.. Чу! женщина поет!
Как будто в гроб кладет она подругу.
Душа болит, уныние растет.

(«Уныние»)

Наибольшее, быть может, впечатление из всего, рисуемого в «Последних песнях» народ и его горькое житье-бытье, производит знаменитая бурлацкая песня «В гору», в которой мотив эксплуатации труда капиталом достигает такой же выразительности, как и в «Железной дороге». Однако при внимательном сопоставлении песни, которую поют строители железной дороги, с песней «В гору» в последней обращают на себя внимание такие стихи:

Ухни, ребята! гора-то высокая!..
Кама угрюмая! Кама глубокая!
Нет те конца!..
Эдак бы впрячь
В ляжку купца —
Лег бы богач!..

(«Современники»)

В последних трех стихах нельзя не усмотреть проявления пробудившегося в народной среде классового самосознания, которое в конечном своем развитии приводит к восстанию эксплуатируемых против эксплуататоров.

Прибегая в данном, как и во многих других случаях, к излюбленному им и с огромной удачей применяемому *методу контрастов*, Некрасов эту подлинно бурлацкую песню вкладывает в уста не бурлаков, а в уста «разбойничьего хора» крупных капиталистов, вспоминающих во время пьяной оргии о впечатлениях своего давнего прошлого.

От этого сила эмоционального воздействия, производимого песней, во много раз усугубляется, и тысячу раз был прав великий соратник Некрасова, один из наиболее передовых людей эпохи и в то же время тончайший художник, когда писал Некрасову о поэме «Современники»

вообще и о песне «В гору» в частности: «...поэма поразила меня своею силою и правдою; например, картина Кокоревых, тянущих бечевую и с искренним трагизмом поющих бурлацкую песню (превосходно), производит поразительное действие. Описание оргии, спичи и лежащая на всем фоне угрюмость — *все это отлично задумано и отлично выполнено*».¹

Не опасаясь впасть в преувеличение, можно утверждать что одной только бурлацкой песни из «Современников» достаточно для того, чтобы сказать, что в «Последних песнях» Некрасов остался полностью верен народолюбивому строю своей лиры. Однако изъятие «Пира на весь мир» переживалось им так болезненно (ведь мотивы народолюбия из произведений последних лет жизни Некрасова с наибольшей силой отразились именно в «Пире»), что он прибег еще к одному способу, чтобы с максимальной настойчивостью подчеркнуть, что все его симпатии на стороне страждущего народа и что назначение всякого истинного гражданина своего отечества он видит в служении народу.

Раскройте сборник «Последние песни» и вы убедитесь, что, если не считать «Вступления к песням» («Нет! не поможет мне аптека...»), первое место в нем занимает знаменитое стихотворение «Сеятелям», которое мы все наизусть знаем.

Это стихотворение рассматривается обычно как вдохновенное приветствие работникам на ниве народного просвещения и, в частности, педагогам. Но дело не только в этом. Гораздо более важным и значительным является другой, главный смысл этого стихотворения — приветствие, обращенное к борцам за освобождение народа.

И это поняли не только друзья, но и враги поэта. «Печать наша... — писал директор департамента полиции Плеве, — упорно стоит на мысли, что все отрицательные стороны современной русской жизни могут быть искоренены помощью государственного переустройства... Под влиянием этого... создались литературные произведения тенденциозного направления с наклоном в воззрениях на государственный строй — к республике, в общественно-экономических — к коммунизму, в религиозных вопросах — к атеизму...»

«Здесь нельзя пройти молчанием то губительное влияние, которое имело на молодежь сочувствие Некрасова первым проявлениям практической революционной деятельности. Этот талантливый печальник, по выражению его друзей, народного горя, стоя на краю могилы, ободрял пропагандистов стихами, которые заучивались и повторялись с упоением подрастающим поколением:

¹ Из письма М. Е. Салтыкова-Щедрина к Некрасову от 12 февраля 1876 г. [Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полн. собр. соч., т. XVIII, 1937, стр. 338]. Курсив мой. — В. Е.-М.

..Двиньтесь вперед!¹
 Сейте разумное, доброе, вечное!
 Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
 Русский народ...».²

Еще раз напоминаю, что стихотворение «Сеятелям» — это первое стихотворение сборника «Последние песни».

Во втором стихотворении рассматриваемого сборника — «Молебен» — Некрасов сделал попытку поставить точки над *i*, т. е. разъяснить, кого он разумеет под теми, кто наиболее преданно и самоотверженно служит народу и чья служба наиболее полезна ему и необходима. Рисуя своего лирического героя, образ которого в данном случае сливается с образом самого автора, молящимся среди прихожан сельского храма, он вкладывает в его уста такие слова:

«Милуй народ и друзей его, боже!» —
 Сам я невольно шептал: —
 Внемли моление наше сердечное
 О послуживших ему,
 Об осужденных в изгнание вечное,
 О заточенных в тюрьму,
 О претерпевших борьбу многолетнюю
 И устоявших в борьбе...».

Презренная царская цензура вычеркнула из приведенного отрывка наиболее острые строки — 5-ю и 6-ю, но все же была не в силах вытравить более чем определенный смысл сказанного поэтом. Уцелевшие строки все же достаточно внятно говорят о том, что служить народу — это значит претерпевать многолетнюю борьбу.

Во имя чего?

Разумеется, во имя счастья, во имя социального и политического раскрепощения народных масс.

Образ борца за счастье народа, так именно понимаемый, содержится в четвертом стихотворении сборника, не просто в знаменитом, а в знаменитейшем стихотворении «Пророк». И над ним поработала царская цензура. Ею было выброшено заключительное четверостишие. Затем, подчиняясь ее требованиям, Некрасов должен был назвать это стихотворение не именем того деятеля, которого он имел в виду — Чернышевского, а более нейтрально — «Пророк», с подзаголовком «Из Барбье».

¹ В. К. Плева не удержался от передержки: последние слова строк:

Труд засевающих робко, крупичами,
 Двиньте вперед! —

он не постеснялся заменить словами: «Двиньтесь вперед!» — более однозначными по своему смыслу.

² «Литературное наследство», кн. 49—50, 1946, стр. 524, 525, 526.

Однако, несмотря на изъятие заключительного четверостишия и на вынужденное изменение заглавия, рассматриваемое стихотворение занимает одно из центральных мест не только в сборнике «Последние песни», но и в поэзии Некрасова вообще. Оно продолжает и завершает те поиски положительного героя, которые Некрасов начал еще в 40-х годах.

Под каким углом зрения производились эти многолетние поиски? Какого и для чего предназначенного героя искал поэт?

Наиболее четкий ответ на эти вопросы дан в той же элегии «Уныние»:

Народ! Народ! Мне не дано геройства
Служить тебе, — плохой я гражданин,
Но жгучее, святое беспокойство
За жребий твой донес я до седин!
Люблю тебя, пою твои страданья,
Но где герой, кто выведет из тьмы
Тебя на свет?..

Здесь не время и не место полемизировать с Некрасовым, хотя он и жестоко ошибался, называя себя «плохим гражданином». Для нас ведь совершенно ясно, что «петь страдания народа» так, как их пел Некрасов, — это значит подлинно служить народу... Но великий поэт революционной демократии, явным образом недооценивая своих заслуг, подчеркивал и в стихотворении «Молебен» и в стихотворении «Пророк», что истинное служение народу он видит только в активной революционной борьбе, хотя бы эта борьба в условиях тогдашней социальной действительности неизбежно сулила «тюрьму», «изгнание вечное», а то и «распятие на кресте».

О такой именно службе народу, о таком именно геройстве думал Некрасов, когда в 50-х годах рисовал образ Белинского в поэмах «Белинский», «Несчастные», когда в 60-х годах рисовал образ Добролюбова —

Суров ты был; ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять,
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать,—

«(Памяти Добролюбова)»

когда в 70-х годах рисовал образ Чернышевского.

Было бы глубочайшим заблуждением видеть в этих образах только портреты определенных исторических деятелей. На ошибочность подобного подхода к ним указал сам Некрасов в примечании к стихотворению «Памяти Добролюбова»: «Надо заметить, что я хлопотал не о верности факта, а старался выразить тот идеал общественного деятеля, который одно время лелеял Добролюбов».¹ Иными словами,

¹ Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч., т. II, 1948, стр. 679.

Некрасов говорит, что он думал не столько о придании портретного сходства создаваемого им образа с его покойным другом и соратником, сколько о том, чтобы выразить известный общественный идеал, — само собой разумеется, идеал положительного героя.

Едва ли я ошибусь, если скажу, что изъятие «Пира на весь мир» переживалось Некрасовым так болезненно главным образом потому, что в этой части его грандиозной эпопеи он вплотную подошел к созданию обобщенного образа положительного героя, впитавшего в себя, наряду с некоторыми индивидуальными чертами, заставляющими вспоминать и о Добролюбове, и о Чернышевском, ряд черт, типических для русского революционера-демократа. Речь идет, конечно, об образе Григория Добросклонова, о котором с такой силой и выразительностью поэт сказал:

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

(«Соленая»)

Итак, несмотря на тяжкие увечья, причиненные цензурой «Последним песням», в этом сборнике с достаточной определенностью, хотя, быть может, и без достаточной полноты, нашли себе поэтическое выражение думы Некрасова о народе, об его бедственном положении, наконец, о том герое, «народном заступнике», которому суждено «вывести народ из тьмы», т. е. проложить путь к народному счастью.

Сказанное приводит, между прочим, и к выводу, что эстетические установки Некрасова в сборнике «Последние песни» оставались теми же, что и тридцатью годами раньше. Это можно было бы доказать рядом примеров.

Ограничусь двумя-тремя примерами.

Если в стихотворении «Отрывок» (1848) Некрасов назвал избиваемую кнутом крестьянскую девушку родной сестрой вдохновлявшей его скорбной музы, то теперь, в сборнике «Последние песни» он пошел дальше, как об этом свидетельствует его стихотворение «Музе»:

О, муза! наша песня спета.
Приди, закрой глаза поэта
На вечный сон небытия,
Сестра народа — и моя!

Здесь муза не только сестра девушки из народа, но и сестра самого народа; мало того — она сестра поэта. Следовательно, связь между музой, народом, самим поэтом стала еще теснее, еще крепче.

Поскольку муза поэта — сестра народа, ее назначение определяется в «Последних песнях» так же, как его определил Некрасов многими годами ранее.

Уже во «Вступлении» к «Последним песням» поэт, обращаясь к музе, восклицает:

Могучей силой вдохновенья
 Странанья тела победы,
 Любви, негодованья, мщенья
 Зажги огонь в моей груди!

К кому любовь? Ясное дело, что к народу. Против кого негодует поэт? Ясное дело, против угнетателей народа. Кому он собирается мстить? — Все тем же угнетателям народа. В основу только что приведенных стихов положена та же мысль, что и в основу знаменитого, постоянно цитируемого четверостишия:

Примиритесь же с Музой моей!
 Я не знаю другого напева.
 Кто живет без печали и гнева,
 Тот не любит отчизны своей...

(«Газетная»)

Разница лишь в том, что последнее четверостишие писалось полным сил и здоровья поэтом, а «Вступление» к «Последним песням» — человеком не только умирающим, но и сознающим, что он умирает, человеком, страдания которого, невыразимые страдания тела, были побеждены силою духа, силою вдохновения.

Здесь уместно подчеркнуть, что, хотя в «Последних песнях» нередко звучат и мрачные, пессимистические ноты, порожденные как «мучительным недугом», терзавшим умирающего («Не ложе, иглы подо мной»), так и невыразимо горькими впечатлениями действительности: прогрессирующим обнищанием народа, назревавшей кровавой войной, жесточайшей расправой правительства с деятелями революционного движения, — все же «Последние песни» отнюдь *не пессимистическая книга*.

Не сомневаясь в своей скорой и неизбежной кончине, поэт знает, что ему не дожить до лучших времен... Пусть так, но его друзья, его верные соратники доживут. И особенно многозначительным является следующее обращение к ним поэта:

Вам же — не праздно, друзья благородные,
 Жить и в такую могилу сойти,
 Чтобы широкие лапти народные
 К ней проторили пути...

(«Друзьям»)

Возвращаясь к вопросу об эстетических установках «Последних песен», следует остановиться на стихотворении «Поэту» (1874), в котором вопрос об обличительной миссии поэта ставится даже с большей резкостью, чем в ранних, хорошо нам всем известных стихотворениях,

как, например, в поэтическом некрологе Гоголю «Блажен незлобивый поэт», — это явствует хотя бы из следующего обращения к поэту:

Вооружись небесными громами!
Наш падший дух взнеси на высоту,
Чтоб человек не мертвыми глазами
Мог созерцать добро и красоту. . .

Казни корысть, убийство, святотатство!
Сорви венцы с предательских голов,¹
Увлечших мир с пути любви и братства,
Стяжанного усилиями веков,
На путь вражды! . .

Эта программа, сформулированная в «Последних песнях», приобретала тем большее значение, что несколькими страницами ниже она была блестяще реализована в поэме «Современники».

Поэма «Современники», все еще недостаточно оцененная критикой и литературоведением, представляет собой картину беспощадного разоблачения представителей народившегося неимоверно алчного и хищного русского капитализма — как промышленного, так и финансового.

Дав целую галерею портретов капиталистов, подчеркивающую международный характер капитализма как такового, Некрасов с замечательной силой показывает, с одной стороны, их поистине звериную алчность —

О, господи! удвой желудок мой!
Утрой гортань! учетвери мой разум!
Дай ножницы такие изобрести,
Чтоб целый мир остричь вплотную разом, —

с другой стороны, подчеркивает преступность тех путей, которые ведут в капиталистическом обществе к наживе. Один из основных героев «Современников» — Зацепин, потеряв душевное равновесие под впечатлением известия о гибели единственного сына, в покаянном экстазе восклицает:

Я — вор! Я — рыцарь шайки той
Из всех племен, наречий, наций,
Что исповедует разбой
Под видом честных спекуляций!
Где сплошь да рядом — видит бог! —
Лежат в основе состоянья
Два-три фальшивых завещанья,
Убийство, кража и поджог!

Атакуя капиталистические верхи, Некрасов неизбежно должен был взять под обстрел и высших бюрократов, сановников империи,

¹ Исключительно смелая строка, поскольку в ней весьма недвусмысленно говорится о венцах.

покровительствовавших капиталистам и совместно с ними участвовавших в «огульном» ограблении народа. В «Современниках» подвергаются сатирическому разоблачению пять министров Александра II: внутренних дел, финансов, народного просвещения, путей сообщения, почт и телеграфа. Конечно, по именам они не названы, но псевдонимы их не так-то трудно вскрыть.

Есть солидные основания думать, что Некрасову хотелось, не ограничиваясь министрами, поднять руку еще выше — и взять под сатирический обстрел самих «августейших хозяев земли русской», по терминологии «верноподданнической прессы» дореволюционного времени. Ведь установлено, что через посредство фаворитки царя княжны Долгорукой устраивалось много дел не только о назначениях, но и денежных довольно неопрятного свойства. Об этом, разумеется, не мог не знать Александр II.

Итоговым суждением поэта, исключительным по своей разоблачительной силе, является следующее четверостишие, которое следует относить ко всем «плутократам» и их союзникам, не исключая и тех, кто обитает в Зимнем дворце:

Прочь! гнушаюсь ваших уз! . .
 Проклинаю процветающий,
 . Все-берущий, все-хватающий
 Все-ворующий союз! . .

О художественных достоинствах «Современников», этой своеобразнейшей и по жанру, и по композиции, и по ритмам поэмы, можно было бы сказать очень много.

Ограничусь указанием, что эта поэма с очевидностью свидетельствует, что произведение, написанное в плакатно-гротескном плане, в плане, не слишком привычном для русской литературы 70-х годов, — под пером опытного мастера может быть истинно-художественным произведением. И не случайно автор «Мистерии Буфф» и других подобных произведений столь высоко ценит «Современников». Я не сомневаюсь, что В. В. Маяковскому кое в чем пришлось поучиться у Некрасова. Недаром Владимир Владимирович в свойственной ему шутиливой манере однажды воскликнул: «Неужели это не я писал!». Слова эти относились к некрасовскому образу князя Ивана:

Князь Иван — колосс по брюху,
 Руки — род пуховика,
 Пьедесталом служит уху
 Ожиревшая щека,
 По устройству верхней губы
 Он — бульдог; с оскалом зубы,
 Под гребенку волоса
 И добрейшие глаза.

Он — известный объедало,
Говорит умно,
Словно в бочку из-под сала
Льет в себя вино...

Поэма «Современники» занимает более половины сборника «Последние песни». Но это отнюдь не значит, что «Последние песни» — книга, по преимуществу, сатирическая. Совершенно бесспорно, что эта книга в основе своей лирическая.

Тем не менее, помещение «Современников» в «Последних песнях» нельзя не признать вполне уместным. Оно имело своей целью подчеркнуть, что и «у края гроба» Некрасов не перестал быть, подобно Салтыкову-Щедрину, «великим сатириком земли русской», что даже и накануне смерти он не опускал взора перед ненавистными ему врагами народа, алчными и хищными буржуа-капиталистами, в сатирическом разоблачении которых видел одну из своих главных миссий как поэта.

И все же, повторяю, «Последние песни» — книга в основе своей лирическая, и не только потому, что из трех отделов этой книги два состоят, без всякого преувеличения, из подлинных перлов классической русской лирики, а главным образом потому, что «Последние песни» воспринимаются читателем в целом именно как книга, исполненная самого глубокого, самого проникновенного лиризма, как книга не просто волнующая, а прямо-таки потрясающая сердца.

Не так давно мне посчастливилось разыскать запись замечательных слов Н. Г. Чернышевского, дающих как общую оценку поэзии Некрасова, так и оценку «Последних песен»: ¹ «Вот вы упомянули... — сказал Чернышевский в беседе с одним знакомым, — хваленого Н «Надсона», с которым все, особенно дамы, почему-то носятся. Красиво, тепло — и только. Вы говорите: „гражданская скорбь“... Какая там скорбь гражданская! Обычные плещеевские мотивы с собственными вариациями. Нытье, не спорю, искреннее, но оно вас не поднимает. Хныканьем не заставить плакать других. Если хочешь, чтобы тебя слушали, надо рыдать и смеяться, как Байрон, Гейне, Гоголь, Некрасов. Кстати, мнение Гоголя о будущности русской поэзии: „Скорбью ангела загорится наша поэзия“. Пророчество сбылось на Некрасове. На-днях я перечитал его от доски до доски... Неотразим! Взять хотя бы „Последние песни“. Он ведь только о себе, о своих страданиях поет, но какая сила какой огонь! Ему больно, вместе с ним и нам тоже. Если помните наизусть его вступление к „Последним песням“, прочтите, пожалуйста».

Основная особенность лиризма Некрасова, делающая его «неотразимым», как выразился Чернышевский, сказавшаяся, само собой разу-

¹ «Литературное наследство», кн. 49—50, 1946, стр. 602.

меется, и в «Последних песнях», — это отсутствие сколько-нибудь резко обозначенной грани между личным и гражданским. Это объясняется тем, что Некрасовым, — в этом как раз и заключается огромное различие между ним и большинством его предшественников — гражданское, общественное воспринимается и переживается, как интимно-личное.

Об этом свидетельствуют почти все стихотворения первого отдела «Последних песен». Даже говоря о любимой женщине, Некрасов или изображает ее как верную, самоотверженную помощницу в его предсмертном труде, труде поэта-гражданина («Зине» — «Пододвинь перо, бумагу, книги!»), или высказывает ей свои душевные мысли о том, что дает человеку право на бессмертие («Зине» — «Ты еще на жизнь имеешь право»):

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживет...

У Некрасова, как известно, не было более интимно-личных, а вместе с тем и более святых воспоминаний, как воспоминания о матери, которой он считал себя бесконечно многим обязанным. Тем не менее и в «Рыцаре на час» и, особенно, в поэме «Мать» Некрасов, не оставляя интимно-лирического тона, умеет придать вопросу о матери широкую общественную постановку.

Вспомним эти незабываемые стихи:

Я много лет среди трудов и лени
С постыдным малодушьем убегал
Пленительной, многострадальной тени,
Для памяти священной... Час настал!..
.....
Быть может, я преступно поступаю,
Тревожа сон твой, мать моя? прости!
Но я всю жизнь за женщину страдаю,
К свободе ей заказаны пути;
Позорный плен, весь ужас женской доли,
Ей для борьбы оставил мало сил,
Но ты ей дашь урок железной воли...
Благослови, родная: час пробил!
В груди кипят рыдающие звуки,
Пора, пора им вверить мысль мою!
Твою любовь, твои святые муки,
Твою борьбу — подвижница, пою!..

Таким образом, рассказу о судьбе своей матери поэт совершенно сознательно и обдуманно придает характер трогательного повествования о подвиге выдающейся по своим духовным свойствам женщины, которая и может и должна служить примером для других.

1

переписанно, инициалы

Милая дружица! ^{в оскорбительный час}
 Переленду я ^{в оскорбительный час}
 Набави и ижея похристаны вера за
 М. похристаны нежену ^{в оскорбительный час}
 То же же мне милая ^{в оскорбительный час}, Зине
 Зине ^{в оскорбительный час} всегда мила ^{в оскорбительный час}
 Вот ты - красавица ^{в оскорбительный час}
 Ванни, нока я не забвене
 Сестра жеки же ^{в оскорбительный час}
 Улегда в. похристане ^{в оскорбительный час}
 Во вилена спудом ^{в оскорбительный час}
 Котора ^{в оскорбительный час} жила ^{в оскорбительный час}

Автограф стихотворения Н. А. Некрасова «Зине», 1877 г.
 Ленинград. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Я не ищу ей позднего венца,
 Но я хочу, чтоб свет души высокой
 Сиял для вас, средь полночи глубокой,
 Подобно ей несчастные сердца!..

Несмотря на узкую сферу ее деятельности, она все же сделала очень много — и потому, что морально спасла своих детей от растлевающего влияния среды («Во мне спасла живую душу ты»), и потому, что всеми доступными ей способами стремилась облегчить положение крепостных рабов («Но лишний раз не сжало чувство страха Его души — ты то дала рабам»), и потому, наконец, что накануне смерти одержала великую моральную победу над своим мужем, деспотом и насильником:

И вспыхнул день! Он твой: ты победила!
 У ног твоих — детей твоих отец!..

В последнем заключительном стихотворении сборника «Баюшки-баю» образ матери поэта сливается с другим, более великим образом — образом матери-родины. Мать-родина напутствует его в могилу такими словами:

«Усни страдалец терпеливый!
 Свободной, гордой и счастливой
 Увидишь родину свою.
 Баю-баю-баю-баю!

 Не бойся горького забвенья:
 Уж я держу в руке моей
 Венец любви, венец прощенья,
 Дар кроткой родины твоей. . .
 Уступит свету мрак упрямый,
 Услышишь песенку свою
 Над Волгой, над Окой, над Камой,
 Баю-баю-баю-баю! . . .».

Вера Некрасова в освобождение и счастье своей родины осуществилась, и нет надобности доказывать, что полные горячей любви к родине стихи великого поэта-демократа звучат по всей свободной, гордой и счастливой советской земле.

К. И. Чуковский

«ЭЗОПОВА РЕЧЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ Н. А. НЕКРАСОВА¹

Часто приходится слышать, что писатели старого времени, вынужденные работать в подцензурной печати, прибегали порою к особенной иносказательной речи, к так называемому *эзоповскому языку*, при помощи которого и выражали, тайком от цензуры, свои сокровенные мысли и чувства.

Но что такое был этот эзоповский (или эзопов) язык? Каковы были его формы, законы и функции? В какой мере он достигал своей цели? Все это едва ли в достаточной степени ясно нынешнему поколению читателей, успевшему в условиях советской печати привыкнуть к ясной и недвусмысленной речи.

До настоящего времени в литературе не было даже попытки изучить этот своеобразный язык, сыгравший такую заметную роль в деле революционного воспитания демократических читательских масс. Роль эта была гораздо значительнее, чем принято думать. Ведь если некрасовскому «Современнику» в условиях царской цензуры удалось на целое десятилетие сделаться революционной трибуной, это было возможно главным образом благодаря той двупланной, иносказательной, забронированной от цензурного вмешательства речи, которую руководители «Современника», все вместе и каждый в отдельности, сделали таким острым оружием в борьбе с полицейско-крепостническим строем.

Конечно, эзоповская речь культивировалась не в одном «Современнике», но только там она приобрела тот особый характер, который и придал ей небывалую силу, непревзойденную в истории мировой журналистики.

1

Приступая к изучению этой речи во всем разнообразии ее форм, необходимо с самого начала отметить, что в русской литературе минувшего века существовало два метода ее применения.

¹ Прочитано 15 января 1950 г.

Один из них — неожиданный, быстрый удар по застигнутому врасплох неприятелю.

Второй — метод регулярной, многолетней борьбы, длительного изматывания вражеских сил, на основе очень устойчивой и сложной стратегии.

Некрасов в своем «Современнике» придерживался главным образом второго из этих писательских методов, но он никогда не пренебрегал и эпизодическими приемами литературной борьбы (хотя, как мы ниже увидим, отнюдь не они характерны для революционных демократов 60-х годов).

Воспользовавшись, например, тем, что слово *крепость* имеет в русском языке два значения, и одно из них является синонимом физической силы (крепость мускулов), Некрасов в 1863 г. написал для «Современника» стихи, где какой-то мракобес, по фамилии Савва Намордников (эта фамилия появилась в произведениях Некрасова раньше), говорил, обращаясь к писателям:

Узнайте мой ужасный нрав
И мощь мою и — *крепость*!¹
(«Мое желание»)

Как мне уже случалось указывать, по контексту стихов можно было подумать, будто крепость здесь имеет значение силы (так, очевидно, и поняла эту строчку цензура), но *свой* читатель, демократический читатель легко догадался, что это *Петропавловская* крепость, где в ту пору был заточен Чернышевский.

Таким образом, в самый разгар свирепствовавшего в то время террора Некрасов заклеил в подцензурной печати жестокую расправу с Чернышевским и обозвал производившего эту расправу Александра II — Намордниковым.

Вначале его стихотворение имело невинный подзаголовок: «Романс господина, обиженного литературой». Здесь тоже позволительно видеть намек на Александра II, который незадолго до того показал, что литературой он действительно очень *обижен*: в декабре 1861 г. по его повелению сослан был на каторгу Михайлов, в июне 1862 г. он закрыл на 8 месяцев и «Русское слово» и «Современник» Некрасова, в июле арестовал Чернышевского, Серно-Соловьевича, Писарева. 1 июня 1863 г. он повелел прекратить издание журнала «Время», 5 июня — издание газеты «Современное слово». На этот разгром журналистики и указывает в том же стихотворении Некрасов, придавая (опять-таки для обмана цензуры) всему своему изложению сослагательную форму глаголов:

Пришлось бы многим прекратить
Журнальную подписку,

¹ Здесь и далее курсив в цитируемых стихотворениях мой. — К. Ч.

Я б их как ураган застиг
 В открытом чистом поле,
 Совсем бы не являлось книг
 По месяцу и боле!

Через несколько лет, когда эти стихи уже утратили свою злободневность и вследствие этого можно было не опасаться, что их расшифрует цензура, Некрасов, публикуя их вновь, уничтожил маскировавшую их сослагательную форму глагола и придал своему повествованию форму прямого рассказа о совершившихся фактах:

Довольно было писку;
 Умел я разом сократить
 Журнальную подписку...
 Я их застиг,
 Как ураган в пустыне,
 И гибли, гибли сотни книг,
 Как мухи в керосине!

(«Из автобиографии...
 Рудометова 2-го»)

В этом, втором варианте Некрасов изложил все происшедшее от лица вымышленного генерал-лейтенанта Рудометова II, якобы «уволненного в числе прочих в 1857 году». Эта дата привела редактора первого посмертного издания Некрасова, не посвященного в систему его иносказательной речи, к наивной и глубоко ошибочной мысли, будто стихи относятся к 1857 г., он напечатал их под этой неправильной датой («Стихотворения», IV, 1879, стр. 33 и СХХIII), так они и печатались полвека во всех дореволюционных изданиях. Между тем, стоит только принять во внимание, что их подлинная дата — 1863 г., станет ясно, что это замаскированный отклик на разгром печати, учиненный правительством Александра II в 1861—1863 гг.

И в последней строфе — очень осторожный, но внятный намек:

Потом, когда обширный край
 Мне вверили по праву,
 Девиз: «Блюда — и усмирай!»
 Я оправдал на славу...

Слово «усмирай» в 1863 г. могло относиться только к кровавому усмирению Польши.

Очень выразительно имя, приданное Некрасовым царю в этом втором варианте, — Рудометов, т. е. кровопускатель, так как руда по-старинному кровь, и рудометанием называлось пускание крови (см. Толковый словарь В. И. Даля, т. III, изд. 4-е, СПб. и М., стр. 1731). И для большего сходства с Александром II Некрасов указывает, что это Рудометов II. Очевидно, Рудометовым I был Николай I.

Эзоповской речью Некрасов пользовался и в своей «Забывтой деревне», написанной в 1855 г. Правда, до недавнего времени суще-

ствовало неверное мнение, которое разделялось когда-то и мной, будто это стихотворение заимствовано из какого-то чужого источника и потому не имеет, будто бы, никакого отношения к тогдашним событиям русской действительности. «Содержание этих стихов навеяно чтением отрывков из Крабба», — писал Пономарев в 1879 г. Но, внимательно перечитав бесконечно растянутое, монотонное, вялое, лишенное каких бы то ни было красок, интонаций и жестов, резонерское стихотворение Крабба,¹ я не нашел в нем никакого намека на тот чисто русский, самобытный сюжет, который разработан Некрасовым в «Забытой деревне». Только и есть в обоих стихотворениях общего, что покинутость, заброшенность деревни. Но в поэме Крабба нет ни единого слова, которое соответствовало бы, например, этим стихам:

На дрогах высоких гроб стоит дубовый,
А в гробу-то барин; а за гробом — новый.
Старого отпели, новый слезы вытер,
Сел в свою карету — и уехал в Питер.

У Крабба эта тема совершенно отсутствует, между тем она-то и внушила тогдашним читателям мысль об аллегоричности «Забытой деревни». Так как незадолго до того, как эти стихи появились в печати, скончался Николай I и взошел на престол Александр II, читатели увидели здесь явный намек на эту недавнюю смену царей: «один тиран исчез, другой надел корону»:

Старого отпели, новый слезы вытер,
Сел в свою карету — и уехал в Питер,

а все стихотворение сочли иносказательным изображением России, обездоленной и разоренной Николаем.

В этом истолковании «Забытой деревни» убеждают нас раньше всего та — иначе непонятная — злоба, которую стихотворение вызвало в бюрократических и придворных кругах Петербурга, и те преследования, которым оно подвергалось потом, хотя его фабула, если не видеть в ней никаких аллегорий, ничего крамольного в себе не содержит.

Эта-то слишком невинная фабула и заставляла читателя думать, что она не лишена потаенного смысла: не станет же Некрасов всерьез утверждать, будто вся беда крепостной деревни заключается в том, что ее владельцы живут вдалеке от нее! Будто, если бы барин и в самом деле приехал в деревню, он сразу осчастливил бы всех! Это так не вяжется с другими стихами Некрасова, что естественно склоняешься к мысли, будто здесь скрыто какое-то иное значение.

¹ George Crabbe. The Parish Register, Part III, Burials. (Приходские списки, ч. III, Погребения), Paris, 1829, p. 23.

Случалось порою и так, что читатели 50—60-х годов находили затаенный политический смысл даже в тех произведениях Некрасова, которые не заключали в себе никаких аллегорий. В его стихотворении «В деревне» — о крестьянине, убитом на охоте медведем, — многие вычитали смелый намек на того же недавно умершего царя Николая, который, по общей молве, не мог пережить удара, нанесенного самодержавию Крымской войной:

Ведь наскочил же на экую гадину!
Сын ли мой не был удал?
Сорок медведей поддел на рогатину —
На сорок первом сплосшал!

Между тем это стихотворение было написано еще до смерти Николая. Самая ошибочность его расшифровки показывает, как верили тогдашние читатели, что их любимые авторы, вожди поколения, могут и должны применять этот тайный язык, чтобы через голову царской цензуры донести до них, до читателей, свою революционную правду.

2

Но не этот прием применения эзоповой речи характерен для революционных демократов 60-х годов.

Такие разрозненные, эпизодические действия против «оплошного врага», хотя порой, в силу необходимости, и были применяемы ими, казались им слабыми, недостаточно эффективными, и они поставили перед собой другую задачу: превратить эзопову речь в постоянно действующую, организованную, планомерную силу, ввести ее в свой повседневный обиход и, сделав привычной для широкого круга читателей, подчинить ее целям революционной борьбы.

Революционные демократы сделали эзопову речь постоянным орудием своей пропаганды, исподволь приучая читателя к легальным формам своих нелегальных высказываний.

Косвенную характеристику этой второй — революционно-демократической — эзоповой речи мы находим в известном указании В. И. Ленина, что Чернышевский умел «и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*».¹

Так как всякое воспитание есть сравнительно долгий процесс и так как для революционного воспитания читателей Чернышевский на всем протяжении своей подцензурной работы мог пользоваться лишь этим языком недомолвок, обиняков, аллегорий, намеков, — ясно, что одним из признаков эзоповского языка 60-х годов является *длительность, систематичность, планомерность* его применения. Ведь для того

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 26.

чтобы, пользуясь этим языком, «воспитывать настоящих революционеров», нужно было не раз и не два, а регулярно, из месяца в месяц, из года в год, на глазах у всего цензурного ведомства, вести эту конспиративную речь, не только призывая к революционной борьбе, но и определяя тактику этой борьбы, намечая ее ближайшие приемы и методы.

Эта конспиративная речь сводилась не к зашифровке отдельных имен или слов, а к зашифровке *идей*.

В некрасовском «Современнике» был выработан особый писательский стиль, при помощи которого одна и та же идея какой-нибудь статьи или повести одновременно приобретала два совершенно различные значения: одно — явное для всех, вполне легальное, нисколько не нарушающее цензурных уставов, и второе — тайное, доступное лишь посвященным, имеющее недозволенный цензурой смысл.

Только второе значение и существовало для этой категории читателей.

Первое в их глазах не имело цены, так как они видели в нем маскировку, камуфляж для цензуры. Например, знаменитая статья Чернышевского о тургеневской «Асе» казалась читателям чуждого лагеря статьей про обманутых девушек, от которых вероломно убежали возлюбленные, но посвященные читатели хорошо понимали, что статья направлена против либеральных дворян, щеголяющих звонкими фразами о борьбе за народное счастье и готовых изменить интересам народа при первой же решительной классовой схватке.

Или вспомним, например, те страницы романа «Что делать?», где революция представлена в поэтическом образе прекрасной невесты, несущей влюбленному в нее жениху — народу русскому — светлые радости, неисчислимые блага:

«— Хороша ли его невеста? — Необыкновенно. — Есть ли приданое? — Теперь нет, но получает большое наследство. — Большое? — Очень большое. — Как велико? — Очень велико. — Тысяч до ста? — Гораздо больше. — А сколько же? — Да что об этом говорить, довольно того, что очень много. — В деньгах? — Есть и в деньгах. — Может быть, и в поместьях! — Да, есть и в поместьях... — А свадьба скоро ли? — Скоро. — Так и следует, Дмитрий Сергеич, покуда еще не получила наследства, а то ведь от женихов отбою не будет. — Совершенная правда. — Да как это бог послал ему такое счастье, да как это не перехватили другие. — Да так; почти еще никто не знает, что она должна получить наследство» (гл. II, разд. VI).

Эту свою крепкую веру в близкий приход революции Чернышевский выразил в том же романе при помощи нескольких строк из одного стихотворения Некрасова. Введя их в контекст романа, он тем самым намекнул на их подлинный смысл, утаенный от царской цензуры.

Здесь эти строки прозвучали пророчеством о благах и радостях, которые принесет русским людям социалистический строй.

Герои в романе поют свои любимые песни. Когда они пропели строку из некрасовского «Нового года»:

Да разлетится горе в прах! —

Чернышевский подтвердил ее уверенным возгласом:

«И разлетится!»

Когда же были пропеты дальнейшие строки:

И в обновленные сердца
Да снидет радость без конца —

Чернышевский заявил еще более веско:

«Так и будет — это видно» (гл. V, разд. XXIII).

На таком двупланном языке Чернышевским написаны многие десятки статей. Если бы не этот язык — и он, и Добролюбов, и Салтыков-Щедрин, и Некрасов очень часто бывали бы вынуждены отказаться от всякого общения с читателями.

Вспомним, хотя бы, «Трудное время» Слепцова, этот шедевр революционно-демократической тайнописи. Показной сюжет повести очень тривиален и беден: столичный литератор, отдыхая в деревне, побуждает молодую помещицу бросить мужа и уехать в столицу учиться. А скрытый подспудный сюжет: грабительский характер хваленной крестьянской реформы, обличение лицемерия, лжи и жестокости, на которых зиждется деятельность самых, казалось бы, народолюбивых и либеральных властей, и призыв к уничтожению революционным путем полицейско-крепостнического строя.

Слепцов в «Трудном времени» и сам указал, что смысл таких произведений отнюдь не лежит на поверхности:

— А зачем же так пишут, что нужно еще голову ломать? — спрашивает у Рязанова героиня романа.

— Да что же делать? — привыкли.

— И вы так пишете?

— И я так пишу. Какой же бы я был писатель, если бы я так и валял все, что в голову придет (гл. VIII).

Для того чтобы такая условная речь была в достаточной степени действенной, требуется не только словесная сноровка, находчивость, изощренность и ловкость того или иного журнального автора, но и догадливость, чуткость читателя, умеющего понимать эту речь. Целые кадры таких догадливых и чутких читателей воспитывал «Современник» Некрасова в течение 60-х годов. Потребовалось несколько лет, чтобы читатель наконец научился расшифровывать не только отдельные слова и намеки, но всю совокупность скрытых от цензуры идей. Покуда он не прошел этой школы, нечего было и думать обращаться.

к нему с такими сложными идейными комплексами, ускользнувшими от контроля цензуры, как, например, «Что делать?» или «Кому на Руси жить хорошо».

Апогей развития эзоповского языка «Современника» относится к 1860—1863 гг. В ту пору из него уже выработался очень устойчивый, организованный, приведенный в стройную систему язык, рассчитанный на многие годы тайного общения с читателями.

В некрасовском «Современнике» эзопов язык явился созданием всей группы писателей, руководивших журналом. То был их общий язык. Начните, например, изучать, какими способами, какими сигналами умудрился Некрасов сообщить в подцензурных стихах, тотчас же после «освобождения» крестьян, что он считает «освобождение» обманом, новой кабалой для народа, — и вам будет невозможно отделить эти стихотворения Некрасова от общей линии его «Современника».

Для меня несомненно, что отношение Некрасова к крестьянской реформе лучше всего выразилось в одном его стихотворении 1861 г., которое не имеет как будто никакого касательства к названной теме и до сих пор не связывалось с нею.

Начало этого стихотворения — лирическое, носящее чисто личный характер:

Что ни год — уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней. . .

Но если мы вспомним, что стихотворение написано в 1861 г., когда вся либеральная пресса кричала о том, что теперь-то для крестьян начинается долгожданная эра свободы, его политический смысл станет для нас несомненным. Смысл этого стихотворения в том, что многоголосому хору восторженных криков о «дарованной» крестьянам «свободе» Некрасов здесь противопоставляет такие слова:

Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!

В этих словах прямое заявление о том, что подлинная свобода еще не пришла, что вся она еще впереди, еще в будущем.

Заявить тотчас же после «освобождения» крестьян: «я так и не дождался свободы», это значило — выразить самую сущность революционного отношения к крестьянской реформе.

Политическая направленность этого стихотворения становится особенно ясной на фоне либеральных ликований, вызванных «раскрепощением» крестьян:

Пойдем, свободы луч блеснул с родных небес! —

писал, например, Розенгейм в «Русском вестнике» 1861 г. —

Победу довершим при криках всенародных:
Христос, Христос воскрес! Воистину воскрес,
И стала наша Русь страной людей свободных.¹

Нельзя сомневаться, что и последние строки стихотворения Некрасова тоже являются замаскированным откликом на конкретные события 1861 года:

Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

Комментаторы Некрасова до сих пор не отметили, что этими стихами поэт отзывается на кровавые усмирения крестьянских восстаний в Пензенской, Казанской и прочих губерниях. Именно в то время «кипение человеческой крови и слез» было наиболее присуще деревне. Очевидно, вследствие слишком явной своей злободневности, эти стихи не могли появиться в «Современнике» 1861 г. Некрасов напечатал их через несколько лет, причем поставил под ними в качестве комментария дату: «1861 год».

Характерно, что либеральные критики предпочли не заметить заключающегося в этих стихах осуждения свирепой расправы с крестьянами. Евгений Марков, например, утверждал, что никакого «кипения крови и слез» в русской деревне 1861 г. не было и быть не могло, что у Некрасова все это сказано просто ради красного словца, ради фразы. «Поблажка фразам ради фразы или рифмы!» вообще обесценивает мысль поэта — замечает он по поводу этих стихов, делая вид, будто не догадывается, какие реальные факты находятся в их основе. И так как казенно-либеральным писакам полагалось восхищаться «благодетельным раскрепощением» крестьян, Марков тут же сделал Некрасову выговор, как смел он тотчас же после манифеста 1861 г. писать такие мрачные стихи («Голос», 1878, № 42).

Между тем, даже в том обстоятельстве, что в «Современнике» 1861 г. не явилось ни одного стихотворения Некрасова, посвященного крестьянской реформе, заключается, как это ни странно звучит, конспиративная переключка с читателями, ибо не один Некрасов, а весь «Современник» встретил реформу демонстративным молчанием.

В том самом месяце, когда был объявлен манифест о даровании воли, «Современник» в своем «Внутреннем обозрении» писал:

«Вы, читатель, вероятно, ожидаете, что я поведу с вами речь о том, о чем трезвонят, поют, говорят теперь все журналы, журнальцы и газеты, т. е. о дарованной крестьянам свободе. Напрасно.

¹ М. Розенгейм. Христос, Христос воскрес! «Русский вестник», т. 32, 1861, март, стр. 374; ср. М. П. Розенгейм. 19 февраля. Стихотворения, ч. II, СПб., 1902, стр. 83.

Вы ошибаетесь в ваших ожиданиях. *Мне даже обидно, что вы так обо мне думаете*».¹

А Добролюбов закончил свою знаменитую августовскую статью в «Современнике»:

«А где же внутреннее-то обозрение? Что произошло замечательного в эти месяцы? Так и не будет об этом ничего?..

«Об этом так ничего и не будет, читатели».²

Это и было то «проклятие молчанием», которым, по словам В. И. Ленина, революционные демократы встретили крестьянскую реформу. Чтобы подчеркнуть это проклятие молчанием, Добролюбов в том самом отделе журнала, на тех самых страницах, где читатели могли ожидать подробного отчета о раскрепощении крестьян, завел нарочитую речь обо всяких посторонних предметах, лишь изредка вставляя в нее такие намеки: «Но уж если меня раз надули, — извините, я не скоро опять поддамся, да еще и других предостерегу».

Или:

«Ну, скажите мне на милость, чем тут восхищаться человеку хоть мало-мальски положительному и имеющему хоть самую малую толику практического смысла?» (V, 1941, 207).

Это *проклятие молчанием* тоже вошло в систему эзоповского языка 60-х годов и прозвучало для тогдашних читателей явственнее многих громогласных речей.

Говоря об этом *проклятии молчанием*, невозможно не вспомнить некрасовских строк:

Такую Музу мне дала судьба:
Она поет по прихоти свободной,
Или молчит, как гордая раба.

В. И. Ленин, говоря о молчании, которым встретил крестьянскую реформу Н. Г. Чернышевский, приводит блестящий пример его индифферентной речи, осуждавшей эту реформу еще до ее проведения в жизнь.

«Не будучи в состоянии, — говорит В. И. Ленин, — открыто заявлять свои мнения, он *молчал*, а обиняками характеризовал подготовлявшуюся реформу таким образом:

«Предположим, что я был заинтересован принятием средств для сохранения провизии, из запаса которой составляется ваш обед. Само собой разумеется, что если я это делал собственно из расположения к вам, то моя ревность основывалась на предположении, что провизия принадлежит вам и что приготовляемый

¹ «Современник», 1861, март, № III, отд. II, стр. 101—102. Курсив мой. — К. Ч.

² Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. V, 1941, стр. 238. В дальнейшем цитируется это издание.

из нее обед здоров и выгоден для вас. Представьте же себе мои чувства, когда я узнаю, что провизия вовсе не принадлежит вам и что за каждый обед, приготовленный из нее, берутся с вас деньги, которых не только не стоит самый обед..., но которых вы вообще не можете платить без крайнего стеснения. Какие мысли приходят мне в голову при этих столь странных открытиях?.. Как я был глуп, что хлопотал о деле, для полезности которого не обеспечены условия! Кто кроме глупца может хлопотать о сохранении собственности в известных руках, не удостоверившись предварительно, что собственность достанется в эти руки и достанется на выгодных условиях?.. Лучше пропадай вся эта провизия, которая приносит только вред любимому мною человеку! Лучше пропадай все дело, которое приносит вам только разорение!».

«Я,—указывал В. И. Ленин,—подчеркиваю те места, которые рельефнее показывают глубокое и превосходное понимание Чернышевским современной ему действительности, понимание того, что такое крестьянские платежи, понимание антагонистичности русских общественных классов. Важно отметить также, что подобные чисто революционные идеи он умел излагать в подцензурной печати».¹

Вообще нельзя не пожалеть, что в нашей исследовательской литературе до сих пор остается неразработанной тема: «Революционные демократы о крестьянской реформе». Читателю стало бы ясно, что вслед за Чернышевским и другие представители этого лагеря многократно пользовались «языком недомолвок, обиняков и намеков», чтобы выразить в подцензурной печати свое осуждение реформе и свою твердую веру, что только революция освободит крестьянство от помещичьей власти.

Вспомним хотя бы того же Слепцова и его «Трудное время», являющееся непревзойденным памфлетом против реформизма 60-х годов.

Вот один из множества примеров эзоповского языка, каким написана вся эта революционная повесть. Герой повести, Рязанов, заговорив случайно о каких-то статьях, пространно рассуждает о том, что заглавия этих статей совсем не соответствуют их содержанию, причем предполагалось, что читатель поймет, что речь идет не о статьях, а о либеральных реформах, вводимых Александром II.

«Понимаете, это все равно вот, что вывески такие бывают,—пояснял Рязанов свою мысль,— вот написано „Русская правда“ или „Белый лебедь“,—ну, вы и пойдете белого лебедя искать? а там кабак. Для того, чтобы читать эти книжки и понимать (т. е. для того,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 262—263.

чтобы по-настоящему судить о либеральных реформах правительства, — К. Ч.) нужен большой навык... На свежую голову, ежели взять ее в руки, так и в самом деле белые лебеди представляются: и школы, и суды, и... великая хартия вольностей, и чорт знает что... а как приглядишься к этому делу, ну, и видишь, что все это... продажа на вынос».¹

Таким образом, пользуясь эзоповским языком, «Современник» объявил во всеуслышание, что хваленые реформы 60-х годов — это только новые вывески на старом кабаке самодержавия.

А чтобы не было сомнения, что никакими реформами не спасешь этого ветхого здания, Слепцов снова прибегает к эзоповскому приему: он изображает усадьбу богатого помещика Щетинина, в которой, по выражению автора, «заметны были свежие следы недавней реформы: новые двери, новые обои...; кое-где новая мебель... Но, несмотря на это, несмотря на всю несомненность произведенных улучшений... *домá такого рода сжечь можно, но пересоздать нельзя*».²

«Сжечь можно, но пересоздать нельзя» — таково было отношение всего «Современника» к крепостническому государству, пытавшемуся при помощи либеральных реформ отсрочить свою исторически неизбежную гибель.

Одним из самых сильных протестов некрасовского «Современника» против грабительской крестьянской реформы являются очерки Павла Якушкина, объединенные общим заглавием «Велик бог земли русской!». В литературе есть указания, что первоначальное заглавие этих очерков — «Воля» и что заглавие, под которым они помещены в «Современнике», дано им (очевидно, по причинам цензурного свойства) Некрасовым.³

Под видом бесхитростных записей о своих скитаниях по «освобожденным» губерниям Якушкин настойчиво проводил — среди целого вороха совершенно нейтральных бытовых анекдотов — крамольную мысль о корыстном характере крестьянской реформы и о том, что царизм по самой своей природе враждебен интересам народа.

Еще резче высказался он в «Современнике» по поводу крестьянской реформы в другом своем очерке «Бунты на Руси», где напечатана такая аллегория:

«Приезжает один господин (несомненно Александр II, — К. Ч.), сделавший улучшения в своих деревнях, в одну из улучшенных своих деревень. Была собрана сходка.

¹ В. А. Слепцов. Трудное время, М., 1949, стр. 92.

² Там же, стр. 6. — Курсив мой. — К. Ч.

³ «Материалы для биографии Якушкина» — в кн.: П. И. Якушкин, Соч., СПб., 1884, стр. LXXIII (Воспоминания Н. А. Лейкина).

— Ну братцы, каково поживаете? — спросил господин у собравшейся сходки.

— Спасибо, батюшка! по твоей милости живем — слава богу! — отвечали из сходки...

— Живите, братцы, хорошенько: теперь жить хорошо; будете жить хорошо, сделаю еще лучше!

Вдруг все в ноги.

— Батюшка! не делай лучше, и теперь так хорошо, что жизнь коротка, сделаешь лучше — просто жить нельзя будет!..¹

Уже этот единичный пример — разоблачения крестьянской реформы — показывает, что эту тему невозможно изучать, искусственно выделяя Некрасова из дружно сплоченной группы революционных демократов 60-х годов, ибо они действовали единодушно, коллективно, путем умелого распределения ролей. Ведь их задача заключалась не в мелочном обличительстве за спиной у цензуры, а во внедрении в широкие массы читателей основ революционного мировоззрения.

Не нужно забывать, что очерк Якушкина «Велик бог земли русской!» дошел до нас в сильно искаженном виде. Министр народного просвещения Головнин не удовлетворился купюрами, произведенными цензором. «Полагаю, — писал он председателю цензурного комитета Цеэ, — пропустить можно статью, но следует из нее много вымарать; того, что ты назначил к исключению, *мало*». Кроме Головнина и Цеэ, в искажении очерка Якушкина принимал участие и «либеральный» цензор В. Н. Бекетов.²

3

Богат и разнообразен был этот единственный в мире конспиративный язык «Современника».

Одной из наиболее отличительных его черт является устойчивость иносказательной лексики, которая могла стабилизироваться именно благодаря многолетнему ее применению. Немало таких стабилизированных иносказательных слов ввели революционные демократы в свою литературную практику. Эти слова не являются в узком смысле эзоповской речью. Нередко они относятся к той условно-исторической лексике, которой каждая эпоха дает свое семантическое наполнение. Ниже мы приводим некоторые, наиболее характерные для словаря некрасовского «Современника». На первый взгляд каждое из них казалось обыкновенным и вполне безобидным, но в действительности у каждого было второе значение, доступное лишь идейно близкому кругу читате-

¹ П. И. Якушкин. Бунты на Руси. Соч., СПб., 1884, стр. 44.

² См. письма М. Е. Салтыкова-Щедрина к Н. А. Некрасову от 29 декабря 1862 г. и сл., в изд.: Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полн. собр. соч., т. XVIII, М., 1937, стр. 176—177.

лей. Щедрин называл эти слова «подставными». В 1863 г. он заявил в «Современнике», в одной из своих анонимных статей, что вместо «настоящих» слов ему под давлением цензуры часто приходится употреблять одни лишь подставные слова.¹ В поэзии Некрасова к числу таких «подставных» слов принадлежало, например, слово *дело*, которое у него почти всегда означало революционное служение народу:

Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для *дела* вы мертвы давно...
(«Рыцарь на час»)

Или:

Слова... слова... красивые рассказы
О подвигах... но где же их *дела*?
(«Отрывок»)

Или:

Он по природе своей благороден,
Только заносчив и к *делу* негоден.
(«Саша»)

Каков был тайный эквивалент слова «дело» в лексике некрасовских стихов, можно видеть яснее всего по одному стихотворению Некрасова, написанному еще в 1845 г. Стихотворение в доцензурной редакции заканчивалось такими строками:

И что злоба во мне и сильна, и дика,
А *хватаюсь за нож* — замирает рука!
(«Я за то глубоко презираю себя»)

Нечего было и думать о том, чтобы последний стих был дозволен цензурой. Поэтому Некрасов счел нужным перевести его на подцензурный язык. И тогда у него получилось:

А *до дела дойдет* — замирает рука!

Эта условная терминология была в то время среди революционных демократов всеобщей. Добролюбов, например, в одном стихотворении писал:

Я ваш, друзья, — хочу быть вашим,
На труд и битву я готов —
Лишь бы начать в союзе нашем
Живое *дело* вместо слов.
(«Еще работы в жизни много»)

Молодежь 60-х годов хорошо понимала, что разумел Некрасов, когда в своей речи о Добролюбове многозначительно выразился: «Он сознательно берег себя для *дела*».²

Другим таким же зашифрованным словом в поэзии Некрасова было слово *терпенье*, с виду такое простое и ясное. У него оно

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полн. собр. соч., т. VI, М., 1941, стр. 237. — В дальнейшем цитируется это издание.

² Н. А Некрасов, Полн. собр. соч., т. IX, 1950, стр. 411.

почти всегда имело укоризненный смысл и было синонимом покорного примирения с действительностью. И когда поэт говорил, например, обращаясь в своих стихах к бурлаку:

Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее *терпел*? —
(«На Волге»)

это значило на его языке: «ты был бы гораздо счастливее, если бы, выйдя наконец из терпения, вступил на путь революционной борьбы».

А когда после поездки в деревню он писал («Литература с трескучими фразами») о том тягостном чувстве, которое вызывают в нем встречи с крестьянами:

Их нищета, их *терпенья* безмерное
Только досаду родит, —

это на его языке означало: «как могут крестьяне не восстать против своих угнетателей!».

Когда же Некрасов (в стихотворении «В полном разгаре страда деревенская») обращался к крестьянке, наклонившейся над плачущим ребенком:

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном *терпении*,
Пой, *терпеливая* мать! —

здесь заключался нетерпеливый вопрос: неужели матери крестьянских детей завещают свое долготерпение и им?

Именно потому, что с мыслью о долготерпении народных масс у Некрасова всегда была связана мысль об их неподготовленности к революционному действию, в его стихах слово «терпение» почти всегда сочеталось с эпитетами, выражавшими хулу. Так, в «Песне Еремушке» терпение зовется *холопским*; в поэме «Современники» — *тупым*:

Все в этой песне: *тупое терпение*,
Долгое рабство, укор ...

Тот же эпитет в «Тройке»:

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни — появись вдруг
Выраженье *тупого терпенья*
И бессмысленный, вечный испуг.¹

С каким сарказмом говорит он от лица бедняка о том либерале, который,

Нам *терпенья* проповедуя,
Как Сократ, красноречив.
(«Филантроп»)

¹ Когда же Некрасову случилось упомянуть о терпении не в смысле пассивности масс, а в смысле героической выносливости сильной души, он применил к этому терпению эпитет иного характера. «Вы *гордым терпеньем* богаты» — говорит в его «Русских женщинах» Пушкин отправляющейся в Сибирь «декабристке». Курсив мой. — К. Ч.

Но особенно явственно проклятие *холопскому, тупому терпению* слышится в «Железной дороге», главная тема которой заключается именно в этом проклятии. Смиренно и кротко поют землекопы, замученные непосильным трудом:

Все претерпели мы, божиі ратники,
Мирные дети труда!

Но Некрасов отнюдь не умиляется их покорным страдальчеством, а, напротив, видит в нем величайшее зло и снова называет их терпение тупостью:

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: *тупо* молчит
И механически ржавой лопатой
Мерзлую землю долбит!

И хотя вся поэма создана для того, чтобы возвеличить и защитить угнетенных, поэт обращает свои обвинения и к ним: как могут они после всех этих мук не ополчиться на своих притеснителей!

Когда, «подбоченясь картинно», мимо них проезжает ограбивший их подрядчик, им, по убеждению поэта, следовало бы расправиться с ним, как расправились корежские мужики с управителем Фогелем (в поэме «Кому на Руси жить хорошо»), а они, к негодованию Некрасова, благодушно прощают грабителю его кровопийство и за обещанный им боченок вина чествуют его, как своего благодетеля:

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком ура! по дороге помчал...

Эта готовность народа *терпеть и прощать* была всегда ненавистна поэту, видевшему в революционном протесте единственный путь к всенародному счастью.

К сожалению, даже в настоящее время часто наблюдается тенденция придать «Железной дороге» более кроткий и примирительный смысл, совершенно не свойственный поэзии Некрасова.

Даже лучшие из наших чтецов-декламаторов исполняют ее, как некий умилительный гимн мученическому долготерпению народа. Строки о божиих ратниках произносят они дребезжащим, благоговейно-расслабленным голосом, словно их до слез восхищает такое христианское беззлобие:

Все претерпели мы, божиі ратники,
Мирные дети труда!

словно они сентиментально растроганы евангельской кротостью русских людей... Но нельзя же забывать, что вся поэзия Некрасова только к тому и стремилась, чтобы разрушить попытки реакционеров представить русский народ, по знаменитому выражению В. И. Ленина,

«доверчивым, терпеливым, простодушным, покорным, всевыносящим и всепрощающим».¹

Возражая против этих реакционных попыток, Некрасов указывал (уже в 70-х годах):

Крестьянское *терпение*
Выносливо, а временем
Есть и ему конец.
(«Последыш»)

Здесь, на этом малом примере, вскрывается существенная особенность некрасовской лексики: из нескольких значений, свойственных данному слову, он выбирал одно, которое и закреплял за ним раз навсегда, превращая это слово в устойчивый термин с одним и тем же засекаемым значением.

И когда в одном стихотворном наброске он указал через несколько лет после «освобождения» крестьян, что крестьянам снова хотят навязать христианскую добродетель терпения, это значило, что он не разделяет либеральных иллюзий о спасительности «великой реформы» и понимает, что новые повелители жизни снова хотят опереться на пресловутую незлобивость и кротость крестьян:

Те же напевы, тоску наводящие,
С детства знакомые нам,
И о *терпении* новом молящие,
Те же попы по церквам.
(«Как празднуют трусую»)

Здесь тоже никоим образом нельзя отделять Некрасова от его великих сподвижников. Вспомним, например, щедринское обращение к читателю в статье «Современные призраки» (1865), которое как бы специально написано для революционного истолкования этого условного термина: «...если терпеть *нельзя*, то еще менее *стоит* терпеть... Спрашивается, сколько тысячелетий живет человечество и чего оно добилось с помощью терпения! Добилось того, что ему и доднесь говорят: терпи!.. Сколько великих дел мог бы явить человеческий ум, если б не был скован более нежели странною надеждой, что все на свете делается само собою?» (VI, 381).

Точно так же относилась к терпению вся передовая журналистика 60-х и 70-х годов. Писарев, например, с негодованием писал: «Ультраослиного терпения у нас во всякое время было довольно». В «Искре» 1871 г. (№ 23) Дмитрием Минаевым изображена была *Глупость*, которая похвалялась в стихах:

Ослиному *терпению*
Учу я пролетария,²

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 113.

² Д. Д. Минаев. Кому на Руси жить плохо. Собрание стихотворений, Л., 1947, стр. 324.

что в переводе на свободный от цензуры язык означало: лишь по своей несознательности русский пролетарий не поднимает восстания.

Отмечу, кстати, что еще в 50-х годах, когда в славянофильской «Русской беседе» появилась архиреакционная, ханжеская статья Тертия Филиппова «Не так живи, как хочется», где прославлялось христианское терпение русских людей и с величайшим сочувствием цитировалась народная песня:

Потерпи, сестрица, потерпи, родная! —

статья эта подверглась суровому осуждению со стороны Чернышевского, а песня, приведенная Филипповым, вызвала у Некрасова ответную песню «Катерина», где та же тема о народном терпении приобрела прямо противоположный характер:

«Потерпи, сестрица! — отвечает брат: —
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи! — соседи хором говорят: —
Милого побои не долго болят!»

В «Катерине» Некрасова эта проповедь терпения нарушается и едко высмеивается героинею песни, так что вся песня становится открытым протестом против тех элементов фольклора, которые пытались использовать в своих классовых целях многочисленные реакционные авторы.

Недавно я с удовлетворением узнал, что к такому же мнению о «Катерине» Некрасова пришел, независимо от меня, и ленинградский ученый Б. Я. Бухштаб. Этой теме он посвятил небольшое исследование, где высказал такую же уверенность, что «Катерина» Некрасова является полемическим опровержением песни, на основе которой Филиппов пытался обосновать апологию рабского непротивления злу.¹

В своей интересной работе Б. Я. Бухштаб обильно цитирует отклики тогдашней печати на это реакционное выступление Филиппова.

¹ Статья Тертия Филиппова напечатана в «Русской беседе», 1856, № 1, стр. 70—100. В статье много выпадов против революционных теорий и принципов. «...Вся Европа, — писал Филиппов, — огласилась странными учениями, которые имели своей целью совершенно ниспровергнуть весь прежний нравственный и общественный порядок, упразднив все вечные <!>, неизменно пребывающие <!> начала человеческого быта... Опыты политического применения (этих учений, — К. Ч.) стоили много крови, и дело кончилось тем, что суровая сила призвана была для спасения страны...» (стр. 80). Песня, на которую ссылался Филиппов, начинается такими строками:

Взойди, взойди, солнце, не низко, высоко!
Зайди, зайди, братец, ко сестрице в гости!

Некрасов внимательно читал эту книгу «Русской беседы»; он нашел в ней материал для своего стихотворения «Зеленый шум», где точно воспроизвел многие подробности помещенной в этом же номере журнала статьи М. А. Максимовича «Дни и месяцы украинского селянина» (см.: «Науковий збірник Ленінградського товариства», Киев, 1928, стр. 51).

Мне представляется существенно важным прибавить к их числу еще один наиболее многозначительный отклик, оставшийся до сих пор незамеченным. Это строки Салтыкова-Щедрина, написанные тотчас же после того, как статья Филиппова появилась в «Русской беседе».

Правда, Щедрин не называет имени автора этой статьи, но нельзя сомневаться, что он имеет в виду именно Филиппова, когда пересказывает — в ироническом плане — все его дифирамбы долготерпению русских крестьян и воспроизводит его ссылку на ту самую песню, которая дана в его статье:

Потерпи, сестрица, потерпи, родная!

Издеваясь над аргументацией славянофильского публициста, великий сатирик пародирует его статью в таких словах: «Вслушайтесь в русскую песню — там изображается, например, жена, которую бросил муж, но она не волнуется этим...; нет, она с терпением и верою ожидает, пока буйные разгулы ее мужа кончатся».¹

Дальше пересказывается — опять-таки без имени автора — отзыв Филиппова о пьесе «Не так живи, как хочется», после чего вся его статья подвергается уничтожающей критике — с тех самых позиций, с каких восставал против нее Чернышевский. Весь огонь этой критики направлен против того умиления «кроткой покорностью» русских крестьян, их готовностью безропотно сносить все обиды, которые в политической обстановке 60-х годов означали уверенность реакционного лагеря, что крестьянская революция немыслима.

Самым замечательным в этом журнальном эпизоде мне кажется то единодушие, с которым восстали против славянофильского мифа о долготерпении народа и Чернышевский, и Салтыков-Щедрин, и Некрасов. Едва только в «Русской беседе» появилась попытка прославить *терпение* как высшую народную доблесть, все трое, в один голос, заявили протест против этой клеветы на народ. Здесь в сотый раз убеждаешься, что поэзию Некрасова никоим образом нельзя изолировать от публицистики его «Современника».

Против апологии терпения столь же резко восставал и Добролюбов. С негодованием цитировал он (в одной из своих анонимных рецензий) цинические заповеди крепостному крестьянину, напечатанные в хрестоматии для народного чтения:

«Терпи, что бы с тобой ни случилось...; все терпи без ропота... Терпение — лекарство от всех беспокойств», и т. д. и т. д. (V, 179—180).

¹ Этот отклик Салтыкова-Щедрина на выступление Тертия Филиппова, не отмеченный даже в комментариях, относится к 1856 г. (см. статью «А. В. Кольцов» в Полном собрании сочинений Н. Щедрина [М. Е. Салтыкова], т. V, М., 1937, стр. 24—25). Характерно, что представитель реакционного лагеря Н. Н. Страхов объявил «Катерину» Некрасова противоречащей (!) мировоззрению народа (Н. Страхов. Заметки о Пушкине и других поэтах, СПб., 1888, стр. 136).

Третье слово, имеющее столь же тайный политический смысл в поэзии Некрасова, слово, которым он особенно часто пользовался в 40-х и 50-х годах, — самое заметное слово в его словаре. С этим словом он вошел в литературу. Оно сразу отличило его от всех остальных поэтов. Это слово «злота» («озлобленность», «злость»), которым он с демонстративной настойчивостью окрасил всю свою раннюю лирику.

Впервые оно появилось в 1845 г. в его стихотворении «Пьяница», где задавленный жизнью бедняк выражает свою тайную ненависть к тем сокрушительным общественным силам, которые обрекли его на гибель:

Сгораешь *злой* тайною...

В том же 1845 г. Некрасов говорит о себе:

... *злота* во мне и сильна и дика, —

и с тех пор эта злота изображается им как первооснова его мыслей и чувств:

Воспоминания дней юности — известных
Под громким именем роскошных и чудесных, —
Наполнив грудь мою и *злой* и хандрой,
Во всей своей красе проходят предо мной...

(«Родина»)

И в том же стихотворении опять:

И грудь моя полна враждой и *злостью* новой...

Эту свою озлобленность он неоднократно подчеркивает в других стихотворениях того же периода: «Только угрюм и *озлоблен* я был»; «Что же молчит мой *озлобленный* ум?»; «Угрюм и полон *озлобленья* у двери гроба я стою...»

В те же годы он создает дифирамб озлобленному поэту, «благородному гению», «питающему грудь свою ненавистью». Стихи эти — много позднее — вызвали отповедь другого поэта, Полонского, который так и написал о Некрасове:

Блажен *озлобленный* поэт...

Таково было одно из самых ранних определений поэзии Некрасова, сохранившееся до конца его жизни: «злота», «озлобленность», «злая» поэзия. И когда в 1847 г. Тургенев в первой книжке журнала Некрасова отозвался о нем, используя выражение Лермонтова: «какой-то поэт, *озлобленный* на новый век и нравы», он, кажется, впервые применил к Некрасову это едкое прозвище, которое в 40-х и 50-х годах стало его ходячим эпитетом.

Выражение «озлобленный ум» перешло к Некрасову от Пушкина. Пушкин в «Евгении Онегине» (гл. VII) характеризовал человека 20-х годов —

С его *озлобленным* умом,

и через несколько лет, уже с другой интонацией, применил те же слова к Грибоедову: «Его меланхолический характер, его озлобленный ум» («Путешествие в Арзрум», гл. II).

Но у Некрасова это слово насыщено другим содержанием — революционным. Именно потому, что в контексте его стихотворений оно почти всегда означало революционную ненависть к тогдашнему строю, Некрасов так часто называл себя *злым* и *озлобленным* и так высоко ценил в себе эту черту.

Он рассчитывал, что демократическая масса читателей, проникнутая теми же чувствами, какие одушевляют его, легко расшифрует это слово и вложит сюда именно то содержание, какое было вложено им. Так оно и было в действительности. Герцен, например, писал о Некрасове, что он поэт, «замечательный — своею демократическою и социалистическою ненавистью»;¹ Добролюбов — что при чтении его ранних стихов «кровь кипела враждой и злобой, сердце поворачивалось от негодования и тоскливого, бессильного бешенства» (VI, 471; курсив мой. — К. Ч.).

«Вражда», «негодование», «злоба», «ожесточенность», «ненависть», «бешенство» — таковы были, в глазах людей революционного лагеря и широких демократических масс, основные достоинства поэзии Некрасова, и за них-то эти люди полюбили его.

Но либералы, либеральные журналисты и критики, воспользовавшись тем, что, по цензурным условиям, он не имел возможности прямо указать, где находится объект его «злобы», притворились, что им непонятно революционное значение этого слова, стали изображать дело так, будто он злится без всякой причины, просто потому, что у него сварливый характер, и стали повторять все настойчивее, что ему следует подавлять в себе злобу, ибо, утверждали они, только доброта и сердечность могут быть основами настоящей поэзии. Таков был главный канон их эстетики, и Дружинин, например, на все лады повторял в своих тогдашних статьях, что только тот имеет право называться поэтом, кто «взирает на жизнь с приветливостью», «незлобиво и ласково», «не видя зла», «прославляя одно только благо».

Таким образом, политический термин был сведен к обывательскому. Но Некрасов и не рассчитывал на понимание и сочувствие подобных читательских групп. Он очень точно указал, к какому слою читателей адресует он свои стихотворения:

Друзья мои по тяжкому труду,
По Музе гордой и несчастной,
Кипящей злобою безгласной!
Мою тоску, мою беду
Пою для вас...

¹ А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, т. VIII, 1919, стр. 517.

Эти читатели хорошо разгадали, какой смысл таится под зашифрованными словами Некрасова, и безошибочно читали в его стихотворениях то, чего не могли прочесть в них ни цензура, ни читатели враждебного лагеря.

Конечно, от меня далека та слишком наивная мысль, будто все только что приведенные цитаты из стихотворений Некрасова, свидетельствующие об устойчивости его иносказательной лексики, всегда целиком входят в систему эзоповской речи. Иногда они только приближаются к ней, иногда стоят далеко в стороне от нее. Словарь поэта — не терминология ученого. Стилистика Некрасова так сложна, разнообразна и богата оттенками, что ни в какие схемы ее не вместишь. Мы можем говорить лишь об общей тенденции его словаря, тесно связанного в 60-х годах с условной лексикой Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Добролюбова. Тенденция эта заключается именно в том, чтобы за некоторой категорией слов, казалось бы вполне «благонамеренных» и совершенно цензурных, раз навсегда закрепить тайный революционный смысл.

4

Та разновидность эзоповской речи, которая применялась от случая к случаю, конечно, не раз и не два наносила удары царизму и таким образом до известной степени служила революционному делу. Поэтому ею не пренебрегал и Некрасов, правда, в очень редких случаях. Все же ее никоим образом нельзя назвать революционной речью, так как выражаемые ею протесты бывали по большей части направлены не против всего буржуазно-помещичьего, полицейского строя, а лишь против отдельных и якобы случайных его проявлений.

В этом отношении чрезвычайно показательным представляется мне эпизод, происшедший еще в 40-х годах в Петербурге.

17 декабря 1846 г. в полуофициозной газете Фаддея Булгарина «Северная пчела» появились стихи известной в те времена поэтессы графини Е. П. Растопчиной, и среди них баллада «Насильный брак», где какой-то немецкий барон жаловался на измену жены. Жена отвечала ему большим монологом, гневно обвиняя его в жестоких насилиях.

«Кажется, чего невиннее в цензурном отношении? — писал об этих стихах А. В. Никитенко в своем «Дневнике». — И цензора, и публика сначала поняли так, что графиня Растопчина говорит о своих собственных отношениях к мужу, которые, как всем известно, неприязненны. Удивлялись только смелости, с какою она отдавала на суд публике свои семейные дела...»¹

¹ А. В. Никитенко. Записки и дневник (1804—1877), т. 1, СПб., 1904, стр. 366

Но внимательные читатели скоро заметили, что здесь аллегория иного порядка. Барон — это царь Николай I, а жена, страдающая от его жестоких насилий, — порабощенная русским самодержавием Польша. Можно ли было сомневаться, что в словах этой аллегорической женщины звучит жалоба Польши на своего угнетателя:

Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я,
Но победил, пленил меня
Соседей злых набег хищливый.
Я предана, я продана,
Я узница, я не жена.

В последних строках уже совсем откровенно говорилось о ссылках в Сибирь, конфискации и виселицах, которыми Николай терроризировал Польшу после восстания 1831 г.

Послал он в ссылку, в заточенье
Всех верных, лучших слуг моих;
Меня же предал притесненью
Рабов, лазутчиков своих.

Памфлетность этих «эзоповских» стихов несомненна. Между тем, графиня Растопчина была далека от каких бы то ни было крамольных идей, что и доказала через несколько лет своими пасквильными стихами о Герцене.

Против ее пасквиля тогда же восстали умеренно-либеральные «С.-Петербургские ведомости», которые тоже воспользовались эзоповской речью, чтобы во весь голос, печатно назвать пасквильянку — донощицей.

Эта эзоповская речь «С.-Петербургских ведомостей», как мы знаем, вызвала полное одобрение Некрасова.

«Графиня Растопчина, — сообщал он Тургеневу 30 июня 1857 г., — написала доносца в стихах. Фельетонист С.-Петербургских Ведомостей, говоря о ней, замечает, что деятельность ее разделяется... на три отделения, — в 1-м она делала то и то, во 2-м то и то, а ныне графиня Растопчина *вступила в третье отделение*» (V, 1930, 302; курсив мой — К. Ч.).¹

Ловкое иносказание пришлось Некрасову по душе — не только потому, что оно шельмовало «отступницу» (так называл Растопчину

¹ Третьим отделением собственной канцелярии его величества называлась тогда государственная тайная полиция. Стихотворение Е. П. Растопчиной «Моим критикам» напечатано в «Северной пчеле» (1857, № 125, 10 июня). «До сих пор поэтическая деятельность графини Растопчиной делилась на два отделения, — писал по поводу этого стихотворения фельетонист «С.-Петербургских ведомостей». — Приветствуем графиню Растопчину, вступившую в третье отделение своей поэтической деятельности, в котором определится ее дарование окончательно» («С.-Петербургские ведомости», 1857, № 30, 16 июля).

Огарев), но и потому, что оно наносило цензуре — пусть кратковременный, пусть и ничтожный — ущерб.

Наиболее ярким примером единичного применения эзоповской речи представляется мне повесть либерального журналиста А. С. Суворина «Всякие» (написанная до его ренегатства), где под именем Всеволода Теломарова заклеямен Всеволод Костомаров, провокатор, предавший Чернышевского, причем тут же указывалось, что Чернышевский, выведенный в повести под фамилией Самарского, обвинен незаконно, при помощи фальшивых документов, сфабрикованных этим предателем.

Повесть печаталась фельетонами в умеренно-либеральной газете и, несмотря на заключающийся в ней смелый протест против лицемерной комедии суда, инсценированной сенатом Александра II, ничего революционного в ее содержании не было.

Случайный протест против какого-нибудь отдельного зла (а не против всей системы тогдашнего общества) — таково было чаще всего содержание этой разновидности эзоповой речи.

Чаще всего, но далеко не всегда. Бывали случаи, когда ею пользовались и подлинные революционеры. Так поступил, например, Михаил Чемоданов, в юности революционный народник, впоследствии сблизившийся с московскими большевиками и погибший от долгого заключения в Бутырской тюрьме. Еще студентом, в начале 80-х годов, он усердно сотрудничал в захудалом московском журнальчике «Свет и тени», далеко от каких бы то ни было оппозиционных тенденций, и нарисовал там, между прочим, виньетку, казалось бы, вполне безобидную, с такой же безобидной надписью, которая, однако, прозвучала проклятием всему самодержавному строю. Виньетка благополучно прошла сквозь рогатки цензуры. На первый взгляд, в ней и действительно не было ничего нецензурного: стол, на столе две чернильницы с воткнутыми в них гусиными перьями, а над чернильницами, в качестве заглавия, надпись: «Наше оружие для разрешения насущных вопросов». Казалось бы, эта «беззубая издевка над бюрократическим бумагомаранием» была совершенно подстать той мелко-травчатой, низкопробной сатире, которой вынуждена была пробавляться упадочная юмористика 80-х годов.¹

Но стоит внимательнее взглянуть на виньетку, и из комбинации перьев и букв возникнет очертание виселицы, с перекладины которой свисает веревка и петля, и надпись приобретет совершенно иное значение, особенно, если вспомнить, что виньетка появилась весной 1881 г., т. е. вскоре после казни пятерых первомайцев, убивших Александра II.

¹ «Свет и тени», художественный журнал с карикатурами, 1881, № 19, 16 мая (против стр. 147).

Виньетка оказалась замаскированным откликом на эту недавнюю казнь: «вот каково единственное оружие царских властей для разрешения насущных социальных вопросов»!¹

Так что считать этот метод эзоповой речи исключительным достоянием либеральной журналистики — нельзя. Подобно Щедрину и Некрасову, этим методом пользовались и другие представители революционного лагеря. Огромную сенсацию произвела, например, изображенная в «Искре» муравьиная куча со стихотворною подписью:

Муравьев-то, муравьев!, —

так как здесь увидели смелый намек на свирепствовавшего тогда палача Муравьева.

То был типичный «партизанский» набег на врага — один из многих, которыми прославилась «Искра», примыкавшая в те годы к «Современнику».

Вообще у нас нет никаких оснований недооценивать эту категорию эзоповой речи лишь оттого, что в очень редких, исключительных случаях ею пользовались иногда посторонние, вроде, например, Александра Амфитеатрова, попытавшегося завоевать доверие массового читателя антидинастическим памфлетом «Господа Обмановы», напечатанным в умеренно-«прогрессивной» газете «Россия» (1902). Под видом помещицкого семейства Обмановых — держиморд и развратников — в памфлете было выведено царское семейство Романовых: Николай II, его родители и ближайшие родственники. «Господа Обмановы» не типичны для литературной биографии их автора. Среди его писаний этот очерк является уникалом, чуждым его политической и литературной деятельности и весьма ограниченным по своей идейной направленности.

Как бы то ни было, и та и другая разновидность эзоповой речи не связана ни с одним из либеральных течений. Но вторая замечательна тем, что она свойственна лишь революционным демократам 60-х годов и является самобытной особенностью их повседневного общения с читателем.

В отличие от эзоповой речи журналистов либерального лагеря, их речь никогда не стремилась к тому, чтобы вызвать сенсацию. В ней не было ни озорства, ни бравады. Их не прельщали громкие эффекты, исчерпывающиеся единичными случаями: их речь была тихой и медленной, зато она звучала непрерывно. Если в результате их общих усилий она стала могучим средством для революционного воспитания масс в условиях подцензурной печати, это объясняется именно теми

¹ О М. М. Чемоданове см. воспоминания И. М. Майского «Перед бурей» (М., 1944, гл. 8: «Мой дядя Чемоданов», стр. 77—89).

особенностями, которые отличали ее от эзоповой речи оппозиционно-либерального лагеря.

Особенности эти такие:

1. Широта диапазона. В то время как эзопова речь либеральных писателей была всегда по какому-нибудь одному-единственному проявлению самодержавного строя, как бы не замечая других, эзопова речь революционных демократов была организована так, чтобы сокрушить весь этот строй, в том числе и поддерживающих его либералов (вспомним, например, «Медвежью охоту» Некрасова, статьи и заметки Добролюбова в «Свистке», его статьи «Из Турина», «Два графа» и т. д.).

2. Длительность и непрерывность воздействия этой иносказательной речи, регулярно возобновлявшейся из месяца в месяц в течение десятков лет.¹

3. Многократность этого воздействия как следствие коллективной работы дружно сплоченной писательской группы.

4. Некоторая (в пределах возможности) стабильность условных обозначений ряда революционных идей и понятий, т. е. иными словами: устойчивость шифра, какую мы замечаем и в поэзии Некрасова.

Здесь будет уместно отметить, что В. И. Ленин нередко пользовался терминами: «эзоповский язык», «эзоповские выражения»,² и сам в своих подцензурных статьях и книгах считал необходимым в ряде случаев прибегать к этой иносказательной речи, — не к той ее разновидности, которую можно назвать партизанской, но именно к той, которая продолжала традиции «Современника» времен Чернышевского.³ В предисловии к работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», В. И. Ленин говорит, что во многих своих частях она написана «... тем эзоповским — проклятым эзоповским — языком, к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для „легального“ произведения».⁴ Например, слово

¹ В книге Я. Эльсберга «Стиль Щедрина» проводится мысль, что в эзоповском языке Щедрина (и, очевидно, других революционных демократов 60-х годов) нет аллегорий, а только метафоры, ибо аллегория «рассудочно абстрактна», «холодна», «бессодержательна». Для подкрепления своей мысли Я. Эльсберг ссылается на Гегеля, во времена которого аллегориями действительно назывались лишь «рассудочно абстрактные», «холодные» иносказания. Однако в русской разговорной речи середины XIX в. всякие различия между метафорой и аллегорией стерлись, и сам Щедрин в «Недоконченных беседах» называл свои эзоповские иносказания «аллегориями» (Я. Эльсберг. Стиль Щедрина, М., 1940, стр. 75).

² В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 247; т. 4, стр. 369; т. 22, стр. 175.

³ См., например: В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Соч., т. 14, стр. 8, 207, 250 и др.; см. также: В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч., т. 22, стр. 173—290.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 175.

«поповщина» В. И. Ленин был вынужден по цензурным условиям заменить словом «фидеизм».¹ «Сторонники поповщины» обозначены термином «фидеисты».²

5

В этом кратком очерке, конечно, немислим исчерпывающий анализ разнородных приемов и методов эзоповской речи, которые применялись Некрасовым на всем протяжении его литературной работы.

Укажем лишь некоторые, наиболее существенные.

Первый прием заключался в маскировке политического содержания якобы интимной тематикой. Общественный мотив стихотворения предлагался цензуре как личный. Сюда относится, например, восьмистишие:

Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!

и т. д.

Это стихотворение, в котором так явственно слышится тоска по революционному взрыву, могло появиться в печати лишь потому, что ему был придан характер интимной записи, якобы относящейся исключительно к личной биографии автора. Таковы многие строки стихотворений «Родина», «Муза», посвящение «Сестре» (в поэме «Мороз, Красный нос»), вышеприведенное стихотворение «Что ни год — уменьшаются силы» и др.

Второй прием, столь же часто применявшийся Некрасовым в его писательской практике, — ссылка на то, что его стихи, посвященные русской действительности, есть якобы перевод с иностранного. Некрасов был один из самых русских поэтов, и вся тематика у него исключительно русская, но сколько стихотворений с этой русской тематикой было обозначено им для обмана цензуры, как стихотворения из Ларры, из Барье, из Шенье и других иностранцев! Стихотворение «Душно! без счастья и воли...» объявлено переводом из Гейне. Посвященное Чернышевскому стихотворение «Пророк» вначале носило подзаголовок «Из Байрона», потом «Из Ларры», потом «Из Барье». Над стихотворением «Смолкли честные» — значилась надпись «С французского», и т. д. Это был метод, охарактеризованный самим же Некрасовым:

Переносится действие в Пизу —
И спасен многотомный роман!

(«Газетная»)

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 8, 206, 207, 343 и др.

² Там же, стр. 343; см. также: В. И. Ленин. Письма к родным, 1934, стр. 319.

Нужно ли указывать, что в некрасовском «Современнике» «перенесение действия в Пизу» было одним из широко распространенных приемов. Когда, например, Чернышевский в своих обзорах иностранной политики говорил о тогдашних итальянских событиях, здесь под именем неаполитанцев фигурировал русский народ, а под именем «власти, какая существует в Неаполе», — самодержавие Александра II.¹ Добролюбов, дискредитируя политику Камилло Кавура, бил тем самым русских либералов за их приспособленчество, оппортунизм и трусость (V, 131—175 и 540—544). Обличая итальянских иезуитов, метили в русских попов. Не имея возможности говорить об абсолютистском режиме России, Чернышевский и Добролюбов громили абсолютизм Австрийской монархии. «... Козлом отпущения служила обыкновенно Австрия...», — говорит в своих «Воспоминаниях» Шелгунов, — оказывалось все-таки невозможным обходиться без иносказательности, и Австрия, явившаяся на выручку писателей, учила читателей проищительности и уменью понимать иносказания».²

Характерно, что к такому же методу был вынужден прибегнуть В. И. Ленин в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916).

«... Чтобы, — писал впоследствии В. И. Ленин, — в цензурной форме пояснить читателю, как бесстыдно лгут капиталисты и перешедшие на их сторону социал-шовинисты..., я вынужден был взять пример... Японии! Внимательный читатель легко подставит вместо Японии — Россию, а вместо Кореи — Финляндию, Польшу, Курляндию, Украину, Хиву, Бухару, Эстляндию и прочие не-великороссами заселенные области».³

Третий прием эзоповской речи революционных демократов я назвал бы приемом наложения сетки. Писалось, например, стихотворение ради двух или трех очень важных, политически острых стихов и тут же писались строки, так сказать, официального порядка, вполне благонамеренные, под прикрытием которых и можно было надеяться сохранить для печати опасные в цензурном отношении места. Такая система была основана на полной уверенности, что читатель непременно поймет, какие из этих стихов вынужденные, а какие свои, настоящие, т. е. как бы наложит на них сетку, прикрывающую строки, которых не надо читать. Эта уверенность, что друг читатель поймет, догадается, позволяла Некрасову вписывать в «Пир на весь мир» ненавистное ему:

Славься, народу
Давший свободу, —

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VI, Гослитиздат, 1949, стр. 149—154. В дальнейшем цитируется это издание.

² Н. В. Шелгунов. Воспоминания, М.—П., 1923, стр. 168.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 176.

для того, чтобы спасти всю поэму. Именно на эту сетку рассчитано его стихотворение «Свобода», написанное под впечатлением освобождения крестьян. Самое главное в этом стихотворении — горькие и мудрые строки:

Знаю: на место сетей крепостных
Люди придумали много иных. . .

Но что сделать, чтобы эти строки могли появиться в печати? Пишутся оптимистические стихи о том, какое счастье ожидает детей освобожденных крестьян, и хотя эти стихи сейчас же объявляются пустыми фантазиями:

В этих фантазиях много ошибок, —

все же они производят впечатление совершенно цензурных, после чего и печатаются важнейшие для Некрасова строки — о том, что крестьяне попрежнему остались в цепях.

Этим методом Некрасов пользовался нередко. К стихотворениям «Филантроп», «Княгиня», «Русскому писателю» он смело приписывал ложные, так сказать, официозные строки, твердо веря, что читатель, который знает его и верит ему, непременно почувствует, где вынужденные слова и где свои.

Четвертый прием — прием умолчания. Понадобилось Некрасову, например, п овести сквозь цензуру указание на то, что назначаемые царем губернаторы, министры и прочие большие чиновники, от которых нередко зависит судьба миллионов, вербуются в огромном количестве из среды великосветских негодяев, — он в своей сатире «Медвежья охота» заставил говорящего об этом Пальцова оборвать на полуслове свою речь после того, как читатель вполне угадал ее смысл:

Что эти полумертвецы,
Развратом юности ослабленные души,
Невежды, если не глупцы, —
Со временем родному краю
Готовятся. . .

Здесь собеседник Пальцова внезапно прерывает его, и крамольная мысль остается невысказанной, но дело сделано, удар нанесен, и в то же время невозможно сказать, что цензурный устав нарушен.

Наибольшего эффекта Некрасов достиг этим методом прерванных и недоговоренных речей в поэме «Кому на Руси жить хорошо», которая писалась в эпоху пореформенных крестьянских восстаний. Писать об этом массовом крестьянском протесте было, конечно, нельзя, поэтому Некрасов счел нужным и здесь использовать фигуру умолчания. Какой-то седовласый поп, говоря о Ермиле Гирине, сообщает крестьянам, что тот заключен в тюрьму:

«Как так?»
— А воля божия!

Слышал ли кто из вас,
 Как бунтовалась вотчина
 Помещика Обрубкова,
 Испуганной губернии,
 Уезда Недыхањева,
 Деревня Столбняки?..

(«Счастливые»)

Но в ту минуту, как поп переходит к подробному рассказу о том, каково было участие Гирина в этом восстании, — «Вдруг крик: „ай! ай! помилуйте!“ — Раздавшись неожиданно, Нарушил речь священника».

Пятый прием эзоповской речи заключался в том, что сатире, направленной против современных порядков, придавалась внешняя форма сатиры, обличающей порядки далекого прошлого. Классический пример такого метода — щедринская «История одного города» (1870). Когда либеральные критики пытались внушить читателям, будто в этой сатире нашло отражение «историческое прошлое русской земли», Щедрин восстал против такого толкования и в письме к А. Н. Пышину от 2 апреля 1871 г. заявил: «Мне нет никакого дела до истории, и я имею в виду лишь настоящее... я совсем не историю предаю осмеянию, а известный порядок вещей» (XVIII, 233, 235). У Некрасова такое обличение настоящего под видом прошедшего дано в первой редакции его «Филантропа» и «Княгини», причем время действия этого последнего стихотворения отодвигалось в «век Екатерины и никак не ближе». Сюда же относятся «Пир—на весь мир», «Железная дорога» и многие другие стихи.

Шестой прием эзоповской речи, применявшийся «Современником» особенно часто, — прием заведомо неверных высказываний, диаметрально противоположных убеждениям автора. Применение этого метода является одним из наиболее ярких свидетельств величайшего единения вождей революционной демократии с читательской массой 60-х годов. Они были настолько уверены в сочувствии и понимании тех, к кому обращались из месяца в месяц, что в случае полной невозможности провести сквозь цензуру ту или иную свою мысль, они предлагали ее читателю в перевернутом виде, твердо полагаясь на то, что читатель наверняка догадается прочитать ее наоборот.

Чернышевский, например, желая сказать, как отвратительна ему контрреволюционная проповедь пошлейшего из тогдашних манчестерцев Гюстава де-Молиари, процитировал из его книги скудоумные рассуждения о том, что социализм — это «бедственный опыт утопии, поддерживаемой невежеством», а революция — сплошное шарлатанство, и тут же заметил по поводу этой цитаты:

«*Прекрасные, совершенно основательные слова...* Характер книги виден, видны *превосходные* намерения автора „спасти общество от

серьезной опасности и насмерть поразить социализм“; но видно также, что недостает у него сообразительности, нужной для такого *прекрасного дела*» (VII, 1950, 473, 474; курсив мой. — К. Ч.).

Все это написано в полной уверенности, что «превосходные наме-рения» будут прочтены как «омерзительные», а «прекрасное дело» воспримется как «гнусное дело».

О презренном шпионе Августе Коцебу, убитом за предательство немецким студентом, Чернышевский писал в «Современнике»: «... более всех любили мы... *доброто* и *честного* Коцебу, пострадавшего за правду, которую так *безрассудно* отвергло *суетное* немецкое юношество» (IV, 1948, 48; курсив мой. — К. Ч.).

Писать такие строки можно было, лишь не сомневаясь, что все выделенные нами курсивом слова будут прочтены наоборот.

Так же поступал и Добролюбов. Ненавидя те призывы к терпению и рабьей покорности, которыми была переполнена упомянутая выше «Хрестоматия или избранные статьи для народного чтения», Добролюбов характеризовал их такими словами: «Вот, например, прочтите, каким *прекрасным* языком изложены драгоценные наставления „О терпении“... , столь *полезные* и *необходимые* для народа» (V, 179; курсив мой. — К. Ч.).

Иногда в этой иронии не слышалось даже иронической интонации. Просто черное демонстративно называлось белым, в твердом расчете на то, что читатель прочтет, как надо. Цензура же была не в праве наложить на все подобные утверждения вето, так как *формально* они вполне отвечали требованиям и установкам властей.

Иногда же ирония была очевидна для всех, но, так как никаких внешних стилистических признаков этой иронии не было, — цензуре опять-таки не к чему было придаться.

Так, например, когда в 1861 г. праздновался юбилей князя Вяземского, притеснителя передовой литературы, особенно преследовавшего «Современник» Некрасова, Чернышевский в этом журнале писал: «Русская литература будет помнить покровительство, каким она пользовалась от князя Вяземского, когда он находился прямым ее начальником... Да, она будет помнить с надлежащей признательностью» (VII, 1950, 723).

Хула в виде похвалы — эту систему эзоповской речи нередко применял и Некрасов. Заклеймив, например, цензора в сатире «Газетная», он напечатал сатиру с таким предисловием:

«NB. Само собою разумеется, что лицо цензора, представленное в этой сатире, — вымышленное и, так сказать, исключительное в ряду тех *почтенных* личностей, которые, к *счастью русской литературы*, постоянно составляли большинство в ведомстве, державшем до 1865 года в своих руках судьбы всей русской прессы».¹

¹ Стихотворения Н. Некрасова, ч. IV, СПб., 1869, стр. 48.

Это издевательское предисловие было принято цензурой всерьез, и «Газетная» беспрепятственно вошла в книгу «Стихотворений Н. А. Некрасова».

Одно из ранних стихотворений молодого Некрасова, печатавшееся им на первых страницах большинства его прижизненных сборников, все построено по такой же формуле: хула в виде похвалы, проклятие в виде дифирамба:

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко. . .

В дружбу к сильному влезть не желаешь ты,
Чтоб успеху делишек помочь,
И без умыслу с ним оставляешь ты
С глазу на глаз красавицу дочь. . .

и т. д.

(«Современная ода»)

Здесь каждая строчка требует, чтобы ее прочли наоборот.

Таков же был излюбленный прием Щедрина. . .

Седьмым приемом мы можем считать тот «эзоповский перевод политических понятий на язык быта», который отмечен Я. Эльсбергом в сатирических произведениях Щедрина. «Щедрин, — пишет Я. Эльсберг, — насыщал быт политикой, поднимал бытовые эпизоды до уровня политической жизни и вместе с тем снижал политику господствующих классов до быта, разоблачал ее высокие и лживые фразы бытовыми образами». «Принцип „перевода“ на эзоповский язык был взят из самой действительности».¹

Так как этим приемом из всех революционных демократов пользовался главным образом один лишь Щедрин, он стоит в стороне от нашей темы, равно как и тот вид эзоповской речи, который, по нашей классификации, мог бы составить восьмой ее прием — фантастику. На это указал А. Лаврецкий в статье «Стиль революционно-просветительной сатиры». «Невероятное, фантастически преувеличенное, — пишет А. Лаврецкий, — являлось уже само по себе защитной броней и заменяло эзоповское „иносказание“ или аллегория».²

Но здесь я опять, незаметно для себя, обращаюсь от Некрасова к его великим соратникам и снова и снова прихожу к убеждению, что не существует темы «эзоповский язык Некрасова», а есть тема «эзоповский язык революционных демократов», ибо язык Некрасова, Щедрина, Чернышевского был, как мы видели, групповым, коллективным, в чем и заключалась его главная сила.

Недаром самое существование этой тайной, условной речи, сделавшейся таким могучим оружием в руках революционных демократов,

¹ Я. Эльсберг. Стиль Щедрина, М., 1940, стр. 61, 63.

² «Литературный критик», 1939, № 5—6, стр. 47.

не раз приводило в бессильное бешенство представителей ретроградской печати. Единомышленник и наперсник Каткова, воинствующий консерватор Любимов с негодованием указывал в «Московских ведомостях», что «статьи радикального пошиба пишутся в „Современнике“ на том условном языке, которым радикализм наш изощрился говорить под цензурой», и сам Катков, признавая свое бессилие, писал: «Какой Аргус может уследить за теми бесчисленными и разнообразными способами, какими смута проникает в умы».¹

Но именно поэтому передовая молодежь 60—70-х годов так любила эту революционную тайнопись, шифр которой был доступен лишь ей.

«Как умудряется этот гениальный писатель, — читаем, например, в одной статье 1875 г., посвященной щедринскому творчеству, — на глазах у представителей цензурного ведомства говорить обществу такие вещи, о которых не всякий решится прошептать сам себе... это его секрет или, вернее, секрет его таланта... Читатель Щедрина прошел особую „щедринскую“ школу и так ловко научился читать своего автора между строк... что все новоизобретенные препоны оказываются почти бессильными».²

Все дело было именно в *школе*, в воспитании читателя, в длительном и непрерывном воздействии на него революционных идей, прикрытых легальными формами речи, причем эти формы, именно вследствие длительности их применения, с каждым годом все больше совершенствовались, усложнялись, становились все более изощренными, гибкими. Усовершенствование форм эзоповой речи, всецело зависящее от революционного роста читательских масс, можно легко проследить на развитии конспиративных приемов щедринской сатиры. Эзопов язык «Губернских очерков» во много раз беднее, элементарнее, проще эзопова языка «Современной идиллии». Это совершенствование форм конспиративного общения с читателями не могло не отразиться и на некрасовском творчестве. Оно обнаруживается с особой наглядностью в его эпопее «Кому на Руси жить хорошо», если сравнить первоначальные главы с той частью, которая написана Некрасовым в предсмертные годы и озаглавлена «Пир — на весь мир».

Вообще вся поэма является одним из величайших памятников эзоповой речи в России. Само ее заглавие направлено к полной дезориентации цензуры. Писатель, который постоянно твердил (например, в стихотворении «Поэту», 1874):

Два лагеря, как прежде, в божьем мире:
В одном рабы, властители — в другом,

¹ См. также: С. Не вед е н с к и й. Катков и его время, СПб., 1888, стр. 116—118.

² Н. Д е н и с ю к. Критическая литература о произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. II. М., 1905, стр. 321, 322.

не мог допытываться вместе со странниками, «кому живется весело, вольготно на Руси», ибо во всех его произведениях, на протяжении всей его жизни, на этот вопрос неизменно давался один и тот же очень четкий и внятный ответ. Когда в своей поэме «Несчастные» он говорил о Петербурге и его богатых районах:

... пышны в нем
Театры, улицы, жилища
Счастлищцев мира...

это не было случайной обмолвкой: через все его книги проходит чисто партийная уверенность в том, что представители привилегированных классов есть, так сказать, узурпаторы счастья обездоленных масс, и потому он неизменно зовет их счастливицами:

Вороти их! в тебе их спасение!
Но *счастливые* глухи к добру...

(«Размышления у парадного подъезда»)

Это постоянное подчеркивание счастья «сильных и сытых» началось у него в самые ранние годы.

Столица наша чудная
Богата через край,
Житье в ней лицам трудное,
Миллионерам—рай.

(«Говорун»)

«Я узнал, — писал он в своем Тихоне Тростникове, — что есть *несчастливицы*, которым нет места даже на чердаках и в подвалах, потому что есть *счастливицы*, которым тесны целые дома» (VI, 1950, 262).

Поэтому, когда в своей поэме он изображал дело так, будто и вправду он хочет дознаться, счастливы ли в России сановники, министры, купцы и помещики, это была, так сказать, дымовая завеса для прикрытия истинного сюжета поэмы. Некоторые мемуаристы повторяли, будто он хотел показать, что в тогдашней России не может быть счастлив никто, что все поголовно несчастны, что даже царь Александр II, и тот имеет свою долю хлопот и забот, но признать это — значило бы, что Некрасов перевел свою поэму из политического партийного плана в мелкообывательский план, в план житейского сострадания к врагам. Этого в его поэзии никогда не бывало:

Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю...

(«Элегия»)

От такой партийности он не отступал никогда.

Правда, можно возразить, что он в своей поэме с чрезвычайным сочувствием вывел горести и страдания попа и намеревался с та-

кой же симпатией изобразить тяжкое положение исправника. — но, как мне уже случилось писать, возражающие не желают заметить, что, когда странники в одном из набросков к поэме разбирают вопрос, счастлив ли встреченный ими исправник, вся их беседа в конце концов приводит к тому, как мучительна жизнь крестьян, находящихся во власти исправника. То же самое — при встрече с попом. Поп для того и выведен таким гуманным и жалостливым, чтобы в его речах прозвучало свидетельство о крайней нищете его паствы. А для того, чтобы этого попа не считали типичным, Некрасов на дальнейших страницах поэмы, в той части, которая зовется «Крестьянкой», изобразил другого попа — разжиревшего, пьяного, якшающегося с деревенской полицией, участвующего в издевательствах над беззащитной крестьянкой. Словом, весь поставленный в этой поэме вопрос: «Кому на Руси жить хорошо» нельзя не признать маскировкой подлинной некрасовской темы: как глубоко несчастлив народ, «облагодетельствованный» крестьянской реформой.

Особенно велика маскировка в той части поэмы, которая называется «Пир — на весь мир». Призывая в ней к революционной борьбе, поэт для отвода глаз окружил свой призыв церковной фразеологией о «бренных благах» и «ангелах милосердия»; говоря (в стихотворении «Русь») о росте революционного движения 70-х годов:

Рать подымается
Неисчислимая, —

он придавал всему этому «исполненному угрозы» отрывку мнимый характер военных стихов, предварив его такими строками:

Битву кровавую
С сильной державою
Царь замышлял...¹

Притчу о Кудеяре, призывавшую к кровавой расправе с царизмом, он так удачно замаскировал предварительным текстом о богомольцах и странниках, а также пародийно-набожным тоном всего изложения, что цензура, многократно кромсавшая «Пир — на весь мир», никогда не высказывала никаких возражений против этих наиболее крамольных страниц.

Мой очерк растянулся бы на много страниц, если бы я вздумал остановиться подробнее на этой мало изученной теме. Не сомневаюсь, что ее изучение — дело ближайшего будущего. А покуда, быть может, окажется не совсем бесполезным этот предварительный набросок, пытающийся бегло наметить некоторые вехи для дальнейших исследований.

¹ Н. А. Некрасов, Соч., Гослитиздат, Л., 1937, стр. 582.

Б. Я. Бухштаб

К ИСТОРИИ СТИХОТВОРЕНИЯ Н. А. НЕКРАСОВА
«КАТЕРИНА»¹

1

Некрасов и фольклор — одна из любимых тем советского литературоведения. Ей посвящены специальные работы В. Еланской, К. Коноваловой, К. Рождественской, Е. Базилевской, Н. Андреева, Ю. Соколова, И. Шаморикова, К. Чистова,² не говоря уже о страницах, посвященных этой теме в общих работах о Некрасове, и о популярных статьях неисследовательского характера. Однако почти все исследователи сосредоточили свои усилия на разыскании фольклорных источников «Кому на Руси жить хорошо» и уяснении связей с фольклором этой народной эпопеи Некрасова. Даже в статье Ю. М. Соколова, претендующей, судя по заглавию «Некрасов и народное творчество», на общую постановку вопроса, рассматривается только «Кому на Руси жить хорошо». И. Шамориков в статье «Некрасов и фольклор» добавляет к основной поэме и другие крестьянские поэмы — «Коробейники» и «Мороз, Красный нос» — и мельком говорит о стихотворениях «Огородник» и «Орина, мать солдатская». В самой ранней работе обобщающего характера — статье Н. П. Андреева «Фольклор в поэзии

¹ Прочитано 16 января 1950 г.

² В. Е л а н с к а я. О народно-песенных истоках творчества Некрасова. «Октябрь», 1927, № 12, стр. 113—126; К. В. Коновалова. Народно-поэтические элементы в творчестве Некрасова. Не напечатано, цитировано в комментариях к «Кому на Руси жить хорошо» в Полном собрании стихотворений Н. А. Некрасова, т. II, кн. II, М.—Л., 1937, стр. 910; К. Рождественская. Элементы фольклора в поэзии Некрасова. «Штурм», 1934, № 11, стр. 96—107; Е. Базилевская. Из творческой истории «Кому на Руси жить хорошо». «Звенья», V, М.—Л., 1935, стр. 449—475; Н. П. Андреев. Фольклор в поэзии Некрасова. «Литературная учеба», 1936, № 7, стр. 60—85; Ю. Соколов. Некрасов и народное творчество. «Литературный критик», 1938, № 2, стр. 60—61; И. Шамориков. Некрасов и фольклор. «Творчество Некрасова». Сборник статей, под ред. А. М. Еголици (Тр. Моск. инст. истории, философии и литературы, т. 3, Филолог. факультет), М., 1939, стр. 88—117; К. В. Чистов. Некрасов и сказительница Ирина Федосова. «Научный бюллетень Ленинградского Гос. унив.», Л., 1947, № 16—17, стр. 33—45.

Некрасова» — материал взят наиболее широко, хотя тоже заведомо неполно: здесь, кроме произведений, названных выше, рассматриваются еще «Дума», «Калистрат», цикл 1866 г. «Песни». Все эти стихотворения, по мнению Н. П. Андреева, одного склада: оригинальные произведения фольклорного типа, «стилизация народных песен».

Из этих произведений по близости к фольклору Н. П. Андреев выделяет стихотворение «Катерина», вошедшее в цикл «Песни», указывая, что «... песенность „Катерины“ настолько велика, что произведение это стало действительно песней и вошло в широкий песенный обиход».

К сожалению, на вопрос о том, чем именно данное стихотворение близко к фольклору, Н. П. Андреев отвечает лишь суммарно, применительно ко всему циклу «Песни». Фольклорный характер придают этому циклу стихотворные размеры, «близкие к фольклорным песням», «многочисленные повторения различного типа...», параллельные синтаксические обороты, употребление фольклорных стилистических приемов, употребление слов и форм, характерных для живой крестьянской речи и для фольклорных произведений... Фольклор отчасти подсказывает автору темы (отчасти потому, что темы эти существовали и в самой жизни)».

«В песне „Катерина“, — уточняет исследователь, — тема семейной жизни взята в обычном для фольклорных песен аспекте: жена страдает в браке с нелюбимым и лихим мужем-пьяницей. Это одна из излюбленных тем семейно-бытового характера, но развивает ее Некрасов самостоятельно».

В сноске Н. П. Андреев указывает на аналогичные темы народных песен по собранию Соболевского: «т. II, №№ 113—115, 138—140, 399—405, 413—427 и мн. др.»¹ Указанные песни сходны с «Катериной» лишь в том, что в них замужняя женщина жалуется на мужа-пьяницу; таких песен в фольклоре, действительно, немало. Но жалобы Катерины — не просто лирический, необращенный монолог; они даны в конкретной сюжетной ситуации, обращены к брату, родителям и соседям и встречают со стороны всех этих собеседников однообразный совет: «Потерпи, родная», «Потерпи, сестрица!»

Ясно, что песни с сюжетом «Катерины», так своеобразно, быстро и четко развитым в стихотворении, мы в фольклоре не найдем. Но это не снимает вопроса о том, нет ли песен, более близких к стихотворению Некрасова, чем указанные Н. П. Андреевым. Действительно, в том же втором томе собрания Соболевского, откуда Н. П. Андреев почерпнул свои малоубедительные аналогии к «Катерине», есть песня, в которой женские жалобы на семейную жизнь не представ-

¹ Цитаты привожу по перепечатке статьи в сборнике «Некрасов в русской критике», сост. А. М. Еголиным, М., 1944, стр. 162 и 163.

ляют собой простого лирического монолога, а обращены к брату; брат в ответ советует сестре смириться и терпеть; при этом он употребляет те самые слова, которым придано центральное значение в стихотворении Некрасова: «Потерпи, сестрица, потерпи, родная!»

Я имею в виду песню «Взойди, взойди, солнце, не низко, высоко», помещенную во II томе собрания Соболевского в пяти редакциях, под №№ 566—570.¹ Правда, упомянутый стих «Потерпи, сестрица, потерпи, родная» мы находим в позднейших записях 80-х годов; в записи, опубликованной ранее написания «Катерины», дан текст: «Потерпи, моя сестрица, потерпи, моя родима». Однако мы можем утверждать, что стих «Потерпи, сестрица, потерпи, родная» был Некрасову к моменту написания «Катерины» не только известен, но и памятен.

2

В середине 1856 г. начал выходить славянофильский журнал «Русская беседа». Естественно, что появление органа группы, игравшей роль в тогдашней общественной жизни, было литературным событием, и Некрасов, конечно, не мог не ознакомиться с первым номером нового журнала. Впрочем, тут не нужны предположения; как бесспорно установил И. С. Абрамов в статье «Происхождение стихотворения Некрасова „Зеленый шум“»,² Некрасов позаимствовал материал для «Зеленого шума» из статьи этнографа М. А. Максимовича «Дни и месяцы украинского селянина», помещенной в первом номере «Русской беседы».

Из статей, вошедших в этот номер, наибольший интерес в литературном мире вызвала статья соиздателя журнала Тертая Филиппова о драме Островского «Не так живи, как хочется». Филиппов воспользовался выходом новой пьесы Островского для атаки на взгляды демократических писателей по вопросам свободы чувства, свободы брака и женской эмансипации. Их воззрения он огульно объявляет «западными», независимо от того, идет ли речь о западных или русских писателях, отстаивавших свободу и равенство в отношениях между мужчиной и женщиной. Все подобные литературные произведения, по мнению Филиппова, — порождение Жорж Санд, которая в большой мере отвечает и за порчу самих нравов, как яркая выразительница «западных» идей и пропагандистка женской свободы в любви. «С именем этой женщины связано столько зла, — восклицает

¹ Великорусские народные песни. Изданы проф. А. И. Соболевским, т. II, СПб., 1896, стр. 475—479.

² «Звенья», V, М.—Л., 1935, стр. 476—477.

Филиппов, — что говорить об ее достоинствах приходится с большой осторожностью...».¹

«Западным» воззрениям Филиппов противопоставляет «русскую точку зрения», которая отождествляется с христианским учением: «... наш народный быт устроен совершенно на основании православных мнений, ... все жизненные отношения, а в том числе и семейные, обсуждаются у нас в народе совершенно сообразно с учением церковным».²

Ратуя за нерушимость благословенного богом брака, за подчинение чувства сознанию христианского долга, Филиппов привлекает на помощь фольклор. В ту пору славянофилы были еще почти монополистами в области собирания и изучения фольклора и эксплуатировали собранный ими материал для доказательства того, что русскому народу присущи те добродетели, которыми они его наделяли, прежде всего религиозность и смирение.

В данном случае Т. И. Филиппов (знаток, как известно, русской народной песни) опирается на свою интерпретацию упомянутой выше песни «Взойди, взойди, солнце, не низко, высоко», цитируя ее, видимо, по собственной записи.

«Есть у нас в народе, — пишет он, — песня, которую всякий может слышать и поныне, если час, другой постоит около любого хоровода. Она начинается так:

Взойди, взойди, солнце, не низко, высоко!
Зайди, зайди, братец, ко сестрице в гости!

«Содержание песни такое: сестра, отданная замуж в недобрую семью, просит брата проведать ее и помочь ей советом в ее тяжелом и одиноком положении.

Спроси, спроси, братец, про ее здоровье!
У меня ли, братец, есть четыре горя,
Есть четыре горя, пятая кручина:
Как первое горе — свекор-то бранчивый,
А второе горе — свекры³ ворчалива,
Как третье горе — деверек насмешник,
Четвертое горе — золовка смутьянка,
Пятая кручина — муж жену не любит.

«Что же делает в этом положении русская женщина, оскорбленная, как показывает песня, во всех своих правах, во всех самых естественных чувствах? Восстает ли она против ниспосланной судьбы? Нет! тени этого намерения не видно в песне. Клянет ли она по крайней

¹ Т. И. Филиппов. «Не так живи, как хочется». Народная драма в трех действиях. Сочинение А. Н. Островского. «Русская беседа», 1856, кн. 1, отд. «Критика», стр. 80. Там же, стр. 87.

³ Древняя форма слова: свекровь. (Примеч. Т. Филиппова).

мере своих мучителей и с ними вместе свою судьбу, совершенно ничем не заслуженную? Тоже нет! Посмотрите, как просто и коротко, можно сказать, спокойно она говорит о своем несчастье; мужу не придала даже никакого прилагательного. Страдает ли она? Конечно; но что же она позволяет себе в своем страдании? Какую отраду? Одну тихую жалобу, обращенную к брату, и кроме брата, ее жалобы наверно уж никто не услышит». Далее Т. И. Филиппов заявляет, что ему «... эта кроткая покорность судьбе, которой переменить нельзя, не нарушив того, что святее всякого личного чувства, представляется трогательнейшею чертою, умиляющею до слез». Затем он ставит вопрос о поведении брата, о его отношении к горю сестры. «Брат не растерялся ни от множества сестриного горя, ни от тайного, неуловимого желания блеснуть силой своего участия; сохраняя полную ясность невозмущенного ума, которую дает только истинное внимание к чужому делу и желание помочь ему (иначе: истинная любовь), он обозрел ее положение и посоветовал трудное, но лучшее:

Потерпи, сестрица! потерпи, родная!

«Сколько в этих словах любви! Какой честный, нельстивый, исполненный истинного и прозорливого участия совет! Ведь можно бы и иначе было посоветовать: *брось! уйди!* или что-нибудь в этом роде. И это показалось бы, может быть, на первых порах любовью к самой сестре! Но какая безумная, если не преступная, любовь! Будто тот нам друг, кто помогает падать, а не тот, кто во время изнеможения поддерживает нас на ногах? Ну, пусть бы она ушла, что же бы из нее вышло? Ни вдова, ни мужняя жена, каких — увы! — довольно в наше время. Но неужели век страдать и не ждать ниоткуда отрады? В чем же пройдет жизнь? Это не наше дело; мы не сами собой получили жизнь и не сами собой распоряжаемся своими обстоятельствами. Наше дело — идти своей дорогой, не сбиваясь с пути добродетели и долга; а там что будет, не узнаешь, да и не нужно; пошлется счастье — благодари, пошлется горе — терпи! Вот все правила для устройства обстоятельств нашей жизни».¹

На статью Т. Филиппова отозвались и либерально-западнические в ту пору «Русский вестник» и «Отечественные записки», и революционно-демократический «Современник». В «Русском вестнике» Ф. М. Дмитриев доказывал, что отдельно взятая песня — не свидетельство народного мнения, что можно привести много других песен — и в том числе опубликованных в том же первом номере «Русской беседы», — в которых выразилось совсем иное отношение к вопросам семьи и брака, что, собственно, и в ту песню, которую приводит Филиппов, он насильно втиснул славянофильскую мораль, ибо совет

¹ Цит. статья стр. 88—90.

брата «потерпеть» основан не на «покорности божественной воле провидения», а на «житейских соображениях или расчетах», что видно из дальнейших слов песни. С другой стороны, неправомерно судить о нравах всех западных стран, «за современное требование века признав те мысли, которые выражала в некоторых своих романах Жорж Санд».¹

Приблизительно то же пишет анонимный рецензент «Отечественных записок». Он особенно нападает на умиление советом брата в приведенной песне: «Потерпи, сестрица, потерпи, родная». «Совет брата, — пишет он, — обличающий самую безнравственную апатию, которая в годину бедствий чешет себе затылок и крепка задним умом, дорог для его (Филиппова, — Б. Б.) нравственной философии, как орудие, служащее к образованию женского идеала».²

Чернышевский в «Современнике» не счел нужным спорить с обскурантом. Он назвал статью Филиппова «прилично не „Русской беседе“, а разве покойному „Маяку“». Стремясь расколоть левых и правых славянофилов, Чернышевский утверждает: «Нам кажется, что единство между г. Филипповым и, например, г. Самариним или гг. Аксаковыми едва ли может существовать в чем-нибудь существенно важном».³

Это утверждение было вызовом. Его решил принять один Хомяков, да и то не вполне: в своем «Письме к издателю Т. И. Филиппову» он взял Филиппова под защиту с оговорками и притом анонимно.⁴

О самой статье Филиппова Чернышевский бросает лишь несколько иронических слов: «... не будем говорить о статье г. Филиппова, называющей грехом все, что происходит в мире не по правилу, предлагаемому стихом из одной русской песни:

Потерпи, сестрица, потерпи, родная!..

«... С г. Филипповым мы можем соглашаться только в двух пунктах: в том, что терпение — прекрасное качество, и в том, что смирение — высокая добродетель; но так как эти вопросы принадлежат не литературе, а законам благоустройства и благочиния, то можно, пожалуй, сказать, что мы с ним не сходимся ровно ни в чем, когда речь идет о литературе».⁵

¹ Ф. Д. Несколько слов по поводу статьи г. Филиппова в «Русской беседе». «Русский вестник», 1856, т. 3, май, кн. 2, отд. «Современная летопись», стр. 149—154. Криптоним раскрыт в «Жизни и трудах М. П. Погодина» Н. П. Барсукова, т. 15, стр. 187.

² Литературные и журнальные заметки. «Отечественные записки», 1856, т. 107, июль, отд. «Библиографическая хроника», стр. 51; ср. сходные отзывы в «Сыне отечества», 1856, № 11, стр. 230, в «С.-Петербургских ведомостях», 1856, № 130.

³ Заметки о журналах. Май 1856 года. Цит. по Полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевского, т. III, М., 1947, стр. 653.

⁴ «Русская беседа», 1856, кн. 4, отд. «Смесь», стр. 92—107. Включено в «Собрание сочинений» А. С. Хомякова.

⁵ Цит. статья, стр. 653, 660.

Отклик Чернышевского Некрасов воспринял не только как литературный и идейный союзник, но и как издатель «Современника». Его тревожило, не сорвалось бы из-за резкости Чернышевского налаживавшееся сотрудничество Островского в «Современнике». Тем не менее, ни на какие уступки в сфере идеологии, во имя чьего бы то ни было сотрудничества, Некрасов идти не собирался. 16 июня 1856 г. он пишет В. П. Боткину: «Явился Григорович. В числе разных сплетен, он сообщил, что Островский будет ужасно сердит за резкое мнение о Филиппове. Напиши, в какой степени это справедливо. Однако, если и так, то я все-таки скажу, что „Современник“ — по крайней мере, пока я в нем — не будет холопом своих сотрудников, как бы они даровиты ни были. Начни вникать, кто кому друг, так зайдешь чорт знает куды».¹

Статья Филиппова не скоро забылась — в особенности, в той части, где приводится и комментируется народная песня. Добролюбов в «Темном царстве» (1859) напомнил «о диком безобразии этой статьи, проповедующей, что жена должна с готовностью подставлять спину бьющему ее пьяному мужу».. «В публике статья эта была встречена общим негодованием», — добавляет Добролюбов.² В статье «Черты для характеристики русского простонародья» (1860) Добролюбов пишет: «... при всех искажениях крестьянского развития мы видим в народных массах наших много того, что мы назвали „деликатностью“... Смирение, покорность, терпение, самопожертвование и прочие свойства, воспеваемые в нашем народе профессором Шевыревым, Тertiем Филипповым и другими славянофилами того же закала, составляют жалкое и безобразное искажение этого прекрасного свойства деликатности».³

Я думаю, что откликом на статью Т. Филиппова в той ее части, где речь идет о значении Жорж Санд, является следующее место в стихотворении Некрасова «Папаша» (1859):

Может быть, ведомо вам,
 Что за границей местами есть воды,
 Где собирается множество дам —
 Милых поклонниц свободы,
 Дам и отчасти девиц,
 Ежели дам, то в замужестве несчастных;
 Разного возраста лиц,
 Но одинаково страстных, —

¹ Некрасов. Письма. 1840—1877. Собр. соч., т. V, М.—Л., 1930, стр. 248.

² Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. II, М.—Л., 1935, стр. 40. — Чернышевский также писал (по поводу письма Хомякова): «... статья г. Филиппова безвозвратно осуждена не нами одними, а всею публикою» (Заметки о журналах. Декабрь 1856. — Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. IV, М., 1948, стр. 691).

³ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. II, М.—Л., 1935, стр. 292.

Словом, таких, у которых талант
Жалкою славой прославиться в свете
И за которых Жорж Санд
Перед мыслителем русским в ответе.

В части же воззрений на отраженный в фольклоре народный быт статья Филиппова получила отпор в стихотворении Некрасова «Катерина».

3

Тертий Филиппов выделил в народной песне стих «Потерпи, сестрица, потерпи, родная!» как выражение христианского «смирennemудрия», а Чернышевский, со своей стороны, утвердил этот стих как формулу того рабского мировоззрения, из-под власти которого он стремился вырвать народ.

Для Некрасова слово «потерпи», обращенное к представителю народа, звучало, как призыв к примирению с рабством. Вспомним контексты слова «терпенье» в стихах Некрасова о крестьянстве:

Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей.

Их нищета, их терпенье безмерное
Только досаду родит.

То, что песня, цитированная Филипповым, — действительный продукт народного творчества, само по себе не заставило Чернышевского и Некрасова отнестись к ней примирительно. Здесь сказались отношение революционных демократов к фольклору, хорошо характеризованное А. П. Скафтымовым в применении к Белинскому: «Демократ и просветитель Белинский, в противовес реакционному фетишизированию фольклора, выдвинул иное, дифференцированное отношение к нему, соединенное с критикой таких его сторон, которые нужно было отвергнуть как патриархальный пережиток и наследие крепостнического порабощения, дикости, невежества... Белинский настойчиво указывал на присутствие в нем таких черт, которые были привнесены рабством и духовной косностью (грубость семейных отношений, дикое обращение с женщиной, отсутствие гражданского самосознания, суеверия и т. п.)».¹

«Русская народная поэзия привлекала Белинского как защитника интересов народных масс, воодушевленного горячей враждой к крепо-

¹ А. Скафтымов. Н. А. Добролюбов о фольклоре. «Литературный критик», 1936, № 2, стр. 97—98.

стничеству. В этом смысле фольклор для него был ценен как деятельность самих народных масс, интересы которых он защищал...

«Но вместе с тем этот же фольклор был для Белинского во многих случаях показателем большой культурной отсталости народных масс, показателем силы давления на них всяких предрассудков, умственной рутины, бытовой грубости и общественной слепоты... С одной стороны, фольклор должен был помочь в борьбе за демократизацию литературных вкусов, за расширение демократической тематики, но, с другой стороны, необходимо было бороться против классово-враждебного использования того же фольклора как орудия крепостничества, как средства укрепления и обоснования национально-шовинистической узости, культурного застоя, невежественного патриархализма и дикой деспотической морали».¹

Некрасов в своей поэтической практике опирался на принципы революционно-демократического мировоззрения, разработанные Белинским, Чернышевским и Добролюбовым. Его творчество базируется на прогрессивных элементах фольклора, отбрасывая реакционные. Вот почему стихотворение «Катерина» особенно интересно для исследователя фольклоризма Некрасова: Некрасов отвергает тот фольклор, который поднимали на щит славянофилы, осмеивает реакционное сознание, сказавшееся в фольклоре, противопоставляет ему новое сознание, творя новый фольклор.

Характерно построение стихотворения. Оно делится на две равные части, по 14 стихов в каждой: в первой части представлен реакционный тезис обыденной морали, во второй он отвергнут и осмеян.

Остановимся на первой части. Содержание ее — жалобы Катерины и ответы на эти жалобы. Ответы даны троекратным повторением одной и той же формулы. Первая часть этой формулы взята из известного нам песенного стиха «Потерпи, сестрица, потерпи, родная». Но этот стих дан не сплошным текстом, а в виде параллельных начал соседних двустиший. Сплошным текстом он и не мог бы войти в размер «Катерины» с его мужскими окончаниями, придающими стиху энергию и отчетливость, так соответствующие необыкновенной сжатости и лапидарности стихотворения. Параллельные начала стихов дают возможность создать варьирующие повторы. Троекратное повторение — традиционный прием народной лирики; Некрасов использует его для того, чтобы совет, обращенный к героине стихотворения, не носил характера индивидуального мнения, а явился как бы выражением стойких, традиционных взглядов. Песенное обращение с жалобой к брату сохранено; брат назван первым, раньше отца и матери, — но вслед за ним та же жалоба повторена и родителям, и

¹ А. Скафтымов. Белинский и устное народное творчество. «Литературный критик», 1936, № 7, стр. 143.

соседям; все они изрекают один и тот же приговор, приобретающий тем самым характер безапелляционного приговора общественного мнения: «Потерпи!».

Это тот совет, который Тертый Филиппов считал выражением подлинного братского сочувствия и которому Некрасов устами Катерины дает противоположную оценку:

Люди не жалеют — ни чужой, ни свой!

Троекратный совет «потерпи» каждый раз подкрепляется сентенцией, которая до конца вскрывает рабскую суть женской доли в понимании патриархальной «жизненной мудрости»:

«Потерпи, родная, — старики твердят: —
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи, сестрица! — отвечает брат: —
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи! — соседи хором говорят: —
Милого побои не долго болят!»

И этой же сентенцией «Милого побои не долго болят!» — но уже осмеянной, уже данной в ироническом звучании, — стихотворение заканчивается. Таким образом, это изречение выдвинуто как основной тезис преодолеваемой и отвергаемой в стихотворении житейской мудрости.

Если верна наша постановка вопроса о том, что Некрасов сознательно использовал песенный стих «Потерпи, сестрица, потерпи, родная», ставший в полемике формулой реакционно-славянофильского взгляда на семейные отношения, — тогда естественно, чтобы и афоризм, которым троекратно подкрепляется совет «потерпеть», был бы такой же фольклорной формулой, освященной в глазах славянофильствующих реакционеров народностью своего происхождения. Придумать реакционный афоризм и приписать его народу — вероятно, для Некрасова в этом был бы оттенок поклёпа. Естественно предположить, что и вторая часть повторяющейся формулы — тоже фольклорного происхождения.

И в самом деле, так оно и есть. «Милого побои не долго болят!» — не придуманная Некрасовым сентенция; это народная пословица, имеющаяся еще в собрании Снегирева¹ и вошедшая в знаменитое собрание Даля, пристально изученное Некрасовым (как установили исследователи «Кому на Руси жить хорошо»). У Даля, расположившего пословицы по тематическим гнездам, эта пословица включена в раздел «Любовь — нелюбовь» (который, естественно, должен был привлечь

¹ И. Снегирев. Русские народные пословицы и притчи, М., 1848, стр. 223.

особое внимание Некрасова), и окружена аналогичными пословицами: «милый ударит — тела прибавит»; «милый побьет — только потешит»; «милото побои не на кости».¹

Это именно те пословицы, которые выражали рабскую покорность женщины мужчине и должны были побуждать революционных демократов к борьбе с мировоззрением, вызывавшим к жизни подобный фольклор.

Вероятно, пословица вместе со стихом песни и явились зерном, от которого пошел замысел стихотворения «Катерина»; можно думать, что и стиховой размер определен пословицей «Милото побои не долго болят».

Здесь то же отношение к пословице, которое ярко сказывается в творчестве Щедрина настойчивой сатирической интерпретацией пословиц, в которых выражается смирение, терпение, покорность, страх: «выше лба уши не растут»; «лбом стены не прошибешь»; «плетью обуха не перешибешь»; «с сильным не борись, с богатым не тянись»; «сила солому ломит»; «всяк сверчок знай свой шесток»; «не суйся с суконным рылом в калашный ряд»; «по одежке протягивай ножки» и т. п.

4

Героиня стихотворения «Катерина» не подавлена ни общими советами, ни пословицами, ни гневом мужа, ни его побоями. Задорным вызовом отвечает она сердитому мужу:

— Где была, там нету! так-то, мил дружок!

Она не раба мужа и поэтому побои его принимает не с «бессмысленным, вечным испугом», а с насмешливым презрением:

А и поколотит — не велик наклад —
Милото побои не долго болят!

Это один из тех образов русской крестьянки в творчестве Некрасова, которые показывают ее сильной, мужественной, гордой, несмотря на всю тяжесть ее доли. Эти образы появляются в творчестве Некрасова в 60-е годы, к которым относится и стихотворение «Катерина», с усилением народной струи в его поэзии.

Среди многочисленных стихотворений 60-х годов, целиком или частично посвященных доле русской крестьянки («Коробейники», «Орина, мать солдатская», «Мороз, Красный нос», «В полном разгаре страда деревенская») есть одно, изображающее нравственные мучения женщины под гнетом жестокого патриархально-религиозного мировоззрения. Это — «Что думает старуха, когда ей не спится» (1862). Столетняя старуха «мечется по печи, охает, мается» в ужасе от сознания

¹ В. Даль. Пословицы русского народа, М. 1862, стр. 823—824.

своей греховности. «Грехи» ее иллюзорны или ничтожны, но ей они представляются безмерными. Среди них есть такой:

С Федей солдатиком чуть не слюбилася.

Сознательная или бессознательная реминисценция этого — в «Катерине»:

Есть солдатик — Федя, дальняя родня,
Он один жалеет, любит он меня...

Катерина слюбилась с «солдатиком Федей», но эта любовь не отравляет ее совести сознанием греховности, а радует Катерину, как просвет в ее печальной жизни. Любовь ее и Феде — это любовь равных людей, а не господина и рабы. В этой любви нет побоев, а есть сердечная искренность и подлинное сочувствие. Эта любовь дает Катерине силу на внутренний разрыв с постылым мужем.

Здесь сказались взгляды Некрасова на любовь и брак, характерные для всех революционных просветителей. Нет надобности останавливаться на них подробно. Они достаточно известны хотя бы по «Что делать?» Чернышевского. Для революционного просветителя в понятие свободы, основанной на «естественно-разумных» началах человеческой природы, входит свобода любви и свобода брака.

Любовь в изображении Некрасова — свободное чувство, сила и прелесть которого связаны с могучим обаянием свободы. Такой показана любовь, в особенности, в стихотворениях с крестьянской тематикой, в произведениях фольклорного стиля. Вспомним «Бурю», «На Волге», «Коробейников», «Горе старого Наума».

Что именно любовь людей из народа показана как любовь равных и свободных людей, — это связано со всем мировоззрением революционных просветителей. «Человеческие стремления», с которыми человек «рожден природою» и которые называются «братством, равенством, свободою», — просыпаются в душе под влиянием «жизни вольных впечатлений» («Песня Еремушке»). В трудовом народе «человеческие стремления» пробуждает сама жизнь, более естественная, чем жизнь образованных классов.

Среди предшествующих «Катерине» стихотворений о любви и браке в народе наиболее замечателен «Зеленый шум», в котором Некрасов стремится показать, как в душе простого человека, расширяющейся и раскрывающейся навстречу миру с раскрытием долго скованных сил возрождающейся весенней природы, — как в этой душе берут верх истинные, широкие и гуманные мысли над узкими, злыми, эгоистическими предрассудками.

Тут есть соответствие с идеями, развитыми Добролюбовым в известной статье «Черты для характеристики русского простонародья» (1860): «...следует строго различать в нем (в народе, — Б. Б.) последствия внешнего гнета от его внутренних и естественных стремлений, которые совсем не заглохли, как многие думают. Кто серьезно про-

никнется этой мыслью, тот почувствует в себе более доверия к народу, больше охоты сблизиться с ним, в полной надежде, что он поймет, в чем заключается его благо, и не откажется от него по лени или малодушию. С таким доверием к силам народа и с надеждою на его добрые расположения, можно действовать на него прямо и непосредственно, чтобы вызвать на живое дело крепкие, свежие силы и предохранить их от того искажения, какому они так часто подвергаются при настоящем порядке вещей».¹

Некрасов с 60-х годов явно стремится действовать на народ «прямо и непосредственно», стремится обращать свой голос к крестьянству. Недаром именно к крестьянскому ребенку, в котором Некрасов надеется увидеть будущего деятеля народной революции, обращены слова его «Песни Еремушке», содержащие наиболее прямое выражение революционно-просветительского мировоззрения.

Если Некрасов обращается к крестьянской женщине со словами:

Ты вся воплощенный испуг,
Ты вся вековая истома, —

то в то же время он ищет в народной жизни таких женских типов, которые предвещают исход из состояния «воплощенного испуга», — типов, в которых сказывается стремление к свободе и протест против гнета и насилия.

Этих типов жадно искала в литературе революционно-демократическая критика, поднимая на щит и те образы, которые создавались не революционной литературой (еще только организовывавшейся) и не вполне подходили к идеалам революционных просветителей. Вспомним добролюбовскую интерпретацию Катерины — героини «Грозы» Островского.

Эта героиня не обладает и начатками «естественно-разумного» мировоззрения: зато она обладает, по словам Добролюбова, «силой естественных стремлений человеческой природы».

Это сказывается в любви Катерины к Борису, к которому «...влетает ее и потребность любви, не нашедшая себе отзыва в муже, и оскорбленное чувство жены и женщины, и смертельная тоска ее однообразной жизни, и желание воли, простора, горячий, беззапретной свободы». Катерина приходит к тому, что «представляется натурою и здравым смыслом», и не падает «...под гнетом условных наставлений искусственной морали. Именно на это и стало силы у Катерины, и чем сильнее говорит в ней натура, тем спокойнее смотрит она в лицо детским бредням, которых бояться приучили ее окружающие».²

Эти слова, быть может, больше подходят к Катерине Некрасова, чем к Катерине Островского. Обрисованная немногими скупыми штрихами героиня лаконичного стихотворения Некрасова — это, во всяком

¹ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. II, М.—Л., 1935, стр. 301.

² Там же, стр. 360.

случае, тип «нового человека» в народе. Может быть, ассоциация со статьей Добролюбова определила самое заглавие стихотворения? В нем ведь есть несомненная странность: произведения называют личным именем, когда хотят обозначить, кто в нем является главным героем, и, во всяком случае, такое обозначение соответствует тексту произведения; но в тексте стихотворения Некрасова героиня не названа; к чему же нужно в этом случае сообщать читателю посредством заглавия, что героиню зовут таким-то, а не каким-либо иным именем? Не ассоциировалось ли имя Катерина (именно в этой, народной форме) после статьи Добролюбова с типом новой женщины из народа, «лучом света в темном царстве»?

Некрасовская Катерина смело идет против общего мнения, против общества, исповедующего религию терпения, у нее есть убежденность в своей правоте, дающая ей силу на семейный разлад, на свободную любовь, на насмешку над попреками и побоями. В глазах революционных просветителей поведение Катерины — это борьба с несправедливыми, неестественными, насильственными семейными отношениями, являющаяся частью революционной борьбы против насилия над человеком вообще. За презрением Катерины к побоям мужа стоит презрение ко всему тому строю жизни, который держится на побоях, основа которого — грубое насилие. Борьба Катерины входит в широкую сферу борьбы угнетенного народа против насилия угнетателей.

Создавая образ Катерины, как и другие свои крестьянские образы, Некрасов боролся с реакционным фольклором и опирался на то, что было ему близким и сочувственным в народном творчестве. Ведь в том же словаре Даля, рядом с пословицами о смирении женщины перед мужчиной, о покорности мужу, помещены и такие: «поп руки свяжет и голову свяжет, а сердца не свяжет»; «крестом любви не свяжешь»; «бояться себя заставишь, а любить не принудишь»; «всяк страх изгоняет любовь».¹

Ведь рядом с песнями «о вечном терпении» раздавались задорные песни, полные удали и кипучей, уверенной силы. Ведь и в народной песне женщина далеко не всегда подавлена волей грозного мужа. Ср. хотя бы:

Муж на лавке сидит, на меня косо глядит,
Хоть косись, не косись, не боюсь я тебя.²

Или:

Уж я мужнину грозу в узелочек завяжу,
В узелочек завяжу, в уголочек положу,
В уголочек положу, а сама гулять пойду...³

¹ В. Даль. Пословицы русского народа, М., 1862, стр. 822.

² Народные русские песни из собрания П. Якушкина, СПб., 1865.

³ Великоорусские народные песни. Изданы проф. А. И. Соболевским, т. II, СПб., 1896, стр. 123.

Авторитетный исследователь русской песни И. Н. Розанов пишет: «Достаточно просмотреть хотя бы предметные указатели к томам „Великорусских народных песен“ Соболевского, чтобы убедиться, что на одну песню о женщине покорной, терпеливой и пассивной приходится десять о женщинах, не мирящихся с домостроевским укладом, натурах активных, ищущих выхода из своего положения и нередко находящих его. Если героем русской песни является удал добрый молодец, то излюбленной их героиней оказывается не кроткая, молчаливая и терпеливая страдалница, а бойкая, смышленная, энергичная и по-своему удалая молодка, подстать доброму молодцу...

«Вместо умерщвления плоти, проповедуемого духовно-нравственной литературой, провозглашается радость полнокровного бытия. Жажда личного счастья, желание любить не по указке других, не по предписанию родителей, церковных и гражданских законов, а по собственной воле и выбору, — вот основной мотив не только любовной, но и семейно-бытовой народной лирики».¹

Третий Филиппов умилился, как мы видели, «кроткой покорностью судьбе» женщины, которая своему обидчику-мужу не присваивает даже никакого эпитета. Катерина называет своего мужа «лихой» — эпитет, который здесь, как обычно в фольклоре, значит «злой», «вредный». Но Т. Филиппов делает свой тенденциозный вывод на основании случайного варианта песни, которая имеет и варианты с эпитетами, близкими по смыслу к некрасовской песне:

Четвертая зазнобушка — муж удала голова,
Муж удала голова — пьет, гуляет от меня.²

Или:

А и третья заботушка:
Муж удалая головушка,
Замотайло-замотайлушка,
Замотал мою головушку.³

Некрасов недаром назвал «Катерину» песней. Она широко насыщена приемами народной песни, в особенности повторами и параллелизмами. Я уже указывал на троекратное повторение с вариациями центрального двустипшия (стихи 9—14). Многие стихи, раздвоенные цезурой, построены по принципу параллелизма полустипшия, например:

Пьяный всё колотит, трезвый всё ворчит...
Он один жалеет, любит он меня...
Станет горячиться, станет попрекать...

¹ И. Н. Розанов. Борьба с «Домостроем» в народной лирике. Сборн. «Проблемы реализма в русской литературе XVIII века», М.—Л., 1940, стр. 190.

² Из сборника А. Смирнова 1847 г. Цитирую по статье А. Григорьева «Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны» — в его: Собр. соч., под ред. В. Ф. Саводника, вып. 14, М., 1915, стр. 10.

³ Ко х а н о в с к а я. Несколько русских песен. «Русская беседа», 1860, № 1, стр. 95.

Это создает песенные интонации, но в то же время «Катерина» — не только песня, но и рассказ, не только лирическое выражение чувства, но и реалистический показ действительности. Ведущееся от лица крестьянки, стихотворение полно бытовых крестьянских интонаций и фраз. С песенными формулами — «вянет красота», «лихой муж», «мил дружок» — переплетаются идиомы разговорного просторечия: «нет в дому житья», «что ни попало», «где была, там нету», — особенно в конце стихотворения, где целые стихи состоят из таких идиом:

Пусть его бранится, мне не привыкать!
А и поколотит — не велик наклад...

В быстром диалоге ярко рисуются образы грубого мужа и смелой жены:

«Где ты пропадала?» — спросит муженек.
— Где была, там нету! так-то, мил дружок!

Посмотреть ходила, высока ли рожь! —
«Ах, ты дура баба! ты еще и врешь...»

Используя в своей поэзии устное творчество народа с такой интенсивностью, как ни один другой поэт XIX в., творя новую народную песню, Некрасов смело вводит в нее новые мотивы и способы разработки. По формулировке Н. П. Андреева, «задача Некрасова заключается не в том, чтобы *следовать* за фольклором, воспроизводить фольклорные образцы, а в том, чтобы, пользуясь фольклорными приемами и делая тем самым свои произведения доступными крестьянству, *воздействовать* на крестьянское сознание, будить и прояснять его, создавать новые произведения, которые могли бы войти в песенный обиход и таким образом сделаться средством пропаганды революционных идей...».¹

¹ Некрасов в русской критике. Составил А. Еголин. Гослитиздат, 1944, стр. 174.

К. В. Чистов

Н. А. НЕКРАСОВ И НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО¹

(Задачи изучения)

Основными качествами передовой русской литературы XIX в. были ее органическая и прямая связь с русским освободительным движением, ее идейность и патриотизм, ее глубочайшая заинтересованность в судьбах русского трудового народа. Поэтому естественно, что от Пушкина до Горького для всех лучших деятелей русской литературы XIX в. проблема народности литературы была важнейшей и принципиальнейшей проблемой.

«Литература, — писал Белинский еще в 1841 г., — есть последнее и высшее выражение мысли народа, проявляющейся в слове». «Народность, — писал он в другой статье начала 40-х годов, — есть альфа и омега эстетики нашего времени».

Борясь за народность литературы, за расширение ее социальной базы, и Белинский, и Чернышевский, и Добролюбов, и Некрасов, и Салтыков-Щедрин мечтали о создании литературы, которая смогла бы говорить не только о народе, но и для народа, от имени народа. Они постоянно размышляли не только о том, что может дать народу искусство, но и о том, что может дать искусству народ. Таким образом, проблема народности была одновременно и проблемой участия трудовых масс народа в созидании русской национальной культуры. Именно в этом смысле Белинский писал: «... вопрос о народной русской поэзии и теперь принадлежит к числу самых интересных вопросов современной русской литературы, потому что он сливается с вопросом о народности в поэзии».²

В силу сказанного, изучение истории взаимодействия передовой русской литературы и поэтического творчества трудового народа надо считать одной из актуальнейших задач советского литературоведения.

Огромную роль в теоретическом прояснении этого вопроса сыграло решение ЦК ВКП(б) об опере В. Мурадели «Великая дружба», ука-

¹ Прочитано 16 января 1950 г.

² В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VI, 1903, стр. 518, 548, 545.

завшее на народное творчество как на один из важнейших творческих источников развития национальной культуры.

Дореволюционное литературоведение не в силах было не только решить, но даже и поставить интересующую нас проблему. Общие рассуждения о связи творчества Некрасова с народным творчеством не подкреплялись убедительными фактами, а отдельные факты (например, указание О. Ф. Миллера на связь замысла «Кому на Руси жить хорошо» со сказкой о «Правде и кривде»¹ и др.) были чересчур скудны. Достаточно сказать, что вплоть до советского времени оставались неопровергнутыми обвинения Некрасова в фальсификации народного творчества, возведенные на него реакционными критиками, такими, как Буренин, Страхов, Евг. Марков.

Постановка проблемы «Некрасов и народное творчество» — одна из крупных заслуг советского некрасоведения.

В 1927 г. был опубликован первый комментарий К. И. Чуковского к поэме «Кому на Руси жить хорошо», в котором была произведена, как сам К. И. Чуковский позже сказал, «первая... инвентаризация ее фольклорных источников».² В последующие годы появлялись одна за другой многочисленные статьи, среди которых особенно следует отметить статьи М. Гофмана, В. Еланской, И. Кубикова, К. Рождественской, Е. Базилевской, Н. Андреева, Ю. Соколова, И. Шаморикова.³ Следует отметить, что в большинстве общих работ о Некрасове (А. М. Еголина, В. Е. Евгеньева-Максимова, К. И. Чуковского и других наших некрасоведов) постоянно указывалось на принципиальную важность этой темы. Опираясь на богатый фактический материал, советские литературоведы разоблачили носившие клеветнический характер обвинения Некрасова в фальсификации народного творчества (задачу эту выполнила, в сущности, уже статья В. Еланской в № 12 «Октября» за 1927 г.).

И все же, несмотря на обилие статей, посвященных изучению связей некрасовского творчества с устным творчеством русского трудового народа, нельзя не признать, что проблема эта до сих пор

¹ О. Ф. Миллер, Публичные лекции, изд. 2-е, СПб., 1878. Лекция VIII. Некрасов. Произведения второго периода (с 1861 г.), стр. 332.

² См.: Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. III, 1949, стр. 630.

³ М. Л. Гофман. Некрасов и народная песня — в кн.: Некрасов. Памятка ко дню столетия рождения, 1921; В. Еланская. О народно-песенных истоках творчества Некрасова. «Октябрь», 1927, № 12; И. Н. Кубиков. Комментарии к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», М., 1933; К. Рождественская. Элементы фольклора в поэзии Некрасова. «Штурм», Свердловск, 1934, № 11; Е. Базилевская. Из творческой истории «Кому на Руси жить хорошо». «Звенья», V, 1935; Н. П. Андреев. Фольклор в поэзии Некрасова. «Литературная учеба», 1936, № 7; Ю. М. Соколов. Некрасов и народное творчество. «Литературный критик», 1938, № 2; И. Шамориков. Некрасов и фольклор. «Труды МИФЛИ», т. III, Творчество Некрасова, М., 1939.

поставлена лишь в самой общей форме и накоплено известное количество разрозненных фактов, подлежащих осмыслению с позиций марксистско-ленинской науки.

К. И. Чуковский с полным основанием писал: «Обычно у нас изучают фольклорные элементы в поэзии Некрасова так: возьмут какой-нибудь отрывок из „Кому на Руси“ и роются в сборниках песен, причитаний, поговорок, загадок — у Шейна, у Даля, у Рыбникова — не найдется ли там сколько-нибудь похожего текста. И, конечно, тексты находятся в несметном количестве».¹

Именно в этом увлечении подысканием параллелей к текстам Некрасова из сборников народной поэзии, раскрытием прямых цитаций из произведений устного народного творчества была особенность статей Еланской, Рождественской, Кубикова, Базилевской.

И надо сказать, что очень скоро работы такого типа исчерпали себя. После первых десятков параллелей нашлось еще несколько десятков, за ними обнаруживались новые и новые, но дело, по существу, не продвигалось вперед. Подготовительная, подсобная работа — отыскание параллелей — казалась авторам этих статей целью исследования. Естественно, что принципиальная сторона вопроса была при этом совершенно забыта, идеологический смысл обращения Некрасова к устному народному творчеству оставался попрежнему нераскрытым.

Авторы этих статей не ставили своей целью также опровержение имевшей в те годы хождение формалистической теории, согласно которой Некрасов прибегал к народно-поэтическим приемам для «снижения стиля», «преодоления утомившихся стилистических норм» и т. д. (Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум). Не могло, конечно, вывести из создавшегося тупика и общее отвлеченно-психологическое решение вопроса, предложенное в свое время академиком П. Н. Сакулиным, который писал: «Некрасов приблизился к народу не физически только, но и психологически»,² и этим объяснял активность влияния народной поэзии на Некрасова.

Следующим этапом изучения проблемы «Некрасов и народное творчество» были работы Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова, И. Шамо-рикова и все пополнявшиеся и совершенствовавшиеся комментарии К. И. Чуковского к изданиям Некрасова. Сюда же следует отнести и статью К. И. Чуковского «Некрасов как художник».

Лучшая из этих статей — статья Н. П. Андреева «Фольклор в поэзии Некрасова». Н. П. Андреев призывает в ней к пересмотру цели исследования. Надо поставить вопрос, говорит он, в «литературном плане», имея в виду исследования стилистического влияния народной поэзии на поэзию Некрасова и методов введения устно-поэтического мате-

¹ К. И. Чуковский. Некрасов как художник. «Знамя», 1938, № 5, стр. 273.

² П. Н. Сакулин. Н. А. Некрасов. Изд. «Знамя», 1922; изд. 2-е, 1928, стр. 37—38.

риала в ткань некрасовских стихов. Вместе с тем выявляются основные произведения Некрасова, в которых в той или иной степени обнаруживаются «фольклорные элементы», и ставятся вопросы, «о чем» и «для кого» они написаны. Вывод делается следующий: 1) все эти произведения посвящены изображению жизни крестьян и 2) изображение жизни крестьян дано в форме, близкой к фольклору и доступной восприятию самого крестьянства. В этом и заключается, пишет Н. П. Андреев, сущность использования фольклора Некрасовым. Таким образом, и в первой и во второй частях статьи решение проблемы переносится в стилистический план. Этим же отличается и статья Шаморикова «Некрасов и фольклор».¹ В ней тоже речь идет о поэтических приемах — лексике, фразеологии, поэтическом синтаксисе, т. е. обо всех элементах стиля, но совершенно не раскрывается идеологический смысл обращения Некрасова к фольклору. Шамориков утверждает, что Некрасов стремился к воспроизведению действительности художественными методами сказочника, воплощенницы и т. д. и что тексты его отличаются от народных лишь лаконичностью и большей художественной и композиционной стройностью.

Статья Ю. М. Соколова построена на сравнительно узком материале и слишком бегла для того, чтобы продвинуть решение проблемы. Соколов совершенно правильно пишет: «Некрасов стремился через народное творчество постичь „чаяния и ожидания народные“. . . , узнать ближе народную жизнь, народные горести и страдания, народные чувства, народный быт».² Однако Некрасов в этой статье выглядит несколько пассивным созерцателем народной жизни. Остается нераскрытой активность позиции Некрасова как революционного демократа.

Таково положение дел на сегодняшний день. Оценка всех названных статей была недавно дана в интереснейшем комментарии К. И. Чуковского к I, II и III томам выходящего «Полного собрания сочинений и писем» Н. А. Некрасова.

В чем же причина недостатков перечисленных статей?

В том, что они абстрактно ставят вопрос.

Взаимоотношение поэзии Некрасова и устной народной поэзии должно быть исследовано во всей его исторической конкретности. Только при этом условии возможно правильно и глубоко истолковать идеологический смысл обращения Н. А. Некрасова к устному творчеству русского трудового народа. Такова задача, если сформулировать ее в самой общей форме.

Произведения Некрасова, в которых исследователи усматривают «элементы фольклора», вообще некрасовское отношение к народному

¹ «Труды МИФЛИ», т. III, Творчество Некрасова, 1939.

² Ю. М. Соколов. Некрасов и народное творчество. «Литературный критик», 1938, № 2, стр. 60—61.

творчеству было не какой-то обособленной, замкнутой в себе областью деятельности Некрасова, а органической частью его общелитературного дела. Поэтому наша проблема должна изучаться в связи с историей борьбы революционных демократов за реализм и народность русской литературы, в связи с историей развития эстетики Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина.

Без малого четыре десятилетия общественной и литературной деятельности Некрасова были десятилетиями бурного развития русской науки о народном творчестве, горячих схваток между различными лагерями собирателей и исследователей народной поэзии.

Революционные демократы, как известно, сыграли огромную роль в борьбе за передовую науку о народном творчестве. Поэтому нельзя изучать проблему отношения Некрасова к народному творчеству вне связи со всеми обстоятельствами этой сложной и напряженной борьбы, вне связи с фольклористическими взглядами Белинского, Чернышевского и Добролюбова. В 60-е годы один за другим выходят крупнейшие сборники народного творчества Афанасьева, Рыбникова, Киреевского, Худякова, одна за другой публикуются работы Пыпина, Афанасьева, Буслаева, Потемни и т. д. Разгорается оживленнейшая дискуссия вокруг книги Стасова «Происхождение русских былин». «Современник», а позже «Отечественные записки» занимают в этих спорах совершенно определенную позицию. Чернышевский пишет две рецензии на сборник Берга «Песни разных народов», Добролюбов — рецензии на сборник сказок Афанасьева, на Пермский сборник, сборник казачьих и украинских песен и статью «О степени участия народности в развитии русской литературы». Активнейшее участие в фольклористических спорах принимает близкий (в первую пору своей деятельности) к «Современнику» Пыпин.

Не может быть сомнений в том, что Некрасов внимательнейшим образом следил за развитием науки о народном творчестве. К сожалению, известные высказывания Некрасова о народном творчестве не многочисленны. Но это не освобождает нас от обязанности их изучения: до сих пор не дан анализ рецензии Некрасова на сборник Сахарова, речи Якимя Нагого в «Кому на Руси жить хорошо», в которой устами народа характеризуется деятельность заезжих собирателей народного творчества, не принимаются во внимание отдельные высказывания Некрасова о народном творчестве, разбросанные по его письмам (например, переписка с И. С. Тургеневым о сборнике «Песни разных народов» Берга, и т. д.).

Но прежде всего теоретические позиции Некрасова надо выяснять путем изучения его поэтической практики. В стихах Некрасова находится большое количество ценнейших суждений о смысле, роли и месте устного народного творчества, особенно песни, в жизни тру-

дового народа и о его исторической обусловленности. В стихотворении «В дороге» (1845) утверждается серьезное жизненное значение песни; в «Размышлениях у парадного подъезда» дается известная характеристика старой народной песни и, по существу, историко-социальный анализ причин распространенности «песни-стона». В «Коробейниках» рисуется не менее острая в социальном смысле история возникновения «Песни убогого странника»; в «Крестьянских детях» начертана трогательная картина любви крестьянских детишек к ма-стерам занимательного устного рассказа и сказки. В «Пире — на весь мир» одна за другой звучат песни, порожденные как крепостным правом, так и послереформенным гнетом, песни «невеселые, подневольные»; «других в ту пору не было» — подчеркивает Некрасов историческую обусловленность песен, «горьких, как барщина сама». В то же время Некрасов выражает уверенность в том, что русский народ сумеет добиться лучшего будущего и в связи с этим создаст другие, «животворящие» песни:

И будут в них не жалобы
На долю подневольную,
Не рабская тоска,
А радость воссмеявшейся
Души народа русского,
Из мрака и уныния
Воспрянувшей души...

(«Кому на Руси
жить хорошо»)

В любви русского трудового народа к художественному слову Некрасов видит свидетельство не истребленного в нем годами рабства и унижения таланта, залог его великого будущего:

Такая почва добрая —
Душа народа русского...
О сеятель! приди!..

(«Кому на Руси
жить хорошо»)

Немало интересных суждений о народной песне содержится в вариантах к «Пиру — на весь мир». Задача состоит в том, чтобы осмыслить все некрасовские высказывания подобного рода в связи со взглядами на народное творчество Белинского, Чернышевского и Добролюбова.

Теоретические взгляды Некрасова должны выявиться особенно четко, если мы изучим отдельные случаи обращения Некрасова к устному народному творчеству в связи с конкретными обстоятельствами его общественной и литературной борьбы.

Такую задачу поставил себе Б. Я. Бухштаб в докладе, прочитанном на этой конференции, — «К истории стихотворения Н. А. Некра-

сова „Катерина“. Изучение обстановки, в которой была написана некрасовская «Катерина», дало возможность раскрыть боевую направленность этого стихотворения, понять его как важный эпизод некрасовской борьбы за народную песню.

В 1863 г. Некрасов написал «Орину, мать солдатскую». Известно, что это стихотворение основано на подлинном рассказе крестьянки.¹ С другой стороны, в «Орине, матери солдатской» можно отыскать явные следы знакомства Некрасова со сборником Рыбникова, публиковавшимся в эти годы отдельными выпусками. Если бы мы ограничились этими фактами, то осталась бы совершенно не выясненной закономерность создания этого стихотворения именно в 1863 г. Между тем, создание этого стихотворения прямо связано с начавшейся в эти годы военной реформой, а именно — с первым ее этапом, когда 25-летний срок службы был заменен 15-летним. Некрасов специально подчеркивает в этом стихотворении, что достаточно и половины этого срока (8 лет) для того, чтобы погубить «богатырского сложения здоровенного детинушку».

В 1872 г. Некрасов познакомился со сборником произведений замечательной народной поэтессы Ирины Андреевны Федосовой. Анализ канонизированного текста и рукописи «Крестьянки» из «Кому на Руси жить хорошо» показывает, что в текстах Федосовой Некрасов увидел не только богатейший материал для изучения народного быта, психологии и творчества, — они поразили его социальной насыщенностью и остротой. В «Крестьянке» Некрасов дал образец последовательного революционного истолкования и творческого использования текстов Федосовой.

Смысл некрасовского истолкования Федосовой может быть раскрыт вполне лишь при учете журнальной полемики, разгоревшейся вокруг первого тома «Причитаний Северного края» и насчитывающей 17 статей и рецензий самого различного толка. Я не буду останавливаться на всех рецензиях, но несколько слов сказать необходимо.

Один из деятельных сотрудников реакционнейшего, «гносного», как назвал его К. Маркс в одном из писем к П. Л. Лаврову,² журнала князя Мещерского «Гражданин», Н. Покровский выступил с оценкой импровизаций Федосовой одновременно в трех журналах: «Грамотее» Алябьева — для народа, «Православном обозрении» — для духовенства, и в двух номерах «Гражданина» — «для образованного общества».

Н. Покровский последовательно и сознательно искажал облик Федосовой. Для народа он «выжимал» из ее текстов нравоучения: «не пить водку» и «сжиться» с горем, — не с индивидуальным, «семейным»

¹ См.: Из дневников и воспоминаний А. А. Буткевич (1876—1877 гг.). «Литературное наследство», кн. 49—50, М., 1946, стр. 178.

² См. Переписку К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, Госполитиздат, М., 1947, стр. 175.

горем, а общекрестьянским горем, «горем общественным», как охарактеризовал его Некрасов, конспектируя один из текстов Федосовой.¹

Духовенство Н. Покровский мобилизует на искоренение «языческих», «матерьялистских воззрений», с которыми, к его глубокому сожалению, так свылся русский трудовой народ. «Образованному обществу» реакционный журналист преподносит тенденциозно искаженный, «примиренный» «вариант» Федосовой (например явно, намеренно неверный пересказ «Плача о старосте», в котором все кончается любовным примирением, и т. д.). Покровский усиленно стремится доказать, что почвы для социального недовольства нет, народ должен знать свое место и свыкаться с «горем», терпеть. Позиция, не вызывающая никаких сомнений.

Типичную либерально-межеумочную позицию в идеологической оценке текстов Федосовой занял рецензент «Журнала министерства народного просвещения», академик Л. Н. Майков. Подчеркивая общественное значение текстов первого тома «Причитаний Северного края», он пишет: «Общественный дух еще живет полною жизнью в этих поздних потомках старых новгородских людей». Однако выпретенная либеральная декларация не мешает ему тут же истолковать описанное Федосовой столкновение крестьян с мировым посредником на почве выколачивания недоимок следующим образом: народ якобы «охотно исполняет свои обязанности (имеются в виду подати, — К. Ч.)... Народ горюет только о том, что эти подати собираются иногда без снисхождения к временным нуждам и обстоятельствам крестьян».² Таким образом, при устранении отдельных недоразумений устранится и основание для социального недовольства.

Соответственную позицию заняли реакционные профессиональные «знатоки народного творчества» — Веселовский, Бычков, Баталин и др. Они совершенно игнорировали актуальность текстов Федосовой, отрицая тем самым их общественную значимость. Максимальная архаизация и перенесение интереса в чисто обрядовый план характеризует все эти статьи и рецензии.

Фронту реакционной фольклористики и реакционной журналистики «Отечественные записки» противопоставили свою точку зрения. В № 11 журнала за 1872 г. Федосовой была посвящена специальная статья Н. К. Михайловского, вошедшая в серию «Литературные и журнальные заметки». Михайловский подчеркивает прежде всего «гражданские мотивы» «надгробных речей и некрологов мужика», как он называет тексты Федосовой. Он тщательно выписывает все наиболее острые по своему политическому звучанию места тома. «Всякие комментарии тут неуместны», заключает он, давая понять читателю, что коммен-

¹ См: Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. III, М., 1949, стр. 636.

² «Журнал министерства народного просвещения», 1872, декабрь, ч. 164, отд. II, стр. 399, 398.

тарии к текстам Федосовой, как он их понимает, не безопасны в цензурном отношении.

Михайловский подчеркивает огромное значение тома для изучения народной жизни. Он считает его выдающимся историческим документом. Однако рецензия Михайловского не без червоточинки. Михайловский уже пережил горечь провала первых «хождений в народ» в 1871—1872 гг., на которые он возлагал столь большие надежды. Он оказывается неспособным трезво учесть все сильные и слабые стороны социального мироощущения Федосовой, он лишь сокрушается о том, что «гражданские мотивы» сравнительно редко встречаются в причитаниях, собранных Барсовым. Это кажется ему особенно горьким «в минуту тяжелых уроков истории и разочарования в настоящем и будущем». Тексты Федосовой для него — причитания «того народа», который в 1871—1872 гг. не оправдал его романтических надежд.

На этом фоне становится особенно ясным значение некрасовского истолкования и использования импровизаций Федосовой. Некрасов горячо воспринял книгу народной поэтессы. Возможно, что само появление «Крестьянки» как специальной главы «Кому на Руси жить хорошо» связано с выходом в свет первого тома сборника Федосовой.

Причитания Федосовой отличались от других известных Некрасову текстов как высокой поэтичностью, так и невиданной общественной, социальной насыщенностью и остротой.

Федосова художественно обобщила и выразила нарастание элементов протеста, обострение социального самосознания русского крестьянства в первое пореформенное десятилетие, но в то же время протест ее был отягощен грузом многих противоречий. Недаром В. И. Ленин, отметив в сборнике Федосовой «силу народного гнева и ненависть к поработителям», указал на то, что этот гнев и эта ненависть «прорываются сквозь жалобы, стон и попытки найти утешение в религии».¹

Существенным недостатком в изучении связей творчества Некрасова с устным народным творчеством нужно признать также и то, что это изучение сосредоточено, в основном, на трех-четырёх крупнейших произведениях («Кому на Руси жить хорошо», «Мороз, Красный нос», «Коробейники» и т. д.), в лучшем случае на важнейших для избранной темы произведениях 60-х годов. Так, например, Н. П. Андреев пришел к выводу, что лишь 14 стихотворений Некрасова содержат в себе «фольклорные элементы». Среди них и цикл «О погоде», по поводу которого сказано: «из фольклора взят только эпиграф». В статье оказываются пропущенными такие вещи, как «В деревне» (1853), «Притча об Ермолае трудящемся» (1864), «Кумушки» (1863), «Дядюшка Яков» (1867), «Несжатая полоса» (1854) и

¹ По воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича; см.: Ю. М. Соколов. Русский фольклор, М., 1938, стр. 184.

т. д. Возникает вопрос: неужели связи Некрасова с народной поэзией проявляются только в 14 его произведениях? Проблема тут явно сужена. Если бы Некрасов не написал многих из перечисляемых 14 стихотворений («Калистрат», «Огородник», «Песни» и т. д.), проблема влияния народной поэзии на его творчество оставалась бы, безусловно, одной из самых значительных проблем истории русской литературы XIX в.

Следует заметить, что до сих пор не привлекалась к изучению ни некрасовская проза, ни драматургия. Слабо изучена мемуарная литература, рукописное наследство Некрасова, его письма и т. д. Расширение круга изучаемых источников обязательно для дальнейшей работы (как можно обойтись, например, без романа «Три страны света», содержащего столь обильный этнографический материал?). Только при этом условии можно будет поставить вопрос об изучении отношения Некрасова к народному творчеству в исторической перспективе — от 40-х до 70-х годов.

Народное творчество интересовало Некрасова с различных точек зрения. Во-первых, как поэтическая, творческая деятельность русского трудового народа и как могучее средство познания идеологии русского крестьянства, т. е. того большинства русской нации, с которым революционные демократы связывали все свои надежды на будущие социальные преобразования. Во-вторых, как один из творческих источников дальнейшего развития русской литературы, без которого немислима была для Некрасова борьба за ее реализм, народность, демократичность. В-третьих, как искусство, выработавшее поэтические приемы, дающие возможность правдиво писать о народе, его жизни, борьбе и страданиях. В-четвертых, как великолепная, доходчивая форма, пользуясь которой поэт революционной демократии может активно воздействовать на сознание народа. И, наконец, Некрасов считал себя вправе говорить не только *о народе* и даже не только *для народа*, но и *от имени* народа, выражать его коренные интересы в борьбе за светлое будущее; поэтому он стремится владеть тем голосом, которым народ выражает свои мысли, свои чаяния и ожидания.

Как писал А. М. Еголин в своей статье «Поэт-революционер», «Некрасов в своих произведениях говорил о чувствах и мыслях, переживаемых широкими народными массами. Отсюда — органическая связь его поэзии с народно-поэтическим творчеством».¹

Известно, как жаждал Некрасов быть услышанным народом, с какой тревогой и болью писал он об этом. Всем известен его замысел издавать для народа «красные книжки». Цензура остановила это издание на втором выпуске. Некрасов напряженно думал о возможности воздействовать на народную устную песенную тради-

¹ «Труды МИФЛИ», т. III, Творчество Некрасова, 1939, стр. 19.

цию. Об этом говорят многочисленные созданные им песни, народные по всем своим качествам: «Калистрат», «Притча об Ермолае трудящемся», «У людей-то в дому», «Катерина», «Молодые», «Сват и жених», песни из «Пира — на весь мир» — «Веселая», «Барщинная», «Голодная», «Солдатская», «Соленая», «О двух великих грешниках», «Русь» и др. Поэтому должен быть изучен вопрос не только о воздействии устной традиции на Некрасова, но и, наоборот, о роли песен Некрасова в развитии русской устной народной традиции. Должна быть изучена судьба «Коробейников», «Огородника», «Катерины» и других некрасовских песен в устном бытовании. Кое-что тут безвозвратно упущено, но все же вполне доступно, например, изучение под таким углом зрения рукописных и печатных песенников второй половины XIX в., дореволюционных лет XX в. и, тем более — советского времени.

Хочется еще раз подчеркнуть, что при дальнейшем изучении вопроса должна быть прежде всего прояснена революционно-демократическая направленность некрасовского подхода к устному народному творчеству. Некрасов, безусловно, был прекрасным знатоком многих жанров русского устного народного творчества. Однако далеко не все интересовало его в равной мере. Некрасову, как известно, не была свойственна идеализация отрицательных сторон народной жизни, не была свойственна ему и идеализация отрицательных явлений крестьянского устного творчества прошлого века.

Справедливо отметил еще Н. П. Андреев, что Некрасова совершенно не привлекали наиболее прославленные реакционной славянофильской фольклористикой виды фольклора — духовные стихи, религиозные легенды, суеверные побывальщины, календарно-обрядовый фольклор, заговоры и т. д. Из всего богатства русской народной поэзии Некрасов стремился извлечь максимальное количество свидетельств огромных исторических возможностей русского трудового народа, которые предстояло ему реализовать в будущем.

Уже говорилось о том, как тщательно изучал Некрасов все формы и виды народного протеста против социального гнета, с какой любовью находил он и раздувал всякую «искру сокрытую» в народном сознании. Вооруженный знанием народа, он горячо верил в его будущее. Недаром читаем мы в «Кому на Руси жить хорошо»:

Русь не шелохнется
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —

Встали — небужены,
Вышли — непрошены:
Жита по зернышку
Горы nanoшены!

Рать подымается —
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка-Русь!..

В отличие от народников, особенно поздних, Некрасов был полон веры в революционное будущее русского трудового народа. В то же время он не идеализировал отрицательных сторон народной жизни, видел стихийность народных форм социального протеста. Вместе с тем необходимо поставить вопрос и об исторической ограниченности мировоззрения самого Некрасова, выяснить, насколько проявлялась она в его отношении к устному творчеству русского трудового народа.

Надо решительно пересмотреть и конкретные методы анализа некрасовских текстов. Должно быть окончательно преодолено восходящее к порочной методологии компаративистского источниковедения искусственное «сведение к традиции». При констатировании случаев прямого использования Некрасовым народно-поэтических сюжетов и мотивов основное внимание должно быть обращено на выявление того *нового*, что вносит Некрасов в трактовку традиционных народных тем, *как* Некрасов переосмысливает их, включая в систему революционно-демократических идей. Мало указать на то, что такое-то место у Некрасова похоже на соответствующую песню, сказку, былинку. Задача состоит в том, чтобы проанализировать: какое же звучание получило все это у Некрасова.

Приведу некоторые примеры. Базилевская в статье «Из творческой истории „Кому на Руси жить хорошо“» поставила вопрос о связи замысла этой поэмы с былинкой-пародией («стати, она называет ее почему-то «идиллией») «О птицах» и сказкой «О правде и кривде». Однако вопрос этот поставлен ею не в идеологическом, а в сугубо фразеологическом плане: откуда Некрасов мог позаимствовать строки: «Кому живется весело, вольготно на Руси»?

Решение такое: из «Сказания о птицах» заимствована сама формула вопроса: «каково птицам жить на море?», из сказки «О правде и кривде» — слово «вольготно», поскольку в этой сказке обычен вопрос: «С чем вольготней жить, с правдой или с кривдой?»

Такой «метод» изучения связей Некрасова с фольклором не может привести к положительным результатам.

Сказка «О правде и кривде» — одна из популярных и интереснейших в идейном отношении сказок о поисках правды и правдоискателях. В то же время следует отметить, что поиски добра, правды, справедливости по существу составляют идейную почву большинства старых русских сказок, выражавших мечту народа о таком социальном строе, при котором восторжествуют добро и справедливость. Характерно, что в устном творчестве народов СССР эта тема совершенно переродилась, стала темой «найденной правды», «отысканной справедливости» и т. д.

Внимательный анализ сказки «О правде и кривде» не подтверждает мысли о ее непосредственной связи с замыслом «Кому на Руси жить хорошо». Совершенно очевидно, что Некрасов, знаток народного

творчества, уловил общую направленность русских народных сказок и «Кому на Руси жить хорошо» задумал как реалистическую сказку-поэму в духе русских сказок о правдоискательстве, не имея в виду ни одной из них специально. Но Некрасов не просто создал замысел, параллельный и повторяющий русские сказки о правдоискательстве. Некрасов не только воспринимает, но и развивает народную традицию. В поэме Некрасова речь идет не о поисках добра вообще, этической правды, как в большинстве волшебных сказок, и не о социальной компенсации унижаемого, как в большинстве сказок бытового характера, — в центре «Кому на Руси жить хорошо» жизненно активные крестьяне, сознательно ставящие коренные вопросы социального бытия.

Не менее интересному переосмыслению подвергает Некрасов замысел русской сказки «Морозко» в поэме «Мороз, Красный нос». В народной традиции эта сказка вращается вокруг этической проблематики: жадная, несправедливая, злая мачеха посрамляется; добрая, терпеливая, безответная падчерица вознаграждается за свои добродетели. Некрасов образ Мороза и сцену встречи Мороза с падчерицей в лесу делает органической частью трагического повествования о горькой социальной судьбе крестьянской вдовы. Фантастический образ Мороза и фантастическая сцена его встречи с Дарьей получает реалистическое обоснование — сон, забытие замерзающей Дарьи. Фантастические силы здесь не вознаграждают героя за его пассивные добродетели, они как бы смыкаются с социальной несправедливостью реального мира и продолжают ее. Поэтому трагический исход поэмы может показаться даже пессимистическим. Но истолковывать поэму так — значит исказить ее подлинный смысл.

В поэме Некрасова налицо явная полемика с народной сказкой. По логике сказки Дарья должна была бы вернуться из лесу вознагражденной, но Некрасов намеренно разрушил эту баюкающую народное сознание фантастику, в основе которой надежда на то, что вознаграждение придет само собой. В поэме не случайно так много места отводится воспеванию душевных сил русского крестьянина, красоты народной души. Некрасов как бы хочет сказать: *здесь* исход, величие народной души — залог великих перемен, которые принесут и добро, и справедливость, и само вознаграждение. Русский трудовой народ должен надеяться только на самого себя.

На соответствие «Легенды о двух великих грешниках» и народных легенд указывал Н. П. Андреев в известной специальной работе об этой легенде. Позже эту мысль повторил Шамориков. Однако в обоих случаях идейное отличие некрасовской легенды осталось без внимания.

Народная традиция знает целый ряд вариантов легенды о том, как великий грешник (разбойник) кается, получает неисполнимую эпитимию (пасти черных овец, пока они не побелеют, поливать головешки, пока

они не расцветут), но он убивает еще более тяжкого грешника и получает прощение. Второй грешник бывает различным: иногда это разбойник, поражающий бессмысленной жестокостью (хочет поджечь город с двух концов), иногда это кулак-купец, в старообрядческих вариантах — это какой-нибудь распространитель табака, и т. д. Встречаются и антикрепостнические варианты, в которых убивается жестокий барский приказчик. Некрасов выбирает самый резкий в классовом отношении вариант и превращает его в революционную антикрепостническую легенду, в легенду, призывающую к народному восстанию.

Характерно, что некрасовская легенда написана в форме, напоминающей духовный стих. Славянофильской науке о народном творчестве тем самым наносился жесточайший удар.

Еще один пример: в ряде текстов Федосовой («Об убитом громом-молнией», «Об упянсливой головушке», «О погибших», «О попе» и др.) необычайно сильно звучит тема глумления угнетателей над крестьянским несчастьем, над горем осиротевшей семьи. Эта тема приобретает в творчестве Федосовой различные формы, но чаще всего она связана с необычайной смертью: гибель на озере, поражение молнией, смерть от запоя, наконец, внезапная гибель ребенка, оставленного дома родителями, ушедшими на полевые работы. Последний эпизод был использован Некрасовым в главе IV «Демушка» третьей части «Крестьянки» из «Кому на Руси жить хорошо». У Федосовой обычно судебные и полицейские власти грозят судебным следствием, хотя причина смерти совершенно ясна, нарочито подозревают горюющих в умерщвлении родственника, особенно угрожают страшным для крестьян судебно-медицинским вскрытием тела и т. д., с целью вымогания взяток. У Федосовой, собственно, до вскрытия дело ни разу не доходит, крестьяне откупаются или выворачиваются другим способом. Удачный исход воспринимается ими, как чудо. Некрасов замечательно уловил нетипичность таких «удачных концов», он заставил Матрену Тимофеевну забыть дать взятку.

«В крестьянке Тимофеевой
И прежде помешательство
Вы примечали?»

— Нет!...

— Не примечал, равна была...
Одно: к начальству кликнули,
Пошла... а ни целковика,
Ни новины, пропащая,
С собой и не взяла!

Поэтому вскрытие состоялось, и Матрена Тимофеевна должна была испытать чашу страданий до конца.

Так возник один из потрясающих по своей обличительной силе эпизодов «Кому на Руси жить хорошо». Недаром проклятие Матрены

Тимофеевны «злодеям-палачам», представляющее собой перефразирование известного места из «Плача о старосте» Федосовой, звучит здесь, как призыв к расправе над палачами, который произносится устами рыдающей в горе матери. Так Некрасов переосмыслил, углубил и революционизировал материал, найденный им в сборнике Федосовой.

Остановимся еще на одном примере. Стало уже традицией (в этом случае, надо сказать, дурной традицией) писать и говорить о том, что песня «Мой постылый муж поднимается» взята из такой-то статьи или сборника (называются статьи Александра «Деревенское веселье в Вологодском уезде», сборник Ф. Студитского и т. д.). Между тем, песня эта у Некрасова предстает в сильно измененном виде. Еще Шамориков заметил, что Некрасов опустил постоянно повторяющуюся строку «Я и тут молода не взмолилася» и отбросил всю последнюю часть песни, в которой говорится, как жена покоряется мужу. Однако Шаморикова этот случай интересовал в чисто стилистическом плане. Он был ему нужен для подтверждения той мысли, что Некрасов обычно «сжимает» народные песни. Между тем осталось совершенно незамеченным, что сам смысл песни изменился. В устной традиции— это песня о том, как жену плеткой заставили покориться мужу. У Некрасова этот сюжет совершенно исчезает. В контексте рассказа Матрены Тимофеевны эта песня говорит о печальном событии, она свидетельствует о том, что даже Филипп Корчагин не смог избежать требований зверского обычая. Некрасов создал по существу новую песню, осуждающую этот обычай, призванную вытеснить в народном сознании другую песню, от которой он первоначально исходил.

Некрасов, подобно Белинскому, Чернышевскому, Добролюбову, видел в народном творчестве не старину, не музейную архаику, а творчество современного ему трудового народа, стремился, пользуясь этим творчеством, не только познать, но и воздействовать на его настроения и мысли. Поэтому необходимо изучать творчество Некрасова в связи с историей устного творчества русского трудового народа. Кстати, пришло время говорить не только о крестьянском творчестве, но и о творчестве городских низов.

К. Н. Григорьян

Н. А. НЕКРАСОВ И АРМЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ¹

Прошло почти сто лет с тех пор, как поэзия Некрасова вызвала живой отклик в Армении. Не одно поколение армянских писателей вдохновлялось гражданской лирикой Некрасова.

Приобщение армянского народа к русской культуре было подготовлено историческими событиями конца 20-х годов прошлого века.

Летом 1826 г. началась война с Персией. После разгрома многочисленной армии противника под Шамхором русские войска под командованием генерала В. Г. Мадатова,² заняли город Гянджу (Елисаветполь). Вскоре военные действия перекинулись на территорию Эриванской области. 19 сентября 1827 г. русские войска овладели крепостью Сардарapat, а спустя несколько дней осадили Эривань, основной оплот персидского владычества в Восточной Армении. 1 октября того же года русские войска, после семидневной осады города, вошли в Эривань.

Многие армяне с огромным воодушевлением вступали в русскую армию, создавали в помощь ей свои национальные подразделения.³

¹ Прочитано 15 января 1950 г.

² Мадатов, Валериан Григорьевич (1782—1829) — генерал-лейтенант русской армии. Армянин по национальности. Отличился в войне против Турции (1807—1812). В 1813 г. был ранен под Лейпцигом. С 1818 г. принимал участие в военных действиях на Кавказе. Под его командованием одержан ряд побед в войне против Персии и Турции (1826—1828).

³ В 1948 г. исполнилось 225 лет со дня массового вступления армян и грузин в русскую армию. В 1723 г. около 700 армян и грузин вошли в ряды русской армии, составив несколько рот и эскадронов (П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, ч. I, СПб., 1869, стр. 57). Первые армяне-генералы в русской армии появились в 30-х годах XVIII в. 9 декабря 1734 г., по представлению генерала Левашова, Лазарь Христофоров и Иван Юз-Баша «были пожалованы» генерал-майорскими чинами (Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. II, М., 1832, стр. 295, 296). Яркое выразилось участие армян в Отечественной войне 1812—1814 гг. Славные традиции вековой дружбы между великим русским и армянским народами с особой силой сказались в дни Великой Отечественной войны Советского Союза, когда лучшие сыны Армении сражались вместе с другими братскими народами за свободу и честь единой социалистической Родины.

Армяне-воины, сражаясь в рядах русской армии, прежде всего защищали кровные интересы своего народа, потому что в русской армии они по праву видели свою освободительницу. Вот почему, когда оружие русских зазвучало у вершин Арарата, армянский народ с великой радостью встречал и приветствовал вступление русских в пределы Армении.

Нетрудно понять восхищение и радость армянского населения, освобожденного русскими войсками от многовекового ига поработителей. «Они рассказывают, — писал очевидец событий этих лет, — что еще издавна умирающие отцы завещали детям радостным звоном колоколов дать им в могиле весть, когда взойдет для армян солнце счастья, когда русские освободят их от тягостного ига и соберут бедствующих, рассеянных сынов Армении».¹

Армянский народ приветствовал русскую армию, как свою освободительницу. Так воспринимал события этих лет и Хачатур Абовян. В восторженных строках романа «Раны Армении» он как бы подвел итог освободительной борьбы армянского народа за многие столетия, до времени присоединения армянских провинций к России: «Да будет благословен тот час, когда благодетельная нога русского вступила в светлую страну армянскую и изгнала проклятое, злое дыхание кызилбашей² из нашей земли. Пока в устах наших есть дыхание, нам должно денно и ночью памятовать о днях, нами пережитых...».

После победы над персами к России, по Туркманчайскому договору 10 февраля 1828 г., перешли ханства Эриванское и Нахичеванское, а также Ордубатская область. В результате войны с Турцией, последовавшей после персидской войны, по Адрианопольскому договору 1 сентября 1829 г., Россия приобрела Ахалцыхский пашалык. В освобожденных русскими войсками областях находилось многочисленное армянское население. Страна была разорена и опустошена. После войны переселилось в Россию более полумиллиона армян.

Освобождение русскими войсками Восточной Армении от турецко-персидского ига явилось фактом исключительного значения в жизни армянского народа. В результате событий конца 1820-х годов была обеспечена физическая безопасность народа.

Судьба армянского населения, оставшегося в Турции, сложилась весьма трагически: значительная его часть была физически уничтожена, истреблена, часть же разбрелась по всему свету. В Персии армяне влачили полуголодное, нищенское существование. История показала справедливость замечания Энгельса в письме к Марксу

¹ Отрывки из дневника путешествия для осмотра Эриванской области. «Московский телеграф», 1828, февраль, № 4, стр. 563.

² Кызилбаша — тюркское слово. В прямом переводе — «красноголовые». Так называли в Армении турецких и персидских воинов.

о том, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку».¹ Прогрессивной была роль России и в отношении Армении. Благодаря России армянский народ был спасен от уничтожения. В начале 1840-х годов было введено в действие разработанное комиссией сенатора Гана новое положение по управлению Закавказским краем. В основе этого закона лежала задача превращения края в неотделимую часть Российской империи, с полным подчинением его правопорядку и режиму феодально-крепостнической системы.

Представители высших сословий армянских и азербайджанских областей — беки и ханы, мелики и агалары — теперь стали настойчиво предъявлять свои «вековые» феодальные права на господство над трудовыми массами крестьянства. Они принялись доказывать, что земля принадлежит им, а живущие на этой земле крестьяне — их крепостные. Царизм поддерживал эти претензии и начал насаждать в Закавказье крепостнические порядки.

В 1844 г. наместником Кавказа был назначен М. С. Воронцов, которому царское правительство предоставило неограниченные права в управлении краем. Вскоре путем указов и манифестов лучшая и бо́льшая часть земли стала собственностью высшего сословия, а значительная часть армянского и азербайджанского крестьянства оказалась фактически в крепостной зависимости. Царские сатрапы лицемерно утверждали на бумаге, что в Армении якобы нет крепостного права, но на деле положение крестьянской массы и в экономическом и в политическом отношении почти ничем не отличалось от положения крепостных крестьян. Не лучше жилось и тем крестьянам, которые трудились на «казенной земле». Их также окончательно разорили непосильные подати и повинности. Самодержавие на Кавказе опиралось на высшее сословие и купцов, которые при активной поддержке царских чиновников и духовенства безжалостно грабили крестьян. В 50—60-е годы усилился феодально-крепостной гнет в Армении. Вместе с тем усилилась и борьба крестьянских масс против внешних и внутренних угнетателей.²

После крестьянской реформы 1861 г. Закавказье как колония царской России не могло оставаться в стороне от процесса капитализации России. Нужно было приспособить весь край к новым условиям буржуазно-капиталистического развития страны. С этой целью в 1870 г. в Армении была проведена крестьянская реформа, осуществленная за счет ограбления трудовых масс крестьянства. В резуль-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 211.

² См.: Крестьянское движение в Армении в XIX веке (Сборник материалов). Составил проф. В. Рштуни при участии К. Степаняна, Изд. Академии наук Армянской ССР, Ереван, 1948.

тате этой реформы укрепилась и расширилась власть землевладельцев.¹

Кавказ долгое время стоял в стороне от общего процесса развития капитализма, оставался отсталой сельскохозяйственной страной, со всеми пережитками феодально-крепостнического строя. В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России», говоря о колонизации Кавказа, писал: «Экономическое „завоевание“ его (Кавказа, — К. Г.) Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое, а вполне это экономическое завоевание не закончено и поныне».² Ленинское положение в полной мере применимо к Армении, где промышленность даже к концу XIX в. была весьма слабо развита.

После присоединения Армении к России создались условия для приобщения армянского народа к величайшим достижениям русской культуры. Процесс возрождения древней страны, процесс формирования и расцвета новой литературы протекал под непосредственным благотворным влиянием всего того лучшего, что было создано передовыми писателями великого русского народа. «Влияние русской литературы на армянскую (на литературу русских армян, конечно), по-моему, велико, — писал один из выдающихся представителей новой армянской поэзии, Александр Цатурян, — *и трудно указать из наших писателей такого, который так или иначе не подпал бы под это влияние*. На одних оно отразилось сильнее, ярче, других оно коснулось не так сильно, не так заметно, но никто из них, думаю, не миновал этого влияния».³ Так думал не только Цатурян, но и величайший поэт армянского народа Ованес Туманян.⁴

На развитие армянской поэзии наиболее сильное влияние оказали Пушкин и Лермонтов⁵ и вслед за ними гражданская муза Некрасова. Провозглашенные блестящей плеядой шестидесятников новые принципы материалистической эстетики и критического реализма имели огромное влияние не только на последующее развитие русской литературы, но и на развитие литературы народов Закавказья, в частности Армении. Идеи Белинского, Чернышевского и Добролюбова, произведения Некрасова и Щедрина находили в передовой части армянской интеллигенции живой отклик и полное сочувствие. Они обогащали творческую мысль, они помогали и вдохновляли многих

¹ Подробно о крестьянской реформе в Армении см. В. Рштуни. Крестьянская реформа в Армении в 1870 г., Изд. Академии наук Армянской ССР, Ереван, 1947.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 520.

³ Юрий Веселовский. Русское влияние в современной армянской литературе (на основании анкеты). Лекция, читанная в Петербурге и Баку, М., 1909, стр. 28.

⁴ Ованес Туманян, Избранные произведения. Пер. с армянского, Гослитиздат, М., 1946, стр. 400—403.

⁵ К. Н. Григорьян. Пушкин и армянская поэзия. «Вестник Ленинградского университета», Л., 1949, № 6, стр. 46—59.

писателей и общественных деятелей Армении в тяжелой борьбе за счастье народа.

Возрождение новой армянской поэзии связано с именем Рафаэла Патканяна. Изданный им в 1857 г. армянский национальный песенник под псевдонимом Гамар Катипа (в нем приняли участие, кроме Патканяна, и его молодые друзья) составил целый этап в развитии поэзии русских армян. «Песенник» был насыщен гражданскими мотивами. Там было напечатано известное стихотворение «Слезы Аракса». Поэт мечтал о днях, когда „озарятся солнцем свободы поля Армении прекрасной“.¹

Патканян, выступая в защиту интересов армянского народа, выдвигал широкую политическую программу национального возрождения, но в своей гражданской лирике отдал некоторую дань национально-буржуазной идеологии.

С самого начала вступления на литературное поприще Патканян избрал путь поэта-воина. Стихотворение Некрасова «Блажен незлобивый поэт» становится программой его поэтической деятельности. Противопоставление «незлобивою поэту» поэту иного типа, поэту-обличителю, который проходит «тернистый путь с своей карающей лирой», который «враждебным словом отрицания» выступает против пошлости, служа лишь добру и правде, который «любит, ненавидя», и значение благородной деятельности которого люди поймут, «только труп его увидя», — вся эта глубокая идейная концепция Некрасова почти целиком сохранена в стихотворении «Два поэта»,² эпиграфом к которому послужили слова русского поэта:

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства!..

В стихотворении Патканяна поэту «со сладкозвучной лирой и чувствительной душой», достигшему всеобщего признания и вкусившему в полной мере всю сладость славы, противопоставляется горькая судьба другого поэта, не знающего покоя и счастья любви, поэта, бичующего людские пороки, с открытым челом гордо и уверенно прошедшего по миру, поэта, о «благородной любви» которого люди узнали лишь после его смерти.

Идя по стопам Некрасова, Патканян в своих стихотворениях беспощадно обличал армянских богачей, наживших большие деньги и состояния темными путями и преступлениями, людей черствых и равнодушных к голосу правды и справедливости, живущих в узком и

¹ Образцы его поэзии в русских переводах см.: Антология армянской поэзии, Гослитиздат, М., 1940, стр. 374—382.

² Стихотворение «Два поэта» написано в 1856 г. и является непосредственным откликом на вышедший в том же году сборник гражданской лирики Некрасова. Русского перевода этого стихотворения нет.

затхлол мире эгоистических интересов. В стихотворении «Прекрасный человек» Патканян с иронией и презрением рисует образ подобных стяжателей:

Занят делом своим неустанно,
 Отдалиться от нас ты сумел,
 И, блюдя интересы кармана,
 Ты далек от общественных дел,
 Ты привычек и жизни спокойной
 Ни за что не изменишь. И что ж?
 Человек ты, бесспорно, достойный, —
 Но скажи, — для чего ты живешь?..
 Ты богатства добился, и даже,
 Говорят, потерял деньгам счет,
 И твой дом, рысаки, экипажи
 Восхищают прохожий народ.
 Но догадки ни в ком неприличной
 О богатстве твоём не найдешь!..
 Человек ты, бесспорно, отличный, —
 Но скажи, для чего ты живешь?..
 На страданья других безучастно
 Ты зрираешь, о них не скорбя,
 И, нуждой угнетаем, несчастный
 Умолять стал бы тщетно тебя.
 Вопли бедных к тебе — труд напрасный:
 Ты жалеешь для нищего грош!..
 Человек ты, бесспорно, прекрасный, —
 Но скажи, для чего ты живешь?!¹

(Перевод А. Шитова)

Встав на путь поэта-обличителя, Патканян показывает фальшь и лицемерие буржуазной нравственности и, в подражание Некрасову, в 1856 г. пишет стихотворение «Безвредный человек», эпиграфом которому послужили известные строки русского поэта:

Живя согласно с строгою моралью,
 Я никому не сделал в жизни зла...

Патканян впервые в армянской литературе разоблачает гнилую и пошлую мораль армянских «ага», торговцев и промышленников, типичных буржуа, для которых все — пустой звук, кроме интересов собственного кармана:

Следую всегда правилам сего мира,
 Я никому не сделал в жизни зла.
 Увидел однажды я старика-нищего,
 Он когда-то трудился у меня.
 Расспросил я его, в беседе любезной,
 Каково здоровье и как он живет,
 Но вдруг попросил он рубль на хлеб, —
 Я удивился, отвернулся, ушел...

Братская помощь пострадавшим в Турции армянам, М., 1897, стр. 717.

Следуя всегда правилам сего мира,
Я никому не сделал в жизни зла.
Однажды мой сын, тайком от меня,
Вытащил из кассы несколько рублей.
На месте поймал я воришку,
Связал ему руки и представил суду.
Прошло немного: от страха отравился, —
Вот как потерял я надежду свою.
Следуя всегда правилам сего мира,
Я никому не сделал в жизни зла.
Милая Шушан полюбила Ована.
Родители Ована были бедняки.
Дочь свою я отдал слепому богачу,
Не знающему счета своим деньгам.
Но несчастна была Шушан с рожденья.
Полгода спустя, в могилу сошла...
Следуя всегда правилам сего мира,
Я никому не сделал в жизни зла.¹

Последняя строфа по своему содержанию почти полностью совпадает с текстом стихотворения Некрасова «Нравственный человек».

Стихотворения «Два поэта» и «Безвредный человек» достаточно убедительно свидетельствуют о влиянии Некрасова на молодого Патканяна.

Абовян был первым, который, с характерной для него страстью, пропагандировал идею дружбы с великим русским народом. По стопам основоположника новой армянской литературы пошел демократ и революционер, тесно связанный с идеями и борьбой великих русских революционных демократов, Микаэл Налбандян. Вслед за ними все передовые писатели, общественные деятели Армении стали понимать, что путь к освобождению родины от вековых страданий, путь к завоеванию вольной, счастливой жизни лежит через сближение и дружбу с русским народом.

Невозможно представить Налбандяна вне идейных движений России 60-х годов. Он был сыном своего времени. Лучшие статьи на страницах издававшегося в Москве армянского журнала «Юсисапайл» («Северное сияние») ² принадлежат Налбандяну, и можно с полной уверенностью сказать, что в ту эпоху журнал «Юсисапайл» занимал такое же место в развитии армянской общественной мысли, какое занимал «Современник» Некрасова и Чернышевского — в русской. И не случайно Налбандян за границей так близко сошелся с «лондонскими пропагандистами». Он мечтал по примеру герценовского

¹ Подстрочный перевод автора статьи.

² См.: К. Н. Григорьян. Царская цензура и передовая армянская печать. «Ученые записки Ленинградского Государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 67, Кафедра русской литературы, Л., 1948, стр. 172—178.

«Колокола» основать свободный орган армянской революционной мысли.¹

В ранних стихотворных опытах Налбандяна легко обнаружить явные следы влияния Пушкина и Лермонтова. В стихотворении «Поэт», написанном на мотивы двух пушкинских стихотворений, Налбандян, подражая русским оригиналам, развивает тему независимости, неподкупности поэта, мысль о том, что труден и тернист его путь; но что бы ни ожидало его, какие бы тяжелые испытания ни выпали на долю поэта, он должен бескорыстно служить «священной правде». В другом стихотворении, близком по своим мотивам к некрасовской «Музе», Налбандян, вспоминая счастливые дни детства и говоря о том, что вверена была ему судьбой лира, чтобы исцелить боль народную, обращается к лире:

Молчи же, лира, больше не звени.
Возьми ее обратно, Аполлон...

А я пойду на площадь, на простор,
Без лиры, без нарядных, пышных слов.
Мне должно бушевать, негодовать,
К сраженью с тьмой я должен быть готов

Не лира нежная теперь нужна —
В руке бойца неотвратимый меч,
Огонь и кровь на голову врага! —
Вот жизни смысл, вот боевая речь.²

(Перевод В. Звягинцевой)

С журналом «Северное сияние» непосредственно связана деятельность Смбата Шахазиза, выдающегося представителя армянской гражданской лирики 60-х годов. В 1860 г. он издал в Москве первый сборник своих стихотворений («Часы досуга»), в котором сказалось значительное влияние пушкинской лирики. Второй сборник Шахазиза, изданный в 1865 г., ознаменовал новый этап в творческом развитии армянского поэта. Здесь впервые была опубликована поэма «Скорбь Леона», занявшая особо важное место в развитии армянской гражданской поэзии. Герой поэмы Шахазиза (названной автором «романом в стихах»), Леон, получил в Москве высшее образование. На родине осталась у него старушка-мать, по которой он тоскует и часто «слезы льет». Леон одинок, замкнут в себе, он избегает общества. Среди окружающих Леон не находит друзей, которые были бы способны понять его. Он постоянно размышляет и предается своим грустным думам. Дух его «ненавидит покой», ему чужда «жизни отрада».

¹ На русском языке см.: Микаел Налбандян, Избранные сочинения. Ред. и предисл. Х. Саркисяна, ГИЗ Армянской ССР, Ереван, 1941.

² Антология армянской поэзии, Гослитиздат, 1940, стр. 366.

Можно считать, что герой Шахазиза представляет одну из разновидностей «лишних людей» типа Печорина или Онегина.

О чем же скорбит Леон? Эпиграфом к первой части романа послужили слова из «Чайльд Гарольда» Байрона:

Ты хочешь знать давно, о чем моя печаль,
Которой никогда я не могу забыть?
Не спрашивай о том: тоску мою едва-ль
Кто может излечить...

Однако печаль Леона имеет свою реальную причину. Он тоскует и скорбит «о судьбе родной земли», о тяжелой участи турецких армян. Он скорбит потому, что родной край «лежит порабощенный, измученный, в цепях». Леон — патриот. Он горит желанием помочь отчизне, но не видит «простора для славных, доблестных дел». Он восхищается народно-освободительной войной в Италии и воспекает восставший угнетенный народ, который с оружием в руках защищает свою «поруганную честь», он воспекает отважных гарибальдийцев, которые

За светлый луч, за луч свободы
Готовы жизнь отдать свою!..

Леон живет вдали от родины, но все его помыслы обращены к Армении, он мечтает увидеть ее свободной и счастливой. Желание служить своему народу заставляет Леона покинуть Москву и отправиться на родину. Он прощается с любимой девушкой. Читатель узнает, что Леон — поэт, что ему не чужды лирические волнения. Он берет с собой, вместе с «Книгой песен» Гейне, «Фаустом» Гете и пьесами Шекспира, вольнолюбивые стихотворения Микаэла Налбандяна.

Леон отправляется в «угнетенную Армению». Скитания по родному краю дают ему богатейший материал для размышлений, которые и составляют основное содержание «Романа в стихах» Шахазиза. Но не радуют сердце героя величественные картины армянской природы. Блуждая по горам и полям со своей «скорбью непонятной», он думает о том, сколько крови и слез видела оскверненная врагами земля.

Скорбные мысли Леона часто прерываются горькими упреками по адресу соотечественников. В романе Шахазиза легко обнаруживаются следы влияния идей Налбандяна и русской революционной демократии. Автор ставил перед собой и обличительные задачи. Он вскрывал нравственные язвы и раны армянской общественной жизни. Недаром эпиграфом к роману он избрал слова из «Героя нашего времени» Лермонтова:

«Довольно людей кормили сладостями, у них от этого испортился желудок; нужны горькие лекарства, едкие истины».

И действительно, Леон говорит много «горьких истин». Он бичует своих соотечественников, живущих эгоистическими интересами, рав-

нодушных к судьбе Армении. Он с ненавистью и презрением отзывается об армянских богачах, которые продают и предают родину, наживая миллионы. В городах Леон видит прелестных армянских девушек, но и о них говорит с горьким чувством. Девушки не получили патриотического воспитания и образования, у них не развито благородное чувство национального достоинства, они равнодушны к болям и страданиям армянского народа.

Развалины древних городов вызывают в Леоне картины борьбы из далекого прошлого своего народа. Он мысленно переносится в V век, он вспоминает время, когда армянский народ героически сражался за свою национальную независимость, он вспоминает доблестных дев и жен Армении, воспетых историком V века Егише. Единственное, что радует Леона во время скитаний по родному краю, — праведный труд простых людей, тружеников Армении, в которых он видит высоконравственный облик национального типа.

В поэме Шахазиза значительное место занимают описания природы, но они носят отвлеченный характер, и трудно не согласиться с Ов. Туманяном, утверждавшим, что в них не ощущается «благоухание родных полей». В описаниях природы Армении у Шахазиза, казалось, нашли место все необходимые элементы кавказского пейзажа, а между тем чувствуется, что автор исходил не из своих ощущений при непосредственном общении с природой, а только из желания создать красивый, несколько романтизированный пейзаж родины.

«Скорьбь Леона» — патриотическое произведение, в котором отразились настроения лучшей части армянской интеллигенции 60-х годов, стремившейся отдать свои силы делу национального возрождения.¹

Если в поэме «Скорьбь Леона» влияние русских шестидесятников сказалось в общей идейной концепции произведения, то в стихотворениях Шахазиза, помещенных во втором сборнике, это влияние выразилось более конкретно. Биограф армянского поэта справедливо указывает, что в его патриотических песнях чувствуется влияние русской передовой общественной мысли 50—60-х годов, журнала «Современник» и ближайших его руководителей — Некрасова, Чернышевского и Добролюбова.² Стихотворение Добролюбова «Милый друг, я умираю...» внушило армянскому поэту идею одного из лучших его стихотворений «Песня умирающего патриота». Шахазиз отказывается от «сладкозвучной лиры», отвергает теорию «искусства для искусства» и выступает в защиту «идейной» поэзии, которая призвана служить

¹ Образцы лирических стихотворений Шахазиза в русских переводах см.: Антология армянской поэзии, Гослитиздат, М., 1940, стр. 367—373. Отрывки из поэмы «Скорьбь Леона» в русском переводе см.: Ю. В е с е л о в с к и й. Армянский поэт Смбат Шахазиз. Второе, значительно дополненное издание, М., 1905, стр. 73—94.

² Смбат Ша х а з и з, Соч. (на армянском языке). Составил биографию и комментарии написал заслуженный деятель науки Ерванд Шахазиз, ГИЗ Армянской ССР, Ереван, 1947, стр. 220.

интересам народа. Шахазиз вслед за Некрасовым требует от поэта быть «прежде всего гражданином».

Таким образом, еще при жизни Некрасова, в 50—60-х годах, его гражданская лирика вдохновляла виднейших представителей возрождающейся армянской поэзии — Налбандяна, Патканяна и Шахазиза.

В 80-х годах поэзия Армении вступает в новую полосу своего развития. В 1887 г. Ованес Ованисян, тогда еще студент Московского университета, с помощью друзей издал первый сборник своих стихотворений. Реалистическая поэзия Ованисяна вскоре вытеснила влияние национально-романтических песен Патканяна и его школы. В его творчестве с новой силой прозвучали гражданские темы, в которых нашли свое дальнейшее развитие патриотические и демократические мотивы армянской поэзии. Источником гражданской скорби и печальных песен Ованисяна являлась историческая судьба армянского народа.

Ты веками, о родина, слезы лила

.....

Ты безмолвна, родная, как темная ночь...

Думы о судьбах родины, мечты о народном счастье сближают его с Некрасовым. Через четыре года после смерти русского поэта, в 1882 г., Ованисян переводит стихотворение «Что ни год — уменьшаются силы...». Перевод был напечатан в 1887 г. в Марселе в издаваемой М. Португальяном газете «Армения».¹ Спустя многие годы Ованисян пишет весьма близкое Некрасову по своей народно-патриотической идее стихотворение «Смерть бойца». Обращаясь к родине, армянский поэт говорит:

Мать отчизна, тесней прильнуть

Дай мне к теплой твоей груди.

Мне отрадно навек уснуть,

Видя твой рассвет впереди.²

(Перевод Т. Спендиаровой)

Сравните с текстом Некрасова:

Мать-отчизна! дойду до могилы,

Не дождавшись свободы твоей!

Но желал бы я знать, умирая,

Что стоишь ты на верном пути...

«Муза мести и печали» стала Ованисяну более близкой и понятной, чем его предшественникам. Вслед за Некрасовым армянский поэт говорит:

Забудь же любви песнопенья,

Свободу, певец, воспевай,

В кровавое выйди сраженье

И ядом перо напитай!

¹ Ованес Ованисян, Собр. соч. в двух томах (на армянском языке). Под ред. Рубена Зарьяна, т. I, ГИЗ Армянской ССР, Ереван, 1937, стр. 15, 406.

² Иоаннес Иоаннисиан, Избранное. Перевод с армянского, Гослитиздат, М., 1949, стр. 74.

Настрой свою новую лиру,
 Восстань против рабства и лжи,
 И язвы позорные миру
 Без страха в лицо укажи...¹

(Перевод Н. Павловой)

Для творчества Ованисяна характерны бодрые, мужественные песни, которыми он пробуждал в сердцах лучших сынов народа волю, уверенность, непоколебимую веру в светлое будущее. Он призывал к упорной, активной борьбе:

Пусть отвесней уступы нахмуренных гор,
 Пусть грозней предвещают стремнины конец, —
 Есть дыханье в груди, и ногам есть упор.
 Все вперед, все наверх, неустанный боец!

Пусть лазурная та далека́ высота,
 Пусть еще не сегодня страданьям конец,
 Завтра будет, наверно, победа взята,
 Все вперед, все наверх, вдохновенный боец!²

(Перевод В. Брюсова)

Почти одновременно с Ованисяном вступил в литературу Александр Цатурян, которому было суждено у себя на родине стать одним из горячих пропагандистов лучших достижений русской поэзии. «Что же касается влияния русской литературы и особенно русской поэзии на меня, то оно огромно. Моя скромная лира многим и многим обязана этому влиянию», — писал Цатурян в 1902 г.³ Из всех произведений Некрасова в Армении получили особо сильный отзвук переведенные Цатуряном на армянский язык два программных стихотворения русского поэта — «Блажен незлобивый поэт...» и «Муза». Представление о высоком гражданском долге поэта перед своим народом и родиной, мотивы активной, беспощадной борьбы с «царством тьмы», где «горечи полное море» и где поправа правда, во многом сближают Цатуряна с Некрасовым. Поэт, презирая «молнии и громы врагов», спокойно и уверенно идет вперед. Он не приемлет мира, «где чувств не знают, где царствует золото»,

Где мысли свободной положен запрет,
 И подлость живет на просторе.

Цатурян призывает «сражаться со злом до могилы». У Цатуряна много печали, и основа ее — народное горе:

¹ Иоаннес Иоаннисиан, Избранное, 1949, стр. 22, 23.

² Там же, стр. 58.

³ Юрий Веселовский. Русское влияние в современной армянской литературе М., 1909, стр. 28, 29.

Не я пою. То звук чужой печали:
То страждет брат, на помощь он зовет.
Вы слышите — рыдания прозвучали...
То плачет мой истерзанный народ!¹

Вслед за Некрасовым воспел армянский поэт труженников земли. Прекрасные стихи посвятил Цатурян армянскому крестьянину, который, «преданный отчизне», делит с ней «страдания и радости жизни» и неустанными трудами которого расцветает родная земля.

По мысли Цатуряна, поэт — «боец за великое счастье людей». Его назначение — своей звонкой, мужественной песней «бить тревогу», поднять дух народа, призывать его к активной борьбе, чтобы «навсегда сбросить цепи рабства».

Лети, моя песня, дыханьем весны
Туда, где нужда и печали,
Где люди забыли прекрасные сны
И ждать избавленья устали.
Лети, моя песня, лети и звени,
И людям надежду верни!

Лети, моя песня, призывом живым
Туда, где в молчаньи покорном
Трудится бедняк, — а богатый над ним
Царит в этом мире позорном.
Лети, моя песня, и в каждой груди
Спасительный гнев пробуди!

Лети, моя песня, как грозный набат,
Туда, где к столбу пригвожденный,
Отважный герой, человечества брат,
Ждет жадно зари возвещенной.
Лети к нему, песня, под сумрачный свод!
Поведай, что солнце встает!²

(1913. Пер. Е. Полонской)

В 90-х годах Цатурян написал цикл сатирических стихотворений «Шалости пера». В них поэт словами, полными желчи и гнева, обращался к буржуазному миру, где так много зла и так много лжи. И здесь Цатурян шел по стопам великого русского поэта. В стихотворении «Исповедь одного из многих» нетрудно заметить влияние сатирической музыки Некрасова.

Я доволен жизнью, крепок и дороден.
Мой обед обилен, стол мой превосходен,
Только как процвел я на земном пути,
Спрашивать не надо... Господи прости!..

¹ Александр Цатурян, Избранное. Пер. Е. Полонской, под ред. М. Лозинского, ГИЗ Армянской ССР, Ереван, 1940, стр. 22.

² Там же, стр. 84.

Дом себе построил. Слова нет — палаты!
Видно, что хозяин человек богатый!
Кой-кого заставил по миру пойти,
Даже очень многих... Господи прости!..

Небо мне послало друга дорогого.
Взаймы взял тысченку у него на слово.
Бедный разорился. Как его спасти?
Не вернуть же деньги... Господи прости!..

Всех я поучаю, можете послушать:
— Помогайте нищим, всякий хочет кушать!
А что сам я многих уморил почти,
Так уж что же делать... Господи прости!..¹

(1896. Пер. Е. Полонской)

Переводы отдельных стихотворений русских поэтов, в том числе и Некрасова, в 80—90-х годах стали все чаще и чаще появляться на страницах армянской периодической печати. В начале XX в. потребность в цельной антологии, по которой массовый армянский читатель мог бы составить хотя бы некоторое представление о достижениях русской поэзии, стала особо ощутимой. За выполнение этой трудной задачи взялся поэт Александр Цатурян. Он еще с конца 80-х годов начал помещать на страницах журналов «Татрон» («Театр») и «Мурч» («Молот») переводы из русских поэтов. Наконец, ему удалось в 1905—1906 годах в Москве издать первые два выпуска (предполагалось четыре) антологии русской поэзии. Некрасов был помещен во втором выпуске антологии, озаглавленной Цатуряном «Русские поэты». Благодаря Цатуряну армянский читатель впервые получил возможность ознакомиться со всеми жанрами поэзии Некрасова.

У Цатуряна наблюдается стремление приблизить стихи Некрасова к армянской действительности. Достигнуть этого было не трудно, так как многие патриотические мотивы — думы о страданиях народа, о тружениках земли, о крестьянской доле, мечты о свободе отчизны — звучали в Армении с особой силой.²

Некрасова переводил и Ов. Туманян. Ему принадлежит армянский перевод стихотворения «Внимая ужасам войны...». Туманян и Г. Агаян любили русские народные песни и стихи Некрасова. Созвучны были их думам знаменитые строки из стихотворения «Размышления у парадного подъезда»:

¹ Александр Цатурян, Избранное, стр. 90.

² Библиографические сведения об армянских переводах из Некрасова см.: Н. А. Некрасов, Статьи, материалы, рефераты, сообщения (К 125-летию со дня рождения). «Научный бюллетень Ленинградского Государственного Ордена Ленина университета», 1947, № 16—17, стр. 109, 158—159.

Назови мне такую обитель,
 Я такого угла не видал,
 Где бы сеятель твой и хранитель,
 Где бы русский мужик не стонал?

 Волга! Волга! Весной многоводной
 Ты не так заливаешь поля,
 Как великую скорбью народной
 Переполнилась наша земля...¹

Туманян, как бы следуя за некрасовской «музой мести и печали», показал всю горечь жизни армянского труженика-крестьянина. В его творчестве звучит та же скорбная песня, что и у русского поэта. Стонал под тяжким бременем жизни армянский земледелец, такой же обездоленный и нищий, как и русский мужик; стонал под игом двойной эксплуатации: русского самодержавия и местных кулаков-мироедов.

В 1898 г. вся Россия отмечала пятидесятую годовщину со дня смерти Белинского. Армянская передовая печать также откликнулась на эту дату. Она отмечала благотворное влияние идей Белинского на развитие литературы Армении. Весьма знаменательно, что статья в газете «Мшак» («Труженик») имела эпиграф из Некрасова:

Молясь твоей многострадальной тени,
 Учитель! перед именем твоим
 Позволь смиренно преклонить колени!
 («Медвежья охота»)

Статья заканчивалась также словами Некрасова:

Ты нас гуманно мыслить научил,
 Едва ль не первый вспомнил об народе,
 Едва ль не первый ты заговорил
 О равенстве, о братстве, о свободе...

Эти слова могли повторять многие из армянских писателей и общественных деятелей, сознавая значение в освободительной борьбе благородной деятельности Белинского и Некрасова. Они знали и любили великого певца русского народа. «Муза мести и печали» вдохновила их, и после Пушкина и Лермонтова трудно назвать другого поэта, который оказал столь глубокое влияние на развитие армянской гражданской лирики.

Через десять лет после смерти Некрасова Ованес Ованисян писал:

... Еще настанет время,
 И вековая тьма исчезнет пред зарей.

¹ См. воспоминания Мушега Агаяна. Газарос Агаян и Ованес Туманян. «Жорурдаин граканутюн» («Советская литература»), Ереван, 1939, № 3—4 (38—39), стр. 14.

Чтоб чувствовать и знать, придет другое племя, —
Потомство светлое свободы золотой,
И над твоим челом, и властным и открытым,
Тогда совется лавр, венчая славой труд.
И над твоим стихом, когда-то ядовитым,
Жемчужную слезу святой любви прольют.¹

(Перевод И. Поступальского)

Имя Некрасова, великого русского поэта-патриота, поэта-гражданина, творчество которого служило священному делу освобождения народных масс, близко и дорого всем народам Советского Союза.

¹ Иоаннес Иоаннисиан, Избранное, стр. 38.

М. М. Гин

Н. А. НЕКРАСОВ-КРИТИК В БОРЬБЕ ЗА НАТУРАЛЬНУЮ ШКОЛУ¹

1

В 40-е годы XIX в., особенно в первую половину и середину этого десятилетия, в деятельности Некрасова видное место занимала литературная критика.

Начав свою критическую деятельность в 1841 г., еще до знакомства с Белинским, Некрасов вскоре сближается с великим критиком и становится его наиболее последовательным единомышленником. Влияние Белинского было определяющим фактором критической деятельности Некрасова. «Замечательное сходство» (слова Некрасова)² между их статьями доходило до текстуальных совпадений.

Как известно, Белинский в 40-е годы выступает последовательным сторонником реализма в литературе. Его теория реализма неразрывно связана с его демократизмом и патриотизмом. Судьбы родины и ее закрепощенного народа в кругу интересов великого критика стояли на первом плане, подчиняя себе и определяя собой все прочие его интересы. Девизом Белинского в 40-е годы становится социальность. Борясь за раскрепощение русского народа, он настойчиво требует сближения литературы с жизнью, с реальной действительностью, ибо только реалистическое направление, проникнутое передовым идейным содержанием, способно было вести активную борьбу с крепостничеством и его опорой — самодержавием. Исторические условия крепостнической России, при которых, по указанию В. И. Ленина, «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»,³ выдвигали на первый план как единственное подлинно прогрессивное направление — натуральную школу, критический реализм, с его беспощадным обнажением и отрицанием николаевской действительности.

¹ Прочитано 15 января 1950 г.

² «Литературное наследство», кн. 49—50, М., 1946, стр. 164.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 473.

Вместе с Белинским Некрасов выступает против различных эпигонских и реакционных течений, противостоявших натуральной школе. С первых лет своей литературно-критической деятельности Некрасов ведет борьбу против болгаринского реакционно-охранительного направления в литературе (Булгарин, Кукольник, Межевич). В первой же статье («Летопись русского театра. Месяц январь 1841 года») он выступает как противник болгаринской «Северной пчелы» и ее критика Межевича. Резко критикует он и писателей, примыкавших к мракобесному «Маяку» (рецензии 1843 г. на «Казаков» А. Кузьмича и «Стихотворения Старожила»). Ненавистна ему и лжепатриотическая казенно-монархическая литература (см. его рецензии на «Русского патриота» и «Драматические сочинения Н. А. Полевого» — 1842 и 1843 гг.). Беспощаден Некрасов и к макулатурной, безграмотной «серо-бумажной» литературе, наводнявшей книжный рынок 40-х годов (см. рецензии на «Стихотворения Николая Молчанова», «Пан Ягожинский», «Перстень» и др.). Ряд его статей посвящен борьбе с псевдонародностью (рецензии на издания В. Бурнашева).

Видное место в критике Некрасова занимает борьба с вульгарным романтизмом, поскольку последний, как и всякое литературное эпигонство, объективно был реакционным. В этом отношении показательна замечательная рецензия Некрасова на драматическую поэму Н. В. Сушкова «Москва» (1847). Она может рассматриваться как итоговая по отношению к целому ряду его критических выступлений.

Все эти реакционные и эпигонские течения в тогдашней литературе противостояли натуральной школе. В борьбе с ними формировались передовые общественно-политические и литературно-эстетические взгляды Некрасова — последовательного сторонника и защитника натуральной школы. Эти его взгляды сложились в основном к середине 40-х годов. Их анализу посвящена данная статья.

Вопрос об отношении к натуральной школе — основной вопрос деятельности Некрасова-критика в 40-е годы. Некрасова принято считать одним из организаторов натуральной школы и талантливым ее участником, своими художественными произведениями способствовавшим развитию и укреплению этого прогрессивного направления русской литературы. Действительно, роль Некрасова как организатора натуральной школы, собирателя ее сил и как ее талантливейшего представителя — очень значительна и почетна. Однако Некрасов был не только организатором натуральной школы, не только ее беллетристом и поэтом, но и страстным, убежденным защитником и активным пропагандистом ее принципов. Об этом свидетельствует ряд его литературно-критических статей и фельетонов середины и второй половины 40-х годов, и прежде всего, открытые в новейшее время рецензии на первую часть «Физиологии Петербурга» и на первые два выпуска «Музея современной иностранной литературы».

Главой натуральной школы передовая критика 40-х годов считала Гоголя. Отношение к Гоголю у передовых деятелей русской литературы неразрывно связано с отношением к натуральной школе.

В статье о романе графа В. А. Соллогуба «Тарантас» Некрасов писал: «Никто не станет спорить, что Гоголь самый даровитый из современных наших писателей...» (IX, 157).¹ Отношение к Гоголю, выразившееся в этих словах, сложилось у Некрасова уже в первую половину 40-х годов. Начиная с первых лет своей литературной деятельности, Некрасов многократно цитирует Гоголя, упоминает его имя, использует его образы.² Трудно указать другого писателя, который, по количеству упоминаний о нем в литературно-критических статьях, фельетонах и художественных произведениях Некрасова, мог бы соперничать с Гоголем.

В рецензии на IV—VI выпуски «Очерков русских нравов» Булгарина Некрасов говорит о Гоголе, как о крупнейшем писателе своего времени, оказавшем решительное влияние на формирование литературных взглядов и вкусов публики: «Теперь уже публика очень скоро и верно умеет отличить хорошее от дурного, особенно в отношении к произведениям „юмористическим“. Из сочинений Гоголя она ознакомилась уже столько с истинным юмором, художественным воспроизведением действительности, с живою и одушевленную речью, что тотчас распознает подделку под эти достоинства и истинные достоинства сочинения от поддельных» (IX, 93—94).

Указав в одном из фельетонов, что создание образа петербургского чиновника — дело чрезвычайно трудное и сложное, Некрасов тут же заявляет: «Разве только Гоголь мог бы уловить общую физиономию петербургского „чиновничающего класса“...» (V, 478).³

Симпатии к правдивому, реалистическому изображению действительности намечаются в критике Некрасова уже в первую половину

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по последнему изданию «Полного собрания сочинений и писем» Н. А. Некрасова, с указанием римскими цифрами тома и арабскими — страницы.

² См. «Летопись русского театра за май—июнь 1841 г.» (IX, 476); рецензию на «Человек с высшим взглядом» Е. Г., 1842 (IX, 34); рецензии на «Очерки русских нравов», 1843 (IX, 78 и 93); рецензию на роман Б. М. Федорова «Князь Курбский», 1843 (IX, 123); фельетоны — «Петербургская хроника», 1844 (V, 471), «Хроника петербургского жителя», 1844 (V, 410), «Черты из характеристики петербургского народонаселения», 1844 (V, 478—479), «Отчеты по поводу нового года», 1845 (V, 515, 523), «Записки Пружинина», 1845 (V, 532—533), эпиграф к стихотворению «Обыкновенная история» (I, 378).

³ Отметим, кстати, что рассуждение Некрасова о сложности изображения чиновничества в литературе дает возможность глубже понять очень высокую оценку Белинским стихотворения Некрасова «Чиновник» (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., под ред. С. А. Венгерова, т. IX, 1910, стр. 478; в дальнейшем цитаты из сочинений Белинского приводятся по этому изданию). Белинский, несомненно, учитывал, что Некрасов блестяще изобразил не просто представителя одного из слоев населения России, но именно представителя ее очень сложного и противоречивого общественного слоя.

40-х годов. В 1842 г. в биографическом очерке «Поль-де-Кок» Некрасов заявляет себя сторонником верного изображения быта и нравов простых людей. В 1843 г. он приветствует роман И. Т. Калашникова «Камчадалка», так как в нем, по мнению Некрасова, умело изображены «обычай и нравы камчадалов, картины сибирской природы». Некрасов советует автору издать правдивую книгу о Сибири, мало еще известной русскому читателю (IX, 127). В данном случае он идет по стопам Белинского, который ценил именно описательную сторону произведений Калашникова и настойчиво советовал ему посвятить «больше труда изображению Сибири и нравов ее жителей», издать «что-нибудь в роде записок о Сибири».¹ Эти пожелания не являются случайными ни у Белинского, ни у Некрасова. Изображение различных, в том числе и самых отдаленных, частей России входило в программу натуральной школы и было впоследствии декларировано во «Вступлении» к первой части «Физиологии Петербурга» Белинским, указывавшим, что в поле зрения натуральной школы должны входить разные части России, в том числе и Сибирь.²

Симпатии Некрасова к правдивому изображению реальной русской действительности, простых людей, нашли свое выражение и в его отзывах о водевиле Каратыгина «Булочная» (1844). Трижды — в двух фельетонах и в специальной рецензии — обращается Некрасов к этому водевилю и каждый раз дает ему высокую оценку, противопоставляя его третьеразрядным водевильчикам и романтическим драмам, зачастую переведенным или переделанным с французского. водевиль «Булочная» — один из тех немногих водевилей, которые затрагивали вопросы современной действительности. Действующими лицами его являются люди среднего круга — мещане и мелкие чиновники. Все действие происходит в одной из булочных Петербурга (VIII, 512, 513).

Некрасов являлся крупным деятелем и поборником натуральной школы. С этой точки зрения весьма симптоматична ошибка рецензента «Северной пчелы» Л. В. Бранта, приписавшего Некрасову такой важный программный документ натуральной школы, как «Вступление» к «Физиологии Петербурга», написанное, как известно, Белинским. Характерно также, что термин «натуральная школа» был употреблен Булгариным в связи с именем Некрасова.³

¹ В. Г. Белинский, VII, 71 и 452—453; ср. рецензию на «Камчадалку» в «Отечественных записках», 1843, № 1, отд. VI, стр. 17 также, повидимому, принадлежащую Белинскому. Роман «Камчадалка» в ней оценен отрицательно; ср. также рецензию на роман Калашникова «Дочь купца Жолобова» в «Литературной газете», 1842, № 44, 8 ноября, стр. 901—902.

² В. Г. Белинский, XII, 478.— Впоследствии интерес Некрасова к отдаленным частям России был реализован в его романе «Три страны света» (1848—1849).

³ См. об этом: Н. И. Мордовченко. Белинский в борьбе за натуральную школу. «Литературное наследство», кн. 55, 1948, стр. 203, 204 и 208.

С позиций натуральной школы рассматривал Некрасов роман В. А. Соллогуба «Тарантас». Этот роман был значительным явлением русской литературы 40-х годов. «Тарантас» являлся одновременно и высшим художественным достижением Соллогуба (причем своими достоинствами он обязан был влиянию Гоголя и натуральной школы) и наиболее ярким свидетельством его идейной ограниченности.

Семь глав этого романа были опубликованы задолго до его выхода в свет отдельным изданием (1845),¹ причем это были как раз те главы, в которых реалистически изображены быт и нравы провинциальной николаевской России. Те же главы, в которых наиболее отчетливо выражены реакционные взгляды и славянофильские утопии автора, оставались неизвестными публике вплоть до выхода в свет отдельного издания «Тарантаса». Поэтому передовая критика с нетерпением ожидала появления нового романа В. А. Соллогуба. О предстоявшем выходе в свет «Тарантаса» неоднократно оповещали своих читателей Белинский и Некрасов.²

Статья Некрасова о «Тарантасе» написана в значительной части в свойственной ее автору беллетризованной, художественной манере. Описание скучающего в деревне помещика и его радости по случаю получения романа «Тарантас» сделано с таким мастерством, что здесь вполне уместно констатировать переход критической прозы в художественную. Не случайно одна из деталей этого описания была использована впоследствии Некрасовым в пьесе «Осенняя скука».³ Некрасов, повидимому, серьезно работал над этой статьей и был удовлетворен результатами своей работы («Вы ею <статьей о „Тарантасе“> будете довольны», — писал он Ф. А. Кони 9 апреля 1845 г.; V, 1930, 63).

Отношение Некрасова к этому роману сводится в основном к следующему: «Вообще в „Тарантасе“ должно различать две стороны: сторону, списанную с природы, и другую, противоположную ей. В первой все живо, верно, остроумно, бездна превосходных замечок, во второй многое поверхностно, даже вовсе неверно, потому что нельзя же угадывать безошибочно» (IX, 160). Далее Некрасов уточняет это свое положение: «Там, где дело касается чисто таланта — нечего говорить, кроме похвал, похвал и похвал, но где дело касается взгляда, тут можно во многом спорить с автором и даже во многом не соглашаться» (IX, 161).

¹ См. «Отечественные записки», 1840, № 10, отд. III, стр. 231—255.

² В. Г. Белинский, IX, 73; ср.: Н. А. Некрасов, Собр. соч., т. V., 1930, стр. 472; см. также в фельетоне Некрасова «Литературные новости» («Литературная газета», 1844, № 36, 14 сентября, стр. 612—613); о нем см. ниже.

³ См. об этом: В. Е. Евгеньев-Максимов, М. М. Гин. Н. А. Некрасов. Изд. «Искусство», Л. — М., 1949, стр. 61—62.

Под «талантом» здесь, конечно, подразумевается способность правдиво изображать неприглядные стороны николаевской действительности. Некрасова приводили «в совершенный восторг» первые главы «Тарантаса», где обрисованы безотрадные картины русской жизни, с которыми автор сталкивает своих героев — Ивана Васильевича и Василия Ивановича, едущих в тарантасе из Москвы в Казань. Он одобрительно отзывается о таких главах, как «Купцы» и «Цыгане» (IX, 159, 156). Первая повествует о том, как путники, проезжая через один уездный город, узнали, что чиновники этого города, забросив все свои дела, пьянствуют и весело проводят время в расположившемся поблизости цыганском таборе. Во второй — купцы простодушно рассказывают о варварских методах торговли и о своих плутовских, жульнических махинациях, в которых, с их точки зрения, ничего зазорного нет. «Что ж, коммерческое дело... Оборотец известный», — говорят купцы по поводу одного из таких рассказов.¹

Таков был характер первой стороны романа — «стороны, списанной с натуры». Говоря о второй, противоположной стороне «Тарантаса», Некрасов имеет в виду прежде всего реакционные славянофильские утопии Соллогуба. Он решительно выступает против славянофильских рассуждений Соллогуба о торгово-промышленном характере всей современной литературы. При таком взгляде, действительно, барышнические издания болгаринных и гречей смешиваются со всей русской литературой. В этом реакционность рассуждений Соллогуба.

Утверждение Соллогуба о том, что талантливые писатели удаляются от литературы (глава «Нечто о литературе»), Некрасов парирует ссылкой на ряд крупнейших русских писателей, произведения которых определяли подлинное лицо русской литературы. Он упоминает здесь и «самого даровитого из современных наших писателей» — Гоголя, и Лермонтова, и В. Ф. Одоевского, и самого Соллогуба (IX, 157). Не отрицая слабых сторон русской литературы, Некрасов выступает против дилетантских барски-пренебрежительных рассуждений о ней.

Реакционность взглядов Соллогуба сказалась и в идеализации крестьянского быта, против чего также возражал Некрасов. Крестьян Соллогуб изображает не только покорными и преданными своим помещикам, но и любящими этих помещиков. Одно из таких мест — фальшивый рассказ Василия Ивановича о том, как радостно встречали его крестьяне, когда он женился и приехал в свою деревню, — Белинский издевательски прокомментировал стихами из «Рыбьей пляски» Крылова:

. Они
На радости, тебя увидя, пляшут.²

¹ В. А. Соллогуб. Тарантас, СПб., 1845, стр. 162.

² В. Г. Белинский, IX, 312 (Белинский цитирует не совсем точно).

Некрасов, выступая против идеализации народного быта и народной жизни, отмечает недостаточно глубокое знание автором изображаемой им среды: «В русской избе, — пишет Некрасов, — непременно нужно быть, чтоб описать русскую избу, и какими прибаутками ни приправляйте рассказ старого служивого, как остроумно ни коверкайте слова, рассказ такой все-таки не будет настоящим солдатским рассказом, если сами вы никогда не слышали солдатских рассказов...» (IX, 160).

Наиболее откровенно славянофильский характер имела последняя глава романа Соллогуба, изображающая, в форме сна Ивана Васильевича, славянофильский идеал будущего общественного устройства России, при котором все живут в мире и согласии, все люди братья, ибо, говорит Соллогуб, «к несчастью, на земле не может быть равенства; человек никогда не может быть равен другому человеку. Всегда будут люди богатые, перед которыми другие будут почитаться бедными» (стр. 283).

Некрасов в издевательском тоне отзывается об этой феодальной славянофильской утопии. Он указывает, что Иван Васильевич «...говорит нередко наяву такие нелепости, каких другому не увидеть и во сне. Можете теперь представить себе, что же такой юноша мог увидеть во сне...» (IX, 160).

Такова была вторая сторона романа Соллогуба, отвергавшаяся Некрасовым.

В рассматриваемой статье Некрасов развивает то отношение к этому роману, которое выразил Белинский в своей рецензии на «Тарантас», опубликованной в апрельской книжке «Отечественных записок» за 1845 г. (цензурное разрешение — около 31 марта 1845 г.), почти за полмесяца до появления рассматриваемой статьи Некрасова. Высказываемая мысль о том, что в «Тарантасе» следует различать две стороны, Некрасов в сущности исходит из положений Белинского о том, что «Тарантас» — «сочинение оригинальное и интересное», но в романе немало странных мыслей; автор иногда доходит «до крайности и односторонности в убеждениях», заставляя читателя не соглашаться со своими мыслями (Белинский, IX, 280).

По поводу жанра этого произведения Белинский писал: «Это не роман, не повесть, не путешествие, не философский трактат, не журнальная статья, но то и другое, и третье вместе. Автор является в своей книге и литератором, и художником, и публицистом, и мыслителем...» (там же). Некрасов говорит по этому поводу по существу то же самое: «Это не роман, не повесть, даже не путевые впечатления, но тут есть всего понемножку — и романа, и повести, и путевых впечатлений, и даже того, что называется журнальной статьей, живой, разнообразной, умеющей всего коснуться и обо всем поговорить умно и остроумно» (IX, 155).

В своей большой статье о «Тарантасе», появившейся в июньской книжке «Отечественных записок» за 1845 г., т. е. более чем через полмесяца после опубликования рецензии Некрасова, Белинский внешне как будто бы отказывается от своего первоначального отзыва об этом романе. Он писал здесь, что те, которые «видят в „Тарантасе“ какое-то двойственное произведение», в сущности ошибаются, ибо отождествляют взгляды одного из героев «Тарантаса» — Ивана Васильевича — с взглядами самого автора (IX, 300).

Эти слова Белинского могли быть восприняты не только как полемика с Некрасовым, рецензия которого была построена именно по такому принципу, но и как отказ от своего собственного первого отзыва о «Тарантасе», тем более, что сам Белинский ниже об этом отказе прямо заявляет. Некоторые современники поняли эти слова буквально. П. А. Плетнев, например, был уверен, что Белинский «наконец понял истинную идею „Тарантаса“ и берет назад прежний свой отзыв».¹

Плетнев обнаруживает явное непонимание того иронического смысла, который был вложен Белинским в статью о «Тарантасе». Это тем более удивительно, что Белинский воспользовался той самой противоречивостью романа Соллогуба, которую отмечал в своей статье о «Тарантасе» сам Плетнев.² Дело в том, что герой «Тарантаса», идеальный юноша Иван Васильевич, отнюдь не являясь идеалом автора, иногда выступает в качестве носителя его славянофильских идей. Белинский преднамеренно отделяет взгляды автора от взглядов Ивана Васильевича с тем, чтобы представить последнего карикатурой на славянофилов. Воспользовавшись совпадением имени этого героя с именем славянофила И. В. Киреевского, Белинский делает из своей статьи памфлет, направленный против славянофилов и прежде всего против И. В. Киреевского, недавно появившиеся программные статьи которого³ вызывали негодование Белинского. Положив в основу своей статьи ироническую посылку о том, что взгляды Ивана Васильевича не имеют ничего общего со взглядами автора, Белинский в дальнейшем критикует этот роман в сущности с тех же позиций, на которых он стоял в своей рецензии. Он отмечает в качестве положительных сторон романа такие его реалистические зарисовки, как описание станции и «яркую и верную характеристику губернского города» (Белинский, IX, 323, 328), и основное внимание уделяет очень резкой

¹ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II, СПб., 1896, стр. 485.

² П. А. Плетнев. О «Тарантасе», новом сочинении графа В. А. Соллогуба. «Современник», 1845, т. XXXVIII, стр. 244 (цензурное разрешение 31 марта 1845 г.); П. А. Плетнев. Сочинения и переписка, т. II, СПб., 1885, стр. 147—148.

³ Обзорение современного состояния словесности. «Москвитинин», 1845, №№ 1, 2, 3 (Полн. собр. соч. И. В. Киреевского, под ред. М. О. Гершензона, т. I, М., 1911, стр. 121—173).

и язвительной критике славянофильских взглядов автора под видом критики «нелепых мнений Ивана Васильевича». Смысл статьи Белинского хорошо понял сам Соллогуб.¹ Об отсутствии противоречий между рецензией Некрасова и статьей Белинского о «Тарантасе» писал впоследствии Чернышевский в своих «Очерках гоголевского периода русской литературы».²

¹ См. об этом: И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 494, 495.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, 1947, стр. 226—270. — К интерпретации Чернышевского впоследствии присоединился Добролюбов, писавший, что, «...объясняя характер известного автора или произведения, критик сам может найти в произведении то, чего в нем вовсе нет... В пример подобной критике можно указать, например, на разбор Белинским „Тарантаса“, написанный с самой злой и тонкой иронией; разбор этот многими принимаем был за чистую монету, но и эти многие находили, что смысл, приданный „Тарантасу“ Белинским, очень хорошо проводится в его критике, но с самым сочинением графа Соллогуба ладится плохо» (Н. А. Добролюбов. Полн. собр., соч., т. II, 1935, стр. 315). В более ранней статье Добролюбов с полемической целью дает прямо противоположную Белинскому интерпретацию «Тарантаса»: он целиком отождествляет образ Ивана Васильевича с автором для того, чтобы доказать, что автор такая же пустая личность, как и его герой (там же, т. I, 1934, 174—177).

Объяснение Чернышевским и Добролюбовым статьи Белинского о «Тарантасе» было принято уже в советские годы П. К. Губером (П. К. Губер. В. А. Соллогуб и его мемуары — в кн.: В. А. Соллогуб, Воспоминания, М.—Л., 1931, стр. 9—123). который, однако, неверно объясняет тактический прием Белинского (его нежелание прямо обрушиться на «Тарантас») тем, что этот роман «только что был обруган» славянофилом Ю. Самариним (там же, стр. 82—83). Губер ошибается: статья Ю. Самарина о «Тарантасе», которую он имеет здесь в виду, появилась более чем через год после опубликования статьи Белинского в «Московском литературном и ученом сборнике» (М., 1846, стр. 545—579).

Неудачную попытку пересмотреть интерпретацию Чернышевским—Добролюбовым статьи Белинского о «Тарантасе» предпринял в примечаниях к I тому «Полного собрания сочинений» Н. А. Добролюбова С. А. Рейсер, который считает, что «...Белинский усмотрел в Иване Васильевиче прогрессивный тип западника, в противовес типу косного славянофила Василия Ивановича, и приветствовал поэту повесть, как осмеяние славянофильских мечтаний» (I, 1934, 623). Это не соответствует ни статье Белинского, ни роману Соллогуба, ибо Иван Васильевич был не западником, а скорее славянофилом, а Василий Иванович — просто туповатый помещик, со славянофильством ничего общего не имеющий. Кроме того, как уже указывалось, Белинский не приветствовал, а использовал «Тарантас» для осмеяния славянофильских мечтателей. Прочитывая приведенные выше слова Добролюбова, С. А. Рейсер пишет, что это объяснение явно не соответствует действительности, и в подтверждение своего взгляда ссылается на отзыв Белинского в письме к Боткину от 14 марта 1840 г. (дату письма Рейсер указывает неверно — 11 марта, и слова Белинского, как и слова Добролюбова, цитирует неточно): «Это поглубже всех Бальзаков и Гюгов, хотя сущность его таланта и родственна с ними» (В. Г. Белинский, Письма, II, 93). Но С. А. Рейсер совершенно не учитывает, что эти слова писались, когда Белинскому были известны только первые семь глав «Тарантаса», т. е. когда Белинский не мог еще знать реакционных славянофильских взглядов автора, выраженных в последующих главах книги, а это значит, что отзывом 1840 г. нельзя объяснять статью о «Тарантасе».

Полемика со славянофилами в 1845 г. вступила в новую фазу в связи с появлением статьи И. В. Киреевского «Обозрение современного состояния литературы», где, отрицая на словах обе доктрины — славянофильскую и так называемую «западническую», как «крайности», Киреевский по сути дела борется за сохранение основного ядра славянофильской доктрины. Расчет Киреевского, повидимому, сводился к объединению либеральных славянофилов с либеральными западниками на основе несколько подчищенной и приглаженной славянофильской платформы. И, как показали вскоре споры на даче Герцена в селе Соколове, под Москвой, летом 1845 г., Киреевский достиг немалых результатов: подавляющее большинство московских либеральных западников сочувственно встретило его статьи. Белинский с негодованием отнесся к этому.

В статьях Киреевского он усмотрел неискренность, хитрость, «немецкий характер, искусно, но фальшиво обобщающий предметы».¹ Белинский, по свидетельству Анненкова, «воспользовался появлением романа Соллогуба „Тарантас“, чтобы поговорить серьезно, подробно и уже печатно со своими московскими друзьями».² Характеризуя отношения между так называемыми «западниками» и славянофилами в 1845 г., Анненков в другом месте своих воспоминаний пишет, что «Белинский оставался теперь почти один со знаменем и девизом непримиримой вражды».³

В свете этих свидетельств современника особое значение приобретает поддержка Некрасовым борьбы Белинского со славянофилами.

Отметим, кстати, что в рецензии на «Тарантас» — не единственное и не случайное выступление Некрасова против славянофильства. В 1845 г., еще до рецензии на «Тарантас», Некрасов в стихотворении «Послание к другу (из-за границы)» пародирует Н. М. Языкова, выступившего незадолго перед тем со «стихотворными денонциациями» на передовых деятелей русской литературы. Повидимому, намечалась аналогичная пародия на стихотворение Хомякова. Так, посылая в Москву пародию на Языкова, Белинский писал: «Теперь Некрасов добирается до Хомякова».⁴ В том же 1845 г. в стихотворении Некрасова «Новости» появляется отрицательный образ правого славянофила (I, 205).

Вполне соответствует взглядам Белинского отношение к славянофилам, выраженное в маленьком фельетоне, даже скорее анекдоте, «Славянофил», опубликованном в сборнике «Первое апреля» (1846) и, повидимому, принадлежащем Некрасову. В этом фельетоне славяно-

¹ П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 391; там же см. о статьях Киреевского и впечатлении, произведенном ими (стр. 384—394), и о спорах в селе Соколове (стр. 398—446).

² Там же, стр. 456.

³ Там же, стр. 434.

⁴ В. Г. Белинский, Письма, т. III, 1914, стр. 87.

фил определяется как «человек, видящий национальность в охабнях, мурмолах, лаптях и редьке». Смысл фельетона сводится к тому, что упорная реставрация старины, доходящая до воскрешения древнерусской одежды, не приближает к народу, а, наоборот, отдаляет от него. Простая баба, встретив одетого в терлик и мурмолку славянофила, говорит, что это «должно быть, настранец какой-нибудь» (V, 602).¹ Несколько позже Некрасов выступает против некоторых славянофильских пристрастий второстепенного поэта Д. И. Минаева (в рецензии на «Москву» Сушкова и др., 1847). До конца жизни Некрасов остается противником славянофильства.²

3

Статья о «Тарантасе» опубликована была уже после выхода в свет первой части издававшегося Некрасовым альманаха «Физиология Петербурга» — первого сборника натуральной школы, ее литературного манифеста.

Задолго до выхода в свет «Физиологии Петербурга» Некрасов начал готовить читателей к его появлению. С разъяснением цели и назначения этого издания Некрасов выступил в «Литературной газете» 14 сентября 1844 г., в фельетоне «Литературные новости»,³ принадлежность которого Некрасову установлена нами.⁴

Значение этого фельетона прежде всего в том, что он излагает некоторые мысли неизвестного еще читателю первого программного документа натуральной школы — «Вступления» в «Физиологию Петербурга» Белинского. Повидимому, работая над фельетоном, Некрасов уже был знаком со статьей Белинского.⁵ В этом убеждает нас сопоставление некоторых мест некрасовского фельетона с соответствующими местами из «Вступления» Белинского.

Некрасов пишет: «Нас вообще не совсем безосновательно упрекают в холодности ко всему нашему, русскому, домашнему, как бы оно замечательно и колоссально ни было».⁶ Здесь в несколько перефразированном виде — первые строки «Вступления» Белинского:

«Русскую литературу часто упрекают за равнодушие к предметам отечественным. Это обвинение и справедливо и несправедливо» (XII, 476).

¹ Вполне возможно, что в том же альманахе «Первое апреля» должна была появиться и другая статья Некрасова о славянофилах; см. письмо Ф. М. Достоевского к М. М. Достоевскому от 8 октября 1855 г. (Ф. М. Достоевский, Письма, т. I, М.—Л., 1928, стр. 81).

² См., например, его сатиру «Недавнее время», 1871 (II, 336, 337).

³ «Литературная газета», 1844, № 36, стр. 612—613.

⁴ См. комментарий к XII тому «Полного собрания сочинений и писем» Некрасова.

⁵ Цензурное разрешение первая часть «Физиологии Петербурга» (за исключением «Петербургских углов» Некрасова) получила 2 ноября 1844 г.

⁶ «Литературная газета», 1844, № 36, стр. 613.

И затем Некрасов указывает, что, хотя «страсть к иноземному в нас с каждым годом уступает место привязанности к хорошему своему», все же «...надо признаться, что многие из нас до сей поры более обращают внимания на каждую гравюру, вышедшую в Париже, чем, например, на художественные сокровища, хранящиеся в Эрмитажной Галлерее...».¹

Отмечая установку «Физиологии Петербурга» на изображение нравов и быта Петербурга, на знакомство читателя с Петербургом, Некрасов указывает, что эта книга «поставила себе целью ознакомить читателей с Петербургом в физиологическом отношении», т. е. дать социальную характеристику столицы. «В ней, — продолжает Некрасов, — не найдете вы *описания* улиц, театров, гульбищ петербургских, но найдете *характеристику* всего этого более или менее верную».² Это положение опять-таки было высказано Белинским в его «Вступлении»: «Содержание нашей книги... не *описание* Петербурга, в каком бы то ни было отношении, но его *характеристика*, преимущественно со стороны нравов и особенностей его народонаселения» (XII, 484). С этой точки зрения Белинский противопоставляет «Физиологию Петербурга» «Панораме Петербурга» А. П. Башуцкого, имеющей «в виду преимущественно *описание*, а не *характеристику* Петербурга» (XII, 484). Установка на обобщенную социальную характеристику была глубоко реалистична и предполагала в качестве своей необходимой предпосылки передовые идейно-литературные взгляды писателей «натуральной школы». Не случайно Белинский главной причиной неудач, постигших многих предшественников «Физиологии Петербурга», считает «отсутствие верного взгляда на общество, которое все эти издания взялись изображать» (XII, 479).

Требование углубленного изучения нравов, будучи до конца последовательным, нельзя было не довести до признания необходимости углубленного психологического анализа в произведении, что неизбежно должно было вывести натуральную школу за пределы физиологического очерка. Не удивительно поэтому, что появившийся вскоре психологический роман Достоевского «Бедные люди», который, хотя и был близок по тематике натуральной школе, но резко отличался от физиологического очерка по жанру, был воспринят и Некрасовым и Белинским как произведение натуральной школы.

По мысли Некрасова, как и Белинского, натуральная школа должна была включать в себя и широкий охват социальной действительности и ее углубленное осмысление. Поэтому с их точки зрения невозможно и неприемлемо было то противопоставление изображения социальной действительности, с одной стороны, и психологического анализа,

¹ «Литературная газета», 1844, № 36, стр. 613.

² Там же. Курсив мой. — М. Г.

с другой, которое проводил в своих отзывах о Достоевском В. Н. Майков, считавший, как указывает Н. И. Мордовченко, что натуральная школа должна пройти путь «от социальных проблем к психологическим, от изображения общественной среды к изображению самого человека».¹ Психологический анализ для передовой критики имеет смысл и ценность лишь постольку, поскольку он дает возможность глубже изобразить современное общество, современного человека. Поэтому Белинский выступил против того же Достоевского, когда последний, гипертрофируя психологический анализ, обильно вводя патологическую психику, в сущности, превратил этот метод в свою противоположность — в средство отвлекать внимание читателя от современной социальной действительности.

Важность для натуральной школы глубокой социальной характеристики современной действительности, характеристики, вскрывающей самые темные, замаскированные внешним блеском стороны этой действительности, побудила Некрасова усиленно подчеркивать эту особенность натуральной школы в рецензии на первую часть «Физиологии Петербурга».²

Сопоставляя рецензию Некрасова со «Вступлением» Белинского, следует отметить, что в своей рецензии Некрасов местами даже более четко говорит о целях и задачах книги, о ее общественно-идеологическом направлении. Он здесь как бы договаривает до конца то, о чем Белинский, повидимому из соображений цензурного порядка, говорит более завуалированно и приглушенно. Некрасов подчеркивает, что главная задача сборника — изображение оборотной, темной стороны николаевской действительности. В своем шутивно-фельетонном обращении к рецензируемой книге он говорит: «Ты возложила на себя обязанность трудную, щекотливую, даже в некотором отношении, опасную... Ты должна открывать тайны, подсмотренные в замочную скважину, подмеченные из-за угла, схваченные врасплох; на то ты и физиология, то есть история внутренней нашей жизни, глубокой и темной, прикрытой мишурой и блестками, замаскированной роскошными фасадами, вкусными обедами, наружной чистотой и блеском, отражающими и преломляющими луч истины, который нахально хочет проникнуть в ее тайную внутренность!» (IX, 142—143).

Сознавая ответственность и даже опасность избранного направления, Некрасов, однако, не отступает перед этой опасностью и призывает лите, аторов, пишущих в духе «натуральной школы», «действовать очень единодушно, по общему направлению, к одной неизменной цели!» (IX, 143).

¹ Н. И. Мордовченко. Белинский в борьбе за натуральную школу. «Литературное наследство», кн. 55, М., 1948, стр. 226.

² Впервые опубликована в «Литературной газете», 1845, № 13, 5 апреля, стр. 229—231.

«Физиологию Петербурга» Некрасов рассматривает как исходный пункт, как начало большой и сложной работы, которую должна выполнить передовая русская литература. Некрасов заявляет, что цель этой работы — не только отрицание темных начал русской действительности, но и утверждение светлых ее начал. «Все эти статьи <первой части „Физиологии Петербурга“>, — пишет Некрасов, — кроме литературного достоинства, имеют еще и достоинство правды, весьма важное и даже главное в сочинении такого рода. В некоторых из них выставлены, правда, одни *смешные*, в других одни *темные* стороны народного быта петербургского населения, но это первая часть труда, который обещает непреодолимое число последующих частей, в которых могут впоследствии развернуться стороны серьезные и светлые того же предмета, который рассмотрен в первой части только с одной точки зрения» (IX, 143).

4

В своем отношении к натуральной школе Некрасов является одним из наиболее последовательных сторонников Белинского. Основным показателем зрелости литературы Некрасов считает ее смелое сближение с действительностью, ее решительное обращение к «низкой», демократической тематике. Наиболее ярко эти взгляды Некрасова выражены в его недавно найденной рецензии на первые два выпуска переводного альманаха «Музей современной иностранной литературы» (СПб., 1847), где, отмечая прогресс в русской литературе последнего периода, Некрасов дает следующую характеристику новой русской литературы, т. е. натуральной школы: «Отказавшись от изображения бурь и волнений, без сомнения возвышенных и глубоких, возникающих в благовонной атмосфере аристократических зал, при громе бальной музыки и ослепительном освещении, она <литература> не гнушается темных дел, страстей и страданий низменного и бедного мира, освещенного лучиной. Теперь в ней уже не редкость произведение, в котором не встретите вы не только князей, графов и генералов, но даже лиц, имеющих обер-офицерский чин, — и она умеет такими произведениями не отталкивать, но привлекать к себе публику... Мир старух, желтых и страшных, посвятивших себя гнилому тряпью, вне которого нет для них ни интересов, ни радостей, ни самой жизни, стариков сердитых и мрачных; женщин жалких и возмущающих, которые протягивают руку украдкой и краснеют или делаются жертвой позора и нищеты; детей бледных и болезненных, которые дрожат и скачут от холода, выгнанные на свет божий нуждой из сырого подвала, — темен и страшен такой мир, и много надобно было нашей литературе, недавно еще шепетильной и чопорной, передумать и пережить, чтобы решиться низойти до него, —

приподнять хоть немного завесу, скрывающую его мрачные тайны — и она приподняла ее...» (IX, 180—181).

В высшей степени показательно, что рецензия на первые два выпуска «Музея современной иностранной литературы» в течение многих десятилетий приписывалась Белинскому. Так близок Некрасов в своих литературно-критических суждениях к Белинскому.

Охарактеризовав натуральную школу, Некрасов дает решительный отпор реакционным нападкам на нее: «Сделав великий шаг твердо и сознательно, она <литература> не смущается позорными упреками, которые, к стыду нашего времени, сыплются еще на нее из разных углов, за то, что занимается она предметами *ничтожными и унижительными для нее, роется в грязи...*¹ Она сама знает, что ее теперешние герои — нередко люди, которых привычки грубы, страдания обыкновенны до пошлости, страсти неблаговоспитанны, в которых нет ничего романтического и привлекательного, скорей много отталкивающего, но она знает также, что они люди...» (IX, 181).

Таким образом, в своем отношении к новой, натуральной школе в русской литературе Некрасов, как и Белинский, исходит из глубоко гуманистических, демократических соображений: «они люди», следовательно, они имеют право быть объектом литературно-художественного изображения. Не случайно эти рассуждения входят у Некрасова именно в рецензию на «Музей современной иностранной литературы». Неизвестные издатели этого альманаха наполняли свое издание мало содержательными произведениями второстепенных и третьестепенных западноевропейских авторов с тем, чтобы доставить развлекательное чтение, «не портящее вкуса, не совращающее понятий». Они явно стремились противопоставить свое незадачливое издание передовому направлению в русской литературе и откровенно заявили о своих намерениях в объявлении об этом издании. Некрасов выступает против вредной реакционной тенденции издателей «Музея». В статье «Современные заметки» (1847) Некрасов обращает внимание на опубликованную без подписи в четвертом выпуске «Музея» повесть французской писательницы Арбувиль (псевдоним некоей мадам Люар) «Деревенский доктор». Некрасова возмущает, что эта слабая повесть с фальшиво-идеальной, почти неземной любовью «удостоилась чести попасть в три издания» (IX, 556).² Излагая содержание повести, он подчеркивает ее

¹ Упреки врагов натуральной школы здесь переданы почти дословно; последний из них можно было бы даже проиллюстрировать карикатурой на Григоровича из «Ералаша» М. Л. Новаховича на 1847 г., где изображен Григорович, роющийся в мусорном ящике. Под карикатурой подпись: «Литератор натуральной школы» и цитата из басни Крылова «Петух и жемчужное зерно»: «оно не столь хоть видно, да сытно».

² Кроме «Музея», эта же повесть напечатана была в «Библиотеке для чтения» (1847, т. 82, отд. II, стр. 119—166) под названием «Деревенский врач» и в «Сыне оте-

несовершенство и нелепости и противопоставляет ей русскую повесть, и даже не какого-либо солидного столичного автора, а начинающего провинциального — повесть одесской писательницы А. Я. Марченко «Три вариации на одну тему» из появившейся тогда ее книги «Путевые заметки» (Одесса, 1847), изданной под криптонимом Т. Ч. Некрасов и впоследствии выступал против развлекательной пустой переводной (главным образом с французского) беллетристики, которая, не будучи чем-либо существенным полезна русскому читателю, отвлекает его внимание от современной русской действительности, от злободневных и актуальных вопросов современности.¹

Некрасов борется за идейность литературы. Отмечая недостатки повести той же А. Я. Марченко «Гувернантка» (например случайность некоторых сюжетных столкновений, нарушающая единство повести), он указывает на важность «необходимой связи» между лицами и событиями в художественном произведении. «Эта-то необходимость, — пишет он, — и составляет одну из тайн искусства, если художественное произведение понимать как нечто целое, органически развившееся из одной идеи. Как из яблочного зерна вырастает *необходимо* яблоня с ее сердцевидными листьями и яблоками, а не сосна с иглами и шишками, так и из задуманной идеи должны *необходимо* вырастать *определенные* лица и события. Все же случайное походит на конфеты на рождественской елке, которую также нельзя назвать произведением природы, как какой-нибудь калейдоскопический роман фабрики Дюма — произведением искусства» (IX, 188—189).

Одновременно с рецензией на «Музей» появилась рецензия Некрасова на «Москву» Н. В. Сушкова, «Славу о вещем Олеге» Д. И. Минаева и анонимную поэму «Станный гость». В этой рецензии, как уже указывалось выше, дана наиболее четкая критика эпигонского романтизма как реакционного литературного течения. Наглядным свидетельством зрелости реалистических позиций Некрасова являются его отзывы о двух повестях уже упоминавшейся писательницы А. Я. Марченко, вошедших в ее первую книгу — «Путевые заметки», «Три вариации на одну тему» и «Гувернантка».

Произведения Марченко, с их наблюдательностью, интересом к простым людям (гувернантка) и склонностью к психологическому анализу, были примечательным явлением в 40-е годы.

Некрасов ценит «Гувернантку» за верный, типический образ главной героини, указывая при этом, что до сих пор в русской литературе

чества» (1847, № 5, отд. IV, стр. 83—128) под названием «Деревенский лекарь». Впоследствии эта же повесть была опубликована еще раз в книге «Повести графини Арбувиль» (СПб., 1862). «Современник» (1852, № 9, отд. IV, стр. 8) снова выступил против этой «бесталанной вещи».

¹ См. интересные с этой точки зрения строки в сатире «Газетная», 1865 (II, 219—220).

гувернантки изображались слишком однообразно. Причина этого однообразия, по мнению Некрасова, заключается «...не в небрежности писателей, а в самом предмете: все они <гувернантки> обставлены одними и теми же условиями жизни, все они в одном и том же отношении к обществу; самое слово *гувернантка* обозначает столько же *звание*, сколько и *участь* женщины...» (IX, 185). Исходя из этого положения, Некрасов прежде всего рассматривает *участь* гувернантки в обществе (этому посвящена большая часть рецензии) и приходит к такому выводу: «Над внешнею жизнью ее <гувернантки> от колыбели до гроба четкими буквами начертано: *бедность*, и все минуты ее существования не что иное, как вариации на эту тему, истолкования этого текста, неотразимые выводы из этой несчастной истины» (IX, 186). Эти мысли впоследствии были развиты Некрасовым в романе «Мертвое озеро».¹

В своих отзывах о повестях Марченко Некрасов предвосхитил ту оценку ее книги, которая была дана Белинским в его последнем годовичном обзоре русской литературы, где книга Марченко признана лучшей из отдельно изданных книг в 1847 г. (Белинский, XI, 142, 143).²

Подводя итоги, следует отметить, что изучение литературно-критической деятельности Некрасова в 40-е годы важно во многих отношениях.

Во-первых, оно расширяет наши представления о литературно-политической борьбе той эпохи, о разработке творческой программы руководимой Белинским натуральной школы.

Во-вторых, позволяет более точно говорить о единстве идеологических и эстетических позиций Некрасова и Белинского.

В-третьих, оно открывает новые возможности в смысле более глубокого уяснения вопроса об определяющем влиянии революционно-демократических идей Белинского на всю дальнейшую деятельность Некрасова, на его поэзию.

¹ См. комментарий к этому роману в «Полном собрании сочинений и писем» Н. А. Некрасова (VIII, 759—760).

² Следует отметить, что в дальнейшем Марченко не оправдала тех надежд, которые возбудил первый выпуск «Путевых заметок». Ее мировоззрение не отличалось глубиной, что особенно отчетливо проявилось в обстановке 60-х годов, когда она отрешивалась от идей шестидесятников даже в наиболее близком ей вопросе о равноправии женщины, который сводился ею к равноправию внутри семьи (см. статью Е. С. Некрасовой «Анастасия Яковлевна Марченко». «Киевская старина», 1889, № 11, стр. 392—422).

А. М. Гаркави

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ НЕКРАСОВЫМ ПЕРВОГО СОБРАНИЯ «СТИХОТВОРЕНИЙ» (1856)

Будучи взыскательным художником слова и притом опытейшим редактором, Некрасов тщательно обрабатывал собрания своих сочинений. Подчиняя построение своих книг единому и целеустремленному идейному замыслу, он уделял огромное внимание выработке их композиции. Наряду с этим Некрасов подвергал обработке и переработке отдельные стихотворения, достигая замечательной идейной и художественной выразительности. Поэтому несомненно, что всестороннее исследование работы Некрасова по созданию прижизненных собраний его стихотворений явилось бы поучительным как для литературоведов, так и для советских поэтов.

К сожалению, такое исследование еще ни в малой степени не выполнено. Стремясь хотя бы в какой-то мере восполнить этот пробел, мы поставили своей задачей — показать Некрасова в работе над созданием первого собрания его зрелых, революционно-демократических стихотворений («Стихотворения» Н. Некрасова, М., 1856). Статья построена, в основном, на рукописных материалах, хранящихся в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве.

1

Первые революционно-демократические стихотворения Некрасова, свидетельствовавшие о зрелости его идейных позиций, а также о его замечательном художественном таланте, появились еще в середине 40-х годов («Современная ода», «В дороге», «Огородник» и др.).

Вскоре, однако, эта прекрасная заря начинавшегося у Некрасова творческого расцвета была омрачена — наступило так называемое «мрачное семилетие» (1848—1855), отмеченное разгулом николаевской реакции. Цензурный гнет в эти годы чудовищно разросся: кроме обычной свирепой цензуры, был «по высочайшему повелению» установлен еще специальный «негласный комитет по делам печати», душивший малейшее проявление свободной мысли. В то время даже

писатели, считавшиеся в официальных кругах более или менее благонадежными, зачастую бывали лишены возможности печатать свои произведения (например Даль).¹ Тем более затруднено было появление в печати стихотворений Некрасова, пользовавшегося репутацией весьма «неблагонадежного». Поэтому не удивительно, что продуктивность поэтического творчества Некрасова в эти годы резко падает. Н. Г. Чернышевский впоследствии вспоминал о Некрасове: «Он был одушевляем на работу желанием быть полезен русскому обществу; потому и нужна ему была для работы надежда, что произведение <его> будет скоро напечатано...». По свидетельству Чернышевского, Некрасов сам говорил, что не может работать над произведением, которое «невозможно напечатать скоро... Причина невозможности всегда была — цензурная».² Все это относится, в первую очередь, именно к годам с 1848 по 1855. За весь этот период времени лишь немногие стихотворения Некрасова появились в «Современнике»; об издании же целой книги стихотворений Некрасова, конечно, не приходилось и думать.

Весной 1855 г. положение в стране несколько изменилось. В силу целого ряда исторических причин (усиление революционного движения крестьян, поражение царизма в Крымской войне, смерть Николая I и т. д.) реакция должна была несколько отступить. Цензурный гнет стал ослабевать. Началось оживление в литературе. И если в предшествовавшие годы стихотворные сборники появлялись исключительно редко (так, выход в 1850 г. сборника «Греческих стихотворений» Щербины, совершенно безобидного в цензурном отношении, был своего рода «событием»), то с 1855 г. подготавливаются и выходят в свет довольно многочисленные сборники: в 1855 г. — сборники Козлова, Подолинского; в 1856 г. — сборники Никитина, Огарева, Фета и др.

2

Весной 1855 г. Некрасов переживал величайший творческий подъем. «Весной нынче я столько писал стихов, как никогда», — сообщал он И. С. Тургеневу.³

Дореволюционная наука не могла сколько-нибудь удовлетворительно ответить на вопрос, какие именно стихотворения были написаны Некрасовым весной 1855 г. Многие стихотворения Некрасова этих лет в позднейшие издания его сочинений не включались — по цензурным соображениям, по небрежности редакторов, из-за необследованности некрасовского архива и т. д. Другие стихотворения неверно датиро-

¹ Подробности см.: М. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия, СПб., 1904, стр. 183—308.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. I, 1939, стр. 744.

³ Н. А. Некрасов, Собр. соч., т. V, 1930, стр. 205. В дальнейшем письма Некрасова цитируются по этому изданию.

вались. В результате в лучшем из старых изданий Некрасова — в так называемом «посмертном» издании, вышедшем в 1879 г. под редакцией С. И. Пономарева, — к 1855 г. отнесено лишь 8 стихотворений (а к 1854 г. — 9). Эта картина совершенно не соответствовала действительности.

В результате плодотворной работы коллектива советских литературоведов выявлено, что весной 1855 г. Некрасовым было написано значительно больше стихотворений, чем считалось раньше. Особо следует отметить заслугу К. И. Чуковского, который ввел в собрание сочинений Некрасова поэму «Белинский», не включавшуюся раньше из цензурных соображений, и еще целый ряд стихотворений Некрасова, относящихся к весне 1855 г. Изучив даты-пометки на автографах некрасовских стихотворений, расположение текстов в автографах и т. д., советские ученые передатировали ряд стихотворений Некрасова. Так, доказано, что стихотворение «Секрет» было написано Некрасовым не в 1846 г., как считалось раньше, а в 1855, «Извозчик» — не в 1848 г., а в 1855, и т. д. В результате, по данным последнего «Полного собрания сочинений и писем» Некрасова (т. I, М., 1948), получается, что если к 1854 г. относятся 10 стихотворений, то 1855 г. следует датировать более 30 стихотворений (в том числе 2 поэмы), причем большинство их приходится именно на весну 1855 г. На основании еще не бывших в печати данных некрасовского архива (они приводятся здесь в примечаниях) мы можем, со своей стороны, пополнить список относящихся, вероятно, к весне 1855 г. стихотворений Некрасова следующими названиями:

1. «Тяжелый крест достался ей на долю».
2. «Чуть-чуть ни говоря: ты сущая ничтожность!»

Оба названные стихотворения до сих пор датировались 1856 г. В действительности эти стихотворения были написаны Некрасовым не позже 7 июня 1855 г.¹

3. «Карета».
4. «Пышна в разливе гордая река».
5. «Еще скончался честный человек».

Перечисленные три стихотворения датировались до сих пор следующим образом: «Карета» — 1854 г.; «Пышна в разливе гордая река» — 1853 г.; «Еще скончался честный человек» — октябрь 1855 г. В действительности эти 3 стихотворения были написаны Некрасовым в промежуток времени между 21 мая и 7 июня 1855 г.²

¹ Беловые автографы этих стихотворений содержатся в тетради, переданной Некрасовым книгоиздателю К. Т. Солдатенкову 7 июня 1855 г. (Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, рукописный отдел, шифр М. 10786). Наличие этих двух автографов нигде не зарегистрировано.

² Черновые автографы этих стихотворений с многочисленными вариантами и пометками, свидетельствующими о творческой работе поэта, находятся в так называемой

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. НЕБРАСОВА.

Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

МОСКВА.

Въ Типографіи Александра Семенова.

1856.

Титульный лист сборника «Стихотворения». 1856 г.

6. «Петербургское утро».

Стихотворение датировалось 1855 г., что справедливо. Уточняя эту датировку, укажем, что стихотворение не могло быть написано позже начала апреля 1855 г.¹

Произведенная здесь передатировка (или, в последнем случае, уточнение датировки) шести стихотворений дает дополнительный материал для характеристики величайшего творческого подъема, пережитого Некрасовым весной 1855 г.

В результате этой напряженной творческой работы в распоряжении поэта оказались целые тетради с беспорядочно разбросанными стихотворными текстами: стихи идут здесь и от передней обложки и от задней, отрывки разных стихотворений перемешаны, карандашные записи перебиваются чернильными, отдельные наброски попадают на полях уже использованных листов, на переплетах и т. д.²

«Записной тетради № 1» (Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, рукописный отдел, шифр М. 5763); на л. 1 этой тетради имеется следующая дарственная надпись А. Я. Панаевой: «Без клятв и без общественного принуждения я все сделала во имя любви, что только в силах сделать любящая женщина. Москва 1855-21 мая. Вечер 10^{1/2}» (надпись эта уже многократно воспроизводилась в печати; например, в книге: Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Рукописи Н. А. Некрасова. Каталог. Составила Р. П. Маторина, М., 1939, стр. 72); отсюда видим, что эта тетрадь попала в руки Некрасова лишь 21 мая 1855 г.; следовательно, творческая работа поэта над перечисленными тремя стихотворениями не может быть отнесена ко времени ранее этой даты. С другой стороны, беловые автографы этих стихотворений содержатся в упоминавшейся уже тетради, переданной Некрасовым К. Т. Солдатенкову 7 июня 1855 г. Поэтому очевидно, что стихотворения были написаны между 21 мая и 7 июня 1855 г. Этим, между прочим, разрушается представление, будто стихотворение «Еще скончался честный человек» было откликом на смерть Т. Н. Грановского (умер 4 октября 1855 г.); это представление основывалось на том, что несколько строк из стихотворения «Еще скончался честный человек» были впоследствии (в 1867 г.) включены Некрасовым в лирическую драму «Медвежья охота» в качестве характеристики Грановского; это было, однако, явной переадресацией, так как в 1855 г. стихотворение было написано Некрасовым еще до смерти Грановского; к тому же в стихотворении «Еще скончался честный человек» были характеризовавшие «честного человека» строки:

И грустно проводящий темный век
В бездействии, в работе принужденной
Или в разгуле жалком. . .

Эти строки, конечно, не могли относиться к популярному профессору Грановскому. Немудрено, что в «Медвежьей охоте» они не вошли.

¹ 13 апреля 1855 г. предназначенная для «Современника» корректура этого стихотворения была запрещена С.-Петербургским цензурным комитетом и приобщена к цензурным делам (Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 777, оп. 2, 1855 г., № 28, л. 26. Не опубликовано).

² Имеем в виду прежде всего так называемую «Записную тетрадь № 3» (Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, рукописный отдел, М. 5764), где заключено весьма большое количество относящихся к весне 1855 г. автографов Некрасова, а также «Записную тетрадь № 1» (там же, М. 5763) и тетрадь, находившуюся раньше в частном собрании А. П. Савельева, а в настоящее время — в Центральном

Ослабление цензурного гнета и наряду с этим накопление стихотворных текстов — оба эти обстоятельства способствовали появлению у Некрасова замысла издать собрание стихотворений, такое собрание, в которое наряду с новыми стихотворениями вошли бы и лучшие из прежних.

Первое известное нам упоминание об этом замысле содержится в письме Тургенева к Некрасову от 29 апреля 1855 г. Приглашая в Спасское Некрасова, находившегося тогда в Ярославле, Тургенев писал: «Ты бы здесь приготовил собрание своих стихотворений к печати, которое непременно надо издать зимой».¹ Это письмо является, очевидно, продолжением разговоров о предполагавшемся сборнике, которые могли иметь место при встречах Некрасова с Тургеневым в начале апреля 1855 г.²

Вскоре этот сборник и действительно был составлен (в рукописном виде), а затем передан Некрасовым московскому книгоиздателю К. Т. Солдатенкову (отсюда принятое в литературе название этого рукописного сборника — «Солдатенковская тетрадь»)³. Долгое время «Солдатенковская тетрадь» считалась утраченной; лишь в 1941 г. она была обнаружена в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина и опознана сотрудницей библиотеки Е. Н. Коншиной. Отклики на эту замечательную находку уже появлялись в печати; воспроизводились и некоторые из содержащихся в «Солдатенковской тетради» новонайденных текстов Некрасова.⁴ Однако нам, в плане настоящей статьи, необходимо прежде всего охарактеризовать «Солдатенковскую тетрадь» как обладающий целостной композицией сборник стихотворений, как этап в истории создания Некрасовым первого собрания «Стихотворений» (1856), а для этого надо обратиться к подлинникам.

Прежде всего постараемся определить время составления «Солдатенковской тетради».

Приведенный выше отрывок из письма Тургенева к Некрасову показывает, что в апреле 1855 г. шли лишь разговоры о предстоящем составлении сборника. Это следует сопоставить с тем фактом, что

Государственном литературном архиве (ф. 338); обе последние тетради также содержат ряд записей, относящихся к весне 1855 г.

¹ Письмо опубликовано в статье В. Евгеньева <Максимова> «Н. А. Некрасов и люди 40-х годов». — «Голос минувшего», 1916, № 5—6, стр. 32.

² Об этих встречах см. письмо Некрасова к Тургеневу от 19 апреля 1855 г. (Н. А. Некрасов, Собр. соч., т. V, М.—Л., 1930, стр. 203).

³ В настоящее время хранится в рукописном отделе Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (архивный шифр М. 10786). Все использованные в дальнейшем изложении выдержки из «Солдатенковской тетради» публикуются впервые (за исключением особо оговоренных случаев).

⁴ К. И. Чуковский. Драгоценная находка. «Огонек», 1946, № 48—49, стр. 20—22; см. также: Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. I, М., 1948, стр. 509 и др.

работа по переписыванию стихотворений в тетрадь произведена Некрасовым совместно с А. Я. Панаевой. С конца апреля 1855 г. Некрасов находился в Ярославле, а Панаева была в это время в своем имении.¹ Встретились они в Москве 21 мая 1855 г.² Так как переписывание стихотворений в «Солдатенковскую тетрадь» велось вдвоем, то, очевидно, оно происходило в Москве, начиная с последней декады мая. Возможно, впрочем, что оно было начато одним Некрасовым, на несколько дней раньше: первые 36 листов переписаны им. Окончено переписывание было, очевидно, до 7 июня: из письма к Некрасову К. Т. Солдатенкова от 8 апреля 1856 г. известно, что 7 июня 1855 г. Некрасов передал ему для напечатания тетрадь своих стихотворений — несомненно рассматриваемую тетрадь;³ письмо Солдатенкова является деловым, поэтому сомневаться в точности названной даты невозможно; можно было бы лишь предположить, что последние стихотворения вписаны в тетрадь позже; однако и это предположение отпадает, так как они переписаны рукой А. Я. Панаевой, которая 13 июня 1855 г. уже уехала из Москвы.⁴ Таким образом, мы можем с точностью до нескольких дней датировать составление тетради промежутком времени между 21 мая и 7 июня 1855 г.

«Солдатенковская тетрадь» резко отличается от охарактеризованных выше черновых («записных») тетрадей Некрасова как по своему оформлению, так и по назначению. Она представляет собой рукописную, переписанную набело книгу; это — книга избранных стихотво-

¹ См. письмо Некрасова к Тургеневу от 19 апреля 1855 г., на которое мы уже ссылались выше.

² Эта дата определяется дарственными надписями А. Я. Панаевой на некрасовских так называемых «Записных тетрадях» № 1 и № 2; надпись на «Записной тетради № 1» уже воспроизведена нами выше; надпись на «Записной тетради № 2» гласила «Москва. Мая 21. Ав. П.» (надпись опубликована в книге: Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Рукописи Н. А. Некрасова. Каталог. Составила Р. П. Маторина, М., 1939, стр. 73). Эти надписи означают, что 21 мая, после продолжавшейся несколько месяцев размолвки, А. Я. Панаева приехала к Некрасову в Москву и подарила ему на память о примирении две тетради для стихов. Таким образом, мы можем внести небольшое уточнение в составленную Н. С. Ашукиным «Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова», где указано, что Некрасов поехал в Москву в конце мая, а Панаева приезжала туда в начале июня 1855 г. (М.—Л., 1935, стр. 138, 139).

³ Письмо опубликовано в статье В. Евгеньева <Максимова> «Н. А. Некрасов и люди 40-х годов». — «Голос минувшего», 1916, № 9, стр. 183—184. В письме Солдатенков укоряет Некрасова за то, что последний печатает в «Современнике» стихотворения из «проданной тетрадки»; действительно, за это время в «Современнике» были напечатаны следующие стихотворения, автографы которых содержатся в «Солдатенковской тетради»: «Воспоминание» (впоследствии это стихотворение получило название «Памяти Асенковой». — «Современник», 1855, № 9), «Свадьба», «Я не люблю иронии твоей», «Мы с тобой бестолковые люди» («Современник», 1855, № 11—12), «Филантроп» («Современник», 1856, № 2).

⁴ В. П. Боткин и И. С. Тургенев, Неизданная переписка, М., 1930, стр. 52.

рений, подготовленная к печати; если в черновых тетрадах как бы регистрировался творческий процесс Некрасова за определенное время, то «Солдатенковская тетрадь» подводила итоги всему поэтическому творчеству Некрасова, начиная с 1840 г. (к этому году относится наиболее раннее из помещенных здесь стихотворений Некрасова).

Итоги оказались значительными, но все-таки еще не вполне определенными. Правда, зрелые, революционно-демократические стихотворения Некрасова в «Солдатенковской тетради» решительно преобладали («Секрет», «В дороге», «Отрадно видеть, что находит», «Колыбельная песня», «Старое гнездо»,¹ «Блажен незлобивый поэт» и мн. др.). Однако здесь же находились и некоторые ранние стихотворения, например, «В альбом» («Не пошлость старого обычая поэтов...», 1840) — юношеское стихотворение, еще недалеко ушедшее от традиций дворянской лирики. В сборник были включены также два стихотворения, написанные Некрасовым, вероятно, в 1844 г. — «Чиновник» и «Детство» («Родился я в губернии...»); в ряду некрасовских сатир — между юношескими и зрелыми — стихотворения эти стоят несравненно ближе к зрелым сатирам. Но это еще не «вдохновенная, злая» сатира зрелого Некрасова. Все это свидетельствовало, что принцип отбора, примененный Некрасовым при составлении «Солдатенковской тетради», был еще недостаточно последовательным.

Эта недостаточная решительность Некрасова была, в значительной мере, подсказана цензурными обстоятельствами: характерно, что выдающиеся стихотворения Некрасова были в «Солдатенковской тетради» упрятаны в середину и в конец. Другие стихотворения, наиболее острые в политическом отношении, были в тетради выделены в особый отдел, не предназначавшийся для печати (перед этими стихотворениями Некрасов написал: «За оглавлением следуют стихотворения, к печати неудобные», «Не для печати»)². В непредназначенный для печати отдел попала не только поэма «Белинский» (о напечатании которой не приходилось и думать, так как печатные высказывания о Белинском были в то время строжайше запрещены), но и такие стихотворения, как «Из путевых заметок по России русского барина, долго жившего за границей»,³ «Не водись-ка на свете вина».⁴ Отметим также, что в основной, предназначенной для печати части «Солдатенковской тетради», в ряде стихотворений целые строки были, в цензурных видах, заменены точками («Старое гнездо», «Без-

¹ Так в «Солдатенковской тетради» было названо стихотворение «Родина» (название «Родина» оказалось, повидимому, опасным в цензурном отношении).

² Эти надписи опубликованы в издании: Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. 1, М., 1948, стр. 509.

³ Первоначальное заглавие стихотворения «Отрывки из путевых записок графа Гаранского».

⁴ Позднее этому стихотворению было дано заглавие «Вино»

вестен я. Я вами не стяжал» и др.); в других стихотворениях были, из цензурных соображений, произведены словесные замены: так, в «Прекрасной паре»,¹ недопустимый с цензурной точки зрения, «гвардейский офицер» был заменен безобидным «развязным кавалером».

Следует, наконец, сказать о группе стихотворений «Солдатенковской тетради», посвященных теме назначения поэта. Эта тема разработана здесь в несколько ином плане, чем в поздних стихах Некрасова. Тема гражданской поэзии не получила еще здесь столь четкого воплощения, задачи революционно-демократического искусства еще не были здесь столь ясно сформулированы, как в 1856 г., в знаменитом «Поэте и гражданине». В стихотворении «Сознание» («Праздник жизни — молодости годы»), которым открывалась «Солдатенковская тетрадь», была выражена неуверенность Некрасова в своих творческих силах: «Нет в тебе поэзии свободной, Мой суровый, неуклюжий стих!»; строки эти, как известно, вызвали резкую отповедь Чернышевского;² впоследствии — в сборнике 1856 г. — Некрасов передвинул это стихотворение на мало заметное место, поставив во главе своей книги «Поэта и гражданина». Особенно нечетко была поставлена тема гражданской поэзии в одном из выдающихся стихотворений «Солдатенковской тетради» — в стихотворении «Зачем насмешливо ревнуешь».³ Здесь любимую женщину, очевидно А. Я. Панаеву, Некрасов называл своей «второй музой»; эти вдохновенные строфы о женщине, почти отождествленной с некрасовской музой, могли при напечатании их в сборнике создать впечатление, что Некрасов посвящает ей свой сборник, свою поэзию вообще. Четко сформулировав задачи гражданской поэзии, Некрасов отказался от стихотворения «Зачем насмешливо ревнуешь» и при жизни не печатал его.

Итак, вырвавшиеся в произведениях, содержащихся в «Солдатенковской тетради», идейные установки Некрасова, революционно-демократические по самому существу своему, были еще не вполне последовательными, не до конца продуманными.

Это же следует отнести и к композиции тетради. Композиция была продумана не до конца. Тетрадь составлялась наспех — два стихотворения Некрасов так и не успел вписать в нее, ограничившись указанием: «Надо еще вписать сюда стихотворения: 1) Псовая охота (из Современника 1847 года, № 2), 2) Огородник (Отечественные записки), 1846, № 5)».⁴ Торопясь отдать тетрадь книгоиздателю,

¹ Первоначальное название «Прекрасной партии».

² Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. II, М.—Л., 1928, стр. 336 (письмо к Некрасову от 24 сентября 1856 г.).

³ Выверенный текст этого стихотворения впервые опубликован К. И. Чуковским (по «Солдатенковской тетради») в упоминавшейся выше статье «Драгоценная находка».

⁴ Второе указание Некрасова является неточным: в действительности «Огородник» был напечатан в № 4 «Отечественных записок» за 1846 г.

Некрасов поручил часть работы по переписыванию А. Я. Панаевой (15 из общего числа 69 переписанных стихотворений). Работа Панаевой была, в данном случае, чисто механической. Так, стихотворения «Влас» и «Русскому писателю» переписаны ею совершенно точно со страниц «Современника» или с текста, предназначенного для «Современника»;¹ в этом убеждает полное совпадение вариантов; «Чиновник» переписан, вероятно, со страниц сборника «Физиология Петербурга»; из «Петербургского сборника» переписаны стихотворения «В дороге», «Пьяница», «Отрадно видеть, что находит» и «Колыбельная песня», причем сохранена даже последовательность их размещения. Работу Панаевой характеризует хотя бы тот факт, что, воспроизводя тексты еще не напечатанные (вероятно, по неразборчивым автографам Некрасова), она нередко допускала грубые ошибки. Так, в стихотворении «Не водись-ка на свете вина» Панаева вместо «Наточил я широкий топор» (рифмуется с «Побежал, притаился как вор»), написала «Наточил я широкий-то нож».

Все это — недоделки, механическое переписывание целого ряда произведений — свидетельство недостаточной четкости композиции сборника. Но, с другой стороны, нельзя сказать, что расположение стихотворений в «Солдатенковской тетради» было совершенно случайным или зависело только от посторонних (например цензурных) соображений: в основу сборника, несомненно, положены определенные идейные и художественные принципы.

Мимоходом мы уже указали, что открывалась «Солдатенковская тетрадь» стихотворением «Сознание» («Праздник жизни — молодости годы»). Конечно, не случайно сборник открывался стихотворением, дававшим общую оценку некрасовской поэзии (правда, еще не вполне последовательную). Можно предполагать даже, что «Сознание» было написано со специальной целью — поставить его во главе сборника, как бы в виде предисловия (стихотворение было написано незадолго до составления «Солдатенковской тетради» — 11 марта 1855 г.).²

Композиционное мастерство Некрасова сказалось и в принципе циклизации, впервые проявившемся как раз в «Солдатенковской тетради»: среди входящих в тетрадь стихотворений имелось два цикла — «Последние элегии» и «На улице». Лирический цикл «Последние элегии» был составлен из трех стихотворений, замечательно гармонизовавших друг с другом, дополнявших друг друга, словом, составлявших единое целое (в таком составе этот цикл остался во всех изданиях Некрасова); в данном случае важно, что этот цикл был создан именно для сборника: как указывалось выше, стихотворение

¹ Дата цензурного разрешения № 6 «Современника» за 1855 г., в котором были помещены названные стихотворения, — 31 мая 1855 г.

² См. Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. I, М., 1948, стр. 553

«Пышна в разливе гордая река» (замыкающее цикл) было написано Некрасовым не раньше 21 мая и не позже 7 июня 1855 г., т. е. как раз во время составления «Солдатенковской тетради». В это время было, как тоже говорилось выше, написано и стихотворение «Карета»; оно в «Солдатенковской тетради» замыкало цикл «На улице». Таким образом, и второй цикл был создан (или, по крайней мере, завершен) Некрасовым с мыслью о сборнике.

При внесении стихотворений в «Солдатенковскую тетрадь» Некрасов подвергал их тексты художественной обработке. Это лишь в малой степени относится к текстам, переписанным А. Я. Панаевой; но все же и в этих текстах Некрасов не только исправил ошибки (подобные рассмотренной выше); кое-где он ввел новые варианты. Так, в тексте «Власа» он зачеркнул в описании страшного суда слово «крокодилы», заменив его словами «ведьмы-псицы».¹ Значительно больше изменений внес Некрасов в тексты, переписанные им собственноручно. Переписывание Некрасовым стихотворений в «Солдатенковскую тетрадь» зачастую носило творческий характер. Так, переписывая стихотворение «Когда из мрака заблужденья», Некрасов начал 15-ю строку буквами «Я разд», которые тут же зачеркнул; это значит, что, переписывая стихотворение, он исключил имевшееся в прежней редакции четверостишие, начинавшееся строкой: «Я разделял твои мученья». Так Некрасов достигал в своих стихотворениях предельной сжатости, выбрасывая все, без чего можно было обойтись.

Особенно сильному исправлению подверг Некрасов текст стихотворения «Старушке», написанного еще в 1845 г.; так как содержащийся в «Солдатенковской тетради» автограф дает наиболее авторитетный текст этого стихотворения и, вместе с тем, еще не воспроизводился в печати, то мы выпишем его полностью, отметив различия курсивом.

Старушке

Когда еще твой локон длинный
 Вился над розовой щекой,
 И я был юноша невинный,
 Чистосердечный и *простой*, —
 Ты помнишь: кой-о-чем мечтали
 С тобою мы по вечерам
И — не забыла ты — давали
Свободу полную глазам.
 И много высказалось взором
 Желаний тайных, тайных дум,
 Но победил *каким-то* вздором
 В нас сердце *хладнокровный* ум.
 И разошлись мы полюбовно,

¹ Вариант опубликован в издании: Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. I, М., 1948, стр. 551.

И страсть рассеялась, как дым...
 И чрез полжизни хладнокровно
 Опять сошлись мы — и молчим.
 А мог бы быть и не таким
 Час этой поздней, грустной встречи,
 Не так бы сжала нас печаль,
 Иной тоской звучали б речи,
 Иначе было б жизни жаль.

Этот текст является в художественном отношении значительно более полноценным, чем принятая в печати редакция (относящаяся к 1845 г.). Воспроизведенный здесь автограф представляет собой позднейшую переработку стихотворения. Особенно значительной является переделка конца стихотворения:¹ шесть строк заменены тремя, без малейшей потери в содержании; таким образом достигнуты предельная сжатость и простота; так, вместо «храним молчанье тягостное» написано просто «молчим»; строки «Когда б к избытку сил молодых Побольше разума и такта» выкинуты вовсе; вычурное «Не так бы вял и горько-тих» заменено простым: «А мог бы быть и не таким»; наконец, уничтожена каламбурная рифма *так-то — такта*, вовсе не подходившая к этому лирическому стихотворению.²

Подытоживаем сказанное о «Солдатенковской тетради». Сборник впитал в себя лучшую часть имевшегося к тому времени творческого наследия Некрасова; ряд стихотворений был подготовлен специально для «Солдатенковской тетради», другие стихотворения подверглись художественной обработке при переписывании в тетрадь; и все же принцип отбора лучшего материала был здесь еще не во всех случаях вполне последовательным.

3

Отдав свой сборник книгоиздателю, Некрасов скоро почувствовал неудовлетворенность. Тут были два важные обстоятельства.

Во-первых, намечалось некоторое ослабление цензурного гнета, и это подавало надежду, что сборник мог бы пройти и в более политически заостренном виде.

¹ Для сравнения приводим известный в печати вариант конца этого стихотворения (по редакции 1845 г.):

Опять сошлись мы — и храним
 Молчанье тягостное. . .
 Так-то!
 Когда б к избытку сил молодых
 Побольше разума и такта —
 Не так бы вял и горько-тих,
 Был час случайной поздней встречи,
 Не так бы сжала нас печаль. . .

² Из не появлявшихся в печати автографов «Солдатенковской тетради» приведем еще вторую строку стихотворения «Среди моих трудов досадных» (1849):

И жалких *бедности* тревог.

(В печати принято восходящее к недостоверной копии: «И жалких *юности* тревог»)

Во-вторых, под воздействием растущего общественного подъема и под благотворным влиянием Чернышевского Некрасов создавал новые замечательные произведения, без которых сборник, конечно, нельзя было выпустить.

Промедлению с печатанием сборника способствовал вначале и книгоиздатель К. Т. Солдатенков. Он не торопился с высылкой¹ Некрасову гонорара, очевидно, проверяя, какое впечатление произведут стихотворения Некрасова в кружке московских литераторов, куда Солдатенков был вхож (Грановский, Кетчер, Забелин²). Лишь в сентябре 1855 г. Солдатенков отослал Некрасову значительную часть гонорара,³ после чего стал настаивать на скорейшем печатании книги. «... Покорнейше прошу Вас уведомить меня, — писал Солдатенков Некрасову 25 сентября 1855 г., — как Вы распорядитесь — пришлете ли мне процenzурованную рукопись или мне отдать в цензуру <ту рукопись>, которая у меня».⁴

«Я приготовил уже другую рукопись моих стихотворений (несравненно полнее данной мною Вам летом), — отвечал Некрасов, — и эту рукопись жду удобного случая представить в цензуру... итак погодите, во всяком случае обещаю Вам, что постараюсь устроить так, чтоб к *новому году* вы могли выпустить мою книжку... Примите только в соображение, что это промедление во времени в результате отразится выгодно на самой книжке (между прочим), потому что я успею окончить множество новых пьес, которые давно начаты». «Не думайте, чтоб я дремал касательно издания моих стихов, — писал Некрасов Солдатенкову 24 декабря 1855 г., — все они переписаны начисто в особую тетрадь и если б какой-нибудь московский цензор пропустил Вам мою тетрадку с теми дополнениями, которые я вышлю к ней — то это было бы всего короче и проще».⁵

Нам, в плане нашей работы, надлежит выяснить, действительно ли в декабре 1855 г. Некрасовым была составлена беловая рукопись нового сборника. Полагаем, что такой рукописи не было — сообщение о ней Некрасова было просто отпиской с целью выиграть время. В самом деле, указывая, что новый свод стихотворений уже составлен, Некрасов в то же время писал, что многие стихотворения лишь начаты, а кроме того, он считает возможным подать в цензуру тетрадь, переданную им Солдатенкову ранее (очевидно, известную

¹ В середине августа 1855 г. Некрасов вернулся из Москвы в Петербург (см.: Н. А. Некрасов, Собр. соч., т. V, М.—Л., 1930, стр. 213 сл.).

² Об отношениях К. Т. Солдатенкова с этими лицами см.: Т. Н. Грановский и его переписка, т. II, М., 1897, стр. 302, 436.

³ См.: Н. А. Некрасов, Собр. соч., т. V, М.—Л., 1930, стр. 222, 226.

⁴ «Литературное наследство», кн. 51—52, М., 1949, стр. 507.

⁵ Эти отрывки писем Некрасова содержатся в письме К. Т. Солдатенкова к Некрасову от 8 апреля 1856 г., опубликованном в статье В. Евгеньева <Максимова> «Некрасов и люди 40-х годов». — «Голос минувшего», 1916, № 9, стр. 183—184.

нам «Солдатенковскую тетрадь»), с присоединением дополнений, которые еще будут высланы! Вспомним и позднейшее (от 28 марта 1856 г.) письмо В. П. Боткина к Некрасову: «Ты пока подготавливай рукопись для печати, а то *по свойственной тебе лени* доведешь до последнего дня отъезда»;¹ дело здесь было, конечно, не в лени — всем хорошо известно трудолюбие, которым отличался Некрасов: будучи человеком творческого склада, Некрасов, очевидно, не пожелал заниматься механическим переписыванием.

Как бы то ни было, в течение осени 1855 г. и последовавшей за нею зимы Некрасов не послал Солдатенкову ни заново составленного сборника стихотворений, ни «дополнительной тетрадки». Правда, за это время он переслал несколько отдельных стихотворений («В больнице»,² «Саша»³); однако, посылая эти стихотворения, он просил Солдатенкова повременить с печатанием книги. В дело вмешались друзья Солдатенкова — московские либералы-литераторы (Грановский и, особенно, Кетчер), распутившие слух, будто Некрасов обманул книгоиздателя; из-за этого Некрасов чуть было совсем не отказался от печатания книги у Солдатенкова, однако впоследствии — к лету 1856 г. — все же договорился с ним.⁴

Впрочем, эта внешняя сторона дела нас, в данном случае, мало интересует. Как уже говорилось выше, одна из причин, заставивших Некрасова откладывать печатание книги, была связана с его желанием включить в книгу новые стихотворения: в течение осени 1855 г. и зимы 1855/56 г. были написаны такие шедевры, как «Гадающей невесте», «Забятая деревня», «Замолкни, Муза мести и печали», «Внимая ужасам войны»,⁵ отрывки стихотворения «Поэт и гражда-

¹ В. Е в г е н ь е в <- М а к с и м о в>. Некрасов и люди 40-х годов. «Голос минувшего», 1916, № 9, стр. 189. Курсив наш. — А. Г.

² В «Солдатенковскую тетрадь» вложены два печатных листка с текстом этого стихотворения (из «Современника», 1855, № 10) и с карандашными добавлениями Некрасова; листки хранят следы складок, почему мы и полагаем, что они были пересланы в письме.

³ В письме к Некрасову от 18 января 1856 г. К. Т. Солдатенков благодарил Некрасова за присланное стихотворение, которое он уже прочитал в № 1 «Современника», где оно было напечатано «с некоторыми пропусками» («Литературное наследство», кн. 51—52, М., 1949, стр. 508). Комментатор «Литературного наследства» ошибочно отнес это место к «Филантропу», указывая, будто в № 1 «Современника» за 1856 г. были напечатаны стихотворения Некрасова «Саша», «Филантроп» и «Внимая ужасам войны»; в действительности же «Филантроп» и «Внимая ужасам войны» были напечатаны не в 1-м, а во 2-м номере «Современника»; единственным стихотворением, напечатанным в № 1 «Современника» за 1856 г., является «Саша», а потому и письмо Солдатенкова может относиться только к нему.

⁴ См. уже неоднократно цитированную статью В. Евгеньева <-Максимова> «Некрасов и люди 40-х годов», стр. 186—190.

⁵ Обоснование датировок этих стихотворений см. в примечаниях к т. I «Полного собрания сочинений и писем» Н. А. Некрасова (М., 1948).

нин»¹ и др. Это давало Некрасову возможность, не уменьшая объема сборника, значительно улучшить его состав, исключив слабые стихотворения. «... Я прошу Вас, — писал Некрасов Солдатенкову 27 марта 1856 г., — только исключить из данной Вам тетрадки некоторые пьесы, которые, как очень слабые, могут только повредить книге. Список этих пьес я пришлю Вам на-днях» (V, 1930, 240).

Однако, решив не ограничиваться простым составлением списка, Некрасов вскоре стал переписывать заново весь сборник. «Составляю новую тетрадь, — писал он В. П. Боткину 5 апреля 1856 г., — которую здесь отдам в цензуру» (там же, стр. 242). Слова «здесь отдам в цензуру» знаменательны: в то время в С.-Петербургском цензурном комитете ожидалось изменение — отставка председательствовавшего в комитете М. Н. Мусина-Пушкина, известного своим цензорским изуверством, была предрешена. Любопытно, однако, что Некрасов не стал дожидаться появления нового начальства, а подал книгу в цензуру в один из последних дней председательствования Мусина-Пушкина.² В этом был, очевидно, свой расчет; книга была такова, что и новый председатель, более «либеральный», мог бы не пропустить ее, а у Мусина-Пушкина в эти последние дни не было причин проявлять особую строгость, да и вряд ли он вообще вникал в решаемые им дела. Расчет этот оправдался: 14 мая книга Некрасова была дозволена к печати.

«Чудеса! — писал Некрасов Тургеневу через 10 дней. — Генерал Пушкин на прощанье мои стихи без помарок велел сплошь племяннику³ подмахнуть. И тот подмахнул» (V, 1930, 245).

Рукопись, дозволенная к печати 14 мая 1856 г., до нас, к сожалению, не дошла. Повидимому, она несколько отличалась от печатного сборника «Стихотворений». Так, известно, что два вошедшие в печатную книгу стихотворения — «Поэт и гражданин» и «Самодовольных болтунов» — были написаны Некрасовым лишь летом 1856 г. и прошли цензуру отдельно.⁴

Никаких других данных, позволяющих судить об этой утраченной рукописи, нет. Поэтому, чтобы проследить дальше историю создания Некрасовым первого сборника «Стихотворений», обратимся непосредственно к печатной книге — к сборнику 1856 г. («Стихотворения» Н. Некрасова, М., 1856).

¹ Орывок «Поэта и гражданина» появился в «Современнике» (1856, № 3, стр. 79), в составе очередных «Заметок о журналах».

² «Стихотворения» Н. Некрасова были разрешены цензурой 14 мая 1856 г., а 19 мая М. Н. Мусин-Пушкин сдал дела кн. Г. А. Щербатову (Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 777, оп. 27, № 9, лл. 132 об. — 133. Не опубликовано).

³ «Племянник» — цензор Бекетов, женатый на племяннице М. Н. Мусина-Пушкина.

⁴ См. Е. Колбасин. Тени старого «Современника». «Современник», 1911, № 8, стр. 233—234; Н. А. Некрасов, Собр. соч., т. V, М.—Л., 1930, стр. 249—250 (письмо к В. П. Боткину от 16 июня 1856 г.).

При сравнении этой книги с «Солдатенковской тетрадью» прежде всего бросается в глаза довольно значительное различие в составе. В сборник 1856 г. не вошло около десяти стихотворений из «Солдатенковской тетради» («В альбом», «Детство», «Чиновник», «Карета», «Зачем насмешливо ревнуешь» и др.). Все эти стихотворения были исключены Некрасовым как не удовлетворяющие требованиям сборника. Взамен их были введены такие выдающиеся стихотворения, как «Поэт и гражданин», «Забывтая деревня», «Гадающей невесте», «В больнице», «Самодовольных болтунов», «Внимая ужасам войны», «Замолкни, Муза мести и печали» и др., написанные после составления «Солдатенковской тетради»; введена была и поэма «Саша», завершенная, повидимому, также лишь к этому времени.¹ Наконец, Некрасов ввел в сборник 1856 г. стихотворения, которые он в 1855 г. не решился поместить в предназначавшемся для печати отделе — «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» и «Вино». Благодаря всему этому сборник много выиграл в идейном и художественном отношении.

Заботясь о художественном совершенстве своих стихотворений, Некрасов при составлении сборника 1856 г. подверг многие из них переработке («Влас», «Да, наша жизнь текла мятежно» и др.).

Особенно значительной переработке подверг Некрасов имевшееся в «Солдатенковской тетради» стихотворение «Среди моих трудов досадных» (в новой редакции — «Я посетил твоё кладбище»). Большую работу проделал Некрасов над выправлением стиля этого стихотворения. В прежнем чтении были строки:

Стою один, как на кладбище
Прошедших невозвратных дней...

Все это было выдержано в тонах традиционной дворянской лирики и притом страдало напыщенностью: и метафорическое «кладбище» и «прошедшие невозвратные дни». Некрасов переделал это следующим образом:

Я посетил твоё кладбище,
Подруга трудных, трудных дней.

Отказавшись от традиционно-поэтических выражений, Некрасов, с другой стороны, исключил и чрезмерно бытовое (по выражению К. И. Чуковского, «бакалейное») слово «запас», переделав строку

¹ В одной из черновых рукописей «Саши» есть авторская пометка, датирующая окончание поэмы 1 мая 1855 г. (Памяти Н. А. Некрасова, М., 1928, <стр. 21>). Однако эта дата относилась, вероятно, лишь к первой незавершенной редакции поэмы; иначе непонятно, почему «Саша» не была включена в «Солдатенковскую тетрадь». Дата-пометка Некрасова стоит при тексте последних глав поэмы; вероятно, она была поставлена еще до написания начала поэмы. По убедительному предположению А. Я. Максимовича, начало поэмы было написано позже конца (Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. I, М., 1948, стр. 558).

на: С запасом молчаливой скуки
Под игом молчаливой скуки.

Стремясь к простоте, сжатости и энергичности выражений, Некрасов уничтожил вычурные места и произвел переработку, от которой стихотворение значительно выиграло в художественном отношении; например, вместо риторического рассуждения:

И вспоминая с умилением,
Я пролил много сладких слез
И думал с тайным сокрушением:
Кто ж больше горя перенес —
Тот, кто по слабости позорной
Его бесплодно проклинал
Или кто радостью притворной
Его сквозь слезы прикрывал?.. —

стихотворение в новой редакции завершается ярким, конкретным образом:

Забудусь, ты передо мною
Стоишь — жива и молода:
Глаза блистают, локон вьется,
Ты говоришь: «будь веселей!»
И звонкий смех твой отдается
Большее слез в душе моей...

Несомненно, что новая редакция гораздо богаче — как по содержанию, так и в художественном смысле. Это — одно из лучших, популярнейших лирических стихотворений Некрасова.¹

Сборник 1856 г. отличается продуманностью композиции.² Некрасов разделил книгу на отделы, которые свидетельствуют о глубоком понимании поэтом структуры русского общества того времени: такое деление с исключительной силой подчеркивало революционный смысл сборника.

Особое значение в композиции книги имеет стихотворение «Поэт и гражданин». Это стихотворение, представляющее собой пламенную проповедь идейного, революционного искусства, Некрасов поместил в книге в виде особого предисловия, крупным шрифтом, с отдельной пагинацией, наконец, вне отделов, составляющих сборник.

¹ Заметим, кстати, что мы не согласны с принятым в литературе отношением стихотворения «Я посетил твою кладбище» к 1849 г.: при такой датировке совершенно непостижимо, почему в 1855 г. Некрасов внес в «Солдатенковскую тетрадь» не это стихотворение, а его первую, несовершенную редакцию — «Среди моих трудов досадных»; очевидно, переработка была произведена уже после составления «Солдатенковской тетради», а дата «1849» (указанная Некрасовым) относится лишь к первой редакции («Среди моих трудов досадных»).

² Замечания о композиции сборника 1856 г. см. также: Н. А. Некрасов, Стихотворения, посмертное издание, т. IV, СПб., 1879, стр. СХІІІ (примечания С. И. Пономарева); Н. Некрасов, Стихотворения, Библиотека поэта, малая серия, т. I, Л., 1938, стр. III (примечания А. Я. Максимовича); В. Е. Евгеньев-Максимов. Некрасов в школе, М. — Л., 1946, стр. 70 сл.

Первые два отдела книги соответствуют делению тогдашнего общества на антагонистические классы.

Первый отдел занимают стихотворения о народе — о крестьянах и городской бедноте, главным образом о крестьянах («В дороге», «Влас», «Огородник», «Извозчик», «На улице» и др.). В этих стихотворениях нарисована жизнь трудовых масс русского народа. Выдвинув эти стихотворения в первый отдел сборника, Некрасов подчеркнул значение крестьянского вопроса, вопроса о демократических массах вообще. Горячо любя русский народ, Некрасов верил в его светлое будущее. Не случайно поэтому первый отдел завершается революционно-просветительским стихотворением «Школьник», в лирической концовке которого читаем:

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то-и-знай, —
Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

Последние две строки уже предвещают тематику второго отдела, на границе которого они стоят.

Второй отдел состоит из сатирических стихотворений («Псовая охота», «Гадающей невесте», «Нравственный человек», «Секрет», «Колыбельная песня», «Отрадно видеть, что находит» и др.). Здесь выведены отрицательные персонажи — дворяне, буржуа, чиновники.

Третий отдел сборника — поэма «Саша».

Эта поэма, содержащая немало лирических стихов, подводит читателя к четвертому и последнему отделу сборника 1856 г. — к революционно-демократической лирике Некрасова. Эта лирика, замыкающая сборник, носит главным образом характер своеобразных лирических выводов из нарисованной в первых отделах картины русской общественной жизни. Четвертый отдел имеет, как и предыдущие отделы, отчетливую классовую характеристику: авторский образ лирики Некрасова — это образ революционера-разночинца. Это проявляется и в любовных стихотворениях («Когда из мрака заблужденья» и др.), пропагандирующих новое отношение к женщине — призывающих видеть в ней прежде всего человека; и в стихотворениях о детстве, в которых Некрасов с позиций революционера-разночинца вспоминает о своих первых годах, когда он был окружен ненавистной ему крепостнической обстановкой («Старые хоромы»,¹ «В неведомой глуши» и др.); таков же социальный смысл авторского образа в стихотворениях, излагающих программу нового искусства («Муза», «Блажен злобивый поэт» и др.) и в других гражданских стихотворениях, явля-

¹ Одно из первоначальных заглавий стихотворения «Родина».

ющихся откликами на исторические события («Внимая ужасам войны», «14 июня 1854 г.»). Подчеркивая органичность соединения гражданских и любовных мотивов в едином авторском образе, Некрасов разместил в четвертом отделе сборника 1856 г. попеременно стихотворения с любовной и политической тематикой (так, «Застенчивость» напечатана рядом с «Внимая ужасам войны»; «Как ты кротка, как ты послушна» — рядом с «Замолчки, Муза мести и печали» и т. д.). Четвертый отдел сборника представлен стихотворениями, раскрывающими программу революционно-демократической поэзии: открывается отдел стихотворением «Муза» («Нет, Музы ласково поющей и прекрасной»), рисующим образ некрасовской музы — «печальной спутницы печальных бедняков», и заканчивается отдел также стихотворением о музе — «Замолчки, Муза мести и печали», завершающим весь сборник.

Из этого рассмотрения видно, что сборник 1856 г. построен по строго обдуманному плану и представляет собой, таким образом, единое и цельное художественное произведение. Это — книга о России, где нарисована широкая картина русской общественной жизни и даны выводы, сделанные поэтом революционной демократии.

* * *

Выпуск такой книги был смелым шагом со стороны Некрасова. Не прошло и месяца после выхода книги в свет, как из-за нее поднялась целая цензурная «буря». О книге было запрещено писать; запрещались и перепечатки входящих в книгу стихотворений.¹ Особое негодование в цензурных кругах вызвал «Поэт и гражданин». Ходили даже слухи, что автору грозит Петропавловская крепость.

Некрасов в это время находился в Риме. Осведомляясь о размерах неприятностей, вызванных перепечаткой стихотворения «Поэт и гражданин», Некрасов писал Анненкову 6/18 декабря 1856 г.: «Но хоть бы эти размеры и точно были велики, я — не ребенок; я знал, что делал. Книга моя вся висела на волоске, и мне приходилось или сжечь ее — или поступить, как поступил я, — выбору не было» (V, 1930, 272).

Во что бы то ни стало выпустить книгу в наиболее смелом, революционном виде, иначе она не имеет смысла («сжечь ее») — вот как подошел Некрасов к редактированию первого сборника своих зрелых стихотворений.

¹ Новое издание «Стихотворений» Некрасова было разрешено лишь через 5 лет — в 1861 г.

Т. Д. Фролова

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ САТИРИЧЕСКИЙ ЦИКЛ Н. А. НЕКРАСОВА

Цели и задачи революционно-демократической сатиры четко определил Н. А. Добролюбов в статье «Русская сатира в век Екатерины» (1859) и ряде других работ. С 1859 г. при журнале «Современник» был организован Добролюбовым боевой сатирический отдел — «Свисток», в котором активно участвовал и Некрасов. Также с 1859 года выходит и лучший сатирический еженедельник 60-х годов — «Искра», в основном примыкавший к революционно-демократическому лагерю. В творчестве Некрасова к этому времени также заметно усиливается сатирическая струя. Еще в 1858 г. поэт задумывает целый цикл сатир.¹ В объявлении о подписке на «Современник» на 1859 г. среди перечня художественных произведений, которые должны быть напечатаны в журнале, так и обозначено: «Сатиры Н. А. Некрасова». Действительно, в первых трех книжках «Современника» за 1859 г. поэт напечатал три сатиры большого сатирического цикла «О погоде», составившие 1-ю часть этого цикла. Общий подзаголовок к ним был «Вступление к сатирам». Продолжил этот сатирический цикл Некрасов несколько лет спустя.

В 1865 г. во второй и третьей книжках «Современника» последовательно были напечатаны V сатира — «Крещенские морозы» и VI — «Кому холодно, кому жарко», составившие 2-ю часть цикла «О погоде». К V сатире была сноска: «См. „Современник“ 1861, № 1, 2, 3.² Глава IV, следующая за напечатанными, выпущена».

VI сатира кончалась ремаркой: «(Продолжение впрёд)», однако в печати больше не появилось стихотворений под этим заглавием.

Между тем, хранящаяся в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина черновая рукопись свидетельствует о том, что цикл

¹ Считаю нужным заметить, что слово «цикл» употребляется мною в двух значениях: во-первых, когда я говорю о всем незавершенном цикле сатир; во-вторых, когда я имею в виду часть этого общего цикла — сатиры, объединенные названием «О погоде».

² Явная ошибка. Указанные главы были опубликованы в соответствующих номерах «Современника» не в 1861 г., а в 1859 г.

«О погоде» — это только начало другого, значительно более широкого сатирического цикла.

Впервые кратко описал рукопись и опубликовал ее основные варианты А. Максимович.¹

Рукопись² открывается 2-й частью «О погоде», причем в качестве непосредственного продолжения VI сатиры цикла «О погоде» — «Кому холодно, кому жарко» — идет следующая сатира, «Клуб», обозначенная номером VII. В сатире «Кому холодно, кому жарко» читаем:

«Мы сегодня потешились лихо!» —
 Франты в клубе друзьям говорят...
 А театры, балы, маскарады? ³
 Впрочем, здесь и конец, господа,
 Мы бы там побывать с вами рады,
 Но нас цензор не пустит туда.

Сатира же «Клуб» начинается так:

*«Даст ли цензор тебе нагоняя,
 Это все-таки, Муза, — вопрос,
 Но погоду теперь наблюдая,
 Отморозишь насерно ты нос.
 Полно трусить! Войдем туда снова,
 Где мы встарь укрывались от бед,
 Где, бывало, под бюстом Крылова
 По ночам изучали пикет...»⁴*
 и т. д.

Сквозь сатиры под общим названием «О погоде» и далее, через клубные сатиры, проходит образ автора, объединяющий все сатиры в *единый* цикл. С другой стороны, компонентом, формально связующим сатиры всего цикла, выступает «свирепый мороз», который заставляет «наблюдающего погоду», как иронизирует Некрасов, поэта, укрываясь от холода, заглянуть в клуб. Этот остроумный прием дает Некрасову композиционную возможность перейти к клубным сатирам.

Очевидно, по первоначальному плану, Некрасов предполагал дать полное сатирическое обозрение аристократического петербургского Английского клуба.

В сатире «Клуб» поэт в беспощадно ироническом тоне дает общую характеристику клуба и его знатных посетителей, сатирически изображает субботний клубный обед, чрезвычайно резкими, дышащими ненавистью штрихами рисует галерею «стариков-объедал». В следующей

¹ Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. II, М., 1948, стр. 563—570, 585—590, 715—717.

² Шифр: М. 5750, 5751, 5754.

³ Эта строка — цитата из стихотворения В. Курочкина «Барышни».

⁴ Здесь и в дальнейшем курсивом дается рукописный текст.

сатире рукописи под заглавием «У камина»¹ (номера не имеет) Некрасов, изображая послеобеденные разговоры в гостиной клуба, дает превосходную сатиру на либералов, «радикалов вчерашних», и зло высмеивает славянофильство.

Ни сатира «Клуб», ни «У камина» в печати не появились, лишь позднее они в несколько переработанном виде вошли в сатирическую поэму Некрасова «Недавнее время». Сатира «Клуб» частично соответствует первой и второй главам «Недавнего времени»; «У камина» — началу третьей главы и отчасти четвертой главе (сатирическая характеристика либерала).

Между сатирой «У камина» и третьим куском рукописи, не озаглавленным и представляющим первоначальную редакцию окончания основной части «Недавнего времени», вынута часть сводной рукописи, содержащая сатиру «Газетная» (сохранилась ее наборная рукопись) и начало сатиры «Игорная», которая является непосредственным продолжением «Газетной».

*Мы еще игроков не видали.
Игроки — интересный народ.
Но семейство их слишком велико,
Нужно время, чтоб их описать.
Г о л у б ь, К о р ш у н, О р а л о и Х н ы к а ²
Так я типы их думал назвать
И со временем каждым разрядом
Я отдельно займусь, а теперь
С нас довольно поверхностным взглядом
Их окинуть. Войдем в эту деерь, —*

читаем мы в том варианте окончания сатиры «Газетная», который имеется в рукописи Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина. После этих слов идет сатира «Игорная»:

*Чу! Сабуров, орало забавный,³
Проклиная несчастье, гремит.
Чу! Наш друг, путешественник славный,
Монотонно и дерзко ворчит.*

Далее, очевидно, должна идти та галерея игроков, которая содержится в третьей главе «Недавнего времени» (один лист сводной рукописи утрачен). Сатира «Игорная», очевидно, являлась заключительной главой клубных сатир и заканчивалась следующими строками:

¹ «Для бесед тех, кто не играл в карты, устроена была... небольшая комната с камином, за газетной и перед кабинетом для совещания старейшин...» — писал М. Лонгинов в своих «Воспоминаниях» (Столетие СПб. Английского собрания, СПб., 1870, стр. 36).

² Выделено Некрасовым.

³ В «Недавнем времени» строка изменена:

Чу! какой-то игрок крутонравный.

Ну конец! Мы в последнем покое.
 Все, что мог, показал тебе я
 (Не задев никого за живое), —
 Что же скажешь ты, Муза моя?
 Ничего. Клуб изрядно устроен,
 Но в нем мало здоровых голов.
 Здесь один только мудр и спокоен:
 Это дедушка медный — Крылов.
 Не холодным глядит истуканом,
 Он лукавым сатиром глядит.
 Игрокам, честолюбцам, дворянам
 Он улыбкой своей говорит. . .

Дальше в рукописи записаны «краткие и мудрые слова» медного дедушки Крылова, которые заключают и печатный текст основной части «Недавнего времени». В сводной рукописи непосредственно после крыловских слов идет следующая сатира цикла — «Театр» (так называлась в рукописи сатира «Балет»).

Композиционным связующим звеном между сатирой «Театр» и всем циклом является снова «свирепый мороз», который гонит поэта с улицы сначала в клуб, а затем в театр:

Свирепеет мороз ненавистный.
 Нет, на улице трудно дышать.
 Муза! нынче спектакль бенефисный,
 Нам в театре пора побывать.

Таким образом, изучение вариантов рукописи позволяет сделать вывод, что Некрасов не предполагал закончить этот цикл сатирой «Кому холодно, кому жарко», а непосредственно продолжил его в клубных и театральной сатирах. Не только идейный замысел, но и композиционная взаимосвязь всех сатир цикла в рукописи совершенно очевидна. Это был грандиозный замысел широкого диапазона: от изображения уличных впечатлений (1-я и 2-я части «О погоде») до описания столичных аристократических клубов (клубные сатиры), театров («Балет»). Возможно, замысел этого цикла был еще шире. Во всяком случае, незаконченная пьеса «Как убить вечер», как и отрывки из «Медвежьей охоты», тематически близко примыкают к циклу и как бы продолжают сатирическую линию разоблачения социальных верхов.

Единую сводную рукопись сатир, начинающуюся 2-й частью «О погоде», включающую клубные сатиры и заканчивающуюся сатирой «Театр», Некрасов осуществил, как предполагает А. Максимович, «повидимому, незадолго перед 1865 годом».

В тексте сводной рукописи имеется маленький штрих, говорящий в пользу того мнения, что рукопись должна быть отнесена именно к 1865 г. В одном из первоначальных набросков к клубным сатирам читаем:

Смутный говор, дуэли и драки,
Назначенья и сплетни Двора,
Лошадиные призы, собаки,
Берты, Марты,¹ охота, игра...

В сводной же рукописи соответствующее место несколько изменено:

Разговор его скачки, собаки,
Берты, Мины,² охота, игра...

Изменение «Берты, Мины» внесено Некрасовым, очевидно, под влиянием стихотворения В. Курочкина «Дама приятная во всех отношениях», появившегося в «Искре» № 1 за 1865 г., где дважды повторяется сочетание имен:

Минами, Бертами, Идами...
Идами, Бертами, Минами...

Некрасов воспринял, очевидно, это сочетание как удачный поэтический штамп, выразительно характеризующий определенный тип лореток.

Но из всей сводной рукописи в 1865 г. появилась лишь 2-я часть «О погоде» и «Газетная», причем, печатая последнюю сатиру в «Современнике», Некрасов, повидимому, еще надеялся опубликовать весь цикл, поэтому к заглавию «Газетная» в журнале был подзаголовок «Сатира 12» и печаталась она, как отрывок, начинаясь и кончаясь многоточиями.

В 1866 г. из сводной рукописи была напечатана еще одна сатира — «Балет». Оставшаяся же часть клубных сатир в те годы не была напечатана, вероятно, главным образом в силу цензурных соображений. Как уже упоминалось, Некрасов использовал ее лишь через несколько лет в качестве основного материала для сатирической поэмы «Недавнее время», опубликованной в 1871 г.

В процессе работы над циклом Некрасов несколько раз менял нумерацию сатир, которую затем окончательно отбросил, не осуществив полностью замысла по первоначальному плану. Так и сатира «Балет», в сводной рукописи идущая *после* клубных сатир, при переработке ее в самостоятельную сатиру должна была *предшествовать* им и следовать после VI сатиры — «Кому холодно, кому жарко», потому что в наборной рукописи «Балет» обозначен VII сатирой. В «Современнике» же «Балет» имел подзаголовок «Сатира 9», т. е. между сатирой «Кому холодно, кому жарко» и «Балетом» Некрасов предполагал поместить еще какие-то две сатиры.

¹ Курсив мой. — Т. Ф.

² Курсив мой. — Т. Ф.

Последняя нумерация сатир единого цикла должна была быть, очевидно, такова:

Вступление к сатирам
(1-я часть цикла «О погоде»)

I. «Утренняя прогулка».

II. «До сумерек».

III. «Сумерки».

IV сатира цикла не была написана. Между 1-й и 2-й частями «О погоде» был разрыв в шесть лет, а так как 2-я часть являлась, по словам Некрасова, «продолжением прежних очерков», то IV сатира должна была, вероятно, явиться связующим звеном между ними.

Сатиры
(2-я часть цикла «О погоде»)

V. «Крещенские морозы».

VI. «Кому холодно, кому жарко».

VII и VIII сатиры не были написаны; есть, однако, некоторые основания предполагать, что в них был бы затронут вопрос о петербургских пожарах, которых Некрасов обещал коснуться в заключительных строках предшествующей сатиры «Кому холодно, кому жарко»:

Семь пожаров случилось в ту ночь,
Но смотреть их нам было невмочь.
В сильный жар да в морозы трескучие
В Петербурге пожарные случаи
Беспреданны — на-днях как-нибудь
И пожары успеем взглянуть...

Эту тему Некрасов ставил и в 70-х годах; в послесловии к «Недавнему времени» поэт обещает читателю:

Погоди, если мы проживем,
Дав назад отодвинуться фактам, —
И вперед мы рассказ поведем, —
Мы коснемся столичных пожаров
И волнений в среде молодой,
Понесенных прогрессом ударов
И печальных потерь... Да и той
Злополучной поры не забудем,
Что прогресс повернула вверх дном...

Упомянув в этих строках о столичных пожарах, Некрасов, без сомнения, имел в виду знаменитые петербургские пожары 1862 г. и тот комплекс общественных событий, который был с ними связан. Воспользовавшись паникой, вызванной пожарами, царское правительство открыто взяло курс на реакционную политику.

Прокатилась волна арестов и обысков. Н. Г. Чернышевский и Д. И. Писарев были заключены в Петропавловскую крепость. Посыпались удары по прогрессивной печати, «Современник» и «Русское слово» были приостановлены на 8 месяцев. Стали распускаться слухи, повторявшиеся реакционными газетами, о поджигателях-студентах и нигилистах. В этой связи особенно гневно звучит уничтожающая характеристика продажной печати в сатире «Газетная»:

Образцы изумительной прозы
Замечаются в прессе родной:
Тот добился успеху во многом
И удачно врагов обуздал,
Кто идею свободы с *поджогом*,¹
С грабежом и убийством мешал...

По делам о поджоге был введен военно-полевой суд. «Следственная комиссия не открыла никакой связи пожаров с политической..., есть очень веское основание думать, что *слухи о студентах-поджигателях распускала полиция*», — писал В. И. Ленин в статье «Гонители земства и аннибалы либерализма».²

В свете этих фактов становится понятным, почему Некрасов вторично не выполнил своего обещания коснуться этой темы. Ведь уже за «Недавнее время» журналу «Отечественные записки» грозило предостережение, а здесь обещалась тематика, еще более острая в политическом отношении.

Театральная сатира

IX. «Балет» (под номером IX сатира была напечатана в «Современнике»).

Цикл клубных сатир

X. «Клуб».

XI. «У камина».

XII. «Газетная» (этот номер сатира имела в «Современнике»).

XIII. «Игорная».

К сожалению, Некрасов не смог осуществить весь этот план, часть сатир так и осталась ненаписанной. Работа над всем циклом продолжалась с перерывами в течение 13 лет — с 1858³ по 1871 г. Поэма «Недавнее время», вобрав в себя всю не напечатанную к 1871 г. часть сводной рукописи, явилась заключительным звеном единого цикла, хотя формальная связь между сатирами, которая так явно прослеживается в рукописи, в поэме была утрачена.

¹ Курсив мой. — Т. Ф.

² В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 27.

³ 1-я часть «О погоде» была написана еще в 1858 г.

Как указано выше, 1-я часть цикла «О погоде» имела в журнале подзаголовок «Вступление к сатирам». Эта ремарка очень интересна, потому что она проливает свет на весь замысел цикла.

Даже при беглом чтении бросается в глаза резкое различие тональности между 1-й частью «О погоде» и остальными сатирами цикла. В 1-й части преобладают ноты лиризма, скорбного сочувствия изображаемому, в последующих же сатирах начинают преобладать резкие сатирические интонации. Это объясняется тем, что в 1-й части цикла «О погоде» Некрасов рисует в основном бедственное положение петербургской нищеты, во 2-й же части «О погоде» и в последующих сатирах цикла появляются сугубо сатирические портреты представителей социальных верхов — обжор, франтов, либералов, игроков и т. д.

Некрасовская сатира в самой своей сущности основана на принципе социального контраста, на этом же принципе построен и данный сатирический цикл. 1-я часть «О погоде», изображающая нищенскую жизнь петербургских низов, задумана Некрасовым как фон, как вступление к сатирам, разоблачающим социальные верхи Петербурга.

Благодаря такому вступлению к сатирам обостряется политический смысл цикла.

Свой долг поэта-гражданина Некрасов видел прежде всего в беспощадном обличении ненавистного ему социального строя, этому обличению и служила его муза «мести и печали». Поэтому и в обличительном цикле «О погоде» и в примыкающих к нему сатирах неразрывно звучат обе основные интонации некрасовской музыки, диалектическое единство которых Некрасов постоянно подчеркивал в своих поэтических декларациях: скорбная печаль там, где поэт изображает нищету «униженных и оскорбленных», и бичующая сатира-«месть» там, где разоблачаются угнетатели.

1-я часть цикла «О погоде» является дальнейшим продолжением урбанистической линии ранних стихов Некрасова, в частности, цикла «На улице». Преемственная связь между ними подчеркивается даже в подзаголовке к циклу «О погоде» — «Уличные впечатления». Но, в отличие от цикла «На улице», собрания совершенно разрозненных уличных сценок, уличные впечатления поэта в 1-й части «О погоде» формально объединены неким единством времени — «с утра до ночи»: ¹ «Утренняя прогулка», «До сумерек», «Сумерки». Название цикла «О погоде» полемично, в нем заключается глубокая некрасовская ирония. Маскируясь нейтральным названием, поэт насыщает цикл остро обличительными картинами, поэтому с такой язвительной иронией звучат стихи:

¹ Этот подзаголовок имелся в корректуре.

До того, что творится в природе,
Дела нашему цензору нет.
«Вы взялись писать о погоде,
Воспевайте же данный предмет!»¹
(«Кому холодно, кому жарко»)

Наблюдая погоду, как иронически определяет Некрасов цель своих прогулок по столичным улицам, поэт на каждом шагу наталкивается на тяжелые сцены: похороны бедного чиновника; чуть живая, окровавленная, жестоко избиваемая кляча, образ которой как бы символизировал воплощение страданий угнетенного народа («так люди глядят, покоряясь неправым нападкам»); крестьянские рекрутские обозы и «рыдание баб истеричное» (показательно, что цензура при напечатании стихотворения в «Современнике» не разрешила указать на то, что причиной рыдания баб является рекрутский набор). Раздирающий плач детей и весь мрачный гул города-омута ассоциируется в сознании поэта с грозным рокотом, «словно цепи куют на несчастный народ».

Острая полемическая направленность некрасовского цикла «О погоде» не могла быть незамеченной современниками. В этом отношении интересны пародии Минаева «Осеннее петербургское утро в 7. песнях на одну тему», появившиеся в 1864 г. в журнале «Русское слово».

Пользуясь методом пародийного утрирования, Минаев ярко показывает принципиальную разницу в использовании данной темы Некрасовым, с одной стороны, и поэтами «чистого искусства» — с другой. В картине петербургского утра, по Фету, Минаев зло высмеивает узко личную направленность поэзии, в картине, по Майкову, — отвлеченность, в картине, по Тютчеву, — философскую бесстрастность тона, наконец, Полонский в пародийной интерпретации Минаева провозглашает *credo* «искусства для искусства»:

Пусть вокруг погибает вселенная,
Пусть нужда развращает людей, —
Я поэт — не из сонма судей,
Для небес моя песнь вдохновенная.

В картине, по Некрасову, Минаев перепевает, пародируя, мотивы 1-й части «О погоде», но, несмотря на элемент пародии, он отмечает принципиально иной подход Некрасова к теме, подчеркивая реалистически конкретный метод изображения и обличительные интонации Некрасова. Другое стихотворение Минаева «На улице» уже не в пародийном плане свидетельствует о его солидарности с некрасовским социально острым восприятием города. И. Г. Ямпольский в своей статье о Минаеве пишет: «... в поэме „Та или эта?“ Минаев говорит,

¹ Курсив мой — Т. Ф. Последний стих первоначально читался так:

«Так и пойте погоду, поэт!»

что по случайным уличным впечатлениям, мелькнувшей в окне тени, профилю усталого человека и т. д. он воссоздает „незримые драмы“. Это типично некрасовское восприятие города. Вспомним признание Некрасова: „Мерещится мне всюду драма“, являющееся заключительным аккордом замечательного цикла „На улице“ (1850) и своеобразным смысловым ключом ко всей его городской лирике. Нужно, впрочем, оговориться, что подобное восприятие характерно не для одного Некрасова и его поэтического направления, но и для всей демократической линии русской литературы, возникшей на почве натуральной школы. В высшей степени интересно с этой точки зрения признание Герцена в его „Капризах и раздумьи“. „Когда я хожу по улицам, особенно поздно вечером, — писал он, — когда все тихо, мрачно, и только кое-где светится ночник, тухнувшая лампа, догорающая свеча, — на меня находит ужас: за каждой стеной мне мерещится драма, за каждой стеной виднеются горячие слезы, слезы, о которых никто не сведает, слезы обманутых надежд, слезы, с которыми утекают не одни юношеские верования, но все верования человеческие, а иногда и самая жизнь“ и т. д. Разумеется, совершенно очевидное словесное совпадение („за каждой стеной мне мерещится драма“, „мерещится мне всюду драма“, „и я вижу незримые драмы“) здесь не случайно, но оно важно не само по себе, а как выражение общей для них концепции города и острых социальных противоречий современной жизни, общего строя чувств и переживаний.¹ Именно поэтому на первый взгляд случайные, беглые зарисовки уличных сценок у Некрасова, независимо от того, подаются ли они как разрозненные, не связанные между собой картинки (как в некрасовском цикле «На улице»), или формально они объединены единством времени (как в 1-й части «О погоде»), или же в них таким связующим звеном выступает «свиристый мороз» (как во 2-й части «О погоде»), — они всегда объединены глубоким внутренним единством: изображением Петербурга как города острейших контрастов между нищетой и роскошью, как арены социальных драм. За внешними, часто обыденными фактами Некрасов вскрывает подлинную трагедию, обусловленную социально несправедливым устройством общественной жизни.

Рисуя картинки «уличной жизни», Некрасов создавал художественные образы такой остроты, что даже относительно благожелательная критика, не говоря о враждебной, постоянно упрекала Некрасова в преувеличениях, в искажении реальных черт, в нагромождении случайностей. Так, один из критиков писал: «Уже Страхов ставил ему <Некрасову> в вину такие преувеличения, что какой-то жалкий чиновник (в стихотворении „О погоде“) „*четыренадцать раз погорал*“,

¹ И. Г. Ямпольский. Вступительная статья к «Собранию стихотворений» Д. Минаева, изд. «Советский писатель», 1947, стр. XXXIV.

что во время наводнения „целую ночь пушечный гром грохотал“ и „вся столица молилась“, что однажды в сильный мороз „на просторстве *пяти сажений*“ можно было насчитать „до сотни отморозенных щек и ушей...“. Шарж в описаниях, в сравнениях портит иногда самые дивные страницы», — писал далее критик.¹

Здесь мы сталкиваемся с любопытным вопросом некрасовской поэтики. Исследователи уже много раз подчеркивали частое использование Некрасовым сатирического гротеска. Но прием гиперболизации Некрасов использовал не только в сатирическом плане. Он прибегал к нему и тогда, когда имел целью дать наиболее острое изображение народных страданий, бедствий угнетенных, как, например, в главе «Утренняя прогулка», где описываются похороны бедного чиновника. Элементы гиперболизации отнюдь не противоречили реалистической направленности некрасовского творчества.

Добролюбов в письме от марта 1860 г. к сотруднику журнала «Современник» Славутинскому, определяя задачи журнала, писал: «Нам следует группировать факты русской жизни, требующие поправок и улучшений, надо вызывать читателей на внимание к тому, что их окружает, надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху, — до того, чтобы противно стало читателю все это богатство грязи, чтобы он, задетый наконец за живое, вскочил с азартом и вымолвил: „да что же, дескать, это наконец за каторга! Лучше уж пропадай моя душонка, а жить в таком омуте не хочу больше“. Вот чего надобно добиться и вот чем объясняется и тон критик моих, и политические статьи „Современника“, и „Свисток...“.² Именно этим объясняются и тон некрасовских сатир, и те художественные средства, с помощью которых поэт «колол глаза» читателю, вызывая чувство протеста.

В качестве эпиграфа ко всей 1-й части «О погоде» стоит саркастическое двустишие, взятое из лакейской песни:

Что за славная столица
Развеселый Петербург!

Почти каждая строка цикла «О погоде» пропитана иронией, близкой по своей сущности к гоголевской формуле: «смех сквозь слезы». После тяжелой сцены на кладбище в главе «Утренняя прогулка» поэт восклицает:

... Я доволен собой,
Я недаром на улицу вышел:
Я хандру разогнал — и смешной
Каламбур на кладбище услышал,
Подготовленный жизнью самой...

При помощи приема, называемого Некрасовым «каламбуром, подготовленным жизнью самой», т. е. сочетания внешне смешной, стран-

¹ С. А. Андреевский, Литературные очерки, СПб., 1902, стр. 178, 179, 180.

² Сб. «Огни», кн. I, П., 1916, стр. 67, 68.

ной формы с глубоко драматическим содержанием, поэту с особой яркостью удавалось обнажать вопиюще ненормальные условия жизни. В сатире «Сумерки» Некрасов делает остро обличительный вывод:

Бедность гибельней всякой заразы —
 В нашей улице люди так мрут,
 Что по ней то и знай на кладбища,
 Как в холеру, ташат мертвецов:
 Холод, голод, сырые жилища...

Когда бы и где бы ни рисовал Некрасов сцены уличной жизни Петербурга, они почти всегда сопровождаются картиной похорон бедняков.

Обличительные картины и выводы поэта в сатирах «О погоде» перекрещиваются с внешне-бытовым планом зарисовок Петербурга и петербургских улиц в их сутолоке, характерных жанровых сценах, типичных эпизодах. В сатире «До сумерек» Некрасов сатирически изображает проходящие «под воинственный гром барабана» войска, но даже на торжественных парадах царской военщины поэт прежде всего видел несчастных, измученных муштрой крестьянских парней.

Пестрая толпа пеших, едущих, праздно зевающих петербургских обывателей рисуется Некрасовым живописными, замечательно точными штрихами: тут и квартальный с захваченным пьяницей, тут и старуха с аптечной склянницей, тут и бедняк-итальянец и т. д. Этот внешне бытовой план обрисовки петербургских улиц идет у Некрасова от его ранней прозы, от физиологических очерков. Не случайно некоторые персонажи стихотворений Некрасова как бы прямо перенесены из его прозы (Матильда, бедняк-итальянец и т. д.). Еще в романе о Тростникове и в «Трех странах света» имелись подробные описания петербургских улиц, внешнего вида города, его пейзажа. В стихотворениях зрелого периода эти картины достигают огромного художественного совершенства, но, в соответствии с общим восприятием Петербурга как города-омута для бедноты, и городской пейзаж Некрасов рисует преимущественно в мрачных тонах:

Надо всем, что ни есть: над дворцом и тюрьмой,
 И над медным Петром, и над грозной Невой,
 До чугунных коней на воротах застав
 (Что хотят ускакать из столицы стремглав) —
 Надо всем распростерся туман.
 Душный, стройный, угрюмый, гнилой,
 Некрасив в эту пору наш город большой,
 Как изношенный фат без румян...

(«Сумерки»)

... С какой-то тоской безотрадной
 Месяц с ясного неба глядит
 На Неву, что гробницей громадной
 В берегах освещенных лежит,

И на шпиль, за угрюмой Невою,
Перед длинной стеной крепостною,
Наводящей унынье и сплин.

(«Кому холодно, кому жарко»)

Наконец, даже изображение петербургской погоды подчинено общему восприятию города:

Начинается день безобразный —
Мутный, ветренный, темный и грязный...

(«Утренняя прогулка»)

Ветер что-то удушлив не в меру
В нем зловещая нота звучит,
Все холеру — холеру — холеру —
Тиф и всякую немочь сулит!..

(«До сумерек»)

Выше уже подчеркивался иронический смысл заглавия цикла «О погоде». Этому политически нейтральному заглавию Некрасов придает обличительный оттенок. В «Песнях о свободном слове», характеризуя эпоху цензурного гнета, поэт писал:

Мою любимую идейку,
Что в Петербурге климат плох,
И ту не в каждую статейку
Вставлять я без боязни мог.

Стихи, посвященные изображению жизни петербургской бедноты, дышащие скорбью и сочувствием поэта, являются как бы идейным мостом для перехода к бичующей сатире на тех, что «цепи кует на несчастный народ», являются вступлением к сатирам.

Во 2-й части «О погоде» Некрасов снова придает нейтральной для поэтов «чистого искусства» теме морозной погоды социальное звучание. Впрочем, такой подход к этой теме был характерен и для других поэтов демократического лагеря. Например, в 1861 г. в «Искре» были напечатаны «Морозные стихотворения» В. Курочкина, которые являлись пародией на стихотворение Я. Полонского «Зимний путь».

В. Курочкин писал в своей пародии:

Ночь холодная мутно глядит
В комфортабельный мой кабинет...
Пусть Полонскому снится: *на волке верхом*
Едет он по тропинке волшебной страны
Воевать с чародеем-царем,
В чудный край, *где царевна сидит под замком...*
Мне иные мерещатся сны.

Мне все чудится: семьдесят девять домов...
В двух конурках семейство живет,
Платит тридцать рублей, без воды и без дров...

И мне видится площадь — на ней кучера́,
 Согреваясь, друг друга теснят
 Перед пламенем красным костра,
 Да на окна глазают, а там до утра
 Очень скучно идет маскарад.

И я вижу и слышу мороз на дворе,
 У ворот заливаются псы,
 В департамент шинельки бегут на заре,
 А у дам развивается tic doulouceux,¹
 У извозчиков мерзнут носы...

В этом стихотворении, помимо его острой полемичности против «чистого искусства», характерно намеченное социальное противопоставление: веселящиеся в маскараде господа и мерзнущие на морозе извозчики. Эту лишь намеченную у В. Курочкина тему Некрасов блестяще развернул, углубил и воплотил в художественно совершенных стихах 2-й части «О погоде», которая построена на ярком социальном контрасте.

В сатире «Крещенские морозы», если у тепло одетых, обеспеченных людей отмерзают только уши и щеки, то у бедняков «целиком христианские души часто гибнут теперь», причем Некрасов поясняет, что гибнут «христианские души» замерзшего часового, Ваньки-извозчика, уснувшего в санях, и прочей бедноты.

Вслед за морозом в сырые подвалы «всевозможные тифы, горячки, воспаления — идут чередой». И мрущим, «как мухи», извозчикам, прачкам, детям Некрасов с гневным сарказмом противопоставляет смерть «жертв именитых, в зрелых летах, в почтенных чинах, чистых, гладеньких, толстеньких, сытых». Еще в одном из своих ранних стихотворений Некрасов с чувством мстительной радости восклицал, что ему отрадно видеть, «что лопнуть можешь ты, обжора!» В сатире «Крещенские морозы» с язвительной насмешкой рисует поэт целую галерею лопнувших от обжорства «героев»:

Генерал Федор Карлыч фон Штубе,
 Десятипудовый генерал,
 Скушал четверть телятины в клубе,
 Крикнул: «пас» и со стула не встал!
 и т. д.

Итак, с одной стороны, смерть от нужды, холода и голода, а с другой — смерть от обжорства, ожирения, тучности. Вся ненависть поэта к угнетателям выражается в этой контрастной картине. Вполне определенный социальный смысл имеет и заглавие следующей сатиры цикла — «Кому холодно, кому жарко».

¹ Мучительный тик.

По последней нумерации сатир единого цикла — «Балет» должен был следовать после цикла «О погоде».

«Балет» — одна из наиболее художественно совершенных и острых некрасовских сатир. Сила ее в кричащем контрасте вопиющего крестьянского горя и бессмысленной праздности господствующих классов. Не случайно избрано именно балетное представление: балеты наиболее часто посещались аристократической, светской публикой. «Балетный люд»¹ составляют все «люди хорошего тона», которых поэт характеризует клеймящими штрихами: генералы и сенаторы с орденами, полученными не по заслугам, молодящиеся старцы — «мышинные жеребчики», накрахмаленные купчики-кутилы и прочая «безличная сволочь салонов». Беспощадно разоблачает Некрасов нравственную распущенность привилегированных классов, поработенных «золотым тельцом». В. Е. Евгеньев-Максимов в своей книге «Некрасов и театр» отмечает, что поэт в «Балете» выступает против аристократических, сановных и капиталистических верхов русского общества резче, чем когда бы то ни было.²

Одной из характерных особенностей всего некрасовского творчества, а его сатиры в особенности — в силу специфики жанра, является чрезвычайная чуткость и отзывчивость на злободневные общественные вопросы. Так, и в сатире «Балет» есть строки животрепещущей злободневности для того времени, посвященные описанию «всеобщего безденежья». В те годы Россию потрясал сильный промышленный и финансовый кризис, и связанные с ним вопросы оживленно обсуждались в журналах. Например, в № 1 «Современника» за 1866 г. («Балет» напечатан в № 2) опубликована статья Ю. Г. Жуковского «Где искать настоящего средства для поправления наших финансов»; в № 3 «Искры» за 1866 г. появились сатирические куплеты В. Курочкина «Веселые разговоры», также посвященные этой теме, и т. д.

Стихи, в которых Некрасов говорит о финансовом кризисе, входили первоначально, как это видно из сводной рукописи, в текст клубных сатир, и, лишь подготавливая сатиру «Балет» к печати, поэт эти публицистически злободневные стихи включает в *печатаемую* часть цикла.

Разорило чиновников чванство,
Прожила за границею знать,
Отчего оголело дворянство,
Неприятно и речь затевать!..

Некрасов был изумительным мастером контрастной композиции, он великолепно умел создавать параллельные, противопоставленные друг другу картины, каждая из которых подчеркивалась другой.

¹ В вариантах читаем:

Мимо первые кресла! Не худо
Нам однако слегка набросать
Общий очерк балетного люда.

² В. Е. Евгеньев-Максимов. Некрасов и театр, Л.—М., 1948, стр. 214.

«Балет» — одно из совершеннейших некрасовских произведений, и здесь этот композиционный прием достигает огромного художественного эффекта.

Балетной публике, рукоплещущей артистке «в рубахе крестьянской», танцующей, якобы, как «настоящий мужик», Некрасов противопоставляет другой «балет», подлинную «пляску» мужиков, настоящих мужиков, без кавычек:

В мерзлых лапотках, в шубе нагольной,
 Весь заиндевел, сам за себя
 В эту пору он *пляшет* довольно,
 Зиму дома сидеть не любя.
 Подстрекаемый лютым морозом,
 Совершая дневной переход,
Пляшет он за скрипучим обозом,
Пляшет он — даже песни поет!..¹

В 60-е годы, когда создаются лучшие некрасовские произведения («Коробейники», «Мороз, Красный нос»), когда уже пишется поэма «Кому на Руси жить хорошо», вся поэтика Некрасова органично пропитывается мощной струей народного творчества. Фантастические образы, подсказанные поэту народным творчеством, вводит он и в поэму «Кому на Руси жить хорошо», и в «Мороз, Красный нос», и в стихотворение «Зеленый шум» и т. д.

Точно так же в «Балете» в духе народной фантастики Некрасов одухотворяет образ крестьянского горя (оно «идет-подвигается») и наделяет его материальными свойствами:

Тяжело ты — крестьянское горе!
 Ой ты кладь, незаметная кладь!
 Где придется тебя выгружать?..
 Где до солнца идет за порог
 С топором на работу кручина,
 Где на белую скатерть дорог
 Поздним вечером светит лучина,
 Там найдется кому эту кладь
 По суровым сердцам разобрать,
 Там она приютится, попрячется —
 До другого набора проплачется!

В сатире «Крещенские морозы», как бы продолжая традицию поэмы «Мороз, Красный нос», Некрасов одушевляет образ мороза, несущего бедствия петербургской голи. Обращаясь к морозу, как к живому существу, «бедняки ему песню поют»:

«Уходи из подвалов сырых,
 Полутемных, зловонных, дымящихся,
 Уходи от голодных, больных,
 Озабоченных, вечно трудящихся,
 Уходи, уходи, уходи!
 Петербургскую голь пощади!»

¹ Курсив мой. — Т. Ф.

В 60—70-е годы народная поэзия настолько органично оплодотворила некрасовское творчество, что народно-песенные интонации постоянно врываются в некрасовские стихотворения. Так, например, даже в такое сугубо городское стихотворение, как «Газетная», в самую гущу говорных интонаций врывается полногласная народная песня:

Не заказано ветру свободному
Петь тоскливые песни в полях,
Не заказаны волку голодному
Заунывные стоны в лесах...

К. И. Чуковский в статье «Проза ли?» писал, что разговорная дикция, повествовательные интонации и жесты — «чужая стихия» для Некрасова, что «если и было такое пристрастие <у поэта>, оно сказывалось лишь в его наименее оригинальных, наименее некрасовских вещах, да и там оно весьма ослаблялось постоянным внедрением песни». Стихи Некрасова с разговорной интонацией К. И. Чуковский называет «говорными грехами» и приходит в конце статьи к выводу, что «Некрасов... который только пишет, но не поет свои стихи, — не Некрасов».¹

Такая постановка вопроса не только утрирована, но и по существу не верна. Отбрасывать у Некрасова говорные дикции, прозаические обороты, приближение стихов к естественной, разговорной интонации — это значит отказывать поэту в одном из прогрессивных завоеваний, проложившем дорогу В. В. Маяковскому.

Но другую сторону вопроса, и здесь мы согласимся с К. И. Чуковским, составляет то его утверждение, что «он <Некрасов> создал свой собственный, новый, в высшей степени оригинальный рецепт для сплава прозаической интонации с песенной». «Это внедрение песни в говорный и декламационный стих — наиболее замечательное свойство Некрасова», — пишет исследователь. «Получается своеобразная, ни с чем не сравнимая, специфически-некрасовская речь, которая вечно колеблется между этими двумя противоположными формами, попеременно приближаясь то к одной, то к другой».²

Именно синтез публицистической, журнальной, бытовой фразеологии с фольклорными элементами, своеобразное переплетение говорных интонаций с песенными, разнородных по своей сущности стилистических принципов — придает совершенно особую окраску многим произведениям Некрасова. Сатира «Балет» — одно из ярких подтверждений этого положения.

Сатирическое разоблачение «сволочи салонов» — это основной замысел «Балета», но в сатире есть и другой идейный мотив — разобла-

¹ К. Чуковский. Некрасов. Статьи и материалы, Л., 1926, стр. 149, 179.

² Там же, стр. 138, 149.

чение «чистого искусства». В рукописи куплеты балетомана были пространнее и протестующие ноты против «чистого» балетного искусства звучали отчетливее, несмотря на их юмористический тон:

*Кто тысячи бросает,
Кто шляется пешком,
Балет соединяет
В стремлении одном.
Сближает все сословья,
Мирит врагов балет
Житейские условия —
О них помину нет
И только ловят взоры
В услужливый лорнет,
Что «ножкой Терпсихоры»
Именовал поэт...¹*

Но особенное возмущение поэта вызывает псевдонародное искусство, замазывающее, идеализирующее бедственное положение народа, поэтому Некрасов с таким негодованием восклицает, обращаясь к актрисе, танцующей русского мужичка:

Так танцуй же ты «Деву Дуная»,
Но в покое оставь мужика!

Вопрос о том, каким должно быть настоящее, выражающее народные интересы искусство, Некрасов разрабатывает и в другой сатире цикла — «Газетной». Поэт клеймит продажную печать, субсидируемую правительством, печать, которая, лицемерно именуя себя «путеводной звездой прогресса», печатает «доносы на народ».

«Газетная», «Балет», «Крещенские морозы» и другие сатиры цикла представляют собой по жанру тип публицистического стихотворного фельетона. В 50—60-е годы фельетон выдвинулся у революционных демократов на первый план, они наполнили его публицистическим, актуальным содержанием и беспощадной критикой действительности. Этот жанр особенно соответствовал боевому характеру творчества революционных демократов.

Некрасов, еще в 40-е годы писавший юмористически-обличительные фельетоны («Говорун», «Провинциальный подъячий в Петербурге» и др.), в 60-е годы возводит газетный жанр фельетона до значения подлинных поэтических произведений, он насыщает их блестящим юмором, беспощадной иронией и сарказмом, пропитывает глубоким лиризмом. «Газетная», как и другие сатиры поэта, была насыщена злободневными намеками.

¹ Последнее четверостишие включено в печатный текст «Балета».

В сатире «Газетная» читаем:

... Мудрецы говорят:
 «Час досуга, за утренним чаем,
 Для чего я тоской отравляю?
 Наши немощи знаем мы, знаем,
 Но я думать о них не люблю!..».

Здесь Некрасов перекликается с Белинским, который в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» писал: «В самом деле, представьте себе человека обеспеченного, может быть богатого; он сейчас пообедал сладко, со вкусом (повар у него прекрасный), уселся в спокойных вольтеровских креслах с чашкою кофе, перед пылающим камином, тепло и хорошо ему, чувство благосостояния делает его веселым, — и вот берет он книгу, лениво переворачивает ее листы, — и брови его надвигаются на глаза, улыбка исчезает с румяных губ, он взволнован, встревожен, раздосадован... И есть от чего! книга говорит ему, что не все на свете живут так хорошо, как он, что есть *углы*, где под лохмотьями дрожит от холоду целое семейство, может быть недавно еще знавшее довольство, — что есть на свете люди, рождением, судьбою обреченные на нищету... И нашему счастливцу неловко, как будто совестно своего комфорта. А все виновата скверная книга: он взял ее для удовольствия, а вычитал тоску и скуку. Прочь ее! „Книга должна приятно развлекать; я и без того знаю, что в жизни много тяжелого и мрачного, и если читаю, так для того, чтобы забыть это“!..» (XI, 92—93).

Некрасов активно боролся за национальное русское искусство, служащее народным интересам:

Спокон веку работа народная
 Под унылую песню кипит,
 Вторит ей наша муза свободная,
 Вторит ей — или честно молчит.

Эта поэтическая декларация Некрасова полемически заострена против многочисленных врагов поэта, утверждавших, что свободным может быть только «чистое искусство». «Свободная муза» Некрасова, муза «гнева и печали» полна ненависти к угнетателям и сочувствия, сострадания к угнетенному народу:

Кто живет без печали и гнева,
 Тот не любит отчизны своей..

Только такое направление русской литературы является подлинно прогрессивным, всякое иное — позорно.

*Если есть исключенья позорные,
 Ты же ими гнушаешься, друг!
 Пусть взойдут семена животворные
 Честной Правды, Свободы, Наук... —*

читаем мы в черновой рукописи «Газетной».

Не забудем, что сатира «Газетная», где в бичующих тонах нарисован образ цензора, появилась в *первой* бесцензурной книжке «Современника» рядом со статьей М. Антоновича «Надежды и опасения», посвященной цензурному вопросу. Нарисованный яркими, жизненно правдивыми штрихами, образ цензора в сатире «Газетная» является одним из удачнейших некрасовских сатирических портретов. Палачом заклеил поэт цензора, который «О чинах, о свободе, о взятках... словечка в печать не пускал», но зато с усердием проводил мысли, «что „большие налоги Любит русский народ“. . . , Что реформы раненко вводить, Что крестьяне — опасные дети, Что их грамоте рано учить!». Замечательно художественное мастерство Некрасова, с которым он подчеркивает основную деталь в сатирическом образе цензора, беспощадно вычеркивающего все «крамольные» мысли:

Видишь, тощий сидит человек
С озабоченным, бледным лицом,
Весь исполнен тревогою страстной,
По движеньям похож на лису,
Стар и глух; и в руках его красный
*Карандаш*¹ и очки на носу. . .
Карандаш за привычное дело
Принялся. . .
Иногда до того я вникал,
Что во сне благодать осеняла,
И, вскочив, — я *черкал и черкал!* —

рассказывает далее о себе цензор.

Правда, в журнальном тексте Некрасов не решился открыто отождествить цензора с палачом, и поэтому в «Современнике» напечатан смягченный вариант. Тем не менее сатира «Газетная» вызвала негодование в Совете по делам печати, который нашел это стихотворение «зловредным», так как в нем «изображено в крайне оскорбительном виде звание Цензора». В ноябре 1865 г. журнал «Современник» получил первое предостережение, и сатира «Газетная», без сомнения, была одним из главных поводов к этому, хотя она официально и не упоминалась в числе произведений, вызвавших административную кару.² Ненависть Некрасова к цензуре вполне понятна. Недаром такими яркими штрихами в главе «До сумерек» описано негодование Пушкина на цензора, наставившего в корректуре свои уничтожающие красные кресты:

Глядя, как человек убивается,
Раз я молвил: сойдет-де и так!
— *Это кровь, говорит, проливается, —*
*Кровь моя.*³

¹ Здесь и дальше курсив мой. — Т. Ф.

² М. Лемке. Эпоха цензурных реформ, П., 1904, стр. 431.

³ Курсив мой. — Т. Ф.

Эти трагические слова, вложенные в уста Пушкина, Некрасов вполне мог бы произнести и от собственного имени.

Наряду с портретом цензора поэт рисует в «Газетной» и другой сатирический портрет. Правда, в пределах «Газетной» этот образ играет второстепенную роль и введен скорее для некоторого смягчения основного сатирического удара по цензору. Но, как уже говорилось, «Газетная» является лишь частью большого цикла клубных сатир, посвященных описанию Английского клуба. В ряду сатирических образов цикла данный в «Газетной» портрет скупца, шулера, подлеца, упрятавшего собственную мать в тюрьму и обворовавшего собственную супругу, но с которым посетители именитого клуба не гнушались играть в карты, имел ярко обличительный смысл, направленный против гнилой морали привилегированного общества.

Между осуществлением единой сводной рукописи цикла и появлением в печати последнего ее звена — сатирической поэмы «Недавнее время» (1871) — прошло шесть лет. Как указывалось, основным материалом для поэмы «Недавнее время» послужили сатиры «Клуб», «У камина» и «Игорная», которые Некрасов не смог напечатать в 60-е годы.

Недаром с такой горечью поэт в послесловии к «Недавнему времени» говорит о том, что «в вопросах текущих Права голоса мы лишены» и что можно быть верным истине «только задним числом». Но не следует думать, что Некрасов просто напечатал неиспользованную часть сводной рукописи. Поэт не только переработал сатиры, но и написал часть поэмы заново (например, послесловие, начало первой и начало четвертой главы), придав поэме самостоятельную форму.

Замечательная сатирическая поэма «Недавнее время», до сих пор недостаточно оцененная, — предмет специального исследования, не входящего в задачи данной работы. Укажем только, что, как ни благодарна была задача сатирического разоблачения типичных представителей аристократического Английского клуба, истинная цель поэта революционной демократии была несравненно шире и глубже. По справедливому замечанию председателя совета Главного управления по делам печати М. Р. Шидловского, «клуб здесь только маска, под прикрытием которой поэту удобнее порицать порядки недавнего прошлого, к нам очень близкого».¹

В поэме «Недавнее время» Некрасов дает развернутую сатирическую характеристику целых общественных периодов как дореформенного, так и послереформенного времени. Поэт уничтожающе разоблачает типичные фигуры социальных петербургских верхов, клеймит либералов и крепостников, делает широкие общественно-политические выводы, подводя итоги, произведенные реформой 1861 г. в рус-

¹ «Литературное наследство», кн. 49—50, М., 1946, стр. 510.

ском обществе. Оружием беспощадной сатиры борется Некрасов в «Недавнем времени», как и в прежних сатирах цикла, с эксплуататорскими классами, с реакцией, разоблачая весь социально-политический строй царской России.

В своем сатирическом цикле «О погоде» и примыкающих к нему сатирах Некрасов начертал исторически-конкретную картину Петербурга и его общественной жизни 60-х годов с идейных позиций революционной демократии.

С О О Б Щ Е Н И Я

Б. Я. Бухштаб

К БИОГРАФИИ Н. А. НЕКРАСОВА

В биографическом очерке о Некрасове, составленном М. М. Стасюлевичем и изданном за несколько месяцев до смерти поэта, имеется следующее сообщение, несомненно существенное для биографии Некрасова:

«Одно время, — пишет Стасюлевич, — его отец был исправником; он любил часто скуки ради брать сына Николая в разъезды по делам службы; таким образом, мальчик 12—13 лет присутствовал при различных сценах народной жизни, при следствиях, при вскрытии трупов, а иногда и при расправах во вкусе прежнего времени. Все это производило глубокое впечатление на ребенка и рано, в живых картинах, знакомило его с тогдашними, часто слишком тяжелыми условиями народной жизни».¹

Сведение это не содержится ни в каких других биографических источниках, — в частности, в многочисленных автобиографических набросках Некрасова, — но это не лишает его достоверности; статья Стасюлевича в первой своей части, касающейся детства и юности поэта, восходит к воспоминаниям самого Некрасова и авторизована им. «Начало настоящего очерка, — пишет Стасюлевич, — до оставления Н. А. Некрасовым университета, написано с его слов и было прочтено ему для фактической проверки».²

Однако внимание и память у смертельно больного Некрасова, очевидно, ослабели. Он, повидимому, неправильно назвал дату своего рождения.³ Неверно указана дата переезда в Петербург (1839 вместо 1838 г.). Мы можем обнаружить и еще одну неточность в том же биографическом очерке.

¹ Н. А. Некрасов. Тройка. Забытая деревня «и др.», СПб., 1877 («Русская библиотека», VII), стр. IV.

² Там же, стр. XII.

³ А. Попов. Когда и где родился Некрасов. «Литературное наследство», кн. 49—50, М., 1946, стр. 605—606; В. Евгеньев-Максимов. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I, М.—Л., 1947, стр. 87.

До недавнего времени не было известно, к каким годам относилась служба отца Некрасова в должности исправника. Теперь нам стала известна *начальная* дата этой службы. В книге В. Е. Евгеньева-Максимова «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова» (т. I, стр. 30) приведена цитата из хранящегося в Ярославском архиве «Формулярного списка о службе и поведении гг. присутствующих и секретаря Ярославского земского суда» за 1838 г. Здесь после слов об увольнении А. С. Некрасова от службы майором (в 1823 г.) следует: «Потом поступил из кандидатов исправником в земский суд 1837 г. Мая 19».

Итак, А. С. Некрасов был назначен исправником в мае 1837 г. Но в это время будущий поэт был уже не «мальчиком 12—13 лет», а юношей 15 с половиной лет. Совершенно ясно, насколько эта поправка изменяет значение для биографии Некрасова впечатлений, полученных им от участия в служебных поездках его отца.

Долго ли А. С. Некрасов прослужил исправником? Об этом никаких сведений в литературе до сих пор не было. Лишь в цитированной книге В. Е. Евгеньева-Максимова указано, что служба не могла продолжаться дольше 1847 г., так как к этому времени А. С. Некрасов попал под суд (стр. 30).

Однако есть возможность установить достаточно точно время окончания исправничьей службы А. С. Некрасова. В официальных ежегодных справочниках, так называемых «Адрес-календарях», майор Алексей Сергеевич Некрасов показан в должности земского исправника Ярославского уезда только один раз — в «Адрес-календаре на 1839 год», долженствовавшем включать сведения конца 1838 г.¹ В следующем же году, т. е. по сведениям на конец 1839 г., ярославским исправником показан уже не А. С. Некрасов, а титулярный советник Б. Ф. Золкин.

В. Е. Евгеньев-Максимов не приводит даты цитированного им «формулярного списка», но, поскольку он указывает, что это список «за 1838 г.», надо думать, что А. С. Некрасов прослужил весь этот год и уволился в 1839 г.

Должность дореформенного исправника в так называемых дворянских губерниях была, как известно, выборной, а результаты дворянских выборов обычно публиковались в губернских ведомостях. В 1839 г. уже издаются «Ярославские губернские ведомости», и в № 7 этой газеты от 17 февраля 1839 г. мы, действительно, находим «Список дворянам, избраным и утвержденным г. начальником губернии на 21-е трехлетие в губернские должности и в кандидаты». «По городу

¹ Сведения «Адрес-календарей» часто отставали от действительности; А. С. Некрасов должен был бы фигурировать уже в предыдущем «Адрес-календаре», данные которого должны были отвечать наличным штатам на конец 1837 г., но там показан еще предшественник А. С. Некрасова — капитан В. А. Бутримов.

Ярославлю», «в звание земского исправника» значитя избранным коллежский секретарь Б. Ф. Золкин.

Таким образом, время службы отца Некрасова ярославским уездным исправником устанавливается довольно точно: с 19 мая 1837 г. по начало 1839 г. Это немногим больше полутора лет, между тем как исправник выбирался на трехлетие. Но, как видно из цитированного выше формуляра, А. С. Некрасов и не был выбран исправником, а лишь кандидатом в исправники; исправник, очевидно, умер или почему-либо не смог дольше выполнять свою должность, и А. С. Некрасов стал исправником на срок, оставшийся до новых выборов.¹

Как известно, в июле 1838 г. Н. А. Некрасов уехал в Петербург; таким образом, его участие в служебных поездках отца падает на последний год жизни Некрасова в родительском доме. Это таинственный год в биографии Некрасова. Летом 1837 г. отец забрал его из гимназии, и в течение следующего учебного года Некрасов не учился и не известно, чем занимался. Причина ухода Некрасова из гимназии очевидна: он уже три года просидел в пятом классе, на третий год учился еще хуже, чем в предыдущие, и на экзамены даже не явился.² Действовавший тогда училищный устав 1828 г. не ограничивал срока пребывания в каждом классе, так что теоретически Некрасов мог бы остаться и на четвертый год. Но естественно, что отец его, вообще крайне нерасположенный к взносу платы за обучение своих детей,³ должен был счесть дальнейшие попытки учить сына в гимназии безнадежными. В. Е. Евгеньев-Максимов считает, что отец Некрасова взял сына из гимназии с целью отдать его в военное учебное заведение — Дворянский полк.⁴ Но почему же он осуществил это намерение

¹ Отмечу, что, согласно данным «Адрес-календарей», на предыдущее трехлетие 1833—1835 гг. баллотировался по Ярославскому уезду и был избран уездным судьей штабс-капитан Сергей Сергеевич Некрасов. Это, несомненно, дядя поэта — единственный из братьев и сестер Алексея Сергеевича достигший зрелого возраста (по указанию исследователя рода Некрасовых Н. П. Чулкова; см.: Н. С. Ашукин. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова, М.—Л., 1935, стр. 19); невозможно ведь предположить, чтобы в Ярославском уезде были два помещика с этим именем, отчеством и фамилией; а о том, что дядя Некрасова был помещиком этого уезда, известно из письма А. С. Некрасова сыновьям, опубликованного в книге В. Евгеньева («Максимова») «Н. А. Некрасов. Сборник статей и материалов» (М., 1914, стр. 32). Правда, здесь С. С. Некрасов именуется титулярным советником, а не штабс-капитаном, но это чины одного (9-го) класса; видимо, при зачислении на гражданскую должность штабс-капитан получил соответствующий гражданский чин. Для биографии Н. А. Некрасова это интересно в одном отношении: уездный судья должен был жить в том городе, где находился суд; значит, можно думать, что Некрасов и его брат в первые годы своей гимназической жизни не были так оторваны в Ярославле от всяких семейных связей, как это представлялось до сих пор.

² См.: В. Е. Евгеньев-Максимов. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I, стр. 109.

³ Там же, стр. 107, 108.

⁴ Там же, стр. 112.

только через год после оставления сыном гимназии? О том, чтобы Некрасов в течение года готовился к поступлению в новое учебное заведение, никаких сведений нет, и по всем биографическим материалам видно, что расчет шел на прием в Дворянский полк без экзаменов. Мы не имеем никакой возможности установить, когда возникла мысль попытаться с помощью протекции продолжить образование Некрасова.

Возникает вопрос: не связана ли годовая бездеятельность Некрасова именно с одновременной службой его отца?

Должность дореформенного исправника была необычайно многосложной: на нем лежали и полицейские, и следственные, и судебные функции, он должен был взыскивать недоимки, наблюдать за исправностью дорог и соблюдением условий судоходства, бороться с пожарами, эпидемиями и эпизоотиями и т. д. и т. д. По словам Сперанского, «от поимки простого бродяги до самых важных и многосложных уголовных следствий, все лежит на его <исправника> ответственности; от полтинной пошлины за гербовую бумагу до сотен тысяч недоимок, во всем он отвечает, за все его винят и с него взыскивают».¹ По всем этим делам происходила переписка с различными ведомствами, и это вызывало, по словам историка, «неимоверное развитие делопроизводства»; «дел было сверх меры и сил человеческих».²

Между тем майор Некрасов был, как показывают его письма, человеком малограмотным. Не решил ли новоявленный исправник воспользоваться даровой помощью сына, неудачливого в учении, но толкового, развитого, безусловно грамотного и «владеющего пером», как тогда говорили? Конечно, вспоминать о такой вынужденной помощи отцу в его служебных делах для Некрасова впоследствии должно было быть неприятно и, не имея возможности подробно объяснить читателю всю ситуацию, он, может быть, нарочно допустил неточность, перенеся свои поездки с отцом на более раннее время?

Это, разумеется, не больше как предположение, и остается вполне возможным, что исправник Некрасов действительно лишь иногда, просто «скуки ради», брал с собою сына в свои служебные поездки. Но представляется теперь несомненным, что брал он с собой не мальчика 12—13 лет, а юношу 15—16 лет, который вполне понимал все детали происходящих перед ним сцен. А о том, что это были за сцены, дает представление тот факт, что о полуторагодовой исправничьей деятельности А. С. Некрасова дурная память в народе осталась на много десятилетий. Уже после Октябрьской революции В. Е. Евгеньев-Максимов слышал отзыв от старика-извозчика в Ярославле:

¹ Цитируется по книге: Е. А н у ч и н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, СПб., 1872, стр. 114.

² Там же, стр. 113 и 116.

«Я об этом Некрасове от отцов слышал: когда он исправником был — всю округу перепопол!».¹

В биографии Некрасова поражает быстрота, с которой провинциальный дворянский юноша, не одолевший гимназической премудрости, превратился в величайшего поэта русской революционной демократии.

Кардинальную роль в этом превращении сыграло, как известно, сближение с Белинским, под влиянием которого были заложены прочные основы мировоззрения Некрасова. Быстрота и полнота усвоения идей Белинского Некрасовым зависела в значительной мере от того, что к моменту встречи с ним у Некрасова уже был исключительно богатый жизненный опыт, целиком подтверждавший оценки Белинского и получивший в их свете объяснение и единство. Старые переживания и новые мысли связывались в единстве цельного и активного мировоззрения демократического характера.

Судьба дала Некрасову возможность увидеть в детстве, в деревне, крепостное право во всем его откровенном и наглом безобразии, а в юности, в столице, — страшные контрасты безумной роскоши богатей и голодной нищеты бедняков. Некрасов видел насилие над людьми и с помощью барской плети, и рукою «беспощадного царя» — голода. Это были два слоя переживаний юного Некрасова — существеннейшие для его поэзии.

Мы можем теперь считать несомненным, что между этими двумя слоями лежал еще один: близкое знакомство с произволом царской администрации в ее низших, самых неприглядных звеньях. Юный Некрасов знал угнетение народа и деревенским помещиком, и городским баринном, и царским чиновником. Еще в первые два десятилетия своей жизни поэт получил живое и полное представление о социальном зле в тогдашней России.

¹ В. Е. Евгеньев-Максимов. ук. соч., стр. 30.

С. А. Рейсер

Н. А. НЕКРАСОВ В ПЕТЕРБУРГЕ¹

Интерес к адресу писателя — это не праздное любопытство его потомков. Мы помним и ценим заслуги великих людей, и во внимании к местам, где они творили и жили, — наша память и уважение к ним. Недаром мемориальные доски — напоминание о прошедших боях и революционных схватках с царизмом, о местах, где происходили собрания и съезды, о домах, где жили наши учителя и вожди, — так часто украшают стены этих зданий. Они воскрешают в памяти благодарных современников страницы славного прошлого и учат на его примерах геройству и доблести.

Районы города, особенно в прежнее время, были относительно четко разграничены по социальным и профессиональным признакам. Замоскворечье старой Москвы или Петербургская сторона 40—60-х годов — это само по себе нечто вроде характеристики, а не просто адресной справки, — так четко были социально определены эти районы.

Были районы более или менее дорогие, население в каждом из них было объединено общностью служебных интересов и занятий. Адрес писателя в том или другом районе уже сам по себе вносит какие-то черточки в понимание его социального положения, его интересов, его быта и жизни.

Памятные места Некрасова в Петербурге еще ни разу не были обследованы, даже не все они в точности установлены.

Попробуем проследить эту сторону жизни великого поэта за 1838—1877 гг.

1

В двадцатых числах июля 1838 г. Некрасов приехал в Петербург. Причиной поездки было желание реализовать в столице свои поэтические планы и продолжить свое образование.

Я отроком покинул отчий дом.
(За славой я в столицу торопился).

¹ В сокращенном виде прочитано 8 января 1949 г.

В шестнадцать лет я жил своим трудом
И между тем урывками учился.

(Из поэмы: «Мать»)

Не имевший первое время в городе никаких связей и знакомств Некрасов, естественно, тяготел к землякам-ярославцам. Среди них надо назвать впоследствии известного ученого-химика, активного сотрудника «Современника» в 1848—1850 гг. П. А. Ильенкова, И. К. Коссова, впоследствии профессора-технолога, и А. И. Глушицкого, окончившего в 1842 г. физико-математическое отделение философского факультета Петербургского университета (дальнейшая судьба его не известна).

Судя по «биографическим сведениям» (автор их А. М. Скабичевский), напечатанным в посмертном издании стихотворений Некрасова, и по воспоминаниям близкого поэту В. А. Панаева, первое время по приезде поэт жил в какой-то гостинице,¹ а потом где-то на (Малой?) Охте, с каким-то своим товарищем.² В точности этот адрес не известен, но во всяком случае проживал там Некрасов очень не долго.³ Адреса Некрасова, примерно с сентября — октября 1838 г. и до начала июля 1839 г., остаются неизвестными.

Первым вполне достоверным адресом Некрасова в Петербурге является указанный поэтом в заявлениях, поданных в Петербургский университет 14 июля и 4 сентября 1839 г.: «Рождественской части, 6-го квартала у Малоохтенского перевоза в доме купца Трофимова».⁴

По этому адресу проживал случайный знакомый Некрасова — учитель греческого и латинского языков в Петербургской духовной семинарии Д. И. Успенский (незадолго до того, в 1837 г., окончивший духовную академию в Петербурге).⁵

В квартире Успенского, в темном чулане подле столовой, за перегородкой,⁶ Некрасов прожил некоторое время (не менее полугода, скорее всего до конца осени 1839 г.). Любопытно, что этот самый адрес («близ Малоохтенского перевоза») указывает и герой повести Тихон Тростников накануне поступления в университет, подтверждая тем самым документальную точность и биографичность повести.⁷

¹ В. А. Панаев. Воспоминания. «Русская старина», 1901, № 9, стр. 493.

² Но не с А. И. Глушицким; см.: Н. Глушицкий. Письмо в редакцию по поводу биографии Некрасова, помещенной в «Отечественных записках». «Петербургский листок», 1878, № 107, 1 июня, стр. 2, 3.

³ «Биографические сведения», — статья А. М. Скабичевского в посмертном издании стихотворений Некрасова (1879, т. I, стр. XXVIII); ср.: «Отечественные записки», 1878, № 6, стр. 110.

⁴ «Литературное наследство», кн. 49—50, М., 1946, стр. 354—358.

⁵ Там же, стр. 363.

⁶ Там же, стр. 164.

⁷ Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. VI, М., 1950, стр. 136.

Малая Охта и район возле Малоохтенского перевоза по левому берегу Невы даже и в наши дни — сравнительно отдаленный район социалистического Ленинграда, а 112 лет назад это была далекая полусельская часть, лишь юридически входившая в черту города («с кувшином охтенка спешит»). Только самая крайняя нужда могла заставить поселиться в таких местах. До университета было без малого 10 километров; никакого регулярного сообщения с центром не было.

Дом купца 3-й гильдии Михайлы Егоровича Трофимова¹ по планам и росписям домов легко определяется: он находился на Невско-Рождественской или, иначе, просто на Невской набережной под № 66.² Позднее эта набережная стала официально называться Набережной Большой Невы³ (в наши дни — Шлиссельбургским проспектом), а дом получил № 63.⁴ В 1849 г. это был каменный трехэтажный дом, протяжением по фасаду в 17 саженьей. Вся эта часть города подверглась последующей перепланировке и благоустройству, и дом до наших дней не сохранился — на его месте теперь торговые склады; дом был по счету четвертый справа, считая от поворота нынешнего Шлиссельбургского (бывшего Малоохтенского) проспекта к Неве, если ехать от Красной площади.

2

Поссорившись с Успенским, Некрасов покинул его квартиру. С этого времени начинаются скитания неустроенного бедняка, а вскоре и неудачливого поэта, по самым разнообразным лачугам, углам и комнатам «от жильцов» грязных и неблагоустроенных кварталов Петербурга. Адреса Некрасова с октября 1839 и до 1842 г. крайне не ясны. Мемуаристы нагромождают много противоречивых, а порой просто лживых данных, привести которые в ясность, а главное, в последовательность — нелегко или просто невозможно. Так обстоит дело с «воспоминаниями» Н. В. Успенского; легендой о Некрасове является рассказанный Елисеем Колбасиным эпизод (соответственно и адрес: «Малая Мещанская») из жизни Некрасова в 1840 г.⁵ Точно так же и

¹ Н. Цылов. Атлас тринадцати частей С. Петербурга, ч. 2, СПб., 1849, стр. 232 (в дальнейшем — Цылов); К. Нистрем. Адрес-календарь санктпетербургских жителей, ч. 3, СПб., 1844, стр. 464 (в дальнейшем — Нистрем).

² Цылов, I, 164; Нистрем, I, 169; Путеводитель. 60 000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского села, Петергофа, Гатчина и прочие, ч. II, СПб., 1854, стр. 39 (в дальнейшем — С.-Петербургский путеводитель).

³ С.-Петербургский путеводитель, II, 39. Малоохтенский перевоз находился как раз на Невско-Рождественской набережной; см.: И. Пушкарев. Описание Петербурга, ч. I, СПб., 1849, стр. 103.

⁴ Всеобщая адресная книга С.-Петербурга..., СПб., 1867—1868, отд. V, стр. 76.

⁵ Тени старого «Современника». «Современник», 1911, № 8, стр. 228.

«воспоминания» П. В. Быкова представляют собой «монтаж» названной выше статьи Скабичевского, воспоминаний А. С. Суворина и других материалов.¹

Довольно точные воспоминания Суворина² позволяют думать, что следующим после дома Трофимова адресом была Разъезжая улица, где Некрасов жил в старом деревянном домике грязного и тесного двора, в квартире какого-то отставного унтера. Здесь и произошел с ним известный эпизод, когда, больной, он дал своему квартирохозяину кабальную расписку на все свои вещи, якобы отданные ему в залог за долг. Воспользовавшись этим, квартирохозяин присвоил себе вещи, а вечером не пустил своего постояльца в комнату. Едва не замерзшего холодной осенней ночью (1839 г.?), Некрасова спас какой-то нищий, приведший его в домишко на 17-й линии Васильевского острова.³ Это был, так сказать, апогей бедствий Некрасова, когда он, ютясь в ночлежках, был недалек от того, чтобы и самому стать нищим.⁴ *«Ровно три года, — рассказывал умирающий поэт в 1877 г. С. Н. Кривенко, — я чувствовал себя постоянно, каждый день голодным. Приходилось есть не только плохо, не только впроголодь, но и не каждый день».*⁵

Возможно, что именно в это время обнищавшего и изголодавшегося поэта приютил «благородный и очень умный человек» (в другом месте «отличный человек»),⁶ преподаватель Павловского кадетского корпуса в Петербурге Григорий Францевич Бенецкий. По словам Некрасова, при его посредстве он «попал в общество порядочных людей».⁷ Бенецкий доставил голодному провинциалу один из первых постоянных заработков, поручив ему готовить в его пансионе десять мальчиков к поступлению в военно-учебные заведения. Этот же Бенецкий поощрял первые поэтические опыты Некрасова и вместе с офицером Н. Ф. Фермором (воспитателем Главного инженерного

¹ Скорбные дни поэта-печальника. В память 27 декабря 1877 года. «Новый журнал для всех», 1913, № 1, стр. 59—70.

² Недельные очерки и картинки. «Новое время», 1878, № 662, 1 января, стр. 3—4; перепечатано: «Литературное наследство», кн. 49—50, М., 1946, стр. 200—202.

³ Этот же эпизод рассказан в «Повести о бедном Климе». Полн. собр. соч. и писем Н. А. Некрасова, т. VI, 1950, стр. 35 сл.

⁴ В. А. Инсарский в своих воспоминаниях сообщает даже, будто бы Некрасов просил милостыню на Казанском мосту («Записки», ч. 1—2, СПб., 1898, стр. 293). О том же рассказывала В. Е. Евгеньеву-Максимову жена брата поэта — Н. П. Некрасова; см.: В. Е. Евгеньев-Максимов. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I, Л., 1947, стр. 176. — Эти рассказы не заслуживают доверия.

⁵ «Литературное наследство», кн. 49—50, М., 1949, стр. 208.

⁶ Жизнь и похождения Тихона Тростникова. Полн. собр. соч. и писем Н. А. Некрасова, т. VI, 1950, стр. 156.

⁷ Там же.

училища, знакомым Некрасова с 1838 г.)¹ продал до сотни билетов на книжку «Мечты и звуки», на которую Некрасов возлагал большие надежды.

Цензурное разрешение на книгу было дано еще 25 июля 1839 г., однако виза на выпуск книги в свет была дана лишь 6 февраля 1840 г.;² вероятно, отсутствие денег не позволило издать книгу раньше. Если исходить из этих данных, то следует, что период жизни у Бенецкого — последняя треть 1839 и первые месяцы 1840 г. Это косвенно подтверждается тем, что в цитированном рассказе из «Тихона Тростникова» жизнь у «инженерного офицера» относится к тому периоду, когда Некрасов готовился к поступлению в университет, т. е. не позднее июля 1840 г.³ Н. А. Белоголовый жительство у Бенецкого относится ко времени до 1841—1842 гг.⁴ О том же можно заключить и из статьи В. П. Горленко «Литературные дебюты Некрасова» в посмертном издании стихотворений Некрасова 1879 г.⁵

Адрес Бенецкого указан у Нистрема (II, 470) — в 1843 г. он жил у Пяти углов, в доме Лапина. Это — Троицкий переулок (теперь улица Рубинштейна), № 39. Этот каменный трех- и четырехэтажный дом⁶ не сохранился — на его месте теперь дом № 40.

Одно время (до или, скорее, после Бенецкого) Некрасов жил где-то в полуподвале на Васильевском острове: здесь он нанимал угол за 2 рубля в месяц.⁷

Затем какое-то время⁸ Некрасов жил вместе со студентом Академии художеств К. А. Данненбергом на 4-й линии того же Васильевского острова во втором этаже, в квартире окнами на улицу.⁹ «... Мы прожили с ним не малое время, — вспоминал впоследствии Некрасов, — выходили мы со двора поочередно, так как сапоги мои были негодны и у меня не было шинели, а у него был плащ».¹⁰

¹ «Исторический вестник», 1888, № 3, стр. 669 сл.

² Экземпляр книги из библиотеки Петербургского цензурного комитета теперь в отделе редких книг научной библиотеки им. М. Горького Ленинградского Государственного университета; ср.: «Научный бюллетень Ленинградского Государственного университета», 1947, № 16—17, стр. 67.

³ «Литературное наследство», кн. 49—50, 1946, стр. 360.

⁴ Н. А. Белоголовый, Воспоминания и другие статьи, изд. 3-е, М., 1898, стр. 177.

⁵ Т. IV, стр. СЛШ.

⁶ Цылов, I, 109; II, 134.

⁷ В. А. Панаев. Воспоминания. «Русская старина», 1901, № 9, стр. 494.

⁸ Из воспоминаний В. А. Панаева следует, что это было между апрелем и сентябрем 1840 г.

⁹ В. А. Панаев. Воспоминания. «Русская старина», 1893, № 9, стр. 498—499.

¹⁰ Там же, стр. 501. К. А. Данненберг — из казанских студентов. Академии художеств он не окончил и вскоре уехал из Петербурга. Сводку некоторых данных о нем см. в названном томе «Литературного наследства», стр. 198. А. М. Гаркави указал

3

Следующим вполне достоверным, но, вероятно, недолгим адресом Некрасова является указанный им в очередном заявлении в университет. 24 июля 1840 г. адрес этот обозначен Некрасовым так: «Жительство имею в Свечном переулке в доме купца Щанкина, близ Лиговского канала».¹

Купец Д. М. Щанкин владел в Свечном переулке усадьбой под № 17. Под этим номером, в действительности, занимая целый квартал и выходя на три улицы (Болотную, Свечной пер. и Лиговский канал),

Дом № 18/20 по Свечному переулку. Здесь Н. А. Некрасов жил в июле 1840 г.

Фот. С. А. Рейсера. 1950 г.

стояли четыре дома (в три этажа и в один этаж) — три каменных и один, самый большой, деревянный, — всего дома занимали по фасаду больше чем 58 саженей.² Где именно жил Некрасов, установить, разумеется, невозможно. В настоящее время весь этот квартал (Свечной пер., 18—20; Коломенская, 16; Лиговка, 89) занят одним трехэтажным домом. Можно, не боясь ошибиться, утверждать, что выходящая на Лиговку

мне на заметку Данненберга о Казанском театре, напечатанную как раз в это время в «Пантеоне русского и всех европейских театров» (1840, ч. 3, № 7, стр. 103—105), вероятно, при посредстве Некрасова.

¹ «Литературное наследство», кн. 49—50, 1946, стр. 360, с опечаткой: «Щапкин», вместо «Щанкин».

² В «Оценочной табели недвижимых имуществ в г. С.-Петербурге по Московской части» (Государственный Исторический архив Ленинградской области [в дальнейшем ГИАЛО], ф. 513, оп. 168, д. № 250, л. 20) эта усадьба описана следующим образом: «четыре дома, из того числа три каменные, из коих два трехэтажные и один в два этажа, а четвертый деревянный одноэтажный, при нем деревянные службы»; ср.: Цылов, I, 111; II, 268; «С.-Петербургский путеводитель», II, 54. Нистрем (I, 137) в этом квартале числит под №№ 13 и 15 дома Плотникова и Окулова. Сведения Цылова обычно точнее. В ГИАЛО планы этого дома не сохранились.

часть дома (архитектурно оформленная иначе, чем остальная) сохранилась со времен Некрасова; выходящая на Коломенскую улицу — тоже старая; средняя же часть, обозначенная на плане Цылова как деревянная, построена позднее, но архитектурно слита с остальной частью дома.

Вытянувшийся во всю длину необычно узкого для Петербурга темноватого квартала дом производит впечатление низкого и угрюмого. Тесный и длинный двор, полный разных пристроек, сараев для дров и пр., дополняет это впечатление. Облупившаяся штукатурка фасада, покривившиеся наличники над окнами второго и третьего этажей, сбитые кое-где замки над окнами первого, неровная линия несколько осевшего дома, — все это невольно приводит на память строки Некрасова:

Грязны улицы, лавки, мосты,
Каждый дом золотухой страдает,
Штукатурка валится и бьет
Тротуаром идущий народ.

Этот Петербург Некрасов хорошо изучил в своих блужданиях по «петербургским углам».¹

Выразительную характеристику этих «углов» и домов дал сам Некрасов в ярких и несомненно автобиографических страницах «Жизни и походов Тихона Тростникова». Герой принимает решение жить как можно экономнее и найти себе жилище подешевле. Он останавливается «у огромного каменного дома, очень ветхого, весьма неопрятной наружности» и читает ярлык: «Ат даеца внаймы угал, а цене спрасивши у фатерной хозяйки, войдя навадвор во вторые ворота, впадвали». Следует описание первого двора, поражающего грязью, свиньями и собаками, копающимися в помойной яме. Второй двор оказался еще грязнее. После некоторых приключений и перебранки с какой-то полупьяной бабой, оказавшейся квартирной хозяйкой, новый постоялец описывает свое пристанище. Перед ним — большая, полутемная комната с низкими окошками, расположенными на уровне земли и потому неестественно высоко от пола. «Комната была вышиною аршина в три с половиной и имела свой особенный воздух, подобный которому можно встретить только в винных погребах и могильных склепах...; пол комнаты дрожал и гнулся под ногами; щели огромные; концы некоторых досок совсем перегнили, так что, когда ступишь на один конец доски, другой поднимается. Стены ком-

¹ Если верить Ю. К. Арнольду (к его мемуарам необходимо сугубо критическое отношение), то в начале 1841 г. Некрасов, Григорович и Н. П. Сушков совместно жили на Фонтанке, близ дома Зиновьева, бывш. Дубенского (Воспоминания, вып. 2, М., 1892, стр. 185). Определить, о каком доме идет речь, затруднительно. Станным кажется, что в «Литературных воспоминаниях» Д. В. Григоровича (Л., 1928), в которых молодому Некрасову уделено немало места, нет ни слова о совместном житье с ним, а Н. П. Сушков и вовсе не упоминается. Все это заставляет подвергнуть серьезному сомнению верность указания Арнольда.

наты были когда-то оштукатурены: кой-где сохранились крестообразно расположенные дранки...; но главное украшение стен... составляли продолговатые кровавые, впрочем невинные, пятна, носившие на себе следы пальцев и оканчивавшиеся тощими остовами погибших жертв, да густые слои расположенной по углам и под окошками, в виде гирлянд и гардин, паутины... Одна из досок потолка, черного и усеянного мухами..., торчала наклонно, чему, казалось, обитатели подвала были очень рады, ибо вешали на ней полотенца свои и рубахи...»¹

Мы не знаем, как долго Некрасов прожил в мрачном доме Щанкина. В крайне недоброжелательной мемуарной заметке Ф. С. Глинка сообщает, что некоторое время, в период 1839—1841 гг., Некрасов, вместе с братом мемуариста С. С. Глинкой, жил на углу Невского проспекта и Владимирской улицы в 3-м этаже дома, впоследствии занятого рестораном «Москва».² Судя по тому, что Ф. Глинка упоминает в своей заметке афишу для кабинета восковых фигур, это жилище следует отнести к концу 1843 г. Правда, Глинка тут же называет и драму «Материнское благословение», т. е. конец 1842 г. Наконец, он же ссылается и на провал Некрасова на университетских экзаменах, стало быть, имеет в виду 1839 или 1840 г. Разобраться во всей этой путанице трудно: точнее всего исходить из данных письма Некрасова к Ф. А. Кони от 25 ноября 1841 г. из Ярославля. В этом письме Некрасов сетует, что Глинка заложил оставленные на его попечение мебель и вещи.³ Таким образом, период жизни на углу Невского и Владимирского проспектов должен быть отнесен к 1840 или, скорее, к первой половине 1841 г. (с конца июля и до конца ноября Некрасов жил в Ярославле и Грешневе). Напомню, что тот же адрес имеет в виду и В. П. Горленко,⁴ писавший свою статью по указаниям близкого к Некрасову в те годы Ф. А. Кони.

Интересующий нас дом (в те годы № 48, теперь № 49 по Невскому), по Цылову (II, 84), пятиэтажный, как и в наши дни. (Цылов в счет этажей включает и подвалы). Первоначально (в 1828 г.) дом был трехэтажный. Четвертый этаж по Невскому (и все четыре по Владимирскому) выведен, вероятно, в 1840 г.; в 1881, 1909 и 1911 гг. были произведены существенные перестройки,⁵ в нынешнем своем виде дом мало напоминает свой внешний облик в годы, когда в нем жил Некрасов.

¹ Н. А. Некрасов, Жизнь и похождения Тихона Тростникова. Полн. собр. соч., т. VI, 1950, стр. 104, 106, 107.

² Ф. С. Глинка. К биографии Некрасова. «Исторический вестник», 1891, № 2, стр. 585—586.

³ Н. А. Некрасов, Собр. соч., т. V, Письма, под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, ГИЗ, 1930, стр. 55; в дальнейшем Некрасов, V.

⁴ Посмертное издание стихотворений Некрасова, т. IV, 1879, стр. СЛII.

⁵ ГИАЛО, ф. 513, оп. 102, д. № 4683.

Беспрестанная смена квартир и постоянная зависимость от квартирохозяев очень угнетали Некрасова. В цитированном письме к Ф. А. Кони он, между прочим, писал: «Приеду в Петербург — ни кола, ни двора, ни пристанища... Если Вы все еще думаете переменить квартиру, то не случится ли при ней пары лишних комнат для меня...»¹. Некрасов возвратился в Петербург вскоре после этого письма; во всяком случае, 12 января 1842 г. он был уже в Петербурге (этим днем датировано его письмо к книгопродавцу И. Т. Лисенкову). Где поселился Некрасов по приезде, не известно. Вполне достоверен снова лишь адрес, указанный 2 апреля 1842 г. в письме к Ф. А. Кони: Разъезжая улица, дом Головкина, 3-й этаж.² Этот адрес соответствует дому № 31 (раньше 39, а до 1857 г.—32) по названной улице. В «Оценочной табели...» 1846 г. (а это официальный и очень точный документ) дом описан так: «купчихи Головкиной, каменный дом на улицу в три, а на двор четыре этажа».³ Дом построен в конце XVIII или в начале XIX в., в 1837 г. была уже разрешена надстройка 4-го этажа.⁴ Дом уцелел до наших дней и, судя по сохранившимся в архивных делах эскизах 1832 и следующих годов, в том самом виде, что 119 лет назад. На третьем этаже (вход на парадную лестницу со двора) расположена квартира 6; возможно, что в ней и жил Некрасов.

Следующий адрес Некрасова указывает Белоголовый. Ко времени жизни у Бенецкого относится знакомство Некрасова с будущим «диктатором» М. Т. Лорис-Меликовым, в то время юнкером школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Лорис-Меликов посещал в пансионе Бенецкого какого-то своего знакомого пансионера. Тут он встретился и познакомился с поэтом. Лорис-Меликов и его друг, тоже юнкер, А. П. Нарышкин хотели иметь в городе небольшую холостую квартиру. К ним присоединился вечно менявший квартиры Некрасов и в течение нескольких месяцев приятели прожили «где то около Николаевской, в то время Грязной, в доме Шаумана».⁵ Усадьба майора Петра Ивановича Шаумана (или Шомана) находилась на углу Стремянной улицы (№ 16), за несколько домов от Николаевской, на углу Поварского переуллка; здесь стояли рядом два дома — одноэтажный деревянный и небольшой трехэтажный каменный, а во

¹ Некрасов, V, 55.

² Некрасов, V, 58. Что такое *третий* этаж, было разъяснено Белинским в письме к М. В. Орловой 3 сентября 1843 г.: «Квартира моя высока — в третьем этаже, но в Петербурге квартиры нижних этажей — хлевы и подвалы, а вторых этажей непомерно дороги» (Письма, т. III, СПб., 1914, стр. 4).

³ ГИАЛО, ф. 513, оп. 168, д. № 250, л. 21. У Нистрема (I, 135) дом числится за Алябьевым, у Цылова (I, 115; II, 7) и в «С.-Петербургском путеводителе» (II, 49) — за купчихой Е. А. Алябьевой.

⁴ ГИАЛО, ф. 513, оп. 102, д. № 5206.

⁵ Н. А. Белоголовый, ук. соч., стр. 177.

дворе — каменный трехэтажный флигель.¹ Стоявший на этом месте более новый дом был впоследствии снесен.

Рассказываемый Белоголовым эпизод отнесен им «к 1841 или, еще вернее, к 1842 году» и, судя по упоминанию праздника рождества, ко второй его половине.² Вторая дата вероятнее.³ В конце июля 1843 г. Лорис-Меликов окончил училище и покинул Петербург, уехав на службу в Гродненский гусарский полк.⁴ Эта дата подтверждается также и ссылкой Белоголового на встречу «примерно года через два»⁵

Дом № 31 по Разъезжей улице. Здесь Н. А. Некрасов жил в апреле 1842 г.
Фот. С. А. Рейсера. 1950 г.

в квартире у Аничкова моста, — там Некрасов жил как раз в 1845—1846 гг. (см. ниже).

За короткий период в пять лет (1838—1842) мы насчитали не меньше десяти адресов Некрасова. Если даже и не все они вполне достоверны, то дают все же наглядное представление о жизни Некрасова в это время. Случайные заработки вроде писания прошений для крестьян на Сенном рынке, переписка ролей, заказная работа у гостинодворских издателей, мелкая поденщина в театральных журналах, спешная и мало увлекавшая работа по писанию, переделке и переводу водеви-

¹ «Оценочная табель...», 1846 г. (ГИАЛО, ф. 513, оп. 168, д. № 250, л. 5); ср. Цылов, I, 106; II, 257; Нистрем, I, 130; С.-Петербургский путеводитель, II, 57.

² Н. А. Белоголовый, ук. соч., стр. 177 и 178.

³ Ей противоречит только ссылка на денежную помощь матери Некрасова своему сыну (Белоголовый, ук. соч., стр. 177). Мать Некрасова умерла 29 июля 1841 г.

⁴ В. А. Потто. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища... СПб., 1873, Приложения, стр. 81; Ю. А. Елец. История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, изд. 2-е, т. II, СПб., 1898, Приложения, стр. 835.

⁵ Н. А. Белоголовый, ук. соч., стр. 179.

лей,— все это не давало возможности прочно стать на ноги, обзавестись постоянным жильем. Приходилось вести какой-то полукошачей образ жизни, жить сообща, не разбирая достоинств и недостатков жилищ, руководствуясь только ценой. Так возникли полутемные и сырые, далеко не всегда отдельные комнаты «от жильцов» в грязных квартирах районов, никак не считавшихся особенно благоустроенными. Трудно сказать, насколько соответствует истине, но очень характерен рассказ А. Панаевой о том, как Некрасов около недели прожил в совершенно пустой комнате, так как хозяйка, чтобы понудить его к выезду, вынесла всю мебель и поэт спал на голом полу, а писал, стоя на коленях у подоконника.¹ Единственное, чего достиг Некрасов за первые годы своей подлинно страдальческой жизни в Петербурге, — это то, что он «продвинулся» из далекой Охты или залаврских районов ближе к центру.

Даже в середине 40-х годов положение Некрасова, в те годы автора ряда водевилей, издателя сборников и начинающего приобретать популярность поэта, продолжает оставаться материально очень шатким. Квартиры он продолжает менять очень часто.

Лето 1844 г. Некрасов прожил на даче близ Муринской заставы, в доме крестьянина Ермолая Иванова.² Муринская дорога находилась (и находится) в районе Лесного института на Выборгской стороне Петербурга, на северо-восточной границе города.³ В том же районе проводил лето и Белинский. Это была относительно отдаленная от города и более дешевая часть. Эти места описаны Некрасовым в фельетонах «Литературной газеты» 1844 г.

В середине октября 1845 г. в письме к сестре А. А. Буткевич Некрасов называет свой очередной адрес, надо полагать — недавний, иначе незачем было бы сообщать его в постоянной переписке. Адрес на этот раз звучит так: Владимирская улица, Поварской переулок, дом Тулубьева, квартира 7.⁴ Тот же адрес и год называется художником П. П. Соколовым, посетившим поэта в маленькой бедной квартире, почти без мебели,

¹ Авдотья Панаева (Е. Я. Головачева). Воспоминания. 1824—1870. Под ред. К. И. Чуковского, изд. 4-е, 1933, стр. 316; в дальнейшем Панаева. Воспоминания.

² Некрасов, V, 59.

³ Д. В. Григорович пишет о даче на Парголовской дороге в 1842 или 1843 г. («простая изба, отдаваемая в наем огородникам»). Комментаратор (В. Л. Комарович) справедливо исправляет дату на 1844 г. (Д. В. Григорович. Литературные воспоминания, стр. 116). Осенью того же года Некрасов, по словам Григоровича, жил якобы в доме каретника Яковлева за Аничковым мостом. Григорович сообщает о небольшой квартире: «в одной из комнат было большое угловое итальянское окно, смотревшее на Невский» (там же, стр. 117). Существующие указатели не позволяют определить этот дом. Конечно, речь не может идти о доме Яковлева постройки Растрелли, который находился возле Большого царскосельского проспекта, ныне Проспекта имени Сталина.

⁴ Некрасов, V, 64; ср. 67.

в период подготовки «Петербургского сборника».¹ «Теперь я просто без гроша», писал поэт сестре в цитированном письме.

Дом отставного подполковника А. Д. Тулубьева занимал усадьбу под № 12 на Поварском переулке. Это был построенный в 1838 или 1839 г. четырехэтажный каменный дом (а во дворе — два каменных четырехэтажных флигеля). Дом сохранился до наших дней (под № 13), почти не изменив своего внешнего вида. Это видно из сравнения с эскизом 40-х годов, сохранившимся в архивных делах.² Квартира 7 находится теперь на четвертом этаже; возможно, что она соответствует месту, в котором жил Некрасов.³

4

Этот адрес тоже был недолговечным. Уже в письме к Белинскому конца октября 1846 г. указывается новый — на Фонтанке, в доме княгини Урусовой.⁴ Тот же адрес находим у Белоголового,⁵ у Григоровича,⁶ наконец, он был сообщен печатно будущим подписчикам «Современника». В объявлении о подписке на новый журнал на 1847 г. читаем: «Можно адресоваться прямо на имя одного из издателей, адресуя так: г. Некрасову, на Фонтанке, близ Аничкова моста, в доме кн. Урусовой, в С.-Петербурге».⁷ Дом кн. Е. Н. Урусовой стоит на углу Фонтанки и Итальянской, ныне улицы Ракова — четырехэтажный, № 16 (теперь № 19). Существенные надстройки и перестройки были произведены в 1870 и 1916 гг.⁸ и после Октябрьской революции, когда в доме были надстроены еще два этажа (считая и жилой полуподвал

¹ П. П. Соколов, Воспоминания, Л., 1930, стр. 111—112.

² ГИАЛО, ф. 513, оп. 102, № 5127; ср. также «Оценочную табель недвижимых имуществ в столичном городе С.-Петербурге по Московской части» (там же, ф. 513, оп. 168, д. № 250, л. 5); Цылов, I, 108; II, 233. А. Гольман в работе о Некрасове в Петербурге (рукопись в архиве Инспекции охраны памятников при Управлении по делам архитектуры), на основании архивного дела № 5128, считает, что Некрасов жил в не сохранившемся деревянном двухэтажном доме. Эта справка основана на досадной ошибке. Цитируемое дело относится к дому № 15 нынешней нумерации, а дом Тулубьева соответствует № 13. Имя этого владельца названо в деле № 5127; в деле № 5128 имена владельцев (Петров, Наумов) иные. То же подтверждается и делом б. Петербургского кредитного общества, в котором указано, что дом № 15 был заложен (ГИАЛО, ф. 515, д. № 4200). В деле же Поварского переуллка № 13 (там же, № 4198) владельцем указан Тулубьев и приложены эскизы и планы, позволяющие идентифицировать дом № 12 старой нумерации с домом № 13 нынешней.

³ Следует отметить, что десять лет спустя в этот самый дом и едва ли не в эту самую квартиру (во всяком случае, тоже в четвертом этаже) переехал Н. Г. Чернышевский. Он прожил в ней до середины 1860 г. См.: Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV, М., 1949, стр. 306.

⁴ Некрасов, V, 72.

⁵ Н. А. Белоголовый, ук. соч., стр. 179.

⁶ Д. В. Григорович, ук. соч., стр. 157—158.

⁷ «Северная пчела», 1846, № 253, 8 ноября, стр. 1012.

⁸ ГИАЛО, ф. 513, оп. 102, д. № 2947. Планы дома сохранились лишь с 1852 г.; ср.: Цылов, I, 135; II, 236.

всего в доме теперь 6 этажей). В соседнем доме (теперь — Фонтанка, 17) с октября 1846 и до начала мая 1847 г. жил Белинский.¹

Квартира в доме Урусовой была большая. В ней Некрасов жил совместно с И. И. и А. Я. Панаевыми,² с которыми он познакомился едва ли не в доме Лопатина в 1842 или 1843 г. В этом доме, повидимому, и умер младенцем первый сын Некрасова от Панаевой.³

В это время период голодного существования для Некрасова остался уже позади. Редактор нескольких сделавших в литературе эпоху сборников, издатель и фактический редактор популярного журнала и видный поэт приобретает положение и некоторый достаток.

Соответственно изменяется и образ жизни Некрасова. Он живет уже не в маленьких комнатухах, а в более или менее солидных квартирах. Этого требует необходимость постоянно принимать авторов и типографщиков, должным «представительством» поддерживать престиж журнала, «прикармливать» цензоров и других влиятельных лиц.

В октябре 1850 г. Некрасов живет на углу Колокольной улицы и Поварского переулка в доме Трубникова.⁴ Имени такого домовладельца нет ни в указателях Цылова и Нистрема, ни других. Пользуясь указанием Чернышевского, что дом был «угловой... маленький; вероятно, давно сломан»,⁵ можно найти этот дом на плане Петербурга: речь может идти либо о деревянном одноэтажном доме № 18, или о расположенном точно против него на другом углу двухэтажном деревянном доме № 93: ни того, ни другого дома теперь нет. На их месте дома № 14 и 17. Как долго Некрасов прожил в доме Трубникова, в точности не известно; вероятно, до сентября 1854 г. Дело в том, что в письме И. И. Панаева к М. Н. Лонгинову от 29 сентября 1854 г. сообщается о переезде на новую квартиру, приводится и адрес: «На углу Ивановской и Загородного проспекта, в доме Погребова».⁶ Некоторую путаницу вносит в этот адрес А. Н. Пыпин, сообщая

¹ «Литературное наследство», кн. 57, М., 1951, стр. 401.

² Ф. М. Достоевский. Письма. Под редакцией и с примечаниями А. С. Долинина, т. I, 1928, стр. 93.

³ В издании Гослитиздата (т. I, 1948, стр. 563—564) сделана неосновательная попытка опровергнуть совершенно точное и недвусмысленное указание Некрасова о том, что в 1848 г. у него скончался первый сын (посмертное издание 1879 г., т. IV, стр. XXIII). Если даже предположить маловероятную в таком случае ошибку в отношении года, то никак нельзя допустить, чтобы Некрасов забыл, сколько было у него детей; слово первый ясно указывает на то, что детей было не меньше двоих.

⁴ Некрасов, V, 153. Тот же адрес в письме Гаевского Некрасову от 18 апреля 1851 г. (не издано. Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде). Чернышевский в письме А. Н. Пыпину 25 февраля 1878 г., рассказывая историю стихотворения Некрасова «Давно отвергнутый тобою...», едва ли не ошибочно указывает тот же адрес поэта в это время (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XV, 1950, стр. 144). Стихотворение это обычно датируется июнем 1855 г., когда Некрасов жил в другом месте.

⁵ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., XV, 1950, стр. 144.

⁶ Сборник Пушкинского Дома на 1923 г., II, 1922, стр. 216 и 218.

о своем знакомстве с Некрасовым в 1854 г. в доме на углу Загородного проспекта и Звенигородской улицы.¹ Его свидетельство ценно в том отношении, что устанавливает факт совместного проживания Некрасова с Панаевым, самый же адрес у Панаева сообщен точнее и соответствует данным справочных указателей: по Нистрему (I, 126), «С.-Петербургскому путеводителю» (II, 19) и Цылову (I, 122; II, 187) усадьба М. Г. Погребовой под №№ 25 и 27 состояла из 4 домов в три и два этажа, часть одного из них была деревянная. В наши

Дом № 19 по наб. р. Фонтанки. Здесь Н. А. Некрасов жил с октября 1846 г.
Фот. С. А. Рейсера. 1950 г.

дни дом № 2 по Социалистической улице — большой четырехэтажный дом более новой постройки.

В период жизни в доме Погребова шли какие-то разговоры о новой квартире. Они были известны и литераторам. Так, А. В. Дружинин в письме к Григоровичу от 22 августа 1855 г. иронически сообщал, что «квартиру уже они (т. е. Панаевы и Некрасов. — С. Р.) не переменяют».² Однако в письмах к Боткину, Григоровичу и Толстому от 1 и 2 сентября 1855 г. Некрасов извещал их о новой квартире, в которую он недавно переехал.³

¹ А. Н. Пыпин. Н. А. Некрасов. СПб., 1905, стр. 9.

² Государственный литературный музей, кн. 9, Письма к А. В. Дружинину. 1850—1863. Ред. и комм. П. С. Попова, М., 1948, стр. 87

³ Некрасов, V, 217, 219, 221, 223. То обстоятельство, что Некрасов часто менял комнаты и все в одном районе, привело к тому, что Григорович, спутав в своей памяти несколько адресов разного времени, относит свое знакомство с Некрасовым (вскоре после выхода сборника «Мечты и звуки», т. е. в феврале—марте 1840 г.) к квартире на углу Колокольной улицы и Дмитровского (тогда Хлебного) переулка: «надо было проходить через двор и подняться по черной лестнице» («Литературные воспоминания», стр. 61). Только эта часть адреса, вероятно, и соответствует действительности. Путаница усугубляется тем, что Григорович утверждает, что 15 лет спустя в этом самом доме, в бельэтаже, помещалась редакция «Современника» (там же).

Новый адрес Некрасова — Малая Конюшенная, дом «аптекаря и кавалера» Карла Имзена. В доме Имзена Некрасов, больной и раздраженный, жил один. В письме к Дружинину от 6 августа 1855 г. из Москвы он писал, что наймет себе отдельную квартиру и, «как сурок, заляжет в ней до теплой весны».¹ Этот четырехэтажный дом № 5 старой нумерации,² теперь № 10 по улице Софьи Перовской, стоит и в наши дни. В 1831 г. на этом месте стоял еще деревянный дом, а в 1839 уже трехэтажный каменный. Фасад его был выдержан в строгих формах: надстройки 4-го этажа и модернизация фасада (в тонах «пряничной» архитектуры) относится к 1875 г.³

Квартирой в доме Имзена Некрасов был доволен. В письме к Боткину от 1 сентября 1855 г. он характеризовал ее как просторную, сухую, теплую и тихую.⁴ Местонахождение этой квартиры не известно.

В этой квартире Некрасов прожил до начала августа 1856 г. и отсюда уехал за границу. Сюда же Некрасов и возвратился в конце июня 1857 г. и сразу же проехал на нанятую для него под Петергофом дачу.⁵ В квартиру в доме Имзена Некрасов заезжал только во время случайных наездов в город (например, в июле), а окончательно покинул дачу около 20-х чисел августа 1857 г., переехав в свою последнюю, шестнадцатую по счету, квартиру в доме Краевского, в которой ему было суждено прожить двадцать лет.⁶

стр. 63). В действительности, адрес редакции в 1855 г. — дом Имзена (см. ниже). Дом, к которому отсылает Григорович, может быть нынешние №№ 17 и 18 (раньше соответственно 18 и 17); металлический флажок на угловой башенке нынешнего дома № 18 имеет вырезную дату: 1876.

О том, насколько неточно и путанно сообщаются порой адреса Некрасова, можно судить по следующему эпизоду. В январе 1927 г. сводная сестра Некрасова Л. А. Чистякова обратилась в управление недвижимых имуществ г. Ленинграда с просьбой о предоставлении ей льгот по квартирной плате. Л. А. Чистякова жила в это время на улице Марата, № 65, в квартире, в которой якобы некогда жил Некрасов. Правление жакта, куда было переслано это ходатайство, предложило Чистяковой самой назначить себе цену на квартиру; см.: «Красная газета», вечерний выпуск, 1927, № 10, 12 января, стр. 3. Лукерья Алексеевна Чистякова (1862—1938?) — дочь дворовой А. С. Некрасова Елены Петровой (1840—1922); она носила фамилию Александровой, впоследствии стала женой экономиста Чистякова.

¹ Некрасов, V, 209.

² Цылов, I, 22; II, 98. Дом имел в то время два фасада — на Малую Конюшенную и на Екатерининский канал.

³ ГИАЛО, ф. 513, оп. 102, д. № 3258, лл. 3, 9 и 71—72. А. Гольман в названной выше работе (стр. 209), не учтя происшедшей, примерно в 1857 г. перенумерации улиц, считает дом № 5 *нынешней нумерации* — домом, в котором жил Некрасов. В действительности дом лютеранской церкви никогда Имзену не принадлежал, и вся справка является недоразумением.

⁴ Некрасов, V, 217.

⁵ Там же, 301.

⁶ В нашу задачу не входит перечисление всех мест летнего отдыха Некрасова. Назовем здесь лишь дачи, связанные с Петербургом. Лето 1850 г. поэт провел в Пар-

5

Точная дата постройки дома, в который переехал Некрасов, не известна; почти несомненно, что постройка его относится к концу XVIII в. Акварели художника Ф. Баганца позволяют представить себе, как выглядел этот район в середине 50-х годов.¹ Напротив интересующего нас дома, на другом углу Бассейной, находился очень непрезентабельный деревянный домик. Литейный проспект на противоположной дому

Дом № 10 по ул. Софии Перовской. Здесь Н. А. Некрасов жил с октября 1855 г. до августа 1856 г.

Фот. С. А. Рейсера. 1950 г.

стороне тоже состоял по преимуществу из деревянных домов-усадеб, огороженных длинными деревянными заборами; через дом от квартиры Некрасова стоял в лесах дом Юргенса, в котором в 1861 г.

голове, недалеко от Гаевского (Некрасов, V, 148, 149). Напомню, что Парголово в то время считалось сравнительно далеким от города местом. «Парголово я бы пожалуй не прочь. Чем дальше от Петербурга, тем лучше», — говорит Марья Михайловна, героиня «Жертвы вечерней» П. Д. Боборыкина (кн. 2, СПб., 1868, стр. 6).

В 1851, 1854 и 1856 гг. Некрасов прожил лето на даче между Петергофом и Ораниенбаумом (Некрасов, V, 246); отсюда 11 августа он выехал за границу. Возвратившись в Россию в конце июня 1857 г., он снова жил на той же даче (Некрасов, V, 301; Панаева, Воспоминания, стр. 357); там же было проведено (как и раньше с Панаевыми) и следующее лето 1858 г. Зарисовка этой дачи сделана Д. В. Григоровичем (Н. Ашукин. Летопись жизни и творчества Некрасова. М., 1935, стр. 259).

¹ См. «Литературное наследство», кн. 49—50, М., 1946, стр. 169 и 317. Современный вид дома — там же, стр. 446. В «Оценочной таблице недвижимых имуществ... по Литейной части» 1846 г. дом оценен в очень высокую сумму — 61 583 рубля, а чистый годовой доход определен в 6158 руб. 30 коп. (ф. 513, оп. 168, д. № 249, л. 26 об.).

поселился и вскоре умер Добролюбов. Первоначально была выстроена выходящая на Литейный проспект часть дома: она была двухэтажной, третий этаж был надстроен, вероятно, в самом конце 50-х годов.¹ «Андрей Алекс(андрович) трудится над новым произведением своей музы, — писал Гончаров Анненкову 20 мая 1859 г., — надстраивает 4-й этаж над своим домом».² Эта надстройка, судя по материалам ГИАЛО, была разрешена в марте 1859 г. В деле сохранился эскиз «фасада предполагаемого к надстройке и перестройке дома», но этот проект, видимо, не осуществился. Краевский ограничился лишь перестройками во дворе: тогда же перестала существовать и площадь квартиры Добролюбова.³

Дом⁴ довольно часто менял владельцев: в планах 30-х годов он числится за генерал-майором бароном Шлиппенбахом; современники называют его домом Гассе (или Доссе), затем он перешел к П. Д. Норову, от него (в 1841 г.)⁵ — к А. А. Краевскому и у его потомков — Бильбасовых находился до Октябрьской революции.

Не будет преувеличением сказать, что дом Норова — Краевского вошел не только в историю литературы, но и в историю русской культуры.

В 1820-х годах здесь жила Софья Михайловна Салтыкова, впоследствии жена Дельвига. По рассказам современников, кроме Дельвига и его друзей, изредка в доме, а еще чаще возле дома, бродил страстно влюбленный в нее один из будущих вождей декабрьского восстания — П. Г. Каховский. Салтыкова не отвечала ему взаимностью и отвергнутому оставалось лишь передавать через прислугу «письма для своей возлюбленной».⁶ Вполне возможно, что в этом доме у Салтыковой бывал Пушкин.

Некоторое время (1824?—1827) в доме жила А. А. Воейкова («Светлана» Жуковского), в середине 40-х годов — В. Ф. Одоевский, с 1841 г. — Краевский, до 1854 г. — Н. И. Пирогов, в 1858—1859 гг. — Добролюбов, до 1862 г. — И. И. Панаев, до 1863 г. — А. Я. Панаева; во дворе дома

¹ На акварели Баганца (она писана около 1858 г.) дом двухэтажный, а у Цылова (в 1849 г.) — трехэтажный (I, 199; II, 170). Материалы ГИАЛО (ф. 513, оп. 102, д. № 4220) не позволяют окончательно разрешить этот вопрос.

² Не издано. Рукописный отдел Института русской литературы Академии Наук СССР.

³ В 1875 г. была произведена капитальная перестройка дворовых флигелей.

⁴ Литейной части 4-го квартала № 398 и 399, потом — № 33 по Литейному, с 1857 г. (?) — № 38, в наши дни — № 36; нумерация впоследствии несколько сдвинулась; см. заметку А. Скребицкого в «Записках отдела рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 6, М., 1940, стр. 81. На визитных карточках Некрасова адрес всегда обозначен: Литейный, 38, кв. 4.

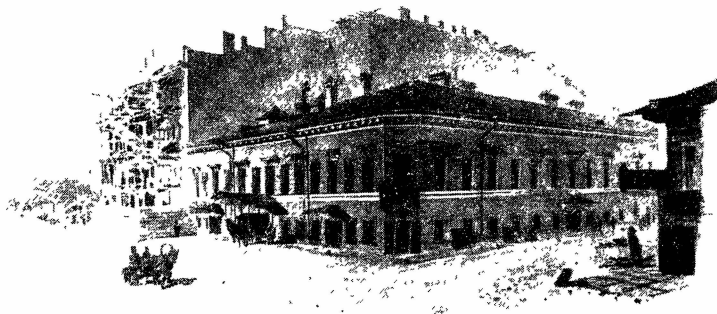
⁵ Ю. Арнольд, Воспоминания, вып. II, М., 1892, стр. 203.

⁶ А. Яценевич. Пушкинский Петербург, Л., 1935, стр. 88—89.

(в кв. 22)¹ жил второстепенный журналист и литератор В. Р. Зотов, хранивший у себя архив «Народной воли».²

В доме Норова—Краевского в течение десяти лет помещалась редакция «Современника», в течение сорока с лишним лет — редакция «Отечественных записок»,³ двадцать один год — редакция «Голоса», и т. д. и т. д. Можно, не боясь ошибиться, утверждать, что едва ли был какой-либо прогрессивный или даже умеренно-прогрессивный русский писатель, поэт или критик, который не был бы посетителем этого дома.

Перечислить всех посетителей дома Краевского, в частности — квартиры Некрасова, значит составить список русских писателей

Дом А. А. Краевского по Литейному пр., № 36. Здесь, в квартире № 4, Н. А. Некрасов жил с августа 1857 г. до конца жизни. Из альбома Ф. Баганца. 1858—1860 гг.

Ленинград. Музей истории и развития Ленинграда.

второй половины XIX в. «Сколько споров слышали эти комнаты, сколько благодарностей и упреков, дружеских приветствий и резких угроз, сближений и расхождений были они свидетелями».⁴ Одни посещали этот дом часто и регулярно в течение многих лет, другие — эпизодически, иные — с радостью, иные — с огорчением и даже злостью, немногие — нехотя, большинство — охотно.

¹ Всеобщая адресная книга С. Петербурга..., СПб., 1867—1868, стр. 188.

² Н. А. Морозов. Повести моей жизни, т. II, 1947, стр. 431 сл.

³ Это соседство было в период вражды и соперничества этих двух журналов (т. е. с 1857 по 1866 г.) источником многих сплетен и пересудов, переносившихся различными «доброжелателями» из одной квартиры в другую, расположенную напротив на той же площадке; ср. письмо И. И. Панаева М. Н. Лонгинову от 5 сентября 1857 г. (Сборник Пушкинского дома на 1923 г., П., 1922, стр. 227).

⁴ П. Гайдебуров. Литературно-житейские заметки. «Неделя», 1878, № 1, стр. 37.

Дом, в котором почти четверть века находился штаб русской революционно-демократической мысли, заслуживает внимания и памяти благодарного потомства.

Некрасов переехал в новую квартиру около 20-х чисел августа 1857 г.,¹ и этим адресом и этой датой благополучно и навсегда завершаются его квартирные мытарства.

При жизни Некрасова нынешняя парадная была, так сказать, официальным путем; интимно близкие друзья, родственники и сам Некрасов часто пользовались другой (следующей по Литейному) парадной: поднявшись во второй этаж, шли направо к Некрасову или налево — в половину Авдотьи Панаевой (впоследствии там жила Зинаида Николаевна).² Кроме того, следует иметь в виду, что при жизни И. И. Панаева (т. е. до 1862 г.) распределение комнат квартиры было иное.³ У Некрасова были только две комнаты — зала и спальная; они соответствуют, вероятно, позднейшим приемной и кабинету.⁴

Воспоминания современников позволяют довольно точно восстановить внешний облик квартиры Некрасова. Насколько можно судить, убранство квартиры с конца 50-х или начала 60-х годов и до 1877 г. менялось очень незначительно; по крайней мере, свидетельства мемуаристов, бывавших у Некрасова в разные годы в течение двадцати лет, в общем согласно и сходно рисуют обстановку и облик квартиры.

В прихожей посетители прежде всего замечали охотничий трофей поэта — чучело огромной медведицы.⁵ Там же, в рамке на стене висел патент Некрасова от Общества охоты на звание почетного члена Общества.⁶

¹ Некрасов, V, 316; Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847—1861, Л., 1930, стр. 337.

² См., например: Н. П. Некрасова. Мои воспоминания о Н. А. Некрасове — в сб. «Некрасов. К 50-летию со дня смерти», Л., 1928, стр. 19. (Н. П. Некрасова — вторая жена брата поэта Ф. А. Некрасова).

³ Это видно из воспоминаний Чернышевского (Полн. собр. соч., т. I, 1939, стр. 725).

⁴ Среди бумаг П. А. Ефремова, находящихся в Центральном Государственном литературном архиве, сохранился нотариальный договор на занимавшуюся Некрасовым квартиру. Из этого документа видно, что квартира состояла из восьми комнат с двумя передними, кухни во флигеле и двух при ней комнат. В квартире были водопровод и канализация. Кроме того, Некрасов нанимал во дворе каретный сарай и конюшню на четыре стойла, чердак, ледник и общую для всех жильцов прачечную. Ежегодная квартирная плата за все это была равна 2000 рублей. Договор относится к 1876 г., вероятно, вначале плата была несколько ниже. (За предоставление копии этого документа благодарю С. А. Макашина).

⁵ Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке, СПб., 1907, стр. 184; в дальнейшем Н. А. Лейкин...

⁶ Н. А. Шукин. Литературная мозаика, М., 1931, стр. 101.

В следующей большой¹ комнате-приемной или, как ее чаще называли, бильярдной (так обозначал ее и сам поэт²) между окнами стояло чучело еще одного медведя, с подносом в лапах, на котором стояли графин и стакан. Одно время рядом с этим медведем стояли два медвежонка.³ Посредине комнаты находился бильярд. Как описывает Г. Н. Потанин, у стены, противоположной окнам, стоял «...беломраморный бюст Тургенева на высоком пьедестале, на стене две прекрасные гравюры: типография Гутенберга и наша славянская друкарня, — картины, кажется, те же, которые я видел потом в кабинете Гончарова; посреди комнаты большой стол накрытый зеленым сукном, конечно, с чернильницей; два ряда стульев с высокими спинками резными, мелкой работы, у стены широкий турецкий отоман, обитый малиновым бархатом или трипом, большое покойное кресло того же цвета и материи, много статуеток и фотографий на стенах и окнах, занавесы пестрой шелковой материи...»⁴. Это описание Потанина примерно совпадает с другими. Сводная сестра поэта — Елизавета Алексеевна⁵ и А. Н. Пыпин сообщают, будто бы широкие турецкие диваны стояли кругом всей комнаты.⁶ Описание Чернышевского представляется, однако, более точным; он указывает, что диван занимал всю стену, противоположную дверям, ведущим в следующую комнату, а рядом с диваном, возле окна, около рояля, стояла кушетка.⁷ На ней, в течение двух недель лежал тяжело больной Добролюбов, перед тем, как его, в первых числах ноября 1861 г., перенесли в его квартиру, в которой он и скончался.⁸

Из висевших на стене портретов Е. А. Некрасова-Рюмлинг называет портреты Гейне и Диккенса.⁹ Позднее, во времена «Отечественных

¹ Следует иметь в виду, что нынешняя приемная в музее-квартире меньше, чем та же комната в 1857—1877 гг.; во времена Некрасова это, как видно из плана, была большая комната в четыре окна.

² Некрасов, V, 601.

³ Н. А. Лейкин..., стр. 184; А. М. Скабичевский. Кое-что из моих воспоминаний. «Новости», 1892, № 215, 6 августа, стр. 2; А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания, 1928, стр. 260; Г. Н. Потанин. Воспоминания о Н. А. Некрасове. «Исторический вестник», 1905, № 2, стр. 461.

⁴ Г. Н. Потанин, ук. соч., стр. 461.

⁵ Она была дочерью дворовой А. С. Некрасова — Федосьи Анисимовны Полетаевой и носила фамилию Ивановой, по первому мужу — фон-Фохт, по второму — Рюмлинг (сконч. в 1936 г.).

⁶ Е. А. Некрасова-Рюмлинг. Воспоминания сестры поэта. «Книга и революция», 1921, № 2 (14), стр. 59; А. Н. Пыпин. Н. А. Некрасов, СПб., 1905, стр. 57.

⁷ Н. Г. Чернышевский. Воспоминания об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым. Полн. собр. соч., т. I, 1939, стр. 726.

⁸ Е. А. Некрасова-Рюмлинг. Квартира Некрасова. Не издано. Центральный государственный литературный архив.

⁹ Е. А. Некрасова-Рюмлинг. Воспоминания сестры поэта. «Книга и революция», 1921, № 2(14), стр. 58; в дальнейшем Воспоминания.

записок», когда А. Н. Плещеев был секретарем редакции (т. е. в 1872—1873 гг.), в приемный день у окна ставился стол для секретаря.¹ По стенам стояли шкапы с охотничьим оружием.²

Приемный день у редактора «Отечественных записок» был понедельник. К часу дня в приемной собирались постоянные сотрудники и случайные авторы, только иногда печатавшиеся в журнале. Салтыков и Елисеев проходили непосредственно в следующую комнату — в кабинет поэта, остальные оставались за «завесою алтаря», — так называлась тяжелая портьера на двери, ведущей в кабинет.³

Кабинет Некрасова тоже довольно подробно и, повидимому, точно описан в цитированных воспоминаниях Потанина. «Кабинет поэта, — пишет он, — не был похож на приемную — там была другая отделка и обстановка. Белые обои, оранжевые занавеси, небольшой письменный стол на толстых резных ногах, оклеенный зеленым сукном, изящная бронзовая чернильница, перья на подставке, песочница в виде вазы, тяжелый каменный пресс, изображающий собаку, и лампа с подъемным абажуром; на полу тигровая⁴ шкура, обшитая красным сукном, под столом корзина для бумаг, а перед столом кресло, обитое зеленым сафьяном,⁵ в одном углу шкаф с книгами, в другом — часы в футляре и только. Ни портрета хозяина,⁶ ни картин и ничего лишнего не было».⁷

Это описание можно кое-чем дополнить. Прежде всего отметим, что в кабинете поэта стоял бюст Белинского работы Н. Н. Ге⁸ и висела его же картина «Пушкин в селе Михайловском».⁹ На стенах кабинета в круглых ореховых рамах висели портреты Островского,

¹ П. Д. Боборыкин. Глава из неизданной части воспоминаний «За полвека». «Литературное наследство», кн. 51—52, М., 1948, стр. 156, 158.

² А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания, 1928, стр. 260; А. А. Плещеев. Что вспомнилось (За 50 лет). Париж, 1931, стр. 40.

³ А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания, стр. 260.

⁴ По Лейкину — медвежья (Н. А. Лейкин..., стр. 184).

⁵ Кресло Некрасова, в котором поэт проводил последние месяцы жизни, находится теперь у Т. Л. Щепкиной-Куперник; см. ее книгу: «Театр в моей жизни». М., 1948, стр. 147.

⁶ Портрет работы Ге висел в коридоре, а потом находился в Чудовской Луке: см. «А. М. Ловягин». Из бесед с П. А. Ефремовым. «Русское библиологическое общество. Доклады и отчеты», нов. сер., вып. 1, СПб., 1908, стр. 11.

⁷ Г. Н. Потанин, ук. соч., стр. 463.

⁸ В. П. Острогорский. Белинский как критик и педагог, СПб., 1898, стр. 115—116. Воспроизведение этого бюста см. в издании: Альбом выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в память Виссариона Григорьевича Белинского 8—12 апреля 1898 г., М., 1898, стр. 4.

⁹ Е. А. Некрасова-Рюмлинг, Воспоминания, стр. 59. Эта картина (автокопия) была приобретена Некрасовым в 1875 г. и впоследствии перешла к Краевскому (ныне в Музее Пушкинского дома Академии Наук СССР); см. цит. восп. П. А. Ефремова в пересказе А. М. Ловягина, стр. 3.

Шиллера, Гете, Гейне, Лонгфелло,¹ Н. А. Милютин.² На столе стояли статуэтки Пушкина и Гоголя. Кроме того, по свидетельству П. А. Ефремова, на столе находились портреты Белинского (работы Языковой, копия А. Редера), Грановского (рисунок и литография К. Горбунова) и Гоголя (работы Венецианова 1834 г.).

В кабинете, как и в приемной, тоже стояли шкафы с охотничьим оружием, чучелами птиц и зверей. В одном из углов стоял стол, за которым Некрасов любил беседовать со своими друзьями.³ В глубине стоял железный (типа несгораемого?) шкаф⁴ и, может быть, в этой же комнате, в течение какого-то времени — чучело еще одного медведя. Мебель в кабинете была обита яркочерным сафьяном.⁵

Меньше всего воспоминаний сохранилось о третьей комнате — столовой. Чернышевский упоминает лишь о стоявшей на камине бронзовой фигуре кабана.⁶ В простенке, между окнами, стояла статуэтка Дов-Кихота. Столовая — самая большая, в четыре окна, комната. По рассказу Авдотьи Панаевой, из окна столовой было хорошо видно расположенное напротив министерство государственных имуществ. У подъезда этого дома и произошла сцена, изображенная в «Размышлениях у парадного подъезда».⁷ В столовой за большим столом ежемесячно в день выхода книжки журнала устраивался торжественный обед для всех сотрудников, здесь же «прикармливали» цензоров. За обедом шли дружеские беседы, обсуждался состав очередного номера, здесь гостеприимно принимали приехавшего из Севастополя молодого офицера Льва Толстого, здесь же (повидимому, в начале июня 1877 г.) произошла последняя встреча и примирение Тургенева с умирающим поэтом. Тургенев описал ее в стихотворении в прозе «Последнее свидание». 4 апреля 1877 г., за несколько дней до операции, в столовой была поставлена походная церковь, и умиравшего поэта, едва не кричавшего от сильной боли, босого, в одной

¹ Поэт-крестьянин Спиридон Дрожжин в его воспоминаниях. «Русская старина», 1884, № 10, стр. 313. Список этот, надо полагать, не полон и случаен. Портрет Гейне называется выше как висевший в приемной.

² В. Якушкин. Н. А. Милютин и редакционные комиссии. «Русская старина», 1897, № 10, стр. 157. Милютин умер в 1872 г., раньше этого времени портрет вряд ли был повешен.

³ Е. А. Некрасова-Рюмлинг, Воспоминания, стр. 59; она же, ук. выше неизданные воспоминания о квартире Некрасова; А. М. Скабичевский, ук. статья в газ. «Новости».

⁴ Письмо Некрасова В. М. Лазаревскому от 23 июня 1870 г. «Литературное наследство», кн. 51—52, М., 1948, стр. 47.

⁵ Н. А. Лейкин..., стр. 184; Е. А. Некрасова-Рюмлинг, Воспоминания, стр. 59.

⁶ Полн. собр. соч., т. I, 1939, стр. 730.

⁷ Панаева, Воспоминания, стр. 318. Точность этого рассказа внушает, однако, сомнения; в доме помещался Департамент уделов, а не Министерство государственных имуществ.

рубашке, под руки обвели три раза вокруг аналая, — это был обряд венчания с З. Н. Некрасовой.

Следующая и последняя комната — спальня. Потанин описывает ее следующими словами: «Спальня имела другой вид, чем кабинет и приемная. Темно-гранатные обои на стенах, зеленые занавеси на окнах, фонарь на потолке, ковры на полу, низкая ореховая кровать с выдвижными ящиками, комод с овальным зеркалом и полный мужской туалет: щетки, гребенки, щеточки для зубов, пилки для ногтей, бритвенный ящик, склянки одеколона, эликсир для полоскания и зубной порошок. У другой стены такой же широкий турецкий диван, как в приемной, и небольшой круглый столик, на котором много почтовой бумаги...».¹ Над кроватью поэта висели два портрета: в одном из них (на картине Крамского) не трудно узнать Добролюбова, кто изображен на другом, не известно, — по традиции (восходящей к А. Ф. Кони) считается, что Мицкевич. Неподалеку стоял шкаф с охотничьим оружием.² Завешенная портьерой маленькая дверь (теперь она заложена) вела на половину Авдотьи Панаевой, а потом — З. Н. Некрасовой. В этой комнате поэт провел долгие месяцы своей предсмертной болезни, здесь и скончался; в этой комнате Крамской и писал его последний портрет.

6

Поездка в Ялту осенью 1876 г. не принесла никакого облегчения. 12 апреля 1877 г. проф. Бильрот произвел Некрасову сложную и опасную операцию. По медицинским понятиям того времени, она сулила, в случае благоприятного исхода, если не кардинальное излечение, то продление жизни больного. Операция сошла благополучно, наступило некоторое улучшение, в мае Некрасов стал вставать и немного бродить по комнате.

Уезжая за границу, Белоголовый, лечивший Некрасова, настоятельно рекомендовал как можно скорее перевезти больного за город; во второй половине июня, совершив две пробные поездки по городу, Некрасов решился и 1 или 2 июля перебрался на дачу у Строганова моста на Черной речке.³

Во время болезни, особенно перед операцией, Некрасов не переставал получать от знакомых и незнакомых (в том числе от политических ссыльных) стихи, письма, телеграммы и адреса с выражением

¹ Г. Н. Потанин, ук. соч., стр. 464. Направо из столовой была дверь в небольшую комнату с окнами во двор; она называлась буфетной или умывальной (Н. Г. Чернышевский, I, 1939, стр. 725) и использовалась для жилья приезжих. Некоторые из перечисленных в этом описании предметов обстановки квартиры Некрасова см. в письме К. А. Некрасова к Ф. А. Некрасову, опубликованном в книге Н. С. Ашукина «Литературная мозаика» (М., 1931, стр. 125, 126).

² И. Н. Крамской. Письма, т. II, 1937, стр. 85.

³ «Архив села Карабихи», М., 1916, стр. 283.

любви и сочувствия. Телеграммы посылались непосредственно Некрасову или другим лицам для передачи поэту. Некрасова все это очень волновало и трогало. В предсмертном дневнике он особо упомянул о двух телеграммах с двумя десятками подписей.¹ Студенческие делегации поднесли ему адреса от четырех высших учебных заведений Петербурга и Харькова, на собрании в «Петербургском собрании художников» студенты составили на имя больного поэта коллективный адрес, но, пока подписывался и ходил по рукам второй лист, первый был в суматохе украден шпином. То же произошло и на вечере медичек: шпион едва избег избиения.

Болезнь и ожидавшаяся смерть Некрасова взволновали и петербургскую полицию; пошли слухи о политической демонстрации; постоянно собиравшиеся у подъезда группы, осведомлявшиеся через швейцара о здоровье поэта, вызывали тревогу у III Отделения, сыщики шныряли взад и вперед, дворник дома, в котором жил Некрасов, все время информировал о состоянии поэта, и т. д.

«Заботливая» полиция не оставила Некрасова в покое и на даче. Вскоре же градоначальник Трепов известил губернатора Лутковского о переезде поэта. Дело в том, что Трепов ошибочно полагал, что Некрасов выехал в Новую Деревню, которая в то время юридически не входила в черту города и, значит, была вне пределов его власти. Губернатор поспешил навести необходимые справки и сразу же сообщил Трепову точнейший адрес Некрасова: «поспешаю сообщить, — писал он 19 июля 1877 г., — что литератор Николай Алексеевич Некрасов, как оказалось по наведенным справкам, проживает на даче не в Новой Деревне, а в С. Петербурге во 2 участке Выборгской части на даче Строганова, по Набережной Большой Невки, № 81».²

Дача Строганова — одно из замечательных созданий великого русского зодчего А. Н. Воронихина. Она была построена в 1790-х годах для богача и мецената графа А. С. Строганова, а в 70-х годах XIX в. сдавалась в наем.³

На даче Строганова Некрасов и его жена прожили до конца августа;⁴ за это время они мало с кем видались, кроме небольшого круга

¹ «Литературное наследство», кн. 49—50, М., 1946, стр. 168.

² Опубликовано в статье Б. Я. Бухштаба — Правительственные заботы о похоронах Некрасова. «Каторга и ссылка», 1933, № 2, стр. 145—149; ср.: «Русские ведомости», 1898, № 97, 10 апреля, стр. 4.

³ В 1898 г. дача была перестроена в доходный дом, а в начале XX в. за ветхостью уничтожена. Некоторое время на даче летом помещался клуб Благородного собрания (А. А. Плещеев. Острова. «Столица и усадьба», 1914, № 19—20, стр. 9). Строганова дача воспега, между прочим, в идиллии Гнедича «Рыбаки». Преданный всей душой поэзии, молодой рыбак указывает:

Вон там, на Нене, пол высоким теремом светлым,
Из камня, где льны у порога стоят, как жемье,
Под теремом тем боярин живет ивскийтй... и т. д.

⁴ «Архив села Карабихи», М., 1916, стр. 284.

самых близких людей (сестра, Ераковы, Салтыков, раз или два Плещеев и др.).¹ Здоровье не улучшалось, непрерывные боли доставляли сильнейшие мучения, при больном все время дежурили два студента-медика. Поэт мало разговаривал, стихов не писал и только в дневнике, в заметке, датированной 23 августа, вспомнил о своей поэме о Белинском, напечатанной в 1859 г. в «Полярной звезде» Герцена в Лондоне, и процитировал оттуда десятка два строк из разных мест.² Как раз в эти дни находившийся за несколько тысяч верст от Петербурга вилюйский узник Чернышевский в письме к А. Н. Пыпину от 14 августа посылал Некрасову свой последний привет: «...если, когда ты получишь мое письмо, — писал он, — Некрасов еще будет продолжать дышать, скажи ему, что я горячо любил его как человека, что я благодарю его за его доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов».³

5 октября Пыпин передал Некрасову эти слова великого русского революционера. Едва слышным шопотом Некрасов ответил: «скажите Николаю Гавриловичу, что я очень благодарю его; я теперь утешен; его слова дороже мне, чем чьи либо слова».⁴

Некрасова перевезли обратно в город на старую квартиру. Здесь он и скончался 27 декабря 1877 г. в 8 часов 50 минут вечера. Возле поэта в это время были: жена — З. Н. Некрасова, сестра — А. А. Буткевич и брат — Константин.

7

В девять часов утра 30 декабря 1877 г., несмотря на лютый мороз, огромная толпа, доходившая до 4000—5000 человек, собравшись возле дома, в котором умер поэт, в скорбном молчании ожидала выноса тела. «Петербург как будто проснулся ранее обычного часа, чтобы проводить» поэта.⁵ До самого кладбища траурная колесница ехала позади процессии, так как гроб с телом Некрасова все время несли на руках. Процессию открывали певчие, за ними несли множество венков: «От русских женщин», «Певцу народных страданий», «Бессмертному певцу народа», «Слава печальнику горя народного», «Некрасову — студенты», «Некрасову от сотрудников» и т. д., и т. д.

Перечислив некоторых из писателей, самых различных направлений, присутствовавших на похоронах, репортер «С.-Петербургских

¹ А. А. Плещеев. Из уцелевших в памяти воспоминаний. «Петербургская газета», 1907, № 355, 27 декабря, стр. 2—3.

² «Архив села Карабики», стр. 283; «Литературное наследство», кн. 49—50, М., 1946, стр. 170.

³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XV, 1950, стр. 88.

⁴ «Русское богатство», 1910, № 4, стр. 109.

⁵ Похороны Некрасова. «С.-Петербургские ведомости», 1877, № 360, 31 декабря, стр. 4.

ведомостей» добавляет: «вернее, впрочем, было бы назвать отсутствовавших, хотя таких, повидимому, не было».¹ А по словам «Биржевых ведомостей», «сзади гроба двигалась толпа, состоявшая кажется из всех находящихся в Петербурге литераторов, артистов и художников, адвокатов, профессоров и пр. ... Большинство редакций присутствовали в полном составе».²

Все описания особо отмечают, что в траурной процессии заметное место составляли «множество почитателей и поклонников покойного положительно всех званий и всякого состояния, не исключая и простых крестьян».³ «Люди из простого класса» (видимо, так «С.-Петербургские ведомости» называют рабочих) и крестьяне также несли венки. Порядок ни разу не нарушался: многочисленные студенческие группы образовали цепь и сами следили за процессией. Впрочем, студенческий хор по обеим его сторонам выразительно сопровождала цепь конных жандармов;⁴ другие отряды находились в резерве.

Особой группой приняли участие в похоронах Некрасова землевольцы, «южно-русские бунтари» (т. е. члены «южно-русского союза рабочих»), члены рабочих кружков, вообще все представители подпольных групп Петербурга; они объединились и от имени революционной социалистической организации возложили на гроб Некрасова венок с надписью «От социалистов». Было решено силой оружия защищать этот венок на случай, если бы полиция попыталась его отобрать. Все были вооружены револьверами. Полиция предпочла не заметить венка.

Растянувшаяся на несколько кварталов процессия только к часу дня достигла кладбища Новодевичьего монастыря на Большом царско-сельском (потом — Забалканском, потом — Международном) проспекте, ныне Проспекте имени Сталина. Поэт завещал похоронить себя на этом кладбище.⁵

В церкви официальную речь произнес священник, профессор университета М. И. Горчаков. На могиле выступили Валерьян Панаев,

¹ Там же. — А. Н. Лесков сообщил мне, что его отец, очень далекий от Некрасова, счел своим долгом принять участие в похоронах.

² Похороны Некрасова. «Биржевые ведомости», 1877, № 336, 31 декабря, стр. 1.

³ Похороны Н. А. Некрасова. «Новое время», 1877, № 661, 31 декабря, стр. 1. То же в цит. статье «С.-Петербургских ведомостей»; ср. еще: <П. Гайдебуров>. Литературно-жизненные заметки. «Неделя», 1878, № 1, стр. 36—39; А. Ф. Кони. Некрасов, Достоевский. По личным воспоминаниям, Пг., 1921, стр. 34 и др.

⁴ «Биржевые ведомости», ук. статья; А. А. Плещеев. Что вспомнилось (За-50 лет), Париж, 1931, стр. 50.

⁵ Завещание Некрасова см.: Н. С. Ашукин. Литературная мозаика. М., 1931, стр. 115—120. Новодевичий монастырь основан в 1845 г., с 1854 г. находился возле Московской заставы. Погребения на кладбище фактически начались с 1849 г. На том же кладбище похоронены друзья Некрасова — Ераковы, П. А. Ефремов и др., из писателей похоронены Майков и Тютчев; см.: С. Снегирева. С.-Петербургский воскресенский первоклассный общежительный женский монастырь, ч. 3, СПб., 1887, стр. 224—247 и прилож., стр. 1—99.

Засодимский, Достоевский, Плеханов и неизвестный по имени рабочий. С речью Достоевского связан известный эпизод; когда он поставил Некрасова *вслед* за Пушкиным и Лермонтовым, кто-то из толпы воскликнул, что Некрасов был выше их. Этот возглас был поддержан рядом других голосов.¹ В числе протестовавших против слов Достоевского были, в частности, те, кто принес венок от революционеров Петербурга.

После Достоевского яркую и взволнованную речь произнес молодой Плеханов (ему шел в это время 21 год): «Я оттенял, — пишет он, — революционное значение поэзии Некрасова». Плеханов отметил песни поэта в защиту угнетенного народа, воспевание декабристов, и т. д. Ему счастливо удалось избежать ареста.²

Толпа долго не покидала кладбища. Через год на могиле был поставлен памятник, по проекту художника Чижова и архитектора Шрейбера.

В течение многих лет могила Некрасова украшалась венками и надписями безвестных почитателей поэта.³

8

Вскоре после смерти Некрасова в его квартире поселился великий русский ученый — физик и электротехник Павел Николаевич Яблочков. Возвратившись из-за границы в Петербург, он продолжал совершенствовать свое изобретение — электрическую лампочку, получившую название «русского света». Его квартира в доме Краевского была одной из первых частных квартир в России, освещенной электричеством; толпы петербуржцев собирались смотреть на ярко освещенные окна, в которых в дни опытов шторы не опускались.

После Яблочкова какие-то годы в той же квартире жил прикосновенный в молодости к революционному движению Евгений Исаакович Утин, впоследствии видный публицист и популярный петербургский адвокат.⁴

В начале 1900-х годов и до 1905 г. в квартире жил известный певец-тенор Н. Н. Фигнер.⁵

Квартира великого поэта была занята впоследствии разными жильцами, четыре большие комнаты превратились в семь маленьких, никакого надзора за сохранностью этого исторического памятника не было.

В 1937 г. по инициативе В. Е. Евгеньева-Максимова начались хлопоты по освобождению квартиры для устройства в ней музея. Соответствующее решение Президиума Ленинградского Совета было вынесено 2 февраля 1938 г. Реализация этого решения натолкнулась

¹ Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. Декабрь 1877 г. Полн. собр. художественных произведений, т. XII, Л., 1929, стр. 346—349.

² Г. В. Плеханов. На могиле Н. А. Некрасова. «Резец», 1928, № 1 (185), стр. 2, 3.

³ «Петербургский листок», 1878, № 148, 29 июля, стр. 3.

⁴ «Петербургская газета», 1907, № 355, 27 декабря, стр. 6.

⁵ Там же, 1902, № 342, 13 декабря, стр. 3.

на ряд трудностей:¹ начавшаяся война не позволила довести его до конца. Лишь после победоносного завершения Великой Отечественной войны и разгрома фашистов можно было возобновить прерванную работу. Постановление Совета Министров СССР предлагало создать «в квартире, где жил поэт..., постоянно действующий мемориальный музей».

Вскоре же было приступлено к ремонту и восстановлению квартиры. При одном из первых же посещений освобожденной квартиры О. В. Ломан и автору этих строк пришлось произвести своеобразные археологические разыскания. Снимая в каждой из семи комнат один за другим слои наклеенных друг на друга обоев, удалось обнаружить обои времени жизни Некрасова в этой квартире; они были наклеены на газеты соответствующих годов и соответствовали описаниям мемуаристов и, в частности, картине Крамского, писавшего в спальне тяжело больного поэта. Обои же следующего слоя были наклеены на газеты 1877 и последующих годов («Голос», иногда с бухгалтерской разметкой) и свидетельствовали о ремонте, произведенном новыми жильцами.²

5 декабря 1946 г. в торжественной обстановке состоялось открытие мемориального музея-квартиры.³ За четыре с половиной года существования музей посетили не менее 130 000 человек. Здесь были школьники и студенты, рабочие и служащие, научные работники и колхозники. Приезжающие в Ленинград и осматривающие памятники этого замечательного города едва ли минуют квартиру, в которой в течение двух десятков лет жил и творил один из величайших русских поэтов, в которой редактировался самый передовой русский журнал XIX в., воспитавший не одно поколение революционных деятелей.

Едва ли не насмешкой звучало название Некрасовской улицы в царском Петербурге. Она впервые появилась в справочнике «Весь Петербург» с 1912 г. и представляла собой маленькую, жалкую улочку в два квартала в очень далеком и совершенно неблагоустроенном районе Московских ворот (от Заставской до Рощинской ул.). В 1916 г. вся эта «улица» состояла из *семи* нумерованных домиков. Название улицы было дано землевладельцем, купившим пустырь и разбившим его на улицы. Сейчас эта улица носит название Пулковской, а имя Некрасова по праву присвоено б. Бассейной улице (до того 9-й роте).

Память Николая Алексеевича Некрасова заботливо охраняют и чтут в социалистическом советском городе, носящем имя великого Ленина.

¹ Н. Рибковский, Письмо в редакцию «Литературной газеты», 1939, № 31 (810), 5 июля, стр. 6.

² Ср. заметку «Квартира-музей Н. А. Некрасова». «Вечерний Ленинград», 1946, № 213, 9 сентября, стр. 3.

³ Ср.: О. В. Ломан. Государственный Мемориальный музей Н. А. Некрасова, Л., 1950; она же. Квартира Некрасова. «Научный бюллетень Ленинградского Государственного университета», 1947, № 16—17, стр. 160—163.

О. В. Ломан

МУЗЕЙ Н. А. НЕКРАСОВА

(Краткий обзор последних поступлений)

Государственный Мемориальный музей Н. А. Некрасова — один из самых молодых литературных музеев нашей страны. Он был открыт по решению партии и правительства в декабре 1946 г., в связи со 125-й годовщиной со дня рождения поэта.

В основу экспозиции музея были положены высказывания о Некрасове В. И. Ленина и исторические постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, объявившие беспощадную борьбу аполитичности и безидейности в литературе и искусстве, а также высказывания А. А. Жданова в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» о значении великих традиций русских революционных демократов — Белинского, Некрасова, Чернышевского, Добролюбова.

Замечательные слова В. И. Ленина о том, что все симпатии Некрасова были на стороне Чернышевского, определяют место Некрасова в русском освободительном движении как революционного демократа.

Музей расположен в исторической квартире поэта, и экспозиция показывает эту квартиру прежде всего как штаб редакции журнала «Современник» — органа русской революционно-демократической литературы, подчеркивая руководящее участие в этом журнале Некрасова, Чернышевского, Добролюбова. Вместе с тем, материалы музея иллюстрируют жизненный и творческий путь Некрасова, начиная с детских лет и до смерти поэта. В экспозиции подчеркивается любовь Некрасова к своей родине, родной природе, к великому русскому народу и вера в его силы и светлое будущее. Экспозиция музея раскрывает основную идею, вдохновлявшую Некрасова в течение всей его жизни, идею, высказанную им в беседе с Д. П. Сильчевским: «важно только одно — любить народ, родину, служить им сердцем и душой...».¹

¹ «Новости», 1903. Цитируется по книге: В. Е. Евгеньев-Максимов. Некрасов как человек, журналист и поэт, 1928, стр. 150.

В музее собрано много материалов, среди которых есть уникальные. Сюда влились коллекции старого Некрасовского музея, организованного в 1921 г. по инициативе проф. В. Е. Евгеньева-Максимова, и собрания из фондов Литературного музея Пушкинского

Государственный Мемориальный музей Н. А. Некрасова в Ленинграде. Кабинет. Письменный стол Н. А. Некрасова.

Фот. 1950 г.

Дома. Теперь эти материалы пополняются с каждым годом. Собрана вся прижизненная иконография поэта, начиная с первого известного нам акварельного портрета работы М. Захарова 1843 г., первой фотографии Некрасова 1856 г., с его автографом, и кончая предсмертным масляным портретом работы художника-передвижника

И. Н. Крамского 1877 г., написанного в последней квартире поэта. Собран и большой иллюстративный материал.

Большие трудности представляет разыскание подлинных вещей поэта. Как известно, вещи Некрасова после его смерти были распроданы с аукциона. Большая часть их утрачена безвозвратно, но кое-что было приобретено в свое время друзьями и почитателями поэта, бережно сохранялось ими и теперь от их потомков переходит в музей. Так, еще в 1918 г. в Пушкинский Дом был передан письменный стол Некрасова, который хранился у редактора Некрасова по «Отечественным запискам» Г. З. Елисеева, был завещан им В. И. Ковалевскому и от его потомков перешел в музей.

В 1919 г. в дар от вдовы А. И. Иванчина-Писарева Пушкинский Дом получил гарнитур мягкой мебели Некрасова.

Ценные поступления продолжались и позднее.

В 1946 г. музеем была передана этажерка Некрасова, купленная в январе 1878 г. на аукционе в квартире Некрасова и долго хранившаяся в семье А. М. Ярлыковой. В том же 1946 году у родственников поэта музей приобрел каминные часы Некрасова.

В 1947 г. от племянницы поэта Е. Л. Чибисовой-Некрасовой была приобретена фотография ее матери — Елизаветы Алексеевны Некрасовой, сестры и воспитанницы поэта.

В 1948 г. от проф. В. Е. Евгеньева-Максимова был получен редкий экземпляр маски Белинского, переданный ему племянницей поэта Еленой Федоровной Некрасовой. Маска эта принадлежала Некрасову и находилась в его кабинете. В 1949 г. музей приобрел бокалы Некрасова. Эти бокалы были куплены когда-то на аукционе гр. Мусиным-Пушкиным, были подарены им позднее семье Березкиных и от них уже перешли в музей.

В 1950 г., перед некрасовской годовщиной, вдова доктора Андропова, некогда лечившего М. Е. Салтыкова-Щедрина, передала музею принадлежавшие Некрасову бюсты Пушкина и Гоголя. По семейным преданиям, эти бюсты стояли на письменном столе поэта, и он очень ценил их. Незадолго до смерти Некрасов подарил эти бюсты писателю А. К. Шелле ру-Михайлову, а тот — своему домашнему врачу доктору Андронову.

Летом 1948 г. в приходской церкви села Абакумцева Ярославской области, находящегося в трех верстах от Грешнева, был обнаружен нами архив отца поэта — его письма к причту, распоряжения и разрешения на браки крепостным крестьянам, начиная с 1839 г. Последний документ датирован февралем 1861 г. и был подписан А. С. Некрасовым накануне реформы.

Часть найденных документов выставлена в музее, некоторые из документов переданы Музеем Некрасова в с. Карабихе.

В деревнях вокруг Грешнева удалось разыскать некоторые портреты: учителя и организатора школы для крестьянских детей в с. Абакумцеве (устроенной по мысли и на средства Некрасова) — Ивана Зыкова,

Государственный Мемориальный музей Н. А. Некрасова в Ленинграде. Кабинет. Камин.

Фот. 1950 г.

с которым поэт был в переписке по делам народной школы; портрет «домоправительницы» в доме отца поэта — Аграфены; портрет подрядчика из с. Грешнева, всем своим обликом напоминающего «толстого, присадистого, красного, как медь», подрядчика из стихотворения «Железная дорога». К сожалению, несмотря на многолетние

поиски, до сих пор не удалось найти портрета матери поэта, столько раз им воспетой.

От учителя П. П. Никитского был получен портрет Некрасова с автографом 1865 г., найденный им в 20-х годах нынешнего столетия вместе с прочими фотографиями на чердаке больницы в с. Бородине под Москвой.

Пополняется музей и иллюстративным материалом: приобретен акварельный рисунок известного иллюстратора произведений Некрасова Петра Петровича Соколова — «Генерал Топтыгин»; хорошая старая копия картины А. Наумова «Некрасов и Панаев у больного Белинского»; новые иллюстрации советской художницы К. Клементьевой к «Русским женщинам» и «Дедушке». Советские художники много и охотно иллюстрируют Некрасова. Приобретены рисунки А. Пахомова к поэме «Мороз, Красный нос», Д. Шмаринова «Несжатая полоса», «О погоде», «Дедушка Мазай и зайцы», «Савелий — богатырь Святорусский» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

Для раздела «Советские поэты о Некрасове» музей получил от лауреата Сталинской премии М. В. Исаковского его портрет с автографом и автограф очень интересного высказывания М. В. Исаковского о значении в его творческой деятельности Некрасова.

Большим приобретением были картины художников-жанристов 60-х годов, иллюстрирующие жизнь и быт «Петербургских углов»: «У трактира» Л. Саламаткина, «Петербургские шарманщики» Л. Комлева, «Нищий музыкант» Н. Зауервейда, и ряд русских пейзажей: В. Орловского, Ю. Крачковского, акварель 60-х годов, изображающая г. Ярославль, копии с картин художника-передвижника Ф. А. Васильева «Барки на Волге» и «Пейзаж»; последняя по своему содержанию и настроению перекликается со стихотворением Некрасова «Забытая деревня».

Музей собирает материалы для воссоздания бытового облика кабинета, где работали Некрасов, Чернышевский, Добролюбов, и спальни, где умер великий народный поэт. Для оборудования кабинета в бытовом плане сделано следующее: к имевшимся ранее в кабинете мемориальным предметам (письменный стол Некрасова, конторка Чернышевского) прибавились вещи Некрасова, бывшие на его столе при жизни поэта (маска Белинского, бюсты Пушкина и Гоголя), и книжные шкафы 60—70-х годов, в которых размещены теперь дубликаты книг библиотеки Некрасова.

Как известно, обширная и разнообразная библиотека Некрасова, в которой были книги и по экономике, и по философии, и произведения русских писателей разного времени, и сборники устного народного творчества, и классические произведения западной литературы, — так же как и все вещи поэта, была продана с аукциона. В музее хранится только одна книга Некрасова: «Шекспир», перевод с англий-

ского Н. Кетчера, ч. I (М., 1841), с дарственной надписью: «Некрасову от переводчика». Теперь рядом с этой книгой, принадлежавшей Некрасову, поставлены в шкафы книги тех же изданий, что были

Государственный Мемориальный музей Н. А. Некрасова в Ленинграде. Столовая.
Фот. 1950 г.

в библиотеке поэта; эти книги подобраны по сохранившемуся списку его библиотеки. Здесь и анненковское издание сочинений Пушкина, рецензировавшееся Некрасовым, и «Мертвые души» Гоголя, и стихотворения Рылеева, изданные в 1874 г., и «Кобзарь» Шевченко, и «Кто виноват?» Герцена, и «Нравы Растеряевой улицы» Г. Успенского, и стихотворения Гейне, и произведения Ж. Санд, и сборники Рыбни-

кова, Шейна, Барсова, которыми пользовался Некрасов в работе над поэмой «Кому на Руси жить хорошо», и записки декабриста Розена, и «Деяния российских полководцев», использованные поэтом в «Русских женщинах», и многое другое. По годам подобраны и выставлены комплекты «Современника» и «Отечественных записок».

На письменном столе Некрасова под стеклом разложены фотокопии счетов и документов редакции «Современника», черновиков стихотворений Некрасова и отрывки из воспоминаний и писем сотрудников журнала, говорящих об огромной, напряженной работе Некрасова как редактора. На круглом столе посреди комнаты расположены материалы, извлеченные из Центрального Государственного исторического архива в Ленинграде, характеризующие взаимоотношения Некрасова с царской цензурой и ту упорную борьбу, которую ему пришлось вести с ней за направление своего журнала, направление «живое и честное», направление «обличения и протеста».¹ Здесь же приведены слова Добролюбова: «...сколько великолепных вещей мог бы написать Некрасов, если б его не давила цензура!»,² и стихи самого поэта:

Со стороны блюстителей порядка
Я, так сказать, был вечно под судом...

и горькие строки, написанные им незадолго до смерти:

...многого, многого
Здесь мне не дали сказать...

Здесь фотографии с документов цензурного ведомства, донесения С.-Петербургского учебного округа и Министерства внутренних дел, предупреждения «Современнику» и его редакторам, документы о запрещении «Современника» в 1866 г.

Кабинет и спальня поэта постепенно приобретают вид, все более близкий к тому, который они имели при жизни Некрасова.

* * *

За последние два года музей, откликаясь на юбилейные даты, организовал три выставки: в июне 1948 г. — к 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского, в июне 1949 г. — к 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина и в октябре 1949 г. — к 60-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского.

¹ См. письмо Некрасова Тургеневу от 18 <30> декабря 1856 г.: «Есть ли другое (направление, — О. Л.) — живое и честное, кроме обличения и протеста» (V, 1930, 273).

² Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, т. I, М., 1890, стр. 534.

Тема выставки к столетию смерти Белинского: «Белинский и Некрасов», «Белинский в редакции „Современника“». Выставка показывает идейную близость Некрасова и Белинского, значение Белинского в жизни и творчестве Некрасова, о котором говорил поэт: «Моя встреча

Государственный Мемориальный музей Н. А. Некрасова в Ленинграде. Спальня. Место, где умер Н. А. Некрасов.

с Белинским была для меня спасением».¹ Выставка иллюстрирует знакомство Белинского с Некрасовым в редакции «Отечественных записок», совместную работу в сборниках «Физиология Петербурга» и «Петербургский сборник», историю приобретения журнала «Современ-

¹ А. Я. Панаева (Головачева). Воспоминания, 1948, стр. 317.

ник», который должен был стать и стал трибуной для Белинского, работу Белинского над статьями: «Взгляд на русскую литературу» в 1846 и 1847 гг.

На выставке представлен материал, говорящий о большой дружбе Некрасова с Белинским, о последних годах жизни и о смерти великого критика. Здесь старые гравюры и литографии, изображающие дом на Фонтанке, где жил Белинский, и здания, где помещались в 1839 г. редакция «Отечественных записок» и в 1847 г. редакция «Современника»; здесь автолитографии пензенского художника Б. Лебедева 1948 г.: «Некрасов и Белинский», «Белинский за работой», «Редакция „Современника“», «Белинский перед смертью»; на выставке показаны оригинальные рисунки Н. Степанова — карикатуриста 40-х годов XIX в.: «Белинский и Некрасов», «Белинский и цензура („Своей статьи не узнаю в печати“)», «Булгарин с доносом на „Современник“». Показан и предсмертный портрет Белинского, сделанный Е. Языковой и скопированный для Некрасова по его просьбе художником А. Редером в 1858 г. (в воспроизведении).

Эта выставка органически вошла в экспозицию первой комнаты музея и ее обзор является составной частью экскурсии по музею на тему: «Великие революционеры-демократы в редакции „Современника“».

Вторая выставка была сделана к 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Тема ее: «Некрасов о Пушкине». Собранные здесь материалы и полные любви и глубокого уважения высказывания Некрасова о Пушкине говорят об идейной близости двух великих народных поэтов-патриотов. Долгое время в литературоведении держался неверный взгляд Анненкова, Дружинина и других о диаметральной противоположности творчества Пушкина и Некрасова. Советское литературоведение убедительно доказало ошибочность этого мнения, решительно противоречащего отношению к Пушкину самого Некрасова. В произведениях и высказываниях Некрасова образ Пушкина рисуется чрезвычайно гуманным, обаятельным. Он изображен «другом и братом» декабристов, человеком, страдающим от притеснений царской цензуры, «народным заступником». Великие революционеры-демократы высоко подняли имя Пушкина. В той борьбе за подлинного Пушкина, которую последовательно проводили Белинский, Чернышевский, Добролюбов, выдающуюся роль сыграл и Некрасов. «Читайте сочинения Пушкина... — писал Некрасов, — поучайтесь примером великого поэта любить искусство, правду и родину... *идите по следам Пушкина*, стараясь сравняться с ним, если не успехами, то бескорыстным рвением, по мере сил и способностей, к просвещению, благу и славе отечества!» («Заметки о журналах», 1855, ноябрь).¹ На выставке представлены виды Гурзуфа — места, где Пушкин гостил у Раевских, Читы —

¹ «Литературное наследство», кн. 49—50, 1946, стр. 264.

места ссылки декабристов; новая работа К. Клементьевой — иллюстрация к «Русским женщинам», изображающая встречу Пушкина и М. Н. Волконской в Москве; копии автографа «Русских женщин», содержащего характеристику образа Пушкина, и корректуры стихотворения «О погоде» (рассказ старого рассыльного Миная о Пушкине); высказывания Некрасова о стихотворении «Подруга дней моих суровых» и черновые строчки из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Пробудится, прояснится
Ученым русский ум?..
Крестьянин купит Пушкина,
Белинского и Гоголя...
То люди именитые,
Заступники народные,
Друзья твои, мужик!

К 60-летию со дня смерти Чернышевского была развернута выставка, показывающая дружбу великих революционеров-демократов и их совместную работу в «Современнике». Здесь представлено первое издание знаменитой диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» и ряд важнейших произведений Чернышевского в прижизненных изданиях: «Очерки гоголевского периода русской литературы», «Русский человек на rendez-vous», «А. С. Пушкин», «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», сборник стихотворений Некрасова 1856 г. и номер «Современника» (1856, № 11), в котором Чернышевский в отсутствие Некрасова перепечатал несколько наиболее острых в социальном отношении стихотворений этого сборника («Поэт и гражданин», «Забывтая деревня», «Отрывки из записок графа Гаранского»), что вызвало угрозу закрытия журнала. На выставке подчеркивается ведущая роль Чернышевского в «Современнике». Здесь представлены фотокопии автографов Чернышевского, корректуры «Очерков гоголевского периода русской литературы», старая литография, изображающая дом на Б. Московской ул., где жил и где был арестован Чернышевский, фотографии и рисунки, изображающие Алексеевский рavelин Петропавловской крепости — место заточения великого мыслителя, его гражданскую казнь и отклик на это событие Герцена в «Колоколе». Очень интересен список лиц, выразивших желание проститься с Чернышевским перед отправкой его в ссылку, представленный в III Отделение. В этом списке на первом месте фамилия Некрасова. Выставлен также рисунок Вилюйского острога, сделанный неизвестным художником. Впервые выставлено воспроизведение с автографа знаменитого письма Чернышевского Пыпину от 14 августа 1877 г., в котором он писал из ссылки о Некрасове: «...я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему,

гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов», и автографа ответа Пыпина от 5 ноября 1877 г.: «Он (Некрасов, — О. Л.) был тронут: „Скажите Н. Г., что я очень благодарю его; я теперь утешен; его слова дороже мне, чем чьи-либо слова“».¹

Выставка, посвященная Чернышевскому, с некоторыми сокращениями также вошла теперь в экспозицию музея.

В спальне, где умер поэт, выставлен к некрасовским дням 1950 г. редкий экземпляр последнего сборника, изданного при жизни поэта, — «Последние песни», с его полустершимся карандашным автографом. Над этим сборником Некрасов работал в дни своей тяжелой предсмертной болезни. Здесь же в спальне выставлены копии с автографов некоторых стихотворений Некрасова, вошедших в этот сборник. Из них один покрыт пятнами чернил — это один из последних автографов Некрасова: рука уже плохо слушалась больного, и чернильные кляксы пачкали листок.

В спальне же экспонируется последняя фотография Некрасова, разысканная в архиве С. А. Венгерова.

В настоящее время намечены новые дополнения: показ творческой истории ряда произведений Некрасова, приобретение новых иллюстраций советских художников («Железная дорога», «Мороз, Красный нос», «Современники», «Кому на Руси жить хорошо»), художественных фотографий некрасовских мест Ярославской и Новгородской областей.

Государственный Мемориальный музей Н. А. Некрасова должен стать достойным памятником великим русским революционным демократам — Некрасову, Белинскому, Чернышевскому, Добролюбову.

¹ Чернышевский в Сибири. Переписка с родными, вып. II, 1913, стр. 200, 210.

А. Ф. Тарасов

МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ Н. А. НЕКРАСОВА В СЕЛЕ КАРАБИХЕ¹

Настоящее сообщение преследует цель познакомить участников конференции с тем, что делается в Ярославском крае для увековечения памяти Н. А. Некрасова.

4 декабря 1946 г. Совет Министров Союза ССР, в связи с празднованием 125-летия со дня рождения Н. А. Некрасова, наряду с другими мероприятиями по увековечению памяти народного поэта, вынес решение о реставрации усадьбы в Карабихе, где жил и работал Н. А. Некрасов, и об организации в ней мемориального музея.

С Ярославским краем Н. А. Некрасов поддерживал постоянную тесную связь на протяжении всей своей жизни. Эта связь отразилась не только на биографии поэта, она сыграла исключительную роль в его творчестве.

В Грешневе и Ярославле Некрасовым написаны поэмы «Саша» и «Коробейники», стихотворения «Крестьянские дети», «Тургеневу», «Свадьба», «Давно отвергнутый тобою» и ряд других.

В Карабихе созданы поэмы «Мороз, Красный нос», «Дедушка», обе части «Русских женщин», первая часть поэмы «Современники», стихотворения «Калистрат», «Возвращение», «Зачем меня на части рвете». Ярославские наблюдения поэта легли в основу центрального произведения Некрасова — поэмы «Кому на Руси жить хорошо» и многих других его произведений.

Усадьба в Карабихе, приобретенная Некрасовым в 1861 г., была построена бывшим ярославским губернатором М. Н. Голицыным в конце XVIII—начале XIX в. и представляла собой сложный архитектурный и хозяйственный комплекс, включающий свыше 30 построек, два парка, два пруда, фруктовый сад, оранжерею, манеж и другие принадлежности крупной помещичьей усадьбы.

К моменту организации музея внешний вид усадьбы сильно изменился. Часть построек разрушилась от времени и была разобрана, большинство других зданий обветшало и требовало капитального

¹ Прочитано 16 января 1950 г

ремонта, верхний парк вырублен на 80%, нижний — на 50—60%, пруды загрязнены, ограда, фруктовый сад, оранжерея отсутствовали, на территории усадьбы появились новые постройки, своим внешним видом и расположением нарушающие старую планировку.

Работы по восстановлению усадьбы в ее первоначальном виде составляли первую, основную задачу сотрудников музея.

За два с небольшим года с момента организации музея (он начал свое существование в октябре 1947 г., когда были утверждены его штаты) музеем при активной помощи со стороны местных советских, партийных и общественных организаций проделаны следующие работы. Капитально отремонтировано центральное здание усадьбы, в котором разместился литературный отдел музея. Весной 1949 г. вымощен подъезд к центральному зданию, посажено 130 молодых лип, около 300 кустов акации, разбит сквер, восстановлена аллея от центрального здания к верхнему парку, на месте фруктового сада посажены первые 100 кустов вишни, произведена очистка парка, произведен наружный ремонт и покраска зданий бывшего манежа, конторы, кузницы, двух жилых построек, восстановлены каменные столбы ограды по южной и восточной границе усадьбы, общим протяжением 360 пог. м.

В настоящее время ведутся работы по реставрации пострадавшего от пожара в годы Отечественной войны восточного флигеля усадьбы, где будет открыт мемориальный отдел музея — квартира поэта.

С восстановлением восточного флигеля и ограды и с выполнением намеченной на 1950 г. массовой посадки деревьев на месте погибших, усадьба должна будет принять вид, в известной мере приближающийся к Некрасовскому.

Одновременно с проведением реставрационных работ в усадьбе сотрудники музея сосредоточили свое внимание на сборе мемориальных вещей поэта, изданий его произведений, иллюстраций к его творчеству и других материалов.

Большую помощь в создании музея Некрасова в Карабихе (выделением во временное пользование литографий, бюста Некрасова и других экспонатов) оказал Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР. В. Е. Евгеньев-Максимов передал музею бюст В. Г. Белинского и значительное количество литературы и оказывал постоянную помощь консультациями.

Кроме ленинградских материалов, музей получил экспонаты из Ярославля, Москвы, Ростова, Щербакова и других городов.

На основе собранных материалов 9 января 1949 г. в десяти залах второго этажа центрального здания усадьбы был открыт литературный отдел музея, подробно освещающий жизнь и творчество поэта.

В настоящее время в фондах и экспозиции музея содержится 2201 экспонат и 855 книг.

Музей располагает всеми прижизненными изданиями произведений Некрасова, почти полным комплектом журналов «Современник» и «Отечественные записки» за весь период издательской деятельности Некрасова, 65 мемориальными вещами, собранными из разных источников, среди которых 31 предмет мебели, 2 ружья Некрасова, подлинный его портрет работы художника Крамского, исполненный по заказу поэта, две рукописи поэта, книга с его автографом и др.

Карабиха. Центральное здание усадьбы со стороны двора.

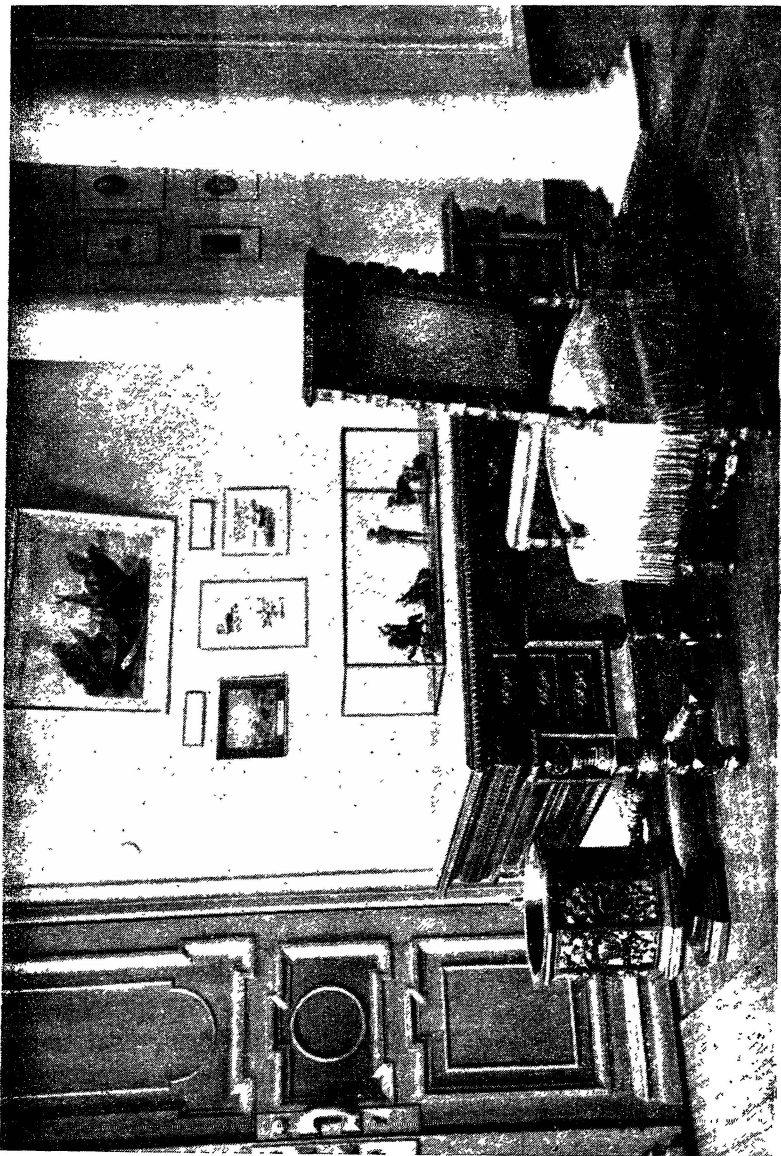
Фот. 1949 г.

В экспозиции музея представлены в репродукциях и оригиналах многочисленные иллюстрации к произведениям Некрасова, копии с большинства известных его фотографий, скульптурные портреты Некрасова работы Чижова, Козлова, Дыдыкина, произведения Некрасова на языках народов СССР, ноты на тексты Некрасова композиторов Мусоргского, Чайковского, Бородина, Гречанинова и др. и многое другое.

Особый раздел в экспозиции занимает показ зажиточной и культурной жизни крестьянина в наше время, жизни, о которой мечтал поэт.

Правда, среди экспонатов музея пока еще недостаточно оригинальных работ, особенно живописных работ ведущих советских художников.

ников. Необходимо отметить, что до последнего времени проблема иллюстрации творчества Некрасова нашими художниками по настоящему не решена, хотя, в этой области и имеются уже некоторые достижения.

Карабиха. Вещи, принадлежавшие Н. А. Некрасову.

Фот. 1949 г.

На экспозиции молодого некрасовского музея в Карабихе это особенно сказывается, так как большинство произведений на некрасовские темы старых художников сосредоточено в центральных хранилищах. Для пополнения экспозиции оригинальными произведениями живописи музеем установлена связь с местным союзом

художников. В текущем году группа ярославских художников будет работать над образом народного поэта по темам, предложенным музеем.

Карабиха. Бюст Н. А. Некрасова работы М. А. Чижова. 1906 г.
Бронза.

Фот. 1949 г.

До последнего времени личная библиотека поэта из его усадьбы в Карабихе считалась совершенно утерянной. Недавно музей приобрел от племянницы Некрасова шесть книг из этой библиотеки, две из них имеют дарственные надписи Некрасову от Гербеля и Вейнберга. При-

нимаются меры к разысканию основной части библиотеки, вывезенной из усадьбы в 1918 г.

В 1949 г. сотрудниками музея с помощью А. В. Попова была обнаружена и затем приобретена часть мебели, по всем данным, ранее принадлежавшая отцу поэта и находившаяся в Грешневской усадьбе.

В связи с подготовкой к открытию мемориального отдела — квартиры поэта — музеем проделаны работы по реставрации части мемориальной мебели. На основе изучения бытовой обстановки и интерьеров усадьбы 60—70-х годов XIX в., имеющейся в распоряжении музея мемориальной мебели, а также воспоминаний современников и родственников поэта, разработан план оборудования мемориального отдела, в соответствии с которым приобретаются недостающие предметы и материалы.

Музей проводит большую массовую работу по популяризации творчества Некрасова среди трудящихся. За год музей посетило свыше десяти с половиной тысяч человек. Сотрудниками музея читались лекции в карабихском сельском клубе о Некрасове, Пушкине, Радищеве. В дни весеннего сева и уборочной кампании в 21 населенном пункте Ярославской области для колхозников читались лекции и демонстрировалась передвижная выставка о Некрасове. Вокруг музея собирается актив из преподавателей, студентов и школьников, опираясь на который музей будет в дальнейшем проводить свою работу.

Таковы первые итоги деятельности небольшого коллектива сотрудников музея по восстановлению усадьбы и организации музея в Карабихе, где на протяжении десяти лет проводил летние месяцы и создавал свои произведения Николай Алексеевич Некрасов.

Что же касается научно-исследовательской работы, то основную ее тематику определяет географическое и, так сказать, мемориальное положение музея. Из 56 лет, прожитых Некрасовым, 31 год своей жизни — то полностью, как это было в детские годы, то частично (преимущественно летние месяцы), как это было позднее, — он провел в родном Ярославском крае. Если учесть, что значительная часть этого времени прошла в охотничьих странствиях Некрасова, давших ему обильный материал для творчества, и что большую часть остального времени он жил и творил в Петербурге, то станет вполне очевидным, что именно Ярославский край был главным местом изучения поэтом народной, преимущественно крестьянской жизни. Всестороннее изучение связи Некрасова с родным Ярославским краем и ее роли в творчестве поэта, к сожалению, до сих пор еще не нашло должного места в некрасововедении. А эта тема выходит далеко за пределы чисто местной краеведческой проблемы.

Одной из наиболее ярких особенностей поэтического дарования Некрасова является исключительная конкретность, фактичность его

произведений. Все его творчество пронизано реальными жизненными фактами. Эта особенность поэзии Некрасова зиждется на прекрасном знании народной жизни, на изумительной памяти и наблюдательности поэта, на постоянном общении его с народом.

Именно за эту жизненную правду так высоко ценил поэзию Некрасова Николай Гаврилович Чернышевский.

Исследователи приложили много труда для изучения литературных истоков поэзии Некрасова и разрешения целого ряда других проблем, в то же время фактическая сторона многих его стихотворений оставалась неизученной. Работу по разрешению этих вопросов музей Некрасова в Карабихе считает первоочередной задачей своей научно-исследовательской деятельности.

В 1949 г. под руководством А. В. Попова музей провел первую экспедицию по изучению некрасовских мест Ярославской области. В дальнейшем такие экспедиции музея будет проводить ежегодно.

Изучение некрасовских мест поможет проникнуть в творческую лабораторию поэта.

Перед музеем Некрасова в Карабихе стоят серьезные задачи: быстрее закончить восстановление усадьбы, открыть мемориальный отдел, пополнить экспозицию литературного отдела новыми полноценными экспонатами, сделать музей центром некрасововедения в Ярославской области. Коллектив сотрудников музея приложит все силы к успешному разрешению этих задач.

О. В. Ломан

УСАДЬБА Н. А. НЕКРАСОВА ЧУДОВСКАЯ ЛУКА

В литературе о Некрасове нет специальной работы, посвященной Чудовской Луке — новгородской усадьбе поэта. В биографиях поэта и биографических очерках Чудовская Лука только упоминается. Не указывается не только год приобретения усадьбы, но даже десятилетие. Одни исследователи называют 50-е, другие — 60-е, третьи — 70-е годы. Иногда встречаются и такие указания: «50—60-е годы» или «в 60—70-х годах». Нет точной даты также в книге Н. С. Ашукина «Летопись жизни и творчества Некрасова» (1935). Эту дату необходимо установить.

И в жизни и, особенно, в творчестве Некрасова поездки в Новгородскую губернию, знакомство с ее природой, с бытом и жизнью местных крестьян имели важное значение.

В настоящей работе делается попытка собрать, систематизировать и уточнить разбросанные по разным источникам сведения и поставить вопрос о связи этих мест с творчеством Некрасова.

1

В жизни Некрасова и в его творчестве поездки в деревню всегда играли немалую роль. В деревне он отдыхал от напряженной жизни в городе, от многих забот и хлопот, связанных с редакторской деятельностью, от повседневной тяжелой борьбы с цензурой. Общение с родной природой, которую так любил и чувствовал поэт, всегда успокаивало его и вдохновляло. В стихотворении 1862 г. «Надрывается сердце от муки...» Некрасов противопоставляет «в мире царящие звуки Барабанов, цепей, топора» — «чудно-смешанному шуму» весенней природы, где

... в просторе свободы
Все в гармонию жизни слилось...

Это описание весны созвучно позднему описанию осени в «Железной дороге»:

Нет безобразья в природе...

К матери-природе обращается поэт с мольбой:

Я наслушался шума иного...
Оглушенный, подавленный им,

Мать-природа! иду к тебе снова
 Со всегдашним желаньем моим —
 Заглуши эту музыку злобы!
 Чтоб душа ощутила покой
 И прозревшее око могло бы
 Насладиться твоей красотой.

(«Надрывается сердце от муки...»)

Поездки в деревню давали также Некрасову возможность общаться с родным народом, ближе узнать его жизнь и нужду, его горе и радость. По словам сестры поэта А. А. Буткевич, охота, которую так любил поэт, была для него «средством знакомиться с народом... редкий раз не привозил он из своего странствования какого-либо запаса для своих произведений».¹

Многие произведения Некрасова являются поэтическими «записками охотника»: «Крестьянские дети», «Орина — мать солдатская», «Коробейники», «Дедушка Мазай и зайцы» и другие.

Слуга Некрасова П. А. Прибылов рассказывал, что поэт во время охоты «часто беседовал с крестьянами. Порой же, совсем будто забывая, что вышел охотиться, бродил по лесу, не следя за дичью, и, прислонив записную книжку к дереву, писал на ней карандашом».²

Сама охота тоже увлекала поэта:

Какой восторг! За перелетной птицей
 Гонюсь с ружьем, а вольный ветер нив
 Сметает сор, навевный столицей,
 С души моей. Я духом бодр и жив,
 Я телом здрав. Я думаю... мечтаю...
 Не чувствовать над мыслью молотка
 Я не могу, как сильно ни желаю,
 Но если он приподнят хоть слегка,
 Но если я о нем позабываю
 На полчаса, — и тем я дорожу.
 Я сам себя, читатель, нахожу,
 А это все, что нужно для поэта.

(«Уныние»)

Некрасов давно задумал приобрести усадьбу. 16 апреля 1861 г. он писал отцу: «... в деревне я ищущу полной свободы и совершенной беспечности... я располагаю из 12-ти месяцев от 6 до 7 жить в деревне — и частью заниматься. — Вот почему я ищущу непременно усадьбу без крестьян, без процессов и, если можно, без всяких хлопот...».³ 7 декабря 1861 г. Некрасов уже извещает отца: «Я купил Карабиху» (V, 371). Карабиху — ярославское свое имение — Некрасов очень любил, подолгу в нем гостил и охотно там работал.

¹ «Литературное наследство», кн. 49—50, стр. 176—177.

² «Северный край», 1902, № 314.

³ Некрасов, Собр. соч., т. V, ГИЗ, 1930, стр. 365. В дальнейшем письма цитируются по этому изданию.

Но Карабиха была далеко от Петербурга, а поэту хотелось иногда отдохнуть от повседневных забот, хоть ненадолго забыть о цензурном «молотке», уехать на два-три дня, подышать свободно, побродить с ружьем и любимой собакой, посидеть за письменным столом в тишине деревенского кабинета, где не отрывали бы его от работы бесконечные посетители.

С другой стороны, и в Карабихе, с течением времени, поэт не чувствовал себя свободно, так как с 1862 г. в Карабихе поселился брат поэта Федор Алексеевич со своей многочисленной семьей, и Некрасову приходилось испрашивать согласия брата на свой приезд. Так, 14 апреля 1871 г. он пишет брату: «... напиши мне, доволен ли ты будешь моим приездом — напиши поскорее. Я не выеду из Петербурга, не дождавшись твоего письма». Или в письме от 25 апреля 1874 г.: «Мы с Зиной¹ намерены... в 1-х числах июня приехать к Вам, если только ты и Настасья Павловна² напишете нам хотя в двух словах, что не сердитесь и будете довольны нашим прибытием» (V, 480, 531).

Еще в 1861 г., до покупки Карабихи, Некрасов колебался, где купить усадьбу: в родном ли Ярославском крае или поближе к Петербургу. Отца он просил «разузнавать в наших местах..., если не купим чего-нибудь подобного между Москвою и Петербургом» (V, 365).

Места между Москвою и Петербургом давно манили поэта. Эти места, изобиловавшие всякой лесной и болотной дичью, славились своей охотой. Здесь водились и бекасы, и дупеля, и тетерева, и лисицы, и зайцы, и медведи. Некрасов хорошо знал эти места вдоль железной дороги между Москвой и Петербургом.

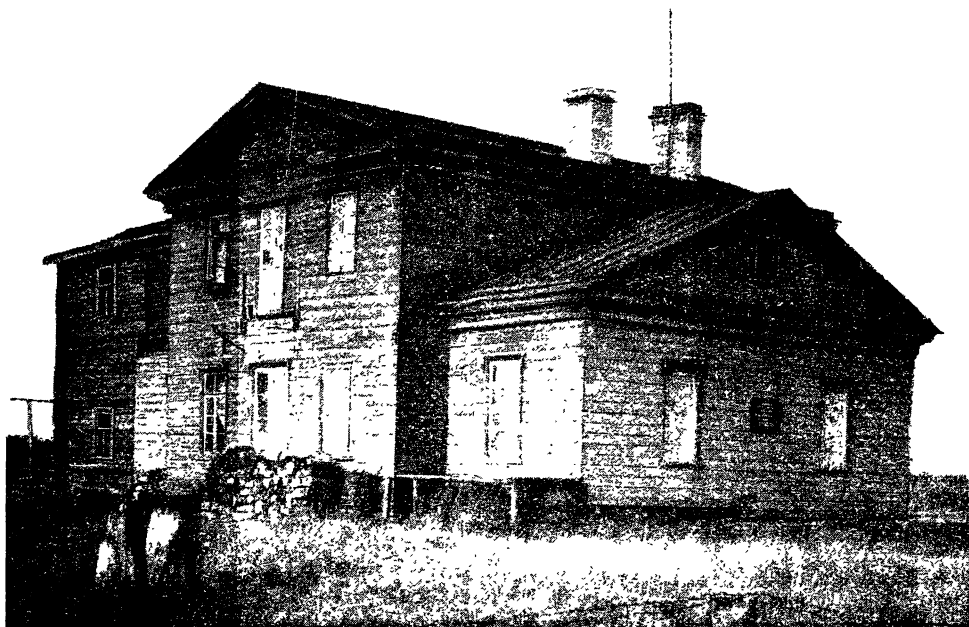
Вот как он описал их в письме к Тургеневу от 21 октября 1852 г.: «Я охотился по железной дороге — эта дорога «Николаевская» как будто нарочно пролегает через такие места, которые нужны только охотникам и более никому; благословенные моховички с жидким ельником, подгнивающим при самом рождении, идут на целые сотни верст — и тут-то раздолье белым куропаткам!.. В три мои поездки туда убил я поболее сотни белых и серых куропаток и глухарей, не считая зайцев — и услышал одно новое словечко, которое мне очень понравилось — *пáморха*. Знаешь ли ты, что это такое? Это мелкий, мелкий, нерешительный дождь, сеющий как сквозь сито и бывающий летом. Он зовется *пáморхой* в отличие от *изморози*, идущей в пору более холодную. Это словцо Новгородской губ. Унылая сторона, населенная наполовину корелами, бедная и невероятно дикая...» (V, 168).

В этом письме перед нами Некрасов — страстный охотник и замечательный поэт-реалист, который всюду подмечает типическое, характерное: местное народное словечко, «какого не придумаешь, хоть

¹ Жена поэта.

² Надо полагать, Наталья Павловна, жена Ф. А. Некрасова.

проглоти перо!», местные обычаи. И главное, люди: он видит мужика, который ловит утку «посредством брюха» («Мужик идет по болоту и, завидев молодую утку, старается упасть на нее брюхом»), и озлобленную, молчаливую бабу, собирающую гнилые масляники, так как, «кроме этих грибов, здесь других не водится» (V, 169). Некрасов видел в этих краях не только «благословенное» место для охоты, он

Чудовская Лука. Домик Н. А. Некрасова.

Фот. П. В. Иваго за. 1949 г.

увидел здесь и страшную бедность этой «унылой» и «совершенно дикой» стороны и дал нам ее реалистическое описание.¹

Эту же безысходную бедность, эту страшную новгородскую глушь изображает Некрасов и в стихотворении 1863 г. «Пожарище»:

Весело бить вас, медведи почтенные,
Только до вас добираться не весело,
Кочи, ухабины, ели бессменные!
Каждое дерево ветви повесило,
Каркает ворон над белой равниною,
Нищий в деревне за дровни цепляется.
Этой сплошной безотрадной картиною
Сердце подавлено, взор утомляется.
Ой! надоела ты, глушь новгородская!
Ой! истомила ты, бедность крестьянская!

¹ Деревня Борки, которая упоминается в этом письме, расположена недалеко от Чудова.

И в этом стихотворении, как и в письме к Тургеневу, поэт, живописуя замечательные своей охотой новгородские края, дает вместе с тем и описание этой унылой стороны и крестьянской бедности. Несчастный нищий, бездомные погорельцы, дрожащая лошадь у почернелого плетня, ежащиеся с холоду бездомные куры...

Эта же тема развивается Некрасовым и в незавершенной пьесе «Как убить вечер?» (1866—1867), по замыслу тесно связанной с «Медвежьей охотой». В этом отношении особенный интерес представляет первое действие, где описываются приготовления к медвежьей охоте. Эпиграфом к нему могли бы быть строки из «Пожарища», приведенные выше. Господам, собравшимся на охоту, несомненно, весело бить «почтенных медведей». Этим господам — князю Сухареву (в «Медвежьей охоте — Воехотский), немцу-посланнику (в «Медвежьей охоте» — «барон фон-дер-Гребен, нечто вроде посланника, важная надменная фигура») в пьесе противопоставлена «бедность крестьянская». В авторской ремарке сказано: «По поляне к лесу... тянется вереница загонщиков, человек сто: мужики, бабы, мальчики и девочки...; по одежде все вместе напоминают толпу нищих». В социально-остром монологе лесничего подчеркнут этот яркий контраст праздных богачей и полунищих голодных мужиков, подчеркнута полное презрение «господ» к крестьянам, их удивительное равнодушие, холодная бесчувственность к бедности и горю.

Действие пьесы происходит на фоне типичного новгородского пейзажа. Перед нами и в этом произведении яркая картина «глуши новгородской»:

Сплошной лес... Болота, напоенные тифом...

И в бедности здесь спорит человек

С природой и решить не могут:

Она ли, он бедней...

...природа эта,

До беспощадности суровая...

Болота, мхи... пески... куда ни взглянешь... —

таков новгородский пейзаж, который реалистически показан Некрасовым.¹

Что по замыслу Некрасова действие пьесы происходит в Новгородской губернии, подтверждает и авторская ремарка второго действия: «Квартира в городе Б-чах», т. е. Боровичах, Новгородской губернии.

Как в письме к Тургеневу подмечено новгородское словечко «пáморха», так в пьесе «Как убить вечер?» появляется другое, тоже новгородское словцо, «кричане». По «Толковому словарю» Даля —

¹ Новгородский пейзаж находим мы и в «Железной дороге» (1864):

... И кочи,

И моховые болота, и пни...

кричанин, нвг. (новгородское), загонщик, облавщик, гикальщик...».¹ Оба эти слова — пámорха и кричанин — объяснены в «Толковом слове» Даля точно так, как объяснил и применил их Некрасов. Даль характеризует эти слова как типично новгородские, принятые исключительно в Новгородской губернии.

В пьесе «Как убить вечер?» один крестьянин рассказывает о том, как «деревня Голодуха загорелась», как господа «повернули на пожар» всей командой» и как «задули, как свечу, пожар в одну минуту».

Чудовская Лука. Река Кереть за домиком Н. А. Некрасова.

Фот. П. В. Иванова. 1949 г.

Здесь Некрасов вспоминает бывший с ним действительный случай, когда поэт повернул всю охоту на пожар, и охотники дружными усилиями отстояли загоревшуюся деревню.²

Некрасов хорошо знал Новгородскую губернию и как охотник и как поэт. Как поэт, он оставил нам правдивое описание глухих, действительно медвежьих углов этого края, унылого и бедного. Безрастный пейзаж этих мест послужил фоном, на котором Некрасов

¹ Толковый словарь Даля, т. II, стр. 501.

² «На зимней охоте с ним однажды был казус. Он набрал до 80 человек и ехал за медведем. Мужики шли впереди. Увидел брат зарево пожара и всю свою команду повернул от медведя туда. Деревню спасли, но охота на тот день пропала» (А. А. Бутевич. Из воспоминаний. «Литературное наследство», кн. 49—50, стр. 178).

показал бедность и бесправие крестьян, с одной стороны, богатство и праздность господ — с другой. Как охотник, он знал и любил эти места еще с 50-х годов. Он отдыхал здесь, охотясь; здесь жили его друзья-приятели — охотники-крестьяне; отсюда он привозил свои охотничьи трофеи. Известно, что Некрасов убил в Новгородской губернии нескольких медведей. Чучела этих медведей стояли в квартире поэта на Литейной.¹ Брату Федору Алексеевичу он писал в конце 1862 г.: «Я был на охоте четыре дня, убил медведицу и двух медведей, в коих до 40 пудов весу» (V, 381).

2

Примерно к 1868 г. относится начало сближения Некрасова с В. М. Лазаревским. «Мы охотимся вместе с Некрасовым с 1868 года» — записал Лазаревский в своем дневнике.

Истинная цена «дружбы» Лазаревского с Некрасовым в достаточной мере выяснена в статье Б. Папковского и С. Макашина «Некрасов и литературная политика самодержавия» («Литературное наследство», кн. 49—50, стр. 488—506). Лазаревский был интересен Некрасову и как страстный охотник и как нужный человек, полезный его журналу, — он был членом совета Главного управления по делам печати.

Лазаревский обычно арендовал участок для охоты недалеко от Чудова Новгородской губернии и рекомендовал Некрасову арендовать участок там же. «Чудово также обещает хороший ток. Дупелиных токов много... Послезавтра еду туда опять на тетеревиный ток», — пишет Лазаревский Некрасову 1 мая 1869 г. И в другом письме от 29 мая 1869 г. опять соблазняет тетеревами: «С Иванова дня думаем с Николаем Карловичем <Краббе> открыть охоту в Чудове. Тетеревей обилие замечательное». В июле того же года он просит в письме к доктору П. И. Сезеневскому: «Скажите Николаю Алексеевичу, что в Чудове к Петрову дню я нашел тетеревей с дрозда... — 15 раз начинали генеральное открытие сезона в Чудове».² И опять в письме к Некрасову от 30 июля 1869 г.: «Не знаю, что нам достанется взять завтра в Чудове, но дичи там много, и больше, вероятно, уже туда не поеду, сиречь — остаток будет ждать вас». 6 августа 1869 г.: «Был я недавно со своим доктором в Чудове... Птицы пропасть... в будущем лете Чудово должно представить в некотором смысле действительный садок тетеревиный».³

¹ «В приемной же комнате на видном месте между окнами стояла на задних лапах, опираясь о дубину, громадная медведица с двумя медвежатами, и хозяин с гордостью указывал на нее как на трофей одного из своих самых рискованных охотничьих подвигов» (А. М. Скабичевский. Кое-что из моих воспоминаний. «Новости». 1892, № 215).

² «Литературное наследство», кн. 51—52, стр. 358, 360, 363.

³ Там же, стр. 366, 368.

Лето 1869 г., очень тяжелое для поэта, Некрасов проводил за границей и не мог приехать в Чудово. Но призывы Лазаревского не пропали даром: Некрасов решил купить недалеко от Чудова в Новгородской губернии небольшую охотничью усадьбу. Он получил несколько писем с предложениями. Среди них известно письмо Надежды Александровны Долгинцевой:¹

«Милостивый государь, Николай Алексеевич, если слухи, до меня дошедшие, достоверны: о том, что Вы желаете, как любитель охоты, приобрести участок земли, с сосновым лесом и болотистой местностью, в окрестностях Петербурга, то я могу предложить Вам купить у меня мое имение, состоящее в 750 десятин земли в Новгород. губ. Боровичского уезда, с. Шипилово...».²

Сделка с Долгинцевой не состоялась. Осенью 1870 г. Некрасов, судя по его письму к брату Федору Алексеевичу, «ездил на охоту в разные стороны от Петербурга» (V, 476); вероятно, в это время он подыскивал подходящую усадьбу. Свой выбор он остановил на Чудове. Он уже побывал там несколько раз на охоте, лично убедился в справедливости похвал, расточаемых этим местам Лазаревским, познакомился там с местными крестьянами-охотниками, егерями, и отдал им, в мае 1870 г., своих охотничьих собак на обучение. 7 мая 1870 г. он впервые свез в Чудово свою молодую подругу, Зинаиду Николаевну, чтобы показать ей эти места.³ Очевидно, они и ей понравились.

В 1871 г. у местных помещиков Владимировых Некрасов купил небольшую усадьбу близ Чудова, в деревне Лука 1-я. Дату этой покупки можно установить по переписке поэта с В. М. Лазаревским и по записи в дневнике Лазаревского: «2 марта 1871 г. 28 февраля Некрасов просил меня притти по делу о покупке у Владимирова дачи».⁴ Эту дату и следует считать точной.

Новая усадьба стала называться Чудовская Лука. В ней было 162 десятины земли, небольшой деревянный двухэтажный дом с флигелем, службами, конюшнями и садом.

В доме были внизу — кабинет поэта, спальня, гостиная, столовая. Наверху — комнаты для гостей. Кабинет поэта был очень скромно меблирован: письменный стол, несколько стульев, очень много книг в шкафу, на столе и на стульях; над столом портрет поэта работы Н. Ге. Современница поэта, крестьянка деревни Лука Мария Ивановна Новожилова рассказывала: «Ничего особо завидного не было и на

¹ Письмо это без даты. Н. Ашукин относит его к началу 70-х годов, «когда Некрасов задумал купить охотничью дачу под Петербургом» (Н. Ашукин. Летопись жизни и творчества Некрасова, 1935, стр. 409).

² «Архив села Карабихи», М., 1916, стр. 230.

³ См. письмо Некрасова В. М. Лазаревскому (начало мая 1870 г.). «Литературное наследство», кн. 51—52, стр. 47.

⁴ «Литературное наследство», кн. 49—50, стр. 494.

квартире Некрасова: стены комнат оклеены простенькими обоями, простые стулья, письменный стол, да этажерка с грудой книг — вот и вся обстановка».¹

Домик был окружен садом с аллеями старых лип и дубов. Местные жители вспоминают: «Вокруг дома был сад, такой, что через него ничего не видать было. Дубы были в обхват, страшные дубы, липовая аллея была. А за домом яблони были посажены, малина, смородина. Вход в кабинет был прямо с террасы из сада».²

Сразу за садом, внизу под горкой — речка Кереть, не глубокая, но быстрая и очень извилистая. Сохранились рассказы о том, что Некрасов часто сидел за домом на берегу речки и писал тут. Во все стороны расстилались поля и луга. Невдалеке — лес, тогда густой, темный, изобиловавший дичью, где Некрасов и охотился.

До покупки Чудовской Луки Некрасов обычно гостил летом сначала в Грешневе, позднее в Карабихе, иногда для лечения ездил за границу. Теперь он каждое лето, хоть ненадолго, стал приезжать в свою новгородскую усадьбу — иногда один, чаще с женой. В разное время здесь бывали Г. И. Успенский, А. М. Скабичевский, Н. К. Михайловский, А. Н. Плещеев, А. Н. Ераков и родные поэта — сестра А. А. Буткевич и братья Федор и Константин. Гости обычно помещались в верхнем этаже дома.

3

Лето 1871 г. поэт провел в Карабихе, а вернувшись в августе в Петербург, уехал в свою новую усадьбу. «Четыре дня пробыл в городе: и затем неделю на охоте в Чудовской даче», — писал он брату Федору Алексеевичу 16 августа 1871 г. (V, 481).

16 августа Некрасов вернулся в Петербург, но через несколько дней уехал обратно. 26 августа он писал В. М. Лазаревскому о предполагаемой охоте на дупеля («Впрочем, если дупеля не будет, то готов шляться на тетерева», — прибавляет он). 3 сентября в письме к нему же из Чудовской Луки он пытается выяснить какое-то недоразумение, происшедшее на охоте. Вероятно, между этими числами Некрасов побывал в Петербурге, так как в этом письме есть фраза: «я уезжал в понедельник и сказал..., что я в *среду* приеду».³

В следующем, 1872 г. Некрасов, как обычно, лето проводил в Карабихе, усердно работая там над поэмой «Русские женщины». Там, в Карабихе, он получил письмо от управляющего Чудовской

¹ Газета «Ударник», Чудовского района, Новгородской области, 1938, № 6, 8 января.

² Со слов Т. С. Антонова, колхозника деревни Лука 1-я. Запись сделана мною в августе 1949 г.

³ «Литературное наследство», кн. 51—52, стр. 50.

усадьбой А. Вышомирского (10 июля 1872 г.): «Лето нынче не совсем утешительно. После Вашего отъезда, по сие время, здесь свирепствует сибирская язва, все усиливаясь. В окрестных деревнях пало больше ста лошадей, не мало рогатого скота и овец, также во многих местах подвергаются ей и люди. У нас в Луке пало 5 лошадей, несколько коров и баранов... По случаю этой болезни переноска старой конюшни отложена до августа... К 15-му июля сего года по контракту за право охоты в Грузинском лесничестве нужно внести в казначейство арендных денег: за первую половину года 42 руб. 50 коп... Дичью нельзя нынче похвастать, хотя весна была и ранняя, выводки не очень семейны».¹ 26 июля 1872 г. Некрасов получил от Н. С. Курочкина известие «о беде, стряшейся над „Отечественными записками“ — нежданно-негаданно. Нам дано „предостережение“».² Об этом извещал Некрасова и А. Н. Плещеев. В августе Некрасов вернулся из Карабихи в Петербург. 1 сентября 1872 г. Ф. А. Бурдин писал Островскому: «Некрасов приехал и находится то в Петербурге, то в Чудове».³ 22 сентября в письме к Н. В. Бергу Некрасов сообщает: «Я был на охоте в деревне» (т. е. в Чудовской Луке; V, 491).

Летом 1873 г. Некрасов лечился за границей. Сообщая брату 10 мая о предполагаемом отъезде, он пишет: «Жаль будет покидать только — Кадошку, но очень жаль! Что это за умник, если б Вы знали» (V, 505). В июле в письме из-за границы (Висбадена) к Лазаревскому Некрасов просит: «Так как Вы теперь, вероятно, в Чудове — бьете тетеревей, — то Вам ничего не будет стоить навести справки о житье-бытье вселюбезнейшего нашего Кадо. Пишите нам, друг..., как он?».⁴ В августе Некрасов вернулся в Петербург и тотчас же осведомился о своей любимой собаке. В. М. Лазаревского, жившего в это время в Чудове, он просит: «Милейший друг, пришлите мне, пожалуйста, телеграмму — об дупелях и о Кадошке... Завтра бы можно и в Чудово».⁵ Но еще раньше, 22 августа 1873 г., Некрасов сообщил в письме к Я. П. Полонскому: «я к вечеру уеду в Чудово... Я пробуду в Чудове с неделю» (V, 509, 510).

Дольше всего Некрасов прожил в Чудовской Луке в 1874 г. Обычно, до этого года, Некрасов приезжал в Чудовскую усадьбу в августе — сентябре на несколько дней, иногда на неделю, возвращаясь по делам в Петербург и снова отправляясь пострелять. Лето же 1874 г. Некрасов целиком провел в своей новгородской даче.

¹ «Архив села Карабихи», стр. 90, 91.

² Там же, стр. 114.

³ А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма из собраний Государственного Театрального музея им. А. А. Бахрушина, под ред. Н. Л. Бродского и др., М.—П., 1923, стр. 161.

⁴ «Литературное наследство», кн. 51—52, стр. 368—369.

⁵ Там же, стр. 53.

Это было время, когда в стране усилилось революционное движение, когда молодежь шла «в народ» и, с другой стороны, усиливалась реакция. Один процесс возникал за другим. Нелегко было в этой сложной обстановке вести лучший в стране журнал, открыто продолжавший традиции «Современника».

Судя по письму к брату Федору Алексеевичу от 25 апреля 1874 г., Некрасов и это лето собирался провести в Карабихе: «Мы с Зиной намерены май прожить около Чудова, а в первых числах июня приехать к вам» (V, 531). Но дела задержали поэта в Петербурге, и он только в июне¹ вырвался в Чудовскую Луку, да так и остался там на все лето. Отсюда ему было удобнее следить за каждой книжкой журнала. В мае был арестован пятый номер «Отечественных записок». Письма Некрасова в это лето полны тревог за журнал и забот о том, как при создавшихся условиях сохранить лицо журнала, его направление, да и самый журнал, который находился под угрозой запрещения.

По письму Некрасова к А. М. Скабичевскому из Чудовской Луки (июнь 1874 г.) можно судить, как много сил и времени уделял Некрасов журналу и на даче: он продолжает составлять книжки журнала, посылает своим помощникам подробный план очередного номера «Отечественных записок», он держит корректуры («Все корректуры, бывшие у меня, я послал Чижову»), просматривает все статьи в рукописях («статьи, получив, тотчас возвращу — с нарочным»), напоминает о времени представления номера в цензуру («Хорошо бы представить № 7 в цензуру не позже 20-го»). Наконец, из этого же письма мы узнаем о постоянной связи поэта с Петербургом — через письма, через нарочного и личной («К выходу 7-го № приеду в Петербург и увижусь с вами»; V, 534—535).

О том, что поэту приходилось приезжать в Петербург, мы узнаем из письма к В. М. Лазаревскому от 24 июня 1874 г. («Я в среду приеду в Петербург и найду к Вам... водопитие идет в полном ходу... (уже 18 бутылок марииенбадской воды проглочено) и лучше бы его не прерывать; но едва ли увернешься от поездки»)² Из письма к О. Ф. Миллеру от 14 июля, посланного из Чудова, мы узнаем, что поэту не удалось «увернуться от поездки». Говоря о делах Литературного фонда, он упоминает: «три недели тому назад в бытность в Петербурге...».³ Делами Литературного фонда Некрасову приходилось заниматься и в деревне (см. письма к Г. И. Успенскому).

¹ Из письма Некрасова к А. Н. Еракову видно, что он приехал в Чудовскую Луку 6 июня («Литературное наследство», кн. 51—52, стр. 29, 30).

² «Литературное наследство», кн. 51—52, стр. 56. В этом письме Некрасов просит Лазаревского понаблюдать на заседании цензурного комитета, какое впечатление произведет 5—6-й номер «Отечественных записок».

³ «Литературное наследство», кн. 51—52, стр. 57.

Напряженная работа, тяжелое настроение («иной день проснешься и на свет бы не глядел»¹), связанное с гнетущей обстановкой в стране, с наступлением реакции, с тревогами по журналу; начинавшая развиваться болезнь, — все это мешало Некрасову отдыхать в деревне, не давало возможности заняться любимым спортом — охотой. О работе, о настроении, о времяпрепровождении Некрасова в Чудове летом 1874 г. мы узнаем из письма его к А. Н. Еракову от 10 августа 1874 г.:

«Я отчасти хандрю, отчасти работаю, отчасти лечусь. Охота на втором плане.

«Впрочем, следующий отчет о поведении моем, начиная с 6 июня (день переезда моего в деревню), лучше всего меня оправдает.

«Употреблено на питье мариенбадской воды 30 дней и по сей причине не пил ни вина, ни водки 60 дней.

«В первые 30 дней читал только корректуры, затем принялся писать и написал следующие» пьесы:

«Уныние, довольно большая пьеса.

«Горе старого Наума, поэма.

«Ночлеги, три пьесы: 1) Новый барин, 2) Гари, 3) У Трофима и затем еще несколько мелких лирических стихотворений.

«В то же время прочтено корректуры более 80-ти листов и выпущены две книги Отечественных Записок, причем двукратно ездил в город и каждый раз возвращался с мерзостью на душе... На днях буду в городе и увидимся... Я теперь посерьезнее принялся за охоту: работать устал, да и приобрел право пить и есть, без чего охота утомительна и не впрок здоровью».²

Из этого письма видно, что летом 1874 г. Некрасовым в Чудовской Луке был создан целый ряд стихотворений. Этот перечень дополняет список стихотворений Некрасова, сделанный им карандашом на сложенном вдвое листке почтовой бумаги:

„Старый дом“, „Страшный год“, „Даже в полголоса мы не певали“, „Пускай нам говорит изменчивая мода“, „Сын с отцом косили в поле“, „С французского“, „Не говори: „Забыл он осторожность“, „В городе волки по улицам бродят“, „Уныние“, „Притча“, „Наум“».³

Стихотворения эти датируются следующим образом: «Уныние» — 6—8 июля, «Путешественник» — 13 июля, «Ночлеги» — 18—21 июля, «Отъезжающему» — 23 июля, «На покосе» — 5 августа, «Н. Г. Чернышевский (Пророк)» — 8 августа, «Горе старого Наума» — 7—10 августа, «Элегия» — 15—17 августа.

¹ Письмо Г. И. Успенскому из Чудовской Луки, лето 1874 г. (V, 535).

² «Литературное наследство», кн. 51—52, стр. 29—30.

³ Автограф хранится в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 203, № 42). Опубликовано в «Литературном наследстве», кн. 51—52, стр. 30. В примечании указано, что этот автограф помогает исправить датировку некоторых стихотворений.

Автограф «Элегии» («Пускай нам говорит изменчивая мода...») Некрасов послал в письме от 29 августа своему другу А. Н. Еракову ко дню его именин вместе с дичью «собственного боя»:

«Не сердись, что я не приехал лично; стар стал; тяжело гаднаться с гнезда на один день. Дописываю стихи и бью дупелей — самый им теперь лет!.. Посылаю тебе стихи; — так как это самые мои задуманные и любимые из написанных мною в последние годы, то и посвящаю их тебе, самому дорогому моему другу» (V, 538).

Общий тон стихотворений 1874 г. соответствует тревожному и скорбному настроению поэта:

... но нынешнее лето
Не задалось: не заряжал ружья
И не писал еще ни строчки я.
(«Уныние»)

... Здесь не страдать мудрено.
(«Утро»)

Впечатленья крови и убийства,
Вы вконец измучили меня!
(«Страшный год»)

Прямо и смело направить бы лодку, —
Сунься-ка! Сделаешь шаг,
А на втором перервут тебе глотку!
(«Отъезжающему»)

Народ освобожден, но счастлив ли народ?..
(«Элегия»)

В стихотворении «Уныние» Некрасов намекает на причину своего недуга, который «зовут уныньем»:

Быть может, есть причина в атмосфере...

Причина была действительно в атмосфере!

Однако и в этих стихотворениях поэта не оставляет всегда присутствующий ему оптимизм, его светлая, неумирающая вера в силы великого русского народа:

Прочь, о прочь! — сомненья роковые,
Как прийти могли вы на уста?
Верю, есть еще сердца живые,
Для кого поэзия свята.
(«Страшный год»)

Есть у вас в округе школы? —
«Есть» — Учите-ка детей!
Не беда, что люди голы,
Лишь бы стали поумней.
Перестанет есть солому,
Трусу праздновать народ...
(«У Трофима»)

Именно в этом тяжелом году в Чудовской Луке написаны замечательные строки, звучащие как пророчество, осуществившееся в наши дни:

Увы! я дожил до седины,
Но изменился мало.
Иных времен, иных картин
Провижу я начало

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

(«Горе старого Наума»)

И именно этим летом, ночью, в сторожке лесника Некрасов создает свой замечательный гимн революционному борцу, пророку, который, жертвуя собой, служит добру, служит революционной идее, служит своему народу и своей родине, — стихотворение «Н. Г. Чернышевский (Пророк)».

Отражением событий, происходивших в этом году в «атмосфере», является стихотворение «Путешественник», датированное 13 июля, — оно явилось откликом на происходивший с 10 по 15 июля 1874 г. в особом присутствии сената процесс Долгушина и членов его кружка, обвинявшихся в распространении в народе нелегальной литературы. «При сем стихи, вдохновленные новейшими событиями. Хорошо бы их напечатать, а еще лучше не печатать» — писал Некрасов А. М. Скабичевскому из Чудовской Луки (V, 535).

В городе волки по улицам бродят,
Ловят детей, гувернанток и дам,
Люди естественным это находят,
Сами они подражают волкам.

В городе волки, и волки на даче,
А уж какая их тьма по Руси!..

Начало весьма примечательно. Единомышленники Некрасова, революционеры-демократы обращались также к этому образу. В «Запу-

танном деле» Салтыкова-Щедрина в страшном сне Ивана Самойлыча мать успокаивает своего голодного ребенка следующими словами:

«Потерпи, дружок, — говорит мать: — потерпи до завтра; завтра будет! нынче на рынке все голодные волки поели! много волков, много волков, душенька!..

— Мама! когда же убьют голодных волков? — снова спрашивает ребенок.

— Скоро, дружок, скоро...

— Всех убьют, мама? ни одного не останется?

— Всех, душенька, всех до одного... ни одного не останется».¹

Тот же образ появляется и у Чернышевского в его произведении «Повести в повести». В главе «Жизнь и приключения Александры Евтроповны Тисьминой, урожденной Дмитровской» приводится несколько фантастический рассказ об истреблении волков на площадях, улицах, дворах и двориках Москвы.

«Мой отец был охотник. И очень хороший охотник...

«В эти 30 лет он не сделал ни одного выстрела за городом. Все 21976 зверей убиты им, все 21976 выстрелов сделаны им в городе: с площадей, с улиц, с чужих дворов, с своего дворика. Люди ходили, дети бегали по площадям, улицам, дворам, дворнику, в то время как он стрелял: они не мешали ему стрелять и не боялись, что он ранит их. Все 21976 зверей были убиты им в то время, как высматривали добычу и готовы были броситься на нее, — но раздавался выстрел, и через несколько секунд люди брали труп убитого зверя... Все 21976 зверей, убитых моим отцом в продолжении 30 лет, были одной породы... Мой отец... продавал шкуры убитых им волков...

«Надобно или уметь догадываться, или не пускаться в догадки».²

Отметим, что В. М. Лазаревский, член совета Главного управления по делам печати, употребил этот образ в противоположном смысле. На своей книге «Об истреблении волком домашнего скота и дичи и об истреблении волка» (СПб., 1876), которую он преподнес министру внутренних дел А. Е. Тимашеву, он сделал такую дарственную надпись: «Его Высокопревосходительству... твердому, мудрому и зоркому уничтожителю „волков“ зла государственного. С истинным почтением...».³

Прусский барон, путешествующий «по захолустьям несчастной страны», — фигура также не случайная в рассматриваемом стихотворении. Барон изумлен страшной картиной нищеты и невежества русской

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полн. собр. соч., т. I, М., 1941, стр. 239, 241.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XII, М., 1949, стр. 328, 329.

³ Эта надпись на книге опубликована по другому поводу в статье Б. Папковского и С. Макашина «Некрасов и литературная политика самодержавия» («Литературное наследство», кн. 49—50, стр. 491).

деревни, пережившей засуху, голод и нашествие жандармов. Но народные бедствия не вызывают его сочувствия. Он смотрит на них глазами стороннего наблюдателя, «культурного» эксплуататора, цивилизованного прусского «волка», которого в жизни крестьян интересует только один вопрос: «Как эти люди заплатят оброк?». Ничего не понимая в русской жизни, он относится к русскому народу с барским пренебрежением.

Некрасов сатирически рисует образ прусского барона, «опоясавшего выю белым жабо в три вершка ширины», и презрительно именует его кличкой «немчура».

В эти годы «путешествующих по Руси пруссаков» было немало. Известны случаи инцидентов и столкновений их с русскими таможенными чиновниками. Эти случаи были настолько часты, что Бисмарку, канцлеру германской империи, приходилось самому вмешиваться в улаживание возникавших конфликтов.

Некрасову, внимательно следившему за периодической печатью, были, вероятно, известны следующие высказывания Бисмарка по этому поводу, приведенные в журнале «Вестник Европы»: «Покровительство 200 000 бродяжничающих пруссаков, которых $\frac{1}{3}$ в России живет, а $\frac{2}{3}$ ее посещают, доставляет мне достаточно занятия, чтобы не скучать».¹ «Наши соотечественники часто отправляются в Россию на-легке, без денег, без знания языка, не справляясь о тех формальностях, которые они должны выполнить на границах... Прусские путешественники избалованы терпением наших чиновников; путешествующий пруссак думает, что он может обращаться с чиновником на русской таможне точно так же, как он говорит с прусским министром».²

Этих «путешествующих пруссаков», надменных и гордых, несомненно видел Некрасов и дал сатирическое изображение их в стихотворении «Путешественник».

В стихотворениях 1874 г., написанных в Чудовской Луке, нашел свое отражение пейзаж Новгородской губернии. Это пейзаж социально окрашенный, пейзаж, подчеркивающий «бедность крестьянскую», что очень хорошо выразил поэт в двух строках:

С окружающей нас нищетой
Здесь природа сама заодно.
(«Утро»)

Бедность, убожество, пожарища...

Но очень характерно, что в стихотворениях, созданных в Чудове, мы часто встречаемся и с пейзажами Ярославской губернии. Тут и

¹ Л. А. Полонский. История Бисмарка в связи с историей его страны. «Вестник Европы», 1872, кн. 12, стр. 601.

² Евг. Утин. Практическая философия XIX века. «Вестник Европы», 1873, № 6, стр. 548—549.

любимая, воспетая поэтом Волга с ее песчаными берегами, и Бабайский монастырь, и село Большие Соли, и родное Грешнево,¹ и Карабиха, куда поэт стремился и этим летом. Брату Федору Алексеевичу он писал 21 августа:

«Пожалуйста, не обвиняй нас в нежелании побывать в Карабихе нынешним летом; мы этого очень желали и все еще надеялись хотя поздно вырваться; но теперь уже ясно, что не попадем, и я пишу.

«В мае арестовали 5 № Отеч. Зап. — и вот причина, что мои планы расстроились. Я должен был приложить личное внимание к каждой книге, что и до ныне продолжаю.

«Жил я около Чудова: пил мариенбадскую воду, время провели скучно, лето здесь было скверное» (V, 537).

В начале сентября Некрасов вместе с Зинаидой Николаевной перебрался в Петербург, о чем и сообщил брату в письме от 14 сентября:

«Все это время я держался под Чудовым и бил дупелей; охота была хорошая. Теперь перебрался в Петербург» (V, 539).

Следующий приезд в Чудовскую Луку относится к маю 1875 г. Некрасов приехал с Зинаидой Николаевной поохотиться на несколько дней. 2 мая на охоте Зинаида Николаевна нечаянно застрелила Кадо — любимую охотничью собаку Некрасова.² Огорченный поэт вернулся в Петербург.

Видимо, поэт не сразу решил, где он проведет это лето. Так, сотрудник «Отечественных записок» П. Боборыкин спрашивал поэта, куда «слать рукописи... в Карабиху или в Чудово?». В июне Некрасов переехал в Карабиху. Это был последний приезд поэта в родные ярославские края. В июле он получил там письмо от управляющего чудовской усадьбой А. Вышомирского. Он извещал поэта об охоте, об оставленных в Чудовской Луке охотничьих собаках и о прочих хозяйственных делах.³ В самом начале августа Некрасов выехал из Карабихи, 3 августа был проездом в Москве, а 4 августа уже извещал А. Н. Пыпина: «вечером в среду хотел бы уехать в Чудово». Переезд в Чудово состоялся 8 августа: «сегодня (пятница) перебрались в Чудовскую усадьбу» (V, 561). В этом году Некрасов был занят в деревне поэмой «Кому на Руси жить хорошо».

Вернувшись в Петербург, он жаловался доктору Белоголовому на дурно проведенное лето, на плохое здоровье, угнетенное состояние,

¹ В черновых вариантах стихотворения «Уныние» поэт говорит:

Но я нигде так сладко не дышал,
Как в Грешневе...

² Интересный рассказ кучера Некрасова о гибели собаки см. в «Историческом вестнике», 1892, III, стр. 639—641.

³ «Архив села Карабихи», стр. 91, 92.

вялость. Это было начало той страшной болезни, которая свела поэта в могилу.

В последний раз Некрасов приехал в любимую усадьбу летом 1876 г. Тяжело больной поэт переехал в Чудовскую Луку в середине июня 1876 г. и провел там около месяца — до 27 июля.

Ему приходилось постоянно ездить в Гатчину к доктору С. П. Боткину, под наблюдением которого он находился. «Любезный брат Федор, — писал он из Чудова 11 июля 1876 г., — мне очень плохо; главное: не имею минуты покоя и не могу спать — такие ужасные боли... Живу я в усадьбе около Чудова, почти через каждые 10 дней езжу в Гатчино, где живет доктор Боткин, — что далее будет со мною, не знаю, — состояние мое крайне мучительное — лучше не становится» (V, 574, 575). О том же он пишет и сестре — Анне Алексеевне Буткевич.

В конце августа Некрасов вместе с Зинаидой Николаевной уехал в Крым, в Ялту, где продолжал лечение под наблюдением С. П. Боткина, также переехавшего в Ялту. 30 октября он вернулся в Петербург. Здоровье не улучшалось. Некрасов умирал и знал, что умирает.

13 января 1877 г. в присутствии свидетелей и нотариуса Михаила Ивановича Успенского было составлено им духовное завещание. По этому завещанию усадьба Чудовская Лука передавалась жене поэта. В пятом пункте завещания говорится: «Живущей у него домоправительнице, дочери умершего рядового, девице *Фекле Анисимовне Викторовой*, которую знакомые завещателя привыкли звать Зинаидою Николаевною, так как сам он постоянно ее называл этим именем, — предоставляет в полную собственность... благоприобретенное недвижимое имение его, купленное им у г. г. Владимировых и состоящее Новгородской губернии и уезда близ села Чудова, в усадьбе Лука, со всею землею, строением и движимостью, но это недвижимое имение его завещается ей с тем условием, чтобы она, Викторова, выделила из него, по собственному ее усмотрению, половину всей состоящей при нем незастроенной земли брату его, завещателя, Константину Алексеевичу Некрасову, и немедленно по вводе ее во владение этим имением передала ему этот участок в собственность дарственной записью, а сверх того уступила бы тому же брату его Константину Алексеевичу по собственному ее выбору половину находящихся в этой усадьбе лошадей и экипажей с их принадлежностями».¹

Константин Алексеевич еще при жизни поэта переехал в Чудово. Анна Алексеевна, дежурившая около умирающего, писала брату Федору Алексеевичу: «Константин все больше в Чудове, наезжает редко, я сижу

¹ Н. А ш у к и н. Литературная мозаика. Изд. «Московское товарищество писателей», стр. 118—119.

безвыходно и удивляюсь, как до сих пор не рехнулась с отчаяния».¹

После смерти поэта Зинаида Николаевна продала свою часть Чудовской Луки сестре поэта Анне Алексеевне и уехала из Петербурга. Константин Алексеевич свою часть продал некоему Вайлеру.

Анна Алексеевна, посвятившая себя изданию произведений покойного брата, пережила его всего на четыре года: она умерла 20 февраля 1882 г. Перед смертью она составила завещание, по которому ее часть усадьбы Чудовская Лука — 82 десятины земли, со всей находящейся в ней движимостью — передавалась по дарственной записи новгородскому земству для устройства школы в память Некрасова.

По условию, кабинет поэта должен был остаться в неприкосновенном виде, с письменным столом, креслом и портретом работы Ге. Исполнителем воли Анны Алексеевны был ее душеприказчик А. Ф. Кони. В газете «Новое время» от 6 июля 1911 г. он подробно рассказал о всех мытарствах, о «разных затруднениях и проволочках», которые пришлось ему преодолевать, чтобы добиться устройства школы. Этот рассказ повторен им в книге «На жизненном пути».² Из рассказа Кони известно, что земство ассигновало на поддержание школы 500 рублей в год. Для увеличения материального обеспечения школы Кони обратился с ходатайством к министру государственных имуществ М. Н. Островскому об удовлетворении просьбы земства о ежегодной субсидии школе. Островскому «... не было симпатично название школы, — пишет А. Ф. Кони, — но, после некоторых колебаний, он согласился, и школе со дня ее открытия было назначено пособие в 1000 рублей ежегодно. Затем, вследствие новых заявлений земства о недостаточности средств, я вошел в 1884 году в сношение с А. А. Краевским и М. Е. Салтыковым о передаче новгородскому земству 6673 рублей, собранных редакцией „Отечественных Записок“ на устройство школы в память Некрасова в месте его родины, в уверенности, что эти деньги вместе с арендной платой с земли при Луке, субсидиями от министерства государственных имуществ и от земства и с 4500 рублями, вырученными от продажи сочинений Некрасова, могут наконец обеспечить существование Некрасовской школы. К сожалению, школа эта в проекте переделывалась из сельско-хозяйственной в ремесленную, и наоборот, и предназначалась к открытию то в Луке, то в имении одного из местных помещиков, а в действительности не была открыта *в течение девяти лет*... Наконец, в 1892 году некрасовская сельско-хозяйственная школа была открыта при доме поэта в Луке, причем из вещей Некрасова, вследствие плохого надзора..., остался в доме лишь портрет поэта. По последующим известиям, в 1904 году школа находилась

¹ «Архив села Карабихи», стр. 282.

² А. Ф. Кони. На жизненном пути, т. II, СПб., 1912, стр. 121—125.

в таком неприглядном виде, что очередное уездное земское собрание постановило: признать школу в настоящем ее виде нежелательною и поручить управе разработать вопрос или о реорганизации ее, или о совершенном закрытии, передав портрет поэта в музей императора Александра III и заменив его копией... Постановлением земства 1906 года «школа» закрыта, а ныне наблюдение за сохранностью самой усадьбы поэта вменено в обязанность подрядчику рабочей артели, согласно арендному условию...

«Так воспользовалось новгородское земство предоставленными ему средствами и так умело оно увековечить память выдающегося русского поэта...», — пишет А. Ф. Кони в своей корреспонденции.¹

История с некрасовской школой в Чудовской Луке ярко показывает возмутительное отношение к памяти Некрасова в дореволюционное время. Весьма характерно замечание Кони: министру «не было симпатично название школы», т. е. имя Некрасова.

После смерти поэта усадьбу его изредка навещали корреспонденты. Обычно эти визиты совпадали с юбилейными датами. Так, в «Петербургских ведомостях» в 1902 г. появилась корреспонденция С. Жилкина о состоянии домика Некрасова в Чудовской Луке. Небольшие заметки, констатирующие печальную судьбу некрасовской усадьбы, появлялись в «Новом времени» в 1911 г. О запустении «Некрасовского уголка» и о своих разговорах с местными крестьянами, помнившими поэта, рассказала в «Историческом вестнике» в 1913 г. З. Слезкинская.

После Великой Октябрьской социалистической революции земляки поэта обратились с ходатайством о переименовании района в Некрасовский район, присвоении Чудовской средней школе имени поэта, переименовании улицы, ведущей от станции Чудово к усадьбе поэта, в Некрасовскую улицу и об организации музея в доме поэта.

Шестидесятилетие со дня смерти великого поэта в 1938 г. было отмечено торжественным заседанием его земляков: колхозников, рабочих, советской интеллигенции, учащихся. В президиуме были современники Некрасова: Дарья Васильевна Будакова, Тимофей Семенович Антонов, Марья Ивановна Новожилова.

На этом заседании с докладом о жизни и творчестве народного поэта выступил 85-летний колхозник артели «Пионер» Василий Степанович Седунов. Он рассказал о прежней тяжелой доле крестьян, о любви великого поэта к народу, о жизни Некрасова в Чудове, о его дружбе с чудовскими крестьянами, о сбывшихся в нашей стране мечтах поэта.

С воспоминаниями о поэте выступили его современники. Марья Ивановна Новожилова рассказала:

«Зажиточные крестьяне нашей деревни, встречаясь с Николаем Алексеевичем, называли его господином, а мы, бедняки, просто звали

¹ «Новое время», 1911, 6 июля.

Николаем Алексеевичем. Не любил он, когда его величают барином. Да и какой он барин был? Ходил всегда просто, как и все русские: востроносые сапоги, косоворотка, вышитая разноцветным шелком. Любил Н. А. русские рубашки... Простой был Н. А., душевный человек. Бывало, приедет на лето в деревню к нам, мужики и бабы соберутся его поздравлять. Он со всеми раскланивается, жмет руки, дружески хлопает по плечу. Особенно любил Н. А. бедных и чем мог помогал им... Душой болел Н. А. за просвещение народное. Помню, как-то собрал он к себе мужиков и говорит: „Болезнь одолевает: вот дарю вам столярную мастерскую и дом под училище. Пусть дети учатся, грамота нужна“».

Этот рассказ дополнила Дарья Васильевна Будакова: «Я еще маленькой девочкой была, когда впервые увидела Н. А. Некрасова. В ту пору сразу же за деревней начинался лес, густой, богатый дичью, зверьем всяким. Усталый приезжал Н. А. из столицы, отдыхал здесь, охотился... Окончилась охота—Н. А. скликает мужиков, щедро расплачивается и дает нам на гостинцы. И потом разводим костер—и пир горой. Едят мужики, речи ведут, а Н. А. сидит—слушает: нет-нет в книжечку себе что-то занесет... Н. А. уедет иногда по делам в Петербург на недельку, другую, а мы скучаем, ждем. А как вернется—большое гулянье для крестьян устроит. Парни с девушками пляшут, поют до поздна, а Н. А. сидит, наблюдает, улыбается. Помню еще, у Н. А. большой черный пес был, Кадо звали. Хороший пес был, умный. Сильно любил его Н. А. Бывало кто-нибудь из нас сделает Н. А. мелкую услугу—Н. А. кричит:—Кадо, кошелек!—И где бы ни был в это время Н. А.*—пес мигом принесет кошелек. А Н. А. вынет из него несколько монет и скажет:—Вот это на гостинцы, а на это книжку купи, обязательно купи...»

«Во многих произведениях узнавала я свою родную Луку... Много материала из нашей Чудовской действительности использовал Некрасов в своих произведениях».

Эти рассказы вместе с отчетом о собрании колхозников, посвященном 60-летию со дня смерти поэта, 6 января 1938 г., были напечатаны в № 6 газеты «Ударник» Чудовского района Новгородской области 8 января 1938 г. Корреспонденция эта была названа «Память о нем сохранят века».

Во время Великой Отечественной войны немецкие фашисты, временно захватив Чудово, бесчинствовали и грабили население.

При отступлении они сожгли Чудово и почти весь район. Деревня Лука 1-я, где находится усадьба поэта, была сожжена до тла. Немцы срубили столетние дубы, уничтожили прекрасную липовую рощу вокруг усадьбы. Но домик поэта случайно сохранился, хотя и сильно обветшал. Сейчас он находится в ведении Райздрави под охраной местных общественных организаций.

После окончания войны район начал быстро восстанавливаться. Отстроились и колхозники деревни Лука 1-я. Домик Некрасова был приведен в порядок. В 1946 г. в день 125-летия со дня рождения великого поэта на его домике в торжественной обстановке была укреплена мемориальная доска, на которой написано:

В ЭТОМ ДОМЕ
ЖИЛ В ЛЕТНИЕ МЕСЯЦЫ
1871—1876
ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПОЭТ
НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ

Местное население с любовью хранит память о своем великом земляке. Самый старый колхозник деревни Лука 1-я Тимофей Семенович Антонов, 1869 года рождения, с гордостью называет себя «некрасовец».

Я побывала в Чудове летом 1949 г. и записала народные рассказы и предания о Некрасове.

Тимофей Семенович Антонов, который, несмотря на свой преклонный возраст, совершенно бодр и еще работает в колхозе, рассказал мне следующее:

«Когда Некрасов приезжал к нам в Чудовскую Луку, я еще маленьким был мальчишкой. Мне было 6—7 лет. Но я помню его хорошо, будто вчера его видел и с ним разговаривал.

«Мы всегда заранее узнавали, в какой день Николай Алексеевич к нам придет. Для нас всех это был большой праздник. Соберемся мы — малыши, цветов нарвем полевых, — время летнее, — и бежим его встречать. Осип Панфилич, наш чудовский, запрягает открытую коляску и едет за ним на станцию. Сядет Николай Алексеевич в коляску, весь в цветах наших, улыбается нам, гостинцы раздает. „Детвора“ — нас звал. Добрый был такой, радушный. Пустит всех нас ребят к себе и в сад и в дом, беседует с нами. Разрешал в саду ягоды брать. „Только не шалите“, — скажет.

«Медвежоночек был у него привезен, в саду жил, и не на цепочке, а просто так. И ведь не уходил, вот удивленье-то! Мы, бывало, ребяташки, за ним бегаем по саду, он от нас, мы за ним, а он на дуб от нас залезет. Лакомился все малиной в саду.

«Николай Алексеевич раздаст нам, бывало, азбучки, там стишки его были. И жена его с нами. Она молодая была, веселая. Станет с нами разучивать стишки его наизусть, гостинцами оделяет и с собой даст. Она была на ногу легкая. Соберется Николай Алексеевич на охоту и она рядом, сапоги наденет, брюки мужские. Красивая была. Верхом хорошо ездила. Только у нас мост был плохой, так она на лошади боялась на нем ездить. Перейдет пешочком, потом сядет.

«Егеря были все наши — чудовские: Осип Панфилов, Миронов Иван Васильевич, Петров Степан Петрович.

«Отцы и матери наши хорошо знали Николая Алексеевича. Добрый он был до крестьян. Если у крестьянина коровушка пала или лошадь, он купит, поддержит. Барином не держался, все с народом. Песни очень любил крестьянские. А особенно любил крестьянских детей. Берег их. Мягкого был характера человек. Я хорошо его помню. Дом был поставлен давно, я не помню когда. В доме был кабинет, вход в него был прямо из сада через террасу, за кабинетом была спальня, и на правый бок две комнаты. Как он был писатель, то и писал все в своем кабинете, там шкаф стоял с книгами, конторка была. Дом был хороший, с террасой, и флигель был поставлен брату Константину Алексеевичу. Под домом был погреб, как склеп, выложен из кирпича. Вода туда не набиралась. Конюшня была, скотный двор, а вокруг сад был хороший, густой. Липы было много, ягод всяких. Ограды каменной не было. Столбы были поставлены и тес двухдюймовый, верх конусом был сделан, чтобы вода стекала. В саду ключок был, вода в бочку натекала, оттуда брали воду для питья, а не с речки. Речку нашу Кересть он любил очень. Она за садом сразу. Он туда всегда хаживал, сидел там, писал. Природа наша небогатая, а он любил ее.

«Как помирал, — завещал все земству под школу. Хозяйство его после смерти ликвидировалось. В доме устроило земство ремесленную школу, учили ремеслу, и хозяйство подсобное было. В школе хранился портрет его хороший. Только школа эта что-то не задалась в царское время. Только уж при советской власти и школа стала, и клуб, и культура».

Вторая современница Некрасова — Устинья Васильевна Минаева 1870 года рождения — также еще бодрая колхозница деревни Лука 1-я. Она рассказала мне: «77 лет мне или побольше. Я совсем маленькая была, как Николай Алексеевич тут у нас жил. Очень он любил детей простых крестьянских. И жена его была тоже добрая, молодая. Они все больше летом сюда приезжали, а иной раз и зимой. Я помню, как на елку нас, ребят, всех созвали. Елка большая, яркая, вся игрушками, пряниками и конфетами увешана. Мы, дети, сначала оробели, ну Николай Алексеевич с нами ласково так. Развеселились мы. Барыня смеется с нами, играет. А потом, как наигрались мы, она нас всех оделила гостинцами с елки: „Берите, что хотите“ — говорит. Я этот праздник у Николая Алексеевича на всю жизнь запомнила, хотя шел мне тогда шестой или седьмой год. Не часто нам тогда такое выпадало счастье. Такой был добрый, хороший и простой такой. Никто его не боялся, наоборот, все к нему шли за помощью. Никому он не отказывал».

Многие крестьяне, которые сами не могли помнить Некрасова, охотно рассказывали о нем со слов своих родителей. Шестидесятипятилетний Николай Иванович Миронов рассказал мне о поэте со слов

своего отца, егеря Некрасова, Ивана Васильевича Миронова, который постоянно охотился с поэтом, и со слов своей сестры Александры Ивановны Новожиловой, которая росла и воспитывалась у Некрасова, в его петербургской квартире на Литейном:

«Отец мой — Иван Васильевич Миронов — всегда при Некрасове находился. Они с Некрасовым были почти ровесники. Они все вместе охотились и очень Николай Алексеевич уважал моего отца. Бывало пойдут на охоту, чучела были сделаны, тетеревей на них загоняли. Вот отец загоняет, кричит: хоп-хоп! — знак подает, чтобы стрелять. А Некрасов не стреляет. Отец, бывало, даже рассердится. Кричит: „Что же вы, Николай Алексеевич, не стреляли?“ А Некрасов стоит, задумавшись. „Что же, — скажет, — стрелять. Пусть уж летают на воле“.

«Очень он любил ребятишек. Бывало, наварят каши сладкой, ватрушек напекут, соберут детей со всей деревни. Посадят ребят, и он сядет с ними. А как поедят, всем гостинцев даст и книжек. А то уведет ребят к реке, сядет на берегу и рассказывает ребятам сказки, и свои стихи читал, и как жить надо — учил. Любили его стар и мал».

О Некрасове местное население рассказывает охотно и с большой любовью. Характерно, что рядом с достоверными воспоминаниями о Некрасове появляются и легенды о нем. В окрестностях Чудова Некрасов становится героем произведений устного народного творчества. О его щедрости, доброте, о борьбе его с произволом и насилием, о заступничестве его за страдающий русский народ, о готовности помочь ему словом и делом, — здесь передают рассказы, в истинности которых рассказчики не сомневаются, но легендарный характер которых ясен для собирателя и исследователя. Так, рассказывают о тайных приездах в Чудово Белинского, вместе с которым Некрасов будто бы готовил заговор против царя; о подпольной типографии в погребе чудовского домика, где Некрасов и Чернышевский печатали прокламации; о том, как собирал Некрасов крестьян на берегу Керести или в глухом лесу на лужайке и рассказывал им о будущей счастливой жизни, и т. д.

Легенды, сложенные народом о Некрасове, во многом сходны с легендами о Пушкине, бытующими в окрестностях Михайловского.¹

Крестьяне, рассказывая о своих любимых поэтах, подчеркивают в них прежде всего действенную любовь к народу, ненависть к угнетателям и активность в борьбе с ними. И если даты, подробности, факты в этих рассказах легендарны, то основное народ понял правильно, правильнее, чем буржуазные ученые, которые, искажая политический

¹ Часть легенд о Пушкине, записанных мною в деревнях вокруг Пушкинского заповедника, опубликована в журналах: «В наши дни», 1937, № 3—4, и «Литературный критик», 1938, № 3.

облик великих народных поэтов, делали из Пушкина верноподданного человека, а в биографии Некрасова подчеркивали его ошибки и слабости.

* * *

Маленький домик поэта в Чудовской Луке дорог нам как место, где жил и творил Некрасов. Он любил эти места и мечтал о том времени, когда люди здесь, как и по всей Руси, заживут свободной, счастливой жизнью. Вместе со всей страной земляки поэта чтут того, «чьих много добрых семян упало на почву народного счастья».¹

¹ Из адреса студентов Некрасову 1877 г. (В. Е. Евгеньев-Максимов. Некрасов и Петербург. Л., 1947, стр. 130).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- Абовян Х.** 118, 123
Абрамов И. С. 88
Агаян Г. 130, 131
Агаян М. 131
Аграфена 229
Аксаковы 91
Александр II 46, 52—54, 61, 62, 74, 78, 84
Александр III 263
Александров В. А. 116
Александров Г. Ф. 16
Алябьев 108
Алябьев, купец 206
Алябьева Е. А. 206
Амфитеатров А. В. 75
Андреев Н. П. 86, 87, 101, 103—105, 110, 112, 114
Андреевский С. А. 179
Андрей Александрович, см. Краевский А. А.
Андронов, доктор 228
Анненков П. В. 142, 168, 214, 234
Антонов Т. С. 252, 263, 265
Антонович М. А. 188
Анучин Е. 196
Арбувиль (Люар) 147, 148
Арнольд Ю. К. 204, 214
Афанасьев А. Н. 106
Ашукин Н. С. 156, 195, 213, 216, 220, 223, 244, 251, 261

Баганц Ф. 213—215
Базилевская Е. 86, 103, 113
Байрон Дж. 47, 77, 125
Бальзак О. 141
Барбье А.-О. 77
Барсов Е. В. 110, 232
Баталин Н. И. 109
Бахрушин А. А. 253
Башуцкий А. П. 144
Бедный Д. 30

Безобразов П. В. 11
Бекетов В. Н. 63, 164
Белинский В. Г. 8, 16, 21, 22, 42, 93, 94, 102, 106, 107, 116, 120, 121, 133—147, 149, 152, 157, 187, 197, 208—210, 218, 219, 222, 226, 228, 230, 232—234, 236, 238, 267
Белоголовый Н. А. 202, 206, 207, 209, 220, 260
Бельчиков Н. Ф. 2, 7—13, 28
Бенецкий Г. Ф. 201, 202, 206
Берг Н. В. 106
Березкины 228
Бильбасовы 214
Бильрот Т. 220
Бисмарк О.-Э. 259
Боборыкин П. Д. 213, 218, 260
Бонч-Бруевич В. Д. 110
Бородин А. П. 239
Боткин В. П. 92, 156, 163, 164, 211, 212
Боткин С. П. 261
Брант Л. В. 136
Бродский Н. Л. 253
Брюсов В. Я. 128
Будакова Д. В. 263, 264
Булгарин Ф. В. 72, 134—136
Бурдин Ф. А. 253
Буренин В. П. 103
Бурнашов В. П. 134
Бурсов Б. И. 2
Буслаев Ф. И. 106
Буткевич А. А., рожд. Некрасова 34, 108, 208, 222 (сестра), 245, 249, 261, 262
Бутков П. Г. 117
Бутримов В. А. 194
Бухштаб Б. Я. 68, 86—101, 107, 193—197, 221
Быков П. В. 201
Бычков А. Ф. 109
Бялый Г. А. 35

- Вайлер 262
 Васильев Ф. А. 230
 Вейнберг П. И. 240
 Венгеров С. А. 135, 236
 Венецианов Л. Г. 219
 Веселовский А. Н. 109
 Веселовский Ю. А. 120, 126, 128
 Викторова Ф. А., см. Некрасова З. Н.
 Владимиров, помещик 251
 Владимировы, помещики 251
 Воейкова А. А. 214
 Волконская М. Н., рожд. Раевская 235
 Воронихин А. Н. 221
 Воронцов М. С. 119
 Вышомирский А. 253, 260
 Вяземский П. А. 81 —
- Гаевский В. П. 210, 213
 Гайдебуров П. А. 215, 223
 Ган П. В. 119
 Гаркави А. М. 150—168, 202
 Гассе (Доссе), домовладелец 214
 Ге Н. Н. 218, 251, 262
 Гегель Г.-Ф. 76
 Гейне Г. 47, 77, 125, 217, 218, 231
 Гербель Н. В. 240
 Герцен А. И. 8, 20, 22, 71, 73, 123, 142, 178, 222, 231, 235
 Гершензон М. О. 140
 Гете В. 125, 218
 Гин М. М. 133—149
 Глинка С. С. 205
 Глинка Ф. С. 205
 Глушицкий А. И. 199
 Глушицкий Н. 199
 Гнедич Н. И. 221
 Гоголь Н. В. 15, 45, 47, 135, 137, 138, 219, 229—231
 Голицын М. Н. 237
 Головкин, домовладелец 206
 Головкина, домовладелица 206
 Головнин А. В. 63
 Гольман А. 209, 212
 Гончаров И. А. 214, 217
 Горбунов К. 219
 Горленко В. П. 202, 205
 Горчаков М. И. 223
 Горький А. М. 15—17, 23, 24, 102, 202
 Гофман М. Л. 103
 Грановский Т. Н. 154, 162, 163, 219
 Гречанинов А. Т. 239
 Грибоедов А. С. 71
- Григорович Д. В. 92, 147, 204, 208, 209, 211—213
 Григорьев А. 100
 Григорьян К. Н. 1, 117—132
 Грог Я. К. 140
 Губер П. К. 141
 Гутенберг И. 217
 Гучков А. И. 18
 Гюго В. 141
- Даль В. И. 53, 95, 96, 99, 104, 151, 248, 249
 Данненберг К. А. 202, 203
 Дельвиг А. А. 214
 Денисюк Н. 83
 Диккенс Ч. 217
 Димитриев Ф. М. 90
 Добролюбов Н. А. 7, 8, 11, 12; 16, 23, 29, 30, 42, 43, 57, 60, 64, 69, 71, 72, 78, 81, 92—94, 97, 98, 102, 106, 107, 116, 120, 126, 141, 169, 179, 214, 217, 220, 226, 230, 232, 234—236
 Долгинцева Н. А. 251
 Долгушин А. В. 257
 Долинин А. С. 210
 Доссе, см. Гассе
 Достоевский Ф. М. 15, 16, 143—145, 210, 223, 224
 Дрожжин С. Д. 219
 Дружинин А. В. 71, 211, 212, 234
 Дубенский, домовладелец 204
 Дыдыкин Н. В. 239
- Евгеньев-Максимов В. Е. 2, 27, 31—50, 103, 137, 155, 156, 162, 163, 166, 183, 193—197, 201, 205, 224, 226—228, 238, 268
 Егише Е. 126
 Еголин А. М. 2, 10, 14—31, 33, 86, 87, 101, 103, 111
 Еланская В. 86, 103, 104
 Елец Ю. А. 207
 Елисеев Г. З. 218, 228
 Ераков А. Н. 35, 252, 255, 256
 Ераковы 222, 223
 Ефремов П. А. 216, 218, 219, 223;
- Жаров А. А. 30
 Жданов А. А. 8, 27, 29, 226.
 Жилкин С. 263
 Жуковский В. А. 214
 Жуковский Ю. Г. 183
- Забелин И. Е. 162.
 Зарьян Р. 127

- Засодимский П. В. 224
Зауревейд Н. 230
Захаров М. 227
Звягинцева В. 124
Зиновьев, домовладелец 204
Золкин Б. Ф. 194
Зотов В. Р. 215
Зыков И. 230
- Иванов Е. 208
Иванчин-Писарев А. И. 228
Ильенков П. А. 199
Имзен К. 212
Инсарский В. А. 201
Иоаннисан И. 127, 128, 131, 132
Исаковский М. В. 8, 11, 30, 230
- Кавур К. 78
Калашников И. Т. 136
Каратыгин П. А. 136
Катерли Е. И. 29
Катков М. Н. 83
Каховский П. Г. 214
Кетчер Н. Х. 162, 163, 213
Киреевский И. В. 106, 140, 142
Клементьева К. 230, 235
Ковалевский В. И. 228
Козлов В. В. 239
Козлов П. А. 151
Колас Я. 30
Колбасин Е. 164, 200
Кольцов А. В. 24, 69
Комлев Л. 230
Кони А. Ф. 220, 223, 262, 263
Кони Ф. А. 137, 205, 206
Коновалова К. В. 86
Коншина Е. Н. 155
Короленко В. Г. 11, 12
Коссов И. К. 199
Костомаров В. Д. 74
Котляревский Н. А. 10, 22
Кохановская (Н. С. Соханская) 100
Коцебу А. 81
Крабб Ж. 54
Краббе Н. К. 250
Краевский А. А. 212, 215, 218, 224, 262
Крамской И. Н. 7, 220, 225, 228, 229
Крачковский И. Е. 230
Кривенко С. Н. 201
Крылов И. А. 172
Кубиков И. Н. 103, 104
Кукольник Н. В. 134
Купала Я. 30
- Курочкин В. С. 170, 173, 181—183
Курочкин Н. С. 253
- Лаврецкий А. 82
Лавров П. Л. 108
Лазаревский В. М. 219, 250—254, 258
Ларра М.-Ж. 77
Лебедев Б. 234
Лебедев-Кумач В. И. 11, 30
Левашов В. Я. 117
Лейкин Н. А. 62, 216—219
Лемке М. К. 151, 188
Ленин В. И. 8, 10, 15, 16, 18—20, 23, 26, 28, 33, 55, 60, 61, 66, 67, 76—78, 110, 120, 133, 150, 152, 154—156, 169, 171, 175, 225, 226
Лермонтов М. Ю. 24, 30, 70, 120, 124, 125, 131, 138, 224
Лесков А. Н. 223
Лесков Н. С. 23, 223
Лисенков И. Т. 206
Ловягин А. М. 218
Лозинский М. 129
Ломан О. В. 226—236, 244—268
Лонгинов М. Н. 171, 210, 215
Лонгфелло Г. 218
Лопатин, домовладелец 210
Лорис-Меликов М. Т. 206, 207
Луначарский А. В. 33
Лутковский, губернатор 221
- Мадатов В. Г. 117
Майков А. Н. 177, 223
Майков В. Н. 145
Майков Л. Н. 109
Майский И. М. 75
Макашин С. А. 216, 250, 258
Максимович А. Я. 165, 166, 170, 172
Максимович М. А. 68, 88, 165
Марков Е. 59, 103
Маркс К. 15, 16, 108, 118, 119
Марченко А. Я. 148, 149
Маторина Р. П. 154, 156
Мачтет Г. А. 32
Маяковский В. В. 8, 10, 30, 46, 185
Межевич В. С. 134
Метченко А. И. 10
Мещерский В. П. 108
Миллер О. Ф. 103, 254
Милютин Н. А. 219
Минаев Д. Д. 67, 177, 178
Минаев Д. И. 143, 148
Минаева У. В. 265

- Минай 235
 Миронов И. В. 265, 267
 Миронов Н. И. 266
 Михайлов М. Л. 52
 Михайловский Н. К. 109, 110, 252
 Мицкевич А. 220
 Молилари де Г. 80
 Молчанов Н. 134
 Мордовченко Н. И. 136, 145
 Морозов Н. А. 215
 Муравьев М. Н. 75
 Мурадели В. 102
 Мусин-Пушкин М. Н. 164, 229
 Мусоргский М. П. 239
- Налбандян М.** 123—125, 127
Наумов А. 230
 Наумов, домовладелец 209
 Нарышкин А. П. 206
 Неведенский С. 83
 Некрасов А. С. 194, 196, 197, 212, 217, 229
 Некрасов К. А. 222, 252, 261, 265
 Некрасов Н. А. 1—268
 Некрасов С. С. 195
 Некрасов Ф. А. 216, 246, 250—252, 254, 260, 261
 Некрасова Е. Ф. 228
 Некрасова З. Н. (Ф. А. Викторова) 48, 216, 220, 222, 246, 251, 252, 260—262, 265, 266
 Некрасова Н. П. 201, 216, 246
 Некрасова-Рюмлинг Е. А., рожд. Иванова, по первому мужу Фон-Фок 217—219, 228
 Никитенко А. В. 72
 Никитин И. С. 151
 Никитский П. П. 230
 Николай I 23, 53—55, 73, 151
 Нистрем К. 200, 203, 206, 207, 210, 211
 Новахович М. Л. 147
 Новожилова А. И. 267
 Новожилова М. И. 251, 263
 Норов П. Д. 214, 215
- Ованисян О., см. Иоаннисян И.**
 Огарев Н. П. 74, 151
 Одоевский В. Ф. 138, 214
 Окулов, домовладелец 203
 Орловский В. 230
 Островский А. Н. 7, 88, 92, 98, 218, 253, 262
 Острогорский В. П. 218
- Панаев В. А. 199, 202, 223
 Панаев И. И. 141, 210, 211, 214—216, 230
 Панаева А. Я. (Головачева) 152, 156, 158—160, 208, 210, 213, 214, 216, 219, 220, 233
 Панфилов О. 265
 Папковский Б. В. 250, 258
 Патканян Р. (Гамар Катина) 121—123, 127
 Пахомов А. 230
 Переверзев В. Ф. 15
 Петров, домовладелец 209
 Петров А. Г. 36
 Петров С. П. 265
 Петрова Е. 212
 Пирогов Н. И. 214
 Писарев Д. И. 53, 67, 175
 Плеве В. К. 41
 Плетнев П. А. 140
 Плеханов Г. В. 15, 18—22, 224
 Плещеев А. А. 221—223
 Плещеев А. Н. 218, 252, 253
 Плотников, домовладелец 203
 Погребов, домовладелец 210, 211
 Погребова М. Г. 211
 Подолинский А. И. 151
 Покровский Н. 108
 Полевой Н. А. 134
 Полежаев А. И. 24
 Полетаева Ф. А. 217
 Полонская Е. 129, 130
 Полонский Л. А. 259
 Полонский Я. П. 177, 181, 253
 Пономарев С. И. 53, 152
 Попов А. В. 193, 240, 243
 Попов П. С. 211
 Поступальский И. 132
 Потанин Г. Н. 217, 218, 220
 Потебня А. А. 106
 Потто В. А. 207
 Прибылов П. А. 245
 Пуришкевич В. М. 18
 Пушкарев И. 200
 Пушкин А. С. 15, 22—24, 27, 28, 33, 65, 69, 70, 102, 120, 124, 131, 188, 214, 218, 219, 224, 229—232, 234, 235, 240, 268
 Пушкин, генерал, см. Мусин-Пушкин М. Н.
 Пыпин А. Н. 24, 25, 80, 106, 210, 211, 217, 222, 235, 236, 260
- Радищев А. Н. 240
 Раевские 234
 Растопчина Е. П. 72, 73

- Растрелли В. В. 208
 Редер А. 219, 234
 Рейсер С. А. 141, 198—225
 Рибковский Н. 225
 Рождественская К. 86, 103, 104
 Розанов И. Н. 100
 Розен А. Е. 232
 Розенгейм М. П. 58, 59
 Рштуни В. 119, 120
 Рыбников П. Н. 104, 106, 231
 Рылеев К. Ф. 24, 231
 Савельев А. П. 155
 Саводник В. Ф. 100
 Сакулин П. Н. 104
 Саламаткин Л. И. 230
 Салтыков М. Е. (Н. Щедрин) 7, 16, 23, 26, 40, 47, 57, 63, 64, 69, 72, 75, 76, 80, 82, 83, 96, 102, 106, 120, 218, 222, 229, 258, 262
 Салтыкова С. М., в замужестве Дельвиг 214.
 Самарин Ю. Ф. 91, 141
 Санд Ж. 91, 92, 231
 Саркисян Х. 124
 Сахаров И. 106
 Седунов В. С. 263
 Сезеневский П. И. 250
 Семен А. 153
 Серно-Соловьевич Н. А. 52
 Сильчевский Д. П. 226
 Скабичевский А. М. 199, 201, 217—219, 250, 252, 254, 257
 Скафтымов А. П. 93, 94
 Скрецницкий А. 214
 Славутинский С. Т. 179
 Слезская З. 263
 Слепцов В. А. 57, 61, 62
 Снегирев И. 95
 Снеissorев С. 223
 Соболевский А. И. 87, 88, 99
 Соколов П. П. 208, 209, 230
 Соколов Ю. М. 86, 103—105, 110
 Солдатенков К. Т. 152—156, 162—164
 Соллогуб В. А. 135, 137—141
 Спендиарова Т. 127
 Сталин И. В. 8, 14—17, 29, 30, 208
 Стасов В. В. 106
 Стасюлевич М. М. 193
 Степанов Н. 234
 Степанян К. 119
 Страхов Н. Н. 69, 103
 Строганов А. С. 221
 Студитский Ф. 116
 Суворин А. С. 74, 201
 Сурков А. А. 30
 Сушков Н. В. 134, 148
 Сушков Н. П. 204
 Тарасов А. Ф. 237—243
 Твардовский А. Т. 8, 30
 Тимашев А. Е. 258
 Толстой А. К. 24
 Толстой Л. Н. 7, 16, 211, 219
 Трепов Ф. Ф. 221
 Трофимов, купец 199—201
 Трубников, домовладелец 210
 Тулубьев А. Д. 208, 209
 Туманян О. 120, 126, 130, 131
 Тургенев И. С. 7, 21, 22, 25, 70, 73, 106, 151, 155, 156, 164, 217, 219, 232, 246—248
 Тынянов Ю. Н. 104
 Тютчев Ф. И. 177, 223
 Урусова Е. Н. 209, 210
 Успенский Г. И. 7, 231, 252, 254, 255, 261
 Успенский Д. И. 199, 200
 Утин Е. И. 224, 259
 Федоров Б. М. 135
 Федосова И. А. 86, 108—110, 115, 116
 Фермор Н. Ф. 201
 Фет А. А. 24, 151
 Фигнер Н. Н. 224
 Филиппов Т. И. 68, 69, 88—93, 95, 100
 Флит А. М. 29
 Фролова Т. Д. 169—190
 Хомяков А. С. 91, 142
 Христофоров Л. 117
 Худяков И. А. 106
 Цатурьян А. 120, 128—130
 Цылов Н. И. 200, 202—207, 209—212, 214
 Чайковский П. И. 239
 Чемоданов М. М. 74, 75
 Чернышевский Н. Г. 7—9, 11, 16, 18, 21, 23, 29, 33, 41—43, 47, 52, 55—57, 60, 61, 68, 69, 72, 74, 76—78, 80—82, 91—94, 97, 102, 106, 107, 116, 120, 123, 126, 141, 151, 158, 175, 209, 210, 216, 217, 219, 220, 222, 226, 230, 232, 234—236, 243, 257, 258, 267
 Чибисова-Некрасова Е. Л. 228
 Чижов М. А. 224, 239, 242, 254
 Чистов К. В. 86, 102—116

- Чуковский К. И. 27, 31, 51—85, 103—105, 152, 155, 158, 165, 185, 208
Чулков Н. П. 195
- Шамориков** И. 86, 103—105, 114, 116
Шауман или **Шоман** П. И. 206
Шахазис Е. 126
Шахазис С. 124—127
Шевченко Т. Г. 231
Шевырев С. П. 92
Шейн П. В. 104, 232
Шекспир В. 125, 231
Шелгунов Н. В. 78
Шеллер-Михайлов А. К. 228
Шенье А. 77
Шиллер Ф. 219
Шитов А. 122
Шлиппенбах К. А. 214
- Щанкин** Д. М. 203, 205
Щепкин Н. М. 153
- Щепкина-Куперник** Т. Л. 218
Щербатов Г. А. 164
Щербина Н. Ф. 151
- Эйхенбаум** Б. М. 104
Эльсберг Я. Е. 76, 82
Энгельс Ф. 15, 108, 118, 119
- Юз-Баша** И. 117
Юргенс, домовладелец 213
- Яблочков** П. Н. 7, 224
Языков Н. М. 142
Языкова Е. А. 219, 234
Яковлев, каретник 208
Якушкин В. Е. 219
Якушкин П. И. 62, 63, 99
Ямпольский И. Г. 177, 178
Ярлыкова А. М. 228
Яцевич А. Г. 214
-

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Н. А. Некрасов. Гравюра И. Пожалостина с портрета И. Н. Крамского. 1878 г. Ленинград. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.	Фронтиспис.
Титульный лист сборника «Последние песни», 1877 г. С автографом: «Милому Александру Еракову на память Н. Некрасов». Ленинград. Из собрания Г. А. Бялого	35
Автограф стихотворения Н. А. Некрасова «Зине», 1877 г. Ленинград. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР	49
Титульный лист сборника «Стихотворений». 1856 г.	153
Дом № 18/20 по Свечному переулку. Здесь Н. А. Некрасов жил в июле 1840 г. Фот. С. А. Рейсера. 1950 г.	203
Дом № 31 по Разъезжей улице. Здесь Н. А. Некрасов жил в апреле 1842 г. Фот. С. А. Рейсера. 1950 г.	207
Дом № 19 по наб. р. Фонтанки. Здесь Н. А. Некрасов жил с октября 1846 г. Фот. С. А. Рейсера. 1950 г.	211
Дом № 10 по ул. Софьи Перовской. Здесь Н. А. Некрасов жил с октября 1855 г. до августа 1856 г. Фот. С. А. Рейсера. 1950 г.	213
Дом А. А. Краевского по Литейному пр., № 36. Здесь, в квартире № 4, Н. А. Некрасов жил с августа 1857 г. до конца жизни. Из альбома Ф. Баганца. 1858—1860 гг. Ленинград. Музей истории и развития Ленинграда	215
Государственный Мемориальный музей Н. А. Некрасова в Ленинграде. Кабинет. Письменный стол Н. А. Некрасова. Фот. 1950 г.	227
Государственный Мемориальный музей Н. А. Некрасова в Ленинграде. Кабинет. Камин. Фот. 1950 г.	229
Государственный Мемориальный музей Н. А. Некрасова в Ленинграде. Столовая. Фот. 1950 г.	231
Государственный Мемориальный музей Н. А. Некрасова в Ленинграде. Спальня. Место, где умер Н. А. Некрасов	233
Карабиха. Центральное здание усадьбы со стороны двора. Фот. 1949 г.	239
Карабиха. Вещи, принадлежавшие Н. А. Некрасову. Фот. 1949 г.	240
Карабиха. Бюст Н. А. Некрасова работы М. А. Чижова. 1906 г. Бронза. Фот. 1949 г.	241
Чудовская Лука. Домик Н. А. Некрасова. Фот. П. В. Иванова. 1949 г.	247
Чудовская Лука. Река Кереть за домиком Н. А. Некрасова. Фот. П. В. Иванова. 1949 г.	249

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
<i>ДОКЛАДЫ</i>	
Н. Ф. Бельчиков. Вступительное слово на I Всесоюзной конференции по изучению жизни и творчества Н. А. Некрасова	7
А. М. Егголин. Основные проблемы изучения творчества Некрасова на современном этапе	14
В. Е. Евгеньев-Максимов. Поэтическое завещание Н. А. Некрасова. (Сборник «Последние песни»)	32
К. И. Чуковский. «Эзопова речь» в творчестве Н. А. Некрасова	51
Б. Я. Бухштаб. К истории стихотворения Н. А. Некрасова «Катерина»	86
К. В. Чистов. Н. А. Некрасов и народное творчество. (Задачи изучения)	102
К. Н. Григорьян. Н. А. Некрасов и армянская поэзия	117
М. М. Гин. Н. А. Некрасов-критик в борьбе за натуральную школу	133
А. М. Гаркави. История создания Некрасовым первого собрания «Стихотворений» (1856)	150
Т. Д. Фролова. Незавершенный сатирический цикл Н. А. Некрасова	169
<i>СООБЩЕНИЯ</i>	
Б. Я. Бухштаб. К биографии Н. А. Некрасова	193
С. А. Рейсер. Н. А. Некрасов в Петербурге	198
О. В. Ломан. Музей Н. А. Некрасова. (Краткий обзор последних поступлений)	226
А. Ф. Тарасов. Мемориальный музей Н. А. Некрасова в селе Карабихе	237
О. В. Ломан. Усадьба Н. А. Некрасова Чудовская Лука	244
Указатель личных имен	269
Список иллюстраций	275

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *В. А. Браиловский*
Художник *Н. Н. Седиков*
Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Корректор *В. К. Загорская*

*

РИСО АН СССР № 4608. Подписано к печ. 17/IX 1951 г. М-37527. Бумага 70×108/18.
Бум. л. 8⁵/8. Печ. л. 23.63+1 вклейка. Уч.-изд. л. 19.5. Тираж 5000. Заказ № 28.
Цена в переплете 19 р. 50 к.

1-я типография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, Вас. Остр., 9 лин., 12